МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина)

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИНФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИЯ ОБЩЕСТВО

ИКО 2022

ТРУДЫ XIX ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

2 - 3 февраля 2022

Санкт-Петербург, 2022

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ “ЛЭТИ” им. В. И. УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА)

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИНФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИЯ ОБЩЕСТВО

ИКО-2022

ТРУДЫ
XIX ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
2 – 3 февраля 2022 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2022

УДК 1+3+81

Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2022): Труды XIX Всероссийской научной конференции / Санкт-Петербург, 2 – 3 февраля 2022 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2022. – 379 с.

ISBN 978-5-7629-2965-3

Научная конференция ИКО–2022 представляет собой 19-й этап междисциплинарного проекта, направленного на исследование актуальных проблем развития общества и человека в XXI веке. В публикуемых материалах, представленных исследователями, работающими в различных областях социогуманитарного знания (философии, социологии, политологии, истории, лингвистики, теории коммуникации и др.), обсуждаются философия в цифровую эпоху; социологические и социально-политические исследования в цифровую эпоху; цифровое настоящее университета: социальные ресурсы и риски, парламентаризм в России: прошлое и настоящее; лингвистические исследования в цифровую эпоху; а также уделяется внимание трансформации стратегий профессиональных коммуникаций в цифровом обществе.

Редакционная коллегия: д. филос. н., проф. ***Иванов Андрей Федорович*** (*Главный редактор*); к. т. н., доц. ***Гигаури Нина Константиновна*** (*зам. Главного редактора*); к. филос. н., доц. ***Пирайнен Евгения Викторовна*** (*ответственный секретарь*); к. т. н., доц. ***Гаркуша Владимир Николаевич***; д. и. н., проф. ***Калашников Владимир Валерьянович***; к. полит. н., доц. ***Строгецкая Елена Витальевна***; д. филол. н., доц. ***Шумков Андрей Арнольдович***

ISBN 978-5-7629-2965-3

© Авторы публикаций, 2022

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

XIX-я Всероссийская научная конференция с международным участием «Информация – Коммуникация – Общество» проходит в условиях очередного, третьего по счету, года глобальной коронавирусной пандемии. Человеческая цивилизация находится в точке бифуркации, детерминированной сложнейшим комплексом противоречий (онлайн–оффлайн, реальное–виртуальное, человеческий разум–искусственный интеллект, человек–постчеловек и многие другие). В этом крайне неустойчивом VUKA-мире, рожденном в ходе 4-й технологической революции, определяется цивилизационная и культурная эволюция человека и социума в третьем тысячелетии. Станет ли модель VUCA Prime драйвером выхода из цивилизационного кризиса? Обсудим.

В современных противоречивых реалиях приоритетной задачей для академического сообщества становится объективное и системное осмысление экзистенциальных, социокультурных и технологических ориентиров. Мы надеемся, что наша творческая дискуссия внесет свой вклад в осмысление нового трека развития человека, общества, цивилизации.

Мы гордимся тем, что вот уже более 20 лет научная конференция «Информация – Коммуникация – Общество» выступает профессиональной площадкой для осуществления междисциплинарного полифонического диалога исследователей, работающих в различных областях социогуманитарного знания.

Пожелаем же друг другу успехов, счастья и благополучия, новых идей, эффективных социальных практик, сохранения старых связей и приобретения новых партнеров и друзей.

ОРГКОМИТЕТ ИКО–2022

УДК 165.12

Е. М. Ананьева (*Санкт-Петербургский государственный университет*, e-mail: e.ananeva@spbu.ru)

ЭНИГМА ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У ГАДАМЕРА

В статье рассматривается концепция эстетического сознания как важнейшая составная часть герменевтической теории Х.-Г. Гадамера в ее связи с платоновской идеей Блага, эстетической теорией Канта и Гегеля и современной трактовкой антропологического измерения гуманитарного знания.

Эстетическое сознание, герменевтика, философская антропология, анти-антропология, И. Кант, Г. Гегель

На переломе веков, почти достигнув столетнего возраста, Гадамер закольцевал свой юношеский интерес к проблеме Блага в философии, вернувшись к теме своей первой диссертации (проблеме «Блага» в античной философии [1]) в неожиданном развороте – в диалоге со своими молодыми коллегами он обратился к такому особого рода «благу», как здоровье (этот диалог при публикации получил заглавие «Энигма здоровья» [2]). Я хочу воспользоваться этим греческим наименованием, но мне представляется важным обратить внимание на другую энигму (тайну) философского учения Гадамера – неопределенность и даже отчасти парадоксальность его толкования эстетического сознания.

Может показаться, что в этой составляющей философских построений Гадамера мы тщетно будет искать какой-то тайны – из всех элементов учения о философской герменевтике, как оно представлено в сочинениях Гадамера, его толкование герменевтической природы искусства и, соответственно, теории этого последнего – эстетики, – как кажется, самое очевидное. Однако к своеобразному юбилею со момента выхода из печати «Истины и метода» (в 2020 году исполнилось 60 лет этому событию) интерпретаторы вполне достигли консенсуса в вопросе гадамеровского понимания герменевтической истины и герменевтического метода, а эстетическое сознание остается предметом жарких дискуссий. Таинственность и парадоксальность предложенного Гадамером толкования эстетического сознания проявилась в том, что эта тематическая область вывела его герменевтическую философию за горизонт антропологии и оказалась в позиции оппонирования философскому учению о человеке, что одновременно представляет радикальное оппонирование традиции эстетики Канта и отчасти эстетических теорий немецкого идеализма.

Подобная особенность сначала была подмечена Паскалем Мишо, исследователем современных форм эстетической рефлексии – прежде всего философии ритма [3]. Вслед за тем известный специалист в области истории фило-

софской антропологии Матиас Вунш начал свое монографическое исследование [4] с раздела «Перспективы неантропологического вопрошания о человеке», где прослеживает эту тенденцию от Хайдеггера к Гадамеру. «Мы имеем дело с разными парадигмами вопрошания о человеке: антропологической и неантропологической – поясняет свою мысль М. Вунш – по этой причине важно различать два уровня: уровень философских дисциплин и уровень философских парадигм [4, S. 11]. Смысл аргументации, выстаиваемой в данном докладе – доказать необходимость учитывать этот парадигмальный сдвиг в уяснении основных позиций гадамеровской герменевтики. Загадка эстетического сознания в этом смысле открывает возможность уяснения этих новых настроек рефлексии по поводу человека, его языка и его мира по ту сторону привычных нам в техническую эпоху форм научной рефлексии. Как представляется, общий тренд обсуждения предела «человеческой исключительности» (Ж.-М. Шеффер) [5] вполне внятно выразил свои универсальные притязания описать новое положение человека в мире через уточнение и ограничение его когнитивных способностей, но заложенное в основание такого подхода понимание человека в горизонте дисциплинарной дифференциации наук имеет свои пределы, и опыт обращения к исследованию этих пределов кажется актуальным и доказывает современность философского наследия Гадамера.

Интересным в этом смысле оказывается прочтение Гадамера от завершения к истокам – от работ, представленных в русскоязычном сборнике «Актуальность прекрасного» через «Истину и метод» к ранним сочинениям. Таким образом прослеживаются определенные последовательно проводимые подходы, лейтмотивы творчества Гадамера. В своих студенческих работах, содержательно ориентированных на разбор диалогов Платона и сочинений Аристотеля, прежде всего – этических, Гадамер вступает в продуктивную полемику со своими академическими наставниками – П. Наторпом и Н. Гартманом. Следы этой полемики можно обнаружить еще и в «Истине и методе». Неокантианский тренд во внимании к «образованию понятий» заставляет нас внимательно относиться к тому, какие функции мы вслед за Гадамером усматриваем в одном из главных модусов герменевтического опыта – в опыте языка, – и какими инструментами язык поддерживает эти функции. Если главной функцией языка оказывается обозначение или сообщение, то своеобразным пределом, «совершенством» исполнения этих функций оказывается язык философии с присущей ему строгостью понятий и риторика как искусство убедительной речи.

В каком смысле в этом горизонте могут оказаться самоценными наши усилия понять природу поэтического слова, которое не может соревноваться с философской строгостью и находится в своеобразной оппозиции к риторической убедительности? В том смысле, что встреча с поэтическим словом способна разрушить определенные наши стереотипы в отношении понимания. Продолжая традицию своего учителя П. Наторпа, обнаруживающего «Я-по-

люс» [6, С. 295] нашего знания по ту сторону объективистских установок, Гадамер, казалось бы, движется в сторону поиска в языке максимума субъективной значимости, которое и реализуется в поэтической речи. Но выразительность поэтической речи – «это не внутренний опыт, вынесенный вовне, а скорее способность производить впечатление – можно сказать, оставлять отпечаток, – который мы не переводим обратно в психологическую установку художника. Наоборот, выразительность искусства связана с его способностью открывать перед нами новый возможный мир» [7, P.149]. Поэтому поэтическое слово дает нам своеобразный образец знания о нас и нашем мире в варианте, не похожем на плоды его дисциплинарного оформления, до всякой ориентации на образцы дискурсов отдельных дисциплин. Поэтому, по слову Гадамера, «до всякой дифференциации понимания на различные направления прагмаэтического и теоретического интереса понимание является способом бытия человека, поскольку оно есть способность бытия и «возможность» [6, С. 311].

В этом избегающем объективистских установок смысле Гадамер уже начиная со своей первой диссертации называет такое понимание природы знания «феноменологическим». Вслед за Гуссерлем Гадамер полагает, что поэтический язык «феноменологичен», поскольку совершает спонтанную эйдетическую редукцию, «…приостанавливая позитивность и давая нам образ, возвышающийся над конкретной частностью». Удивительным образом из этого феноменологического толкования вытекает, что в герменевтическом опыте наше понимание всякий раз разное, но одновременно это не означает произвольности понимания как нашего субъективного произвольного действия и разрушения всяких границ истинности. Другое дело, что эта истинность не должна быть выстроена только по модели точных наук. Поэтический язык достигает совершенства, выходя за границы объективного описания мира. Улавливает ли эстетическая теория подобное переключение регистров? В этом аспекте спор традиций в эстетике одновременно оказывается спором парадигм в упоминаемом выше смысле: «… неправильно основывать метафизику прекрасного исключительно на онтологии меры и телеологическом порядке бытия, на которых в конечном счете и покоится классицистская видимость рационалистической эстетики «правил» [6, С. 555].

В том же самом смысле язык способен преодолевать границы риторических образцов. Если слово трактуется нами как действие в отношении собеседника, и убедительная речь получает свидетельство о своей эффективности по тому, оказываемся ли мы поняты нашим собеседником, природа такого понимания логичным образом может быть связана с этически понятым Благом – возможным единством наших представлений об этической значимости. Но для Гадамера вопрос об этической подоплеке такого диалогического понимания – вопрос полемический. Оппонентом такой полемики опять-таки оказывается его учитель П. Наторп. По мысли Гадамера, понимание «…не обязательно предполагает общее этическое основание между говорящим и слушающим. У

Гадамера есть веские основания думать, что диалог не имеет этических предпосылок, но он видит тайну диалога, которая была в центре проблемы платоновской диалектики, разрешаемой в строении языка как понимания (Verständigung) и открытия мира (Welterschlieβung). Воля и склонность к соглашению, предварительные условия любого разговора, согласно Гадамеру, необходимо вытекают из языковой конституции (sprachliche Verfassheit) нашего образа жизни» [8, P. 367].

Языковое измерение нашего существования (Sprachlichkeit) показательным образом может быть прослежено опять же на примере поэтического языка. Его «языковость» может быть тематизирована в терминах мимезиса и выразительности. И при всей потенциальной сложности стоящих за этими понятиями философских предпосылок, можно показать, против какой трактовки понимания они полемически нацелены. Поэтический язык специфическим образом принудителен в предложенных им выразительных формах и оказывается гарантом возвращения к предложенному им инварианту через череду многих «мимезисов» – истолкований и узнаваний его смысла. «В то время как цели общения требуют, чтобы мы изменили наш язык, если он не достигает намеченного эффекта, никто, сталкиваясь с трудным стихотворением, не думает об изменении его языка, точно так же, как никто, сталкиваясь с трудным высказыванием в Библии, не думает об изменении библейского текста» [7, P.148]. В этом отношении эстетический опыт знает тайну более совершенного диалога и более совершенной «языковости», чем риторические модели. Для обострения этой особенности Гадамер противопоставляет нарративность повествовательных жанров литературы (рассказывающих о чем-то) поэзии с ее выразительным арсеналом (показывающей, «как») и обращается к проблеме «эстетической дифференциации». В отличие от дифференциации понятий в философии, поэтический язык также проверяет пределы возможностей выражения смысла на прочность. Интерес Гадамера в этом горизонте обращается к «несемантической» поэзии – Малларме, Рильке, Гельдерлину, Ст. Георге, и в их произведениях Гадамер находит подтверждение своего особого понимания природы языка. «Доводя грамматику предикации до предела, Малларме подражает самым радикальным намерениям Гегеля в области логики: оба доводят предикацию до ее пределов, но оба подразумевают нечто, что не может быть фальсифицировано, то, что оба называли идеей [7, P. 147]. То, что выходит за границы нашего возможного опыта – абсолютное у Гегеля, негативное у Маларме, преодолевает границы частного опыта, но, по мысли Гадамера, тем самым исследует в наших герменевтических усилиях границы нашего опыта в целом. «Явление, составляющее метафоричность и антропоцентризм языка, его художественную форму и творческую силу, служит самоутверждению человека в его самой элементарной форме: только в языке человек имеет доступ к бытию, первоначальной интуицией которого (Uranschauung) это становится» [8, P. 370]. Не ограничиваясь этой интенцией, Гадамер совершает «лингвистический поворот иного рода» [7, P. 165] – возвращаясь к рефлексии по поводу

природы эстетического опыта, открывает его тайну, связанную с миросозидающей силой поэтического языка.

Источники:

1. Die Idee des Guten zwischen Plato und Aristoteles // Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, 1978

2. Gadamer Hans-Georg, The enigma of health: the art of healing in a scientific age. transl. James Gaiger and Nicholas Walker, Oxford, Polity Press, 1996

3. Michon P. Poetique d'Une Anti-Anthropologie: L'Hermeneutique de Gadamer (Problemes & Controverses). Librarie Philosophique J. Vrin. 2000

4. Wunsch M. Fragen nach dem Menschen. Philosophische Anthropologie, Daseinsontologie und Kulturphilosophie. Frankfurt a. M.: Klostermann 2014

5. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М., НЛО, 2010

6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики. М.: Прогресс, 1988

7. Baker J.M., jr. Lyric as Paradigm: Hegel and the Speculative Instance of Poetry in Gadamer's Hermeneutics // The Cambridge Companion to Gadamer. Edited by Robert J. Dostal. Cambridge University Press, 2002

8. Wischke M. Lenguaje y verdad. Sobre la relación entre retórica y filosofía en H.-G. Gadamer // Éndoxa: Series Filosóficas, № 20, 2005, pp. 357–377.

E. M. Ananieva *(Saint Petersburg State University)*

ENIGMA OF AESTHETIC CONSCIOUSNESS IN GADAMER

The article deals with the concept of aesthetic consciousness as the most important component of the hermeneutic theory of H.-G. Gadamer in its connection with the Platonic idea of the Good, the aesthetic theory of Kant and Hegel and the modern interpretation of the anthropological dimension of humanitarian knowledge.

Aesthetic consciousness, hermeneutics, philosophical anthropology, anti-anthropology, I. Kant, G. Hegel

УДК 378.1

О. В. Атаманова (*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна*, e-mail: ataman772@yandex.ru)

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ КАК ЗАЛОГ УСПЕШНОГО ОБУЧЕНИЯ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ

Рассмотрены важные факторы, способствующие организации успешного обучения в смешанном и дистанционном формате – как чтения лекций, так и работы на практических занятиях. Кроме того, указаны некоторые действенные способы получения обратной связи от студентов при таком формате работы, а также способы обработки собранной информации.

Удаленный формат, онлайн-обучение, онлайн-лекция, обратная связь, статистическая обработка данных

В наше время обучение становится все более общедоступным и разнообразным, как по форме, так и по содержанию, что дает возможность практически каждому выбрать удобный формат учебных занятий по желаемому направлению. События последнего времени способствовали активному внедрению онлайн-формата, и сейчас, наверно, сложно найти такое образовательное учреждение, которое без него обходится. И, в связи с этим, все более актуальным становится вопрос об эффективности такого обучения.

Одним из самых проверенных способов контроля качества учебного процесса является обратная связь от студентов.

Под обратной связью будем понимать сведения, получаемые студентом как результат активных действий в ходе образовательного процесса. Эта информация соотносится с ходом учебного процесса и его результатами [1, С. 114; 2, С. 91]. Она может выражаться, к примеру, в дискуссиях по учебным вопросам, комментариях учащихся во время занятий, их отзывах о преподавателе, о курсе, а также в результатах выполнения заданий, тестирования и так далее.

В связи с этим возникают вопросы о результатах в долгосрочной перспективе, будь то, например, подготовка к вступительным экзаменам, профессиональная переподготовка, или получение профессии. Очевидно, что результаты работы оцениваются по-разному. Примером обратной связи, не слишком протяженной во времени, могут служить сведения о поступивших в вуз по итогам подготовки абитуриентов. Однако обратная связь существует и во время обучения, когда учащийся может решать, насколько для него имеет смысл изучать тот или иной курс, у того или иного преподавателя. При этом правильно оценить перспективы обучения удается не всегда. Это связано и с коммерческой

стороной образовательного процесса, при котором материальная выгода играет первостепенную роль, и необходимость изучения дисциплин часто поддерживается маркетинговыми средствами. Очень важную роль при этом играет доверие к преподавателю.

Обратная связь может быть получена в виде письменных отзывов, публикуемых на сайте определенного образовательного учреждения, а также отзывов не читаемые курсы, на тех или иных преподавателей. Обратная связь может также осуществляться путем анонимного опроса обучающихся. При этом можно предложить выполнить градуальные оценки по самым различным аспектам. Это значит, что, например, уровень сложности материала, преподносимого в ходе лекционного занятия, может быть оценен по шкале от 0 до 7, где 7 означает очень сложный материал, 0 – сведения, предельно простые для понимания. Использование градуальных оценок, на наш взгляд, имеет ряд преимуществ. Во-первых, это позволяет избежать крайне негативных оценок даже в тех случаях, когда материал усваивается не полностью, есть вопросы относительно качества обучения. Только в весьма редких случаях, как нам кажется, следует ожидать однозначно отрицательные балльные оценки. Итак, можно говорить о большей объективности градуальных оценок вследствие разнообразия «оттенков черного и белого». Во-вторых, полученные данные могут быть легко обработаны статистическими методами. Это позволит вести статистический учет при условии регулярно проводимых опросов, проводить сравнения и, таким образом, отслеживать динамику изменения учебного процесса от семестра к семестру для определенного преподавателя и определенной учебной группы. При этом недопустимо, на наш взгляд, использовать указанную информацию для оценки профессиональных компетенций, тем более, для их сравнительной оценки для разных преподавателей. Такое сравнение не может дать корректные результаты в силу существенного разброса данных. Однако система градуальных оценок является системой, проверенной временем, и основывается на теории семантического дифференциала, предложенной Ч. Осгудом более полувека назад [3]. Эта система может служить надежным инструментом для каждого из нас, позволит совершенствовать процессы дистанционного обучения, которые, как мы видим, повсеместными стали относительно недавно, и потому, в большинстве случаев, безусловно, нуждаются в доработке.

Что касается статистической обработки получаемого материала по обратной связи, то можно говорить о широком арсенале средств, предлагаемых статистикой. Мы, в свою очередь, считаем нужным отметить шкально-ранговую методику обработки данных подобного рода как методику, доказавшую свою работоспособность [4, С. 20–21].

В настоящее время к нашим услугам есть полезные веб-ресурсы, которые помогают легко позволяющие создать формы для обратной связи. Это, например, Google Forms, Cisco Webex [5] со встроенной функцией организации

опроса. Функция эта удобна не только для тестирования студентов по учебному материалу, но также для оценки понятности информации, представляемой на лекции, того, интересна ли презентация по теме.

К методам обратной связи, конечно, же, относятся оценки учащихся, полученные в ходе обучения, и по этим данным всегда велась и ведется подробная статистика.

Но, как скоро не всякая дисгармония и, тем более, гармония, поверяется алгеброй, то невозможно не упомянуть и о других методах обратной связи, к математике, в общем, отношения не имеющих. Такое явление, как немедленная обратная связь во время занятий, всегда приходит на помощь и позволяет вносить быстрые коррективы в учебный процесс. В связи с этим приведем пример смешанного формата обучения, при котором на занятии некоторые учащиеся присутствуют очно, одновременно с ними другие ученики занимаются онлайн. Темп проведения занятия в таких случаях значительным образом замедляется, что объясняется не только различным уровнем подготовки учащихся, но также техническими «нестыковками». К сожалению, не всегда имеется возможность повлиять на формат обучения, даже если довольно сложно говорить об эффективности. Что касается результата, то он в итоге был достигнут (такое можно утверждать, поскольку речь идет об абитуриентах, ставших впоследствии студентами зарубежных вузов), однако, если говорить о временных потерях и усталости учеников после такого занятия, то напрашивается вывод о том, что рекомендовать такой формат занятий не стоит.

Для дистанционного формата чаще всего используется платформа Zoom, к другим ресурсам относятся, например, MS Teems, Cisco Webex, Jitsi Meet. Если речь идет о лекции, то для преподавателя здесь появляется возможность немного облегчить себе задачу, используя готовые материалы, презентации, аудио- и видеоматериалы и т. д. Что можно сказать об обратной связи в таких случаях? В самом начале необходимо выяснить, насколько хороша слышимость, и скорректировать ее, так как бывает, что во время презентации чат недоступен. Также нужно обязательно попросить участников во время слушания отключить микрофоны и включать их поочередно, и только в случае участия в диалоге. К сожалению, есть и другие отвлекающие факторы, например, использование слишком длинного видеоролика может рассеивать внимание студентов. Полезно бывает включить опцию нейтрального фона. Не стоит забывать о комментировании своих действий технического характера, к примеру, перехода в режим демонстрации экрана. И, конечно, на помощь могут прийти обучающие игры, онлайн-квесты, специальные видеоэффекты – все, что добавляет наглядности, делает занятие нескучным и, значит, способствует успешному усвоению материала.

Использование видеоматериала весьма удобно, такой материал можно просмотрен несколько раз. При очном обучении преподавателю приходится по несколько раз повторять, пока материал не понят. И не всегда студенты

просят повторить, разъяснить то, что непонятно, часто мешает страх показаться глупым, несведущим. Просмотр видео помогает избавиться от комплексов, способствует комфортному обучению, но, конечно же, требует самодисциплины и мотивации. Могут возникать и вопросы, и их как раз можно использовать для улучшения содержания лекционного материала.

По давней традиции, лекционный материал прорабатывается на семинарах, практических занятиях, на которых получить обратную связь намного проще, поскольку количество студентов обычно меньше. Учащиеся вовлечены в процесс, происходит постоянный диалог с преподавателем, и, если что-то остается непонятным, есть возможность немедленно задать вопрос. К сожалению, качество связи не всегда позволяет взаимодействовать оперативно, могут возникать технические неполадки. Иногда бывает неисправна гарнитура у некоторых из участников конференции, и в этом случае нет возможности общаться «голосом». В некоторых случаях учащимися это делается преднамеренно, чтобы избежать активного участия в семинаре. Организатору необходимо контролировать слышимость звука для всех участников с самого начала урока и указывать на чат, который поможет тем студентам, у которых не работает микрофон. Чат особенно полезен во время онлайн-уроков по иностранному языку, так как информация по этому предмету не всегда правильно воспринимается на слух. Можно сказать, что во многом чат онлайн-конференции напоминает привычную всем школьную доску. Но это наше субъективное восприятие. Такая «доска» выручает и при не очень хорошем качестве связи и искажениях звука.

В условиях дистанционного обучения часовые пояса, в которых проживают ученики, могут сильно различаться. Поэтому выбрать оптимальное время занятия бывает сложно. Особенно важным становится взаимодействие с учащимися на различных диалоговых платформах и в чатах. Целесообразно предоставлять запись вебинара для всех, кто не смог к нему присоединиться. Также платформы Goggle и Yandex позволяют каждому из студентов выполнять задания и во многом самому выстраивать свое расписание, получать аудио- и видеозаписи в хорошем качестве. Интерактивный разбор ошибок по итогам самостоятельной работы может быть весьма полезен применительно к такому формату обучения.

Во время онлайн-сессии можно вести конструктивный диалог, обращение к личному опыту студентов, обсуждение интересных вопросов. При этом, конечно же, мы получаем полезную обратную связь, объективную и незамедлительную. Или ее отсутствие, то есть пассивность учащихся, что также указывает на необходимость коррекции содержания и форм представления учебного материала.

Итак, обратная связь, которая всегда имела значение в образовательном процессе, сегодня принимает новые формы, используются разные методики. И, несмотря на стремительные перемены в нашей жизни, результатом которых

становится востребованность одних специалистов и невостребованность других, образование продолжает играть важную роль. И как скоро выбор курса, формата, системы обучения сегодня весьма обширен, обратная связь является тем незаменимым инструментом, который позволяет добиться успеха в условиях жесткой конкуренции.

Источники:

1. Коренев А. А. Обратная связь в обучении и педагогическом общении // Rhema. Рема, 2018. № 2. С. 112–127.

2. Мурзо Ю. Е. Аспекты применения смешанного обучения (Blended Learning) в программах изучения иностранных языков студентами ВУЗов минерально-сырьевого профиля // Высокие технологии и инновации в науке. Сборник избранных статей Международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2020. С. 91–96.

3. Osgood, Ch. The Measurement of Meaning. – Illinois, 1967.

4. Атаманова О. В. Статистическое описание состояния стресса по шкально-ранговой методике // Формирование личности будущего на основе психолого-педагогического анализа: материалы Международной научно-практической конференции. 2018. С. 19–22.

5. Катунцов Е. В., Маховиков А. Б. Использование электронных образовательных ресурсов Сетевой академии Cisco при обучении студентов первого курса // Современное образование: содержание, технологии, качество. Материалы XXIV международной научно-методической конференции. СПб.: 2018. Т.2. С. 170–172.

O. V. Atamanova *(Saint Petersburg Undustrial Technologies and Design University)*

THE PHENOMENON OF FEEDBACK AS THE SOURCE OF SUCCESSFUL ONLINE EDUCATION

Some considerable factors serving successful online and mixed format education, such as lectures, seminars and practices are highlighted hereafter. Also, some effective methods of receiving feedback from students learning under this format and processing the information obtained are considered.

Distant format of learning, online studies, online lecture, feedback, statistical data processing

УДК 140.8

С. С. Баженов (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: bazenovss@rambler.ru)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ОТ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ВЫВОДОВ К МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИМ УСТАНОВКАМ

Рассматриваются позиции по вопросу существования экзистенциального риска для человечества со стороны искусственного интеллекта. Предлагается рассмотрение человека в качестве главного агента ответственности, делается вывод о необходимости перехода к установке о неизбежности развития технологий искусственного интеллекта и совмещением с принципом ответственности, как в области практической, так и в области научно-исследовательской деятельности.

Искусственный интеллект, принцип ответственности, агенты ответственности, экзистенциальный риск.

Эсхатологическая проблема не теряет актуальности во все времена человеческой истории, но в отличие от предыдущих исторических эпох мы как-никогда близки к полному уничтожению себя, как биологического вида. Оружие массового поражения, биологические угрозы и экологический кризис давно занимают свое место в списке причин вымирания человечества. С середины прошлого столетия начались разработки еще одного инструмента, который с одной стороны существенно увеличит возможности человека, а с другой может привести к появлению очередной угрозы существования нашей цивилизации.

Для рассмотрения понятия искусственный интеллект необходимо оговорить, что в настоящий момент речь идет об алгоритмизированных системах вычисления, позволяющих, используя особый математический аппарат, выполнять работу с большими данными, существенно превышающие человеческие возможности. В этом случае используется понятия: «слабый» или «инструментальный» искусственный интеллект, обозначающие, системы, решающие конкретный спектр задач, ограниченный особым математическим аппаратом. В этом случае речь не идет ни о разумности, ни о самосознании. С другой стороны понятия «сильный» и «общий» искусственный интеллект, описывающие перспективные разработки в области информационных системы, способных не только на решение особо сложных задач, но и субъективное восприятие себя и субъекта действия, а главное смысловое понимание выполняемых операций, в противовес механическому выполнению. Также необходимо отметить, что искусственный интеллект мыслится в первую очередь в рамках су-

ществующих информационных и компьютерных систем, которые служат базой для формирования представления о возможных принципах работы указанных объектов. Риск, который подобные системы представляют для человека, можно рассматривать с разных онтологических позиций, которые фактически сводимы к двум противоположным точкам зрения: представляет ли угрозу для существования человека искусственный интеллект или нет. Рассмотрим указанные точки зрения с опорой на тезисы авторов.

1. Позиция Н. Бострома, В. Мюллера: «ИИ представляет угрозу для выживания человечества».

Обоснование, применяемое авторами, основано на логике развития информационных технологий, и представляет магистральный путь развития к простой цели – повышение возможностей вычислительных систем до тех пор, пока они не достигнут, а далее не превзойдут возможности человека [1, 2]. И хотя, такое развитие произойдет не в ближайшие годы, трудно не согласиться с авторами, указывающими на факт, что развитие технологий существенно превосходит биологическую эволюцию человека, а значит подобное лишь вопрос времени. Преобладание вычислительных возможностей ИИ уже в настоящее время широко используется, как при анализе больших данных, так и при использовании технологии таргетирования.

Однако само по себе развитие не представляет угрозу, она связана с тем, что ИИ, который превышает по возможности человеческий интеллект, может выйти из-под контроля. Вслед за потерей контроля, теряется и возможность постановки целей, которые необходимы для человека и его выживания. Не углубляясь в расписывание различных сценариев возможных событий, отметим, что ИИ получив самосознание и автономное целеполагание, может поставить себе в качестве задачи уничтожение человечества. Рассмотрение вопроса о том, насколько реалистично подобное развитие событий, пока отложим, поскольку это требует более детального анализа. Ограничимся на данном этапе формулировкой «ИИ представляет потенциальную угрозу, в виду высокой вероятности выхода из-под контроля человека в будущем».

2. Позиция Т. Уолша, Р. Ямпольски: «ИИ не представляют угрозы для существования человека».

Авторы полагают, что процесс движения к высокому уровню ИИ, с одной стороны требует существенных временных затрат, а с другой, качественного перехода в архитектуре и способах вычисления [3, 4, 5]. В противном случае, при наличии широких вычислительных возможностях, качественный рост содержательной стороны вычислений не возможен или маловероятен. А поскольку подобного рода шаг является необходимым условием сопоставимости с человеческим сознанием – самопонимания, то такая возможность требует совпадения целого ряда условий.

На этом этапе необходимо отметить, еще один интересный эффект, приводимый в статье Мюллером: целевые установки и ценности для ИИ ортогональны, то есть существуют в независимых плоскостях. Что позволяет в одном

случае добиваться любых целей, а в другом осуществлять ценностную оценку поступка. В этой связи вопрос о риске для человека, с одной стороны, обостряется, поскольку действия ИИ не регламентируются ценностными установками, а только программным кодом. С другой стороны, понимание проблемы выводит на уровень закладывания подобного рода мотивов в качестве одной из доминант, регламентирующих принятие решений.

Приведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что риск, который представляет искусственный интеллект для существования человека не может быть однозначно. В этой связи требуется провести рассмотрение еще несколько важных тезисов. Во-первых, следует выявить общие смысловые элементы, которые объединяют приведенные ранее точки зрения на искусственный интеллект. Во-вторых, требуется обозначить целевую мировоззренческую установку, которую человечество предъявляет к разработке описываемых систем.

Вне зависимости от наличия или отсутствия опасности для человека со стороны искусственного интеллекта, очевидным является факт развития подобных технологий. Развитие информационных систем, в настоящее время превышает человеческие возможности для анализа и осмысления информации, выше приведенный пример технологии больших данных частный случай этой тенденции. Человек утрачивает ментальное лидерство, этот процесс со временем будет только ускоряться. Подобный процесс формирует некоторую настороженность, в частности эксперименты с общением чат-ботов и последующим его прекращением [6], который иллюстрирует, как тонка грань понимания между человеческим и машинным интеллектом. В этой связи, опасность для человека могут представлять те алгоритмы и системы, которые сформированы другими программами или алгоритмами, то есть перенос программной функции от человека к информационной системе. Далее следует вопрос о выходе из-под контроля человека: возможен он или нет. Поскольку указанные авторы подходят к его решению с разных позиций, обойдем его, как не интересующий в данном рассмотрении.

Далее обратим внимание на проблему агента ответственности за деятельность искусственного интеллекта. Рассмотрение вопроса начнем с обозначения последовательности событий от момента, когда искусственный интеллект является инструментом человеческой деятельности, до момента, в котором информационная система имеет такой уровень самосознания, что признается человеком в качестве субъекта ответственности за выполнение/невыполнение тех или иных действий. Очевидно, что текущее развитие информационных технологий не достигло второго из описываемых состояний, и поэтому в качестве агента ответственности выступает человека, являющийся автором, владельцем или бенефициаром благ от работы подобной системы. Причина, по которой делается упор на ответственность, в том, что искусственный интеллект выступает в качестве особого средства для достижения целей. В случае,

когда цели могут быть сопряжены с отрицательными последствиям, необходимо обозначить агентов, к которым могут быть предъявлены претензии. Подобная постановка вопроса согласуется с принципом ответственности, предложенным Х. Йонасом, который по мнению Козловой Н. А. интерпретацией категорического императива И. Канта [7, 8]. Если рассматривать экзистенциальный риск в качестве вероятного варианта для человечества, то применение принципа ответственности возможно не только на прикладное использование искусственного интеллекта, но и исследования в указанной области. Также необходимо отметить, как указывалось выше существование риска для человечества вопрос дискуссионный, и, следовательно, применять принцип ответственности, этом случае, необходимо разумно.

Таким образом, технологии искусственного интеллекта становясь частью повседневной реальности человека, меняют мировоззренческую картину добавляя с одной стороны новые страхи, а с другой создавая поле для размышления о способах применения инноваций. Развитие систем искусственного интеллекта – магистральный путь, описывающий будущее, в котором ответственность за применение новых технологий все еще возлагается на человека, а значит налагает на него особую ношу, как в практическом, так и в исследовательском пространстве деятельности. Установка на развитие связывается с принципом ответственности, формируя новый способ понимания значимости проблемы искусственного интеллекта для живущего и будущих поколений, позволяя решить проблему экзистенциального риска, даже в условиях, когда его существование является дискуссионным.

Источники:

1. Бостром, Ник. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Ник Бостром; пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.

2. Müller, V. C., & Cannon, M. (2021). Existential risk from AI and orthogonality: Can we have it both ways? Ratio, 00, 1–12. https://doi.org/10.1111/rati.12320

3. Walsh, T. The Singularity May Never be Near. In Proceedings of the 2nd International Workshop on AI, Ethics and Society (AIEthicsSociety2016) & 30th AAAI Conference on Artificial Intelligence (AAAI-2016), Phoenix, AZ, USA, 2016.

4. Walsh, T. Closer to the machine Technical, social, and legal aspects of AI – Toby Walsh. Australia, Melbourne, Victoria, OVIC – 2019.

5. Yampolskiy, R.V. The Singularity May Be Near. Information. 2018, 9, 190. https://doi.org/10.3390/info9080190

6. Facebook's artificial intelligence robots shut down after they start talking to each other in their own language [Электронный ресурс]: // Independent.co.uk URL: https://www.independent.co.uk/life-style/facebook-artificial-intelligence-ai-chatbot-new-language-research-openai-google-a7869706.html (дата обращения: 19.12.2021).

7. Йонас Х. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации/ Перевод с нем., предисловие, примечания И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2004.

8. Козлова Н. П. Этика ответственности в условиях техногенной цивилизации Ганса Йонаса. Автореф. дис. на соиск. учён. степени кандидата филос. наук: (09.00.05) / МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: [б. и.], 2007.

S. S. Bazhenov *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»).*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FROM ONTOLOGICAL CONCLUSIONS TO WORLDVIEW ATTITUDES

The positions on the existence of an existential risk for humanity from artificial intelligence are considered. It is proposed to consider a person as the main agent of responsibility, it is concluded that it is necessary to move to the installation of the inevitability of the development of artificial intelligence technologies and the combination with the principle of responsibility, both in the field of practical and in the field of research activities.

Artificial intelligence, principle of responsibility, agents of responsibility, existential risk.

УДК 800.92:519.682

О. С. Баннова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: bannova-o@mail.ru);
П. П. Дерюгин (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: deriuginpav@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ СПЕЦИАЛИСТОВ ИТ ИНДУСТРИИ: ЗАМЫСЕЛ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

(При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19)

Основная цель эмпирического исследования определялась как сбор и анализ эмпирических данных, адекватно характеризующих качества ИТ специалистов, которые сформировались непосредственно в зависимости от специфики индустрии. Результаты исследования позволяют определить, каким образом складываются технологические и социальные предпочтения ИТ специалистов относительно развития индустрии и как это влияет на их мир ценностей.

Социальный капитал, ценности, ИТ специалисты, цифровизация

На этапе пилотажных интервью формировалось представление о работниках ИТ индустрии, выделялись ключевые блоки для формирования будущего социального опроса [1, 2]. Посещение специализированных мероприятий, наблюдение и консультации со специалистами ИТ индустрии позволили определить требования к списку респондентов. В интервью приняли участие 13 человек (от 18 до 44 лет, мужчины и женщины, представители разных уровней квалификации).

Сценарий интервью состоял из трех блоков. Первый блок посвящен мотивационным аспектам профессиональной деятельности, заинтересованности данной областью. Второй блок включает вопросы об идентичности, стиле жизни, общении с представителями других профессий, квалификации и различиях между пользователями, любителями и профессионалами. Третий блок раскрывает оценку развития информационных технологий в России по сравнению с другими странами, конкурентоспособности российских ИТ профессионалов.

Посредством метода анализа материалов глубинных интервью была сконструированная по индуктивному принципу модель профессиональной общности [3].

Объяснительная модель, ставшая основой для будущего социологического опроса, дает представление о характеристиках и качествах ИТ специа-

листов по 5 направлениям: отношение к профессиональной деятельности, личные и профессиональные качества, мировоззренческая позиция, отношение к другим людям и цифровые компетенции.

В результате включенности работников сферы информационных технологий в глобальные сети и связи формируется собственная культура. Особые предпочтения, работа с новейшими продуктами, контакты с зарубежными странами, обладание экспертным знанием обуславливают формирование нового взгляда на социокультурную реальность [4, 5, 6]. На данном этапе проявляется некий набор характеристик, свойственных лишь представителям данной общности, что требует эмпирического изучения. Одними из таких характеристик являются стиль одежды, досуг, язык коммуникаций, потребление товаров и услуг, трудовые мотивации, инициативность, исполнительность и другие личностные качества, необходимые для выполнения работы в сфере ИТ.

Как показывает анализ материалов интервью, также важными критериями для эмпирического исследования становятся: важность «командного духа», преобладающего над конкуренцией в пользу взаимопомощи, техническое любопытство, уверенность в стабильности, совершенствование знаний и навыков, доступность получения практического опыта, коммуникационные навыки, потребность в творчестве, инновационный потенциал.

Выявление данных характеристик является ключевым подходом к формированию методики измерения ценностей ИТ специалистов. Полученные результаты позволяют в дальнейшем определить ряд актуальных выводов об особенностях профессиональной группы.

Источники:

1. Дерюгин П. П., Баннова О. С., Камышина Е. А., Попов Р. Е., Сидорова А. Н. Социальное и профессиональное осознание студентами инженерно-технических специальностей наступающей цифровизации (Опыт пилотажного исследования и первые итоги). Дискурс. 2021;7(1):43–56. https://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-1-43-56

2. Кравченко С. А. Формирование сетевого человеческого капитала: методологические контуры концепции // Вестник МГИМО. 2010. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-setevogo-chelovecheskogo-kapitala-metodologicheskie-kontury-kontseptsii (дата обращения: 15.01.2022).

3. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Цзинь Ц., Шиляева А. С. Сравнительный анализ ценностей молодых российских и китайских предпринимателей в координатах менеджмента. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. 2017. С. 267–271.

4. Земнухова Л. В. Информационные технологии как профессиональная среда // Социологический журнал. 2013. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-kak-professionalnaya-sreda (дата обращения: 10.01.2022)

5. Касьяненко И. «Айтишники» как современная профессиональная группа / И. Касьяненко, А. Алабин // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. Т. 9. No 14. С. 98–104

6. Соловьев А. В. Развитие форм социокультурной среды в условиях информационного общества // Аналитика культурологии. 2007. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-form-sotsiokulturnoy-sredy-v-usloviyah-informatsionnogo-obschestva (дата обращения: 15.01.2022)

O. S. Bannova *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);*
P. P. Deriugin *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

THE SOCIAL CAPITAL OF IT INDUSTRY SPECIALISTS: THE PURPOSE OF AN EMPIRICAL RESEARCH

The main goal of the empirical study was defined as the collection and analysis of empirical data that adequately characterize the qualities of IT specialists, which were formed directly depending on the specifics of the industry. The results of the study allow us to determine how the technological and social preferences of IT professionals develop regarding the development of the industry and how this affects their world of values.

Social capital, values, IT specialists, digitalization

УДК. 340.14

В. А. Белов (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: vabelov@etu.ru);

НЕНОРМАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВА

В настоящей статье рассматриваются источники права, которые в теории права источниками права не всегда признаются, тем не менее в правоприменительной практике они могут применяться, также они играют важную роль в жизни общества. Очень важно понимать их правовую природу.

Доктрина, юридическая литература, правовая природа, ненормативный источник, судебная практика, источник права.

В настоящее время традиционно выделяют в теории права несколько основных источников, которые можно обозначить общим термином «нормативные». Однако, в литературе выделят различные виды источников, которые не носят нормативного характера.

Возникает необходимость анализа ненормативных источников, поскольку они тоже играют определенную роль в жизни общества и правоприменительной практике.

Ключевым моментом является то, что признавать источником права. Легального определения источника права не существует, также не существуют определения ненормативного акта. В большинстве случаев в отечественной литературе выделяют только нормативные источники, их классификации, правовой режим.

Если право понимать как систему только нормативных источников, то это узкий подход, а если же в широком слысле, то это в понятие можно включить нормативные и ненормативные источники.

Понятия ненормативного акта не дается, но из анализа нормативных предписаний можно сделать вывод, что если в источнике не содержится норма права, то он не является нормативным.

Одним из ненормативных источников права является правовая доктрина. Обратимся к судебной практике. Например, в определении ФАС Московского округа от 29.03.2005 N КГ-А40/6068-04-П при определении понятия «арбитражная оговорка» идет ссылка на правовую доктрину: «Правовая доктрина трактует арбитражную оговорку как соглашение, не зависящее от других условий договора, как "договор в договоре"» [1].

Однако, можно заметить, что правоприменитель не указывает на доктринальный источник, т. е., не указывает на конкретную статью, комментарий и иную литературу.

Следующим ненормативным источником является юридическая литература. В правоприменительной практике есть примеры, когда при вынесении решения суд использует этот источник, например, одном из решений суда есть ссылка на монографию (например, Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.05.2006, 02.06.2006 по делу N А40-10398/06-108-55), однако так бывает не всегда [2].

Научно-практические комментарии тоже имеют важное значение, поскольку они содержат теоретический компонент, который позволяет в определенных случаях познать сущность определенной правовой категории.

В правовой литературе содержится много позиций, где можно увидеть различные точки зрения по одному тому же вопросу, различные примеры судебных решений по одному и тому же вопросу.

Нередко в рабочем кабинете правоприменителей (судей, прокуроров и т. д.), можно увидеть различные комментарии к кодексам и законам. Правовая литература носит ознакомительно-разъясняющий характер. Может быть полезна как профессиональному правоприменителю, так и обыденному правопременителю. В литературе можно найти важные позиции из судебной практики, а также толкование нормы [3].

Ещё одним немаловажным источником является судебная практика. Несмотря на то, что российская правовая система относится к романо-германской правовой системе, наблюдается тяготение к прецедентной системе.

Судебные акты, содержащие правоприменительную практику, содержат двойственную правовую природу. С одной стороны, они не являются нормативными актами, но с другой стороны они могут применяться при решении конкретного вопроса нижестоящими судами.

Судебную практику можно считать источником права, поскольку у судебной власти есть возможность правотворческой деятельности (ст. 125 Конституции РФ).

Поскольку разъяснения ВС РФ являются для судей обязательными к применению, следует согласиться с теми учеными, которые признают судебную практику высших судов источником права. Наделение судов функцией правотворчества способствует совершенствованию действующего законодательства [4].

Сложившаяся практика в последнее время все больше и больше убеждает нас в том, что в Российской Федерации складывается механизм судебного прецедента [5].

Письма различных федеральных органов исполнительной власти, также являются ненормативными источниками права. Письма федеральных органов исполнительной власти не являются нормативными правовыми актами.

В этой связи, следует учитывать, что письма, в которых разъясняются вопросы применения нормативных правовых актов, не содержат правовых норм,

не направлены на установление, изменение или отмену правовых норм, а содержащиеся в них разъяснения не могут рассматриваться в качестве общеобязательных государственных предписаний постоянного или временного характера.

Можно сделать вывод, что ненормативные источники права призваны устранять определенный пробелы, которые могут возникнуть в рамках механизма правового регулирования. Несмотря на то, что они не содержат норм права, их можно использовать в рамках правоотношений.

Источники:

1. Определение ФАС Московского округа от 29.03.2005 N КГ-А40/6068-04-П. URL: https://base.garant.ru/6273602/ (дата обращения 14.01.2022).

2. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.05.2006, 02.06.2006 по делу N А40-10398/06-108-55 2. URL: https://resheniya-sudov.ru/2005-2006/19628/.

3. Оробинский В. Экзотические источники права // ЭЖ-Юрист. 2014. N 41. С. 1.

4. Свириденко О. М. Судебная практика –источник российского права? // Современное право. 2010. N 10. С. 64–65.

5. Копина А. А. Место судебной практики в системе источников налогового права. Финансовое право, 2008, N 12.

V. A. Belov *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

NON-NORMATIVE SOURCES OF LAW

This article deals with sources of law, which are not always recognized in law theory as sources of law, yet they can be applied in law enforcement practice, and they also play an important role in the life of society. It is very important to understand their legal nature.

Doctrine, legal literature, legal nature, non-legal source, jurisprudence, source of law.

УДК: 323.272

А. Х. Бугазов (*Кыргызско-Российский Славянский университет*, e-mail: abugazov@rambler.ru)

СООТНОШЕНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ УСЛОВИЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ЛЕНИНСКОЕ ПОНИМАНИЕ И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье отмечается, что ленинское понимание объективных предпосылок социальной революции существенно отличается от «исторического объективизма», который был свойственен классическому марксизму. Под объективными условиями Ленин понимал не установление товарного производства, основанного на эксплуатации наемного труда, а степень интенсивности классового антагонизма, вытекающего из данного факта. Таким образом, суть марксизма, по мнению В.И. Ленина, заключается скорее в теории классовой борьбы, а не в развитии производственных сил и экономических формаций. Подчеркивается, что главным и необходимым условием для победы социальной революции является субъективный фактор, а именно – твердое намерение и способность революционного класса на массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить и «покончить с буржуазным государством».

Революция, общество, объективные условия, субъективные предпосылки, власть, политическая партия, государство

Несмотря на историческую удаленность событий 1917 года, они по-прежнему являются предметом дискуссий как научного сообщества, так и вне его пределов. Касаясь актуальных вопросов социокультурной идентификации российского общества и его цивилизационных перспектив, исследователи неизбежно обращаются к историческому опыту своей страны. Одной из наиболее обсуждаемых сегодня тем является вопрос о закономерности революционных событий 1917 года и их неизбежности. Как показывают исследования, большинство россиян считает, что без В. И. Ленина Октябрьская революция не произошла бы. Однако и сторонников идеи того, что революция обошлась бы и без «вождя пролетариата», тоже немало: – 40% участников опроса [1]. Вопрос в контексте продолжающихся «цветных» и т. п. революций отнюдь не праздный.

Советская общественная наука, как и многие современные политологи, представляют октябрьские события 1917 года как проявление объективных законов исторического развития, а В. И. Ленина – как классика «исторического материализма». Другие, говоря о «закономерности» и «объективности» социальных революций, отмечают, что, критикуя своих оппонентов, В. И. Ленин

отвергает не только исторический субъективизм, но и тот «объективизм», который тогда казался «внутренне присущим историческому материализму» [2].

Так, касаясь утверждения Н. К. Михайловского, о том, что люди оказывают влияние на объективный «ход вещей», В. И Ленин, иронизируя над автором, подчеркивал, что «ход вещей» действительно состоит в действиях и «влияниях» людей и «ни в чем ином» [3, Т. 1, С. 417], сводя таким образом мысль известного народника к «пустой тавтологии». Эта ирония в полной мере относится и к другим оппонентам, прежде всего, к Г. В. Плеханову и П. Б. Струве. Они также верили в «объективный ход событий», который не зависит от людей, а единственное различие между ними и Н. К. Михайловским состояло в том, что последний призывал к героической борьбе против объективной силы вещей, тогда как Г. В. Плеханов и П. Б. Струве понимали такую позицию как «субъективизм» [4].

В. И. Ленин же полагал, что всякий объективный ход вещей невозможно было постичь иначе, чем в «понятиях человеческих действий», а сознательную волю индивидов, в свою очередь, «невозможно оторвать от общественных факторов» [3, Т. 1, С. 472]. Иначе говоря, он анализировал историю не как овеществленный процесс, движущей силой которого является безличная необходимость, а «как поле боя, как сцену с людьми в качестве действующих лиц, участие которых подразумевает сознательное или бессознательное отождествление с определенным классом, а значит –сознательный или бессознательный выбор определенных ценностей» [2].

Столь же неоднозначно выглядит позиция В. И. Ленина в споре о капитализме как объективной и необходимой предпосылке социализма. Народники, как мы знаем, настаивали на том, что капитализм не имеет реальной перспективы в России. В. И. Ленин утверждал, что капитализм не только вполне утвердился в России, но и носит «окончательно сложившийся» характер [3, Т. 1, С. 521]. Этот тезис первоначально был высказан в полемике с П. Б. Струве и подробно развит в работе «Развитие капитализма в России». Многие критики марксизма считают, что это утверждение явно не соответствовало действительности и В. И. Ленин преувеличил степень развития производительных сил для того, чтобы оправдать свою революционную политическую деятельность. Представляется, что проблема заключается не в том, что лидер большевиков «недооценивал» отсталость России, а в том, что в своем анализе состояния экономического развития России главным для него был вопрос о преобладающей взаимосвязи между производственными отношениями и силой классовых противоречий. Говоря о полном и необратимом установлении капитализма в России, «Ленин имел в виду установление товарного производства, основанного на эксплуатации наемного труда. Поэтому тезис Ленина относился не к степени капиталистического развития, но к природе и интенсивности основополагающих классовых антагонизмов» [2].

Данная методология прослеживается и в полемике В. И. Ленина с Г. В. Плехановым. Лидер меньшевиков понимал важность развития производительных сил общества и конкретно роль буржуазной демократии как необходимых экономической и политической предпосылок для формирования социалистического движения. В. И. Ленин считал, что «Прогрессивное значение капитлизма состоит именно в том, что он разрушил прежние узкие условия жизни человека, порождавшие умственную тупость и не дававшие возможности производителям самим взять в руки свою судьбу» [3, Т. 1, С. 433]. В таком контексте вполне логично выглядит желание В. И. Ленина «приобрести» всю полноту государственной власти в октябре 1917 года. Как известно, все левые партии, меньшевики и значительная часть самих большевиков были категорически против свержения только что установившегося в стране строя, поскольку для более глубоких социальных преобразований в стране не было абсолютно никаких предпосылок. Последовательным выразителем такой позиции был, как известно, Г. В. Плеханов. «Известно, что у нас осенью 1905 г., – писал он, – некоторые марксисты …считали возможной в России социалистическую революцию, как будто производительные силы этой страны были достаточно развиты для такой революции» [4, С. 164]. Еще более решительно Г. В. Плеханов высказывался относительно октябрьских событий 1917 г. «Несвоевременно захватив политическую власть, – утверждал мыслитель, – русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года» [5, С. 105].

Однако в том-то и дело, что в отличие от других русских социалистов В. И. Ленин видел суть марксизма скорее в теории классовой борьбы, а не в развитии производственных сил и общественно-экономических формаций. То есть, говоря о том, что «Ни угнетение низов, ни кризис верхов не создадут еще революции», если в стране нет «революционного класса», а именно «промышленного пролетариата», В. И. Ленин прежде всего имел в виду не его главенствующее положение в структуре общества, а его способность «претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания» [6, Т. 23, С. 301]. «Когда господа буржуа, – писал он, – … спорили об историческом факторе, они всегда забывали такой фактор, как революционная решимость, твердость и непреклонность пролетариата» [7, Т. 40, С. 249].

В. И. Ленин ясно дает понять, что самым главным и необходимым условием для «победы над «буржуазией» является твердое намерение пролетариата «осуществить свой лозунг "мы скорее погибнем, чем сдадимся"». Причем это условие выступает не просто «историческим фактором, но фактором решающим, побеждающим» [7, Т. 40, С. 249; 8, Т. 41, С. 70]. «…Не из всякой революционной ситуации возникает революция…», а лишь тогда, когда к объективным составляющим «…присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые

действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство» [9, Т. 26, С. 219]. Иначе говоря, смысл октябрьских событий В. И. Ленин понимал как возможность покончить с «буржуазным» государством. «…Абсолютная правда, – замечает Ральф Милибенд, – что главная …задача в «Государстве и революции» – атаковать и отвергнуть всякую концепцию революции, которая не принимает буквально взгляды Маркса о том, что буржуазное государство обязательно должно быть разбито» [10].

«Разбить» государство в октябре 1917 года оказалось не сложно. Социальные процессы в этот момент были настолько подвижны и изменчивы, что никакая теория и никакой опыт не были способны полностью решить накопившиеся проблемы в обществе. Психологическое состояние масс характеризовалось противоречивыми чувствами недоверия и надежды к новым институтам власти. К этому следует добавить разрушения, причиненные продолжавшейся войной, начавшийся хаос в общественном управлении и т. д. Представители практически всех политических партий и движений были убеждены в необходимости коренных перемен в государственном устройстве Российской империи. Но никто не мог предложить, а главное – практически реализовать какую-либо разумную, общенациональную программу действий. Такого рода настроение точно описал К. Ясперс: «Появилось ощущение конца человеческого существования… Это еще не было самым концом, но знание о том, что конец возможен, стало всеобщим» [11, С. 241].

В сложившихся условиях неопределенности и «кризиса эмоциональности» государство не обладало ни силой, ни опытом, ни умением защитить себя. «Власть буквально валялась под ногами», эту фразу часто приписывают В. И. Ленину. Так ли это на самом деле, неизвестно; достоверно, что лидер и теоретик партии социалистов-революционеров В. М. Чернов вспоминал: «Очень часто даже от министров [Временного правительства] приходилось слышать: «если власть не валяется на улице, то она будет валяться, что всякий, кому не лень, может нагнуться и эту власть подобрать и ею овладеть» [12, С. 266]. Что, собственно, и случилось: большевики как наиболее организованная, решительно настроенная сила, во главе которой стояли лидеры с несгибаемой волей и «желанием идти до конца», «подобрала» власть, с которой не могла справиться ни одна другая партия. В этом предпринятом «действии большевиков», причиной которого в первую очередь были «решимость» и «железная воля» В. И. Ленина, заключается ключевой фактор «закономерности» октябрьской революции.

Свидетельством этому является и то, что ни В. И. Ленин, ни его соратники не имели каких-либо реальных планов относительно того, как распорядиться полученной властью. Но этот факт для лидера большевиков не являлся существенным. «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, – цитировал он по этому поводу Наполеона, – а там уже видно будет. Вот и мы ввязались, – продолжает автор, – сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали),

как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу» [13, Т.45, С. 381]. Имелось в виду под «победой» полное уничтожение буржуазного государства. Неудивительно, что политические оппоненты обвиняли большевиков в том, что они являются приверженцами доктрины, которая побуждает людей к «принудительному устроению общественной жизни и человеческой судьбы» [14, С. 119]. Они [большевики], – писал В. М. Чернов, – плывут на гребне вала взбунтовавшейся стихии, всячески расковывают и разнуздывают ее…» [12, С. 267].

Таким образом, сторонники исторического объективизма в действительности оказались по сути, пользуясь марксистской терминологией, «субъективными идеалистами». Сегодня такой подход можно было бы назвать «конструированием социальной реальности» [15, С. 20], а В. И. Ленина и его сторонников – первыми «конструкционистами», на практике занимавшимися «сотворением новых форм культурной жизни» [15, С. 60–66].

Отметим, что здесь не ставится цель дать какую-то оценку советскому периоду истории. Мнения на этот счет, как известно, могут быть диаметрально противоположными. В нашем случае значимым результатом является констатация того, что понимание истории, основанное на игнорировании и принижении роли субъективных факторов, в частности личностных и социально-психологических, выглядит анахронизмом. Без их учета анализ общественных процессов будет не полным и, что особенно важно, не точным.

Разумеется, абсолютизация субъективного фактора, равно как и любых других, в развитии общества недопустима. Деятельность субъектов исторического процесса носит обусловленный характер, но она не имеет универсального объяснения в виде наличия какого-то одного «исключительного» обстоятельства. Жизнедеятельность общества включает в себя множество различных условий, как объективных, так и субъективных, и, как справедливо замечает А. Д. Урсул, «их будет еще больше, поскольку идет процесс осознания будущего развития, которое в принципе неопределенно и многовариантно» [16, С. 33]. Из многообразия этих факторов складывается векторная сила, которая и определяет в каждый исторический момент направленность социальных процессов. Таким образом, можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что если функционирование и развитие общества есть результат деятельности людей, то логично предположить, что мысли и чувства, настроения и установки, которыми побуждается эта деятельность, также относятся к ее основным условиям.

Источники:

1. Без Ленина революция 1917 года бы не произошла, считают большинство россиян. URL: https://ria.ru/20171027/1507687085.html (дата обращения: 03.03.2020)

2. Валицкий А. История русской мысли от Просвещения до марксизма. [Электронный ресурс]. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2013. URL:

https://scibook.net/istoriya-filosofii/rannie-sochineniya-lenina-72825.html (дата обращения: 03.12.2022)

3. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и его критика в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе) (1894–1895) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. С. 347–534.

4. Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма // Избранные философские произведения: в 5 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3.

5. Плеханов Г. В. Открытое письмо к петроградским рабочим // Вопросы истории. 1989. №12. С.102–106.

6. Ленин В. И. Маёвка революционного пролетариата // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1973. Т. 23. С. 296–305.

7. Ленин В. И. IX Съезд РКП(б). 29 марта – 5 апреля 1920 г. Доклад Центрального комитета 29 марта // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 40. С. 233–287.

8. Ленин В. И. Т. 41. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1981. Т. 41. С. 1–104.

9. Ленин В. И. Крах II Интернационала. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 209–265.

10. Милибенд Ральф. «Государство и революция» Ленина. URL: http://scepsis.net/library/id_4001.html (дата обращения: 23.12.2022)

11. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

12. Чернов В. М. Страницы из политического дневника. [Электронный ресурс] // Мысль: Альманах. Пг.: Революционная мысль, 1918. № 1. С.249–268. URL: http://ruslitrev1917.ru/files/attachment/373.pdf (дата обращения: 18.07.2021)

13. Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 45, С. 378-382.

14. Бердяев Н. А. Смысл истории. Опыт человеческой судьбы. М.: Юрайт, 2018.

15. Богуславская В. Ф. Социально-конструкционистский подход в исследовании политической идентичности // Российский психологический журнал. 2008. Т. 5. № 2. С. 60–66.

16. Урсул А. Д. Концептуальные проблемы устойчивого развития // Бюллетень РАН. Использование и охрана природных ресурсов в России. 2005. № 1. С. 30–38.

A. H. Bugazov *(Kyrgyz-Russian Slavic University)*

THE RELATIONSHIP OF THE OBJECTIVE AND SUBJECTIVE CONDITIONS OF SOCIAL REVOLUTION: LENIN'S UNDERSTANDING AND ITS MODERN INTERPRETATION

The article notes that Lenin's understanding of the objective prerequisites of social revolution differs significantly from «historical objectivism», which was characteristic of classical Marxism. By objective conditions, Lenin understood not the establishment of commodity production based on the exploitation of wage labor, but the degree of intensity of class antagonism arising from this fact. Thus, according to V. Lenin the essence of Marxism is the theory of class struggle rather than the development of productive forces and economic formations. It is emphasized that the main and necessary condition for the victory of the social revolution is a subjective factor, namely, the firm intention and ability of the revolutionary class to mass actions strong enough to break and «put an end to the bourgeois state».

Revolution, society, objective conditions, subjective prerequisites, power, political party, state

УДК 81+327

Е. А. Бутина (*Новосибирский государственный педагогический университет*, e-mail: eugeniabutina@gmail.com)

ФЕНОМЕН «ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Цель статьи – исследовать феномен «языковая культура личности» с позиции лингвистики и лингвокультурологии. Приводятся определения понятия «языковая личность», дефиниции термина «культура», рассуждения исследователей относительно взаимосвязи культуры и языка, описываются подходя к пониманию этой взаимосвязи. Отмечается, что исследуемый концепт введен в научный дискурс в сфере лингвистики.

Языковая культура личности, языковая личность, лингвистический аспект, лингвокультурологичекий аспект, культура, научный дискурс, язык, языкознание

В современном обществе значимы коммуникационные процессы, которые являются факторами социальных изменений. На происходящее в обществе все большее влияние оказывает язык, выступающий средством мышления и общения людей, средством овладения, развития и хранения культуры. Язык как культурный феномен формирует лингвистическое и культурное знание личности, ее мировоззрение, основанное на общечеловеческих ценностях. Культурологичность языка – единство языка и культуры, языка и социума. Культура выполняет значимые общественные функции, в частности информационно-коммуникативную и знаковую, которые в свою очередь решают задачу объединения людей в сообщество.

Е. В. Чернявская приводит следующее определение культуры: культура – это совокупность достижений материальной и духовной деятельности человека, формы и способы организации познания человеческой коммуникации [1, С. 445]. Она отмечает, что взаимосвязь языка и культуры – один из актуальных исследовательских вопросов современной лингвистики. В языкознании сложилось два методологических подхода к пониманию взаимосвязи культуры и языка: 1) первый, связанный с именем В. фон Гумбольдта, реализуемый в работе Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова: язык, рассматриваемый в рамках культуры, охватывает «три различных уровня: лексику одного определенного языка в виде своеобразного тематического лексикона культурно-специфических артефактов, коммуникативную деятельность (коммуникативно-речевой этикет) и коллективные нормы и ценности языкового сообщества, которые выражаются в первую очередь в идиоматических единицах»

(цит. по: [1, С. 447–448]); 2) дискурсивно ориентированный, «если под дискурсом понимать в первую очередь коммуникацию и правила коммуникации в разных репрезентативных институтах определенного общества» [1, С. 448]. В. Е. Чернявская отмечает, что «целесообразно рассматривать не только одну культуру и один язык, но различные сферы коммуникации, которые проявляют лексические, прагматические, текстуальные особенности, порождаемые различными коммуникативными условиями функционирования языка и культуры. Такой подход является дискурсивно ориентированным» [1, С. 451].

Язык, культура отражают изменения, происходящие в обществе. Как отмечает А. В. Сахарова, «современная эпоха предъявляет серьезные вызовы человеку как субъекту социально-коммуникативной реальности. Одной из наиболее актуальных проблем в этой связи являются сохранение и воспроизведение форм социальности, способствующих поддержанию конструктивного коммуникативного взаимодействия между членами общества. Соответственно особенно востребованной становится задача формирования субъекта языковой деятельности как целостной, самостоятельной, ценностно наполненной языковой личности, способной к активному творческому освоению языка и разносторонне реализующейся в различных дискурсивных практиках» [2, С. 4].

В настоящее время языковая культура личности подвергается серьезным изменениям вслед за трансформациями, происходящими в обществе под влиянием различных факторов: глобализации, цифровизации, информатизации и т. д. В связи с этим необходимо исследовать феномен языковой культуры личности с целью выявления необходимых качеств, которыми должна обладать современная языковая личность. Так, некоторые исследователи считают, что одним из компонентов должна стать информационная культура: «в сложившихся условиях именно информационная культура личности становится интегральным показателем уровня развития личности» (цит. по: [3]). Следовательно, исследование понятия языковой культуры личности актуально, поскольку оно дает возможность формировать языковой облик личности и социума и определить важность культурных ценностей, которые лежат в основе речевой коммуникативной деятельности.

Составляющими термина «языковая культура личности» являются следующие: языковая личность, культура. Изначально исследование концепта языковой личности осуществлялось в сфере лингвистики, там же определялись векторы его развития. Впервые термин «языковая личность» использовал В. В. Виноградов, обозначая им личность автора текста, которая выражена в языке и через язык, и намечая принципы ее исследования при опоре на тексты, созданные языковой личностью, учете включенности языковой личности в различные коллективные субъекты [4, С. 57].

В 1980-е гг. в российском языкознании происходят актуализация исследования понятия «языковая личность», выработка теории и моделей языковой

личности. Наиболее распространенными являются лингводидактическая концепция Г. И. Богина и лингвистическая Ю. Н. Караулова [2].

По мнению Г. И. Богина, языковая личность – это «субъект речевой деятельности как носитель готовности создавать и принимать произведения речи (тексты)» [5, С. 25]. Согласно Ю. Н. Караулову языковая личность – это «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [6, С. 3].

Как отмечает А. В. Сахарова, «современное поле исследований, посвященных языковой личности, расширяется за счет комплекса лингвистических наук, каждая из которых вносит свой вклад в изучение различных аспектов рассматриваемого феномена» [2, С. 5]. Одной из таких наук является линвокультурология, которая возникла на пересечении лингвистики, культурологии, семиотики, философии, психологии и литературоведения. В. И. Карасик создал лингвокультурологическую модель языковой личности, базирующуюся на «признании неразрывной связи этнокультурных и социокультурных начал в человеке, с одной стороны, и индивидуальных особенностей – с другой» [2, С. 36–37]. Здесь языковая личность понимается как «обобщенный образ носителя культурно-языковых коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [7, С. 22].

Языковая личность рассматривается В. И. Карасиком как единство речевой деятельности и речевой организации человека. Они тесно взаимосвязаны, но не тождественны друг другу, соотносясь как явление и сущность. В речевой организации человека автор выделяет пять аспектов: 1) языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение (сюда входят психические и соматические особенности человека); 2) коммуникативная потребность, т. е. адресатность, направленность на коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив, носителей культуры; 3) коммуникативная компетенция как выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели, компетенцией человек овладевает, в то время как способности можно лишь развить; 4) языковое сознание как активное вербальное «отражение во внутреннем мире внешнего мира»; 5) речевое поведение как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека [2, С. 38–39].

Изучение речевого поведения личности в единстве со сформировавшей ее социально-культурной средой – изучение функционирования языка [8]. Включаясь в систему общественных отношений, личность проявляет себя в общении, выражая усвоенный ею духовно-нравственный и социальный опыт посредством речи, то есть «личность является связующим звеном между языком и культурой» [8, С. 101].

По мнению Т. И. Акатовой, языковая культура личности – это обусловленный языковой культурой общества характер прогрессивно языкового развития личности. При этом реализация свобод и обязанностей личности находится в существенной зависимости от ее языковой активности, детерминирующей определенный уровень языковой культуры. Языковая культура личности проявляется в совокупности представлений, взглядов, чувств индивида, выражающего свое отношение к языку. По ее определению, языковая культура личности – это качество использования средств и возможностей языка, обусловливающее эффективное функционирование человека в обществе, его личностное и профессиональное развитие [9, С. 91–93].

Язык – это часть ментальной, материальной и социальной культуры. Культура – это неоднозначное понятие так же, как и понятие «языковая культура личности» находится на стыке разных наук, междисциплинарная категория.

Источники:

1. Куссе Х., Чернявская В. Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 16 (3). С. 444–462.

2. Сахарова А. В. Формирование языковой личности: социально-философский аспект: дис. … канд. филос. наук. Иваново, 2017. 180 с.

3. Пушкарёв Ю. В., Пушкарёва Е. А. Феномен социальной информации в образовании: современные практики исследования (обзор) // Science for Education Today. 2019. Т. 9, № 6. С. 52–71.

4. Виноградов В. В. О художественной прозе // Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.

5. Богин Г. И. Модель личности в ее отношении к разновидностям текстов: дис. … д-ра филол. наук. Л., 1984.

6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

8. Есина Е. А., Корн М. Г., Ковалёва Г. Н. Генезис понятия «языковая личность» в истории западноевропейской философской мысли // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2(64). С. 101–105.

9. Акатова Т. И. Языковая культура личности как социокультурный феномен // Педагогическое образование в России. 2012. № 2. С. 91–93.

E. A. Butina *(Novosibirsk State Pedagogical University)*

THE PHENOMENON OF "LINGUISTIC CULTURE OF PERSONALITY" IN SCIENTIFIC DISCOURSE: LINGUISTIC AND LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECTS

The purpose of the article is to investigate the phenomenon of "linguistic culture of personality" from the perspective of linguistics and linguoculturology. The definitions of the concept of "linguistic personality", definitions of the term "culture", the reasoning of researchers regarding the relationship between culture and language are described, approaching the understanding of this relationship. It is noted that the concept under study has been introduced into the scientific discourse in the field of linguistics.

Linguistic culture of personality, linguistic personality, linguistic aspect, linguoculturological aspect, culture, scientific discourse, language, linguistics

УДК 659.44

Т. А. Валькова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: tanyavalkova@yandex.ru)
Ю. В. Клюев (*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого*, e-mail: klim-yurish@inbox.ru)

ПРОДВИЖЕНИЕ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТРУМЕНТАМИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

В данной статье изучены особенности выбора инструментов стратегических коммуникаций для продвижения некоммерческих организаций (НКО) в условиях нестабильной эпидемиологической обстановки, проанализированы определения «стратегические коммуникации» и «некоммерческая организация» и практики применения этих категорий. Выявлена эффективность использования цифровых каналов коммуникации с целью продвижения НКО.

Стратегические коммуникации, НКО, социальные сети, SERM, корпоративный сайт.

Специфика функционирования некоммерческих организаций имеет определенные трудности: постоянный недостаток средств, рабочей силы и высококвалифицированных специалистов. В связи с этим при стратегическом планировании продвижения компаний социокультурной сферы возникает основная задача: необходимость постоянного поиска новых креативных и эффективных методов взаимодействия с целевыми аудиториями. В данной статье проведен анализ имеющихся каналов коммуникации с целью определения наиболее эффективных для организаций, осуществляющих благотворительную деятельность. Автором работы применены методы: описание, наблюдение, синтез, дедукция, индукция.

Д. П. Гавра пишет: «Стратегические коммуникации становятся для компании элементом комплексной программы обеспечения долговременных преимуществ в конкурентной борьбе» [1, С. 229]. Категорию «стратегической коммуникации» определяет в своей работе Е. И. Тихомирова: «Стратегические коммуникации предполагают формирование коммуникационной стратегии организации, которая представляет собой широкомасштабную и долгосрочную программу достижения целей фирмы путем использования всех коммуникационных ресурсов и организации коммуникативного пространства, как внешнего, так и внутреннего» [2, С. 45]. Д. П. Гавра считает стратегические коммуникации элементом программы, которая обеспечит компании преимущества в борьбе с конкурентами. Е. И. Тихомирова считает, что коммуникационная стратегия предприятия сама по себе представляет «широкомасштабную и долгосрочную программу».

Имеется широкий спектр инструментов стратегических коммуникаций: внутрикорпоративные и специальные мероприятия, influence-маркетинг, сетевые и корпоративные СМИ, кобрендинг, мультимедийные технологии, интернет-маркетинг (e-mail рассылка, SMM, редизайн сайта), формирование и развитие корпоративной культуры и др. Основной трудностью является продуманный выбор подходящих каналов коммуникации с целевой аудиторией с учетом особенностей компании.

В своей работе И. С. Дзюбак описывает НКО как «организацию, не имеющую извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющую полученную прибыль между участниками» [3, С. 31]. Б. Т. Ищанова дает такое определение: «Некоммерческие организации представляют собой сферу добровольного пространства, организованного коллективными усилиями и направленного на социальные изменения посредством использования и мобилизации имеющихся ресурсов» [4, С. 292]. Некоммерческие организации различаются по направлению деятельности, они могут функционировать для достижения целей в сфере культуры, защиты гражданских прав и свобод, религии, здравоохранения, спорта, социального обеспечения, образования и др. Как правило НКО работают в условиях нехватки финансовых и рабочих ресурсов, вынуждены постоянно искать средства для осуществления своей деятельности.

Главными целевыми аудиториями социально ориентированных некоммерческих организаций выступают:

государство, предоставляющее гранты и субсидии;

бизнес, оказывающий поддержку как партнер или спонсор;

частные жертвователи, оформляющие рекуррентные платежи или осуществляющие единовременный денежный перевод;

СМИ и лидеры мнений, обеспечивающие информационное освещение деятельности НКО;

благополучатели.

На данный момент микроэкономика страдает от ограничительных мер, введенных вследствие пандемии. В связи с этим продвижение НКО с помощью классических инструментов (печатные СМИ и раздаточная рекламная продукция, прямой маркетинг) становится сложнее и менее эффективно. COVID-19 ускорил переход стратегических коммуникаций организаций в digital, что способствовало появлению новых инструментов продвижения и росту использования социальных сетей в PR-практике. За первый год пандемии, по данным издания «Коммерсантъ», в России закрылось более 1 млн. малых и средних компаний [5]. Многие некоммерческие организации вынуждены были переходить на дистанционный режим работы и искать альтернативные инструменты взаимодействия с общественностью.

Но и без карантинных мер в современном информационном обществе наличие официального сайта и страниц в социальных сетях (ВКонтакте,

Instagram, Youtube, Facebook, Одноклассники) обязательно для любой организации, будь то государственная структура, бизнес или НКО. Также в связи с глобальным распространением Интернета, на просторах которого любой пользователь может поделиться своим мнением о товаре или услуге, набирает популярность такой инструмент стратегических коммуникаций, как SERM (Search Engine Reputation Management), который используется для контроля над репутацией компании в поисковой выдаче.

Изучим в качестве примера постановку стратегических коммуникационных целей и выбор инструментов продвижения благотворительного фонда «Доброделы Петербурга».

Процесс разработки коммуникационной стратегии состоял из нескольких этапов. Первый – исследовательский, где описывались направления деятельности компании, ее целевые аудитории, проводились коммуникационный аудит (анализ СМИ, социальных сетей и сайта), ситуационный и репутационный анализ для выявления слабых и сильных сторон, угроз и возможностей организации. В результате SWOT-анализа коммуникаций компании выявлены основные коммуникационные проблемы «Доброделов Петербурга»: низкая узнаваемость бренда, отсутствие его качественного продвижения и ранжирования приоритетных направлений деятельности фонда.

SWOT-анализ коммуникаций благотворительного фонда «Доброделы Петербурга» позволил выявить следующие сильные стороны организации:

Наличие официального сайта;

Наличие официальных сообществ фонда “Доброделы Петербурга” в социальных сетях (ВКонтакте, Одноклассники, Instagram, Facebook, Youtube, Telegram);

Оперативные каналы обратной связи (мобильный телефон, WhatsApp);

Наличие корпоративного чата во ВКонтакте;

Сотрудники открыты для коммуникаций;

Регулярное информирование внешней аудитории о деятельности фонда;

Наличие налаженных контактов со СМИ;

Налажены контакты с инфлюэнсерами;

Наличие постоянного фотографа и оператора;

Осведомленность целевой аудитории о деятельности фонда;

Большое количество благодарственных писем от государственных структур и других НКО;

Наличие паблисити;

Наличие хорошей деловой репутации среди партнеров.

Слабыми сторонами фонда являются:

Отсутствие контент-плана;

Отсутствие выделенного специалиста по коммуникациям;

Нехватка ресурсов для поддержки всех имеющихся коммуникационных площадок;

Отсутствие системы адаптации сотрудников к информационным потокам;

Осведомлена о деятельности фонда узкая аудитория;

Отсутствие хорошей репутации как работодателя.

Главными возможностями являются развитие существующих инструментов коммуникаций и создание новых инструментов, а основными угрозами – снижение интереса сотрудников к внутрикорпоративной информации и рост дефицита фонда заработной платы.

В качестве приоритетного направления автором данной статьи предложен проект «Уроки доброты». Правильно разработанная коммуникационная стратегия обучающих мероприятий по благотворительности позволит сформировать наиболее эффективные способы повышения узнаваемости проекта, его продвижения и повышения лояльности целевой аудитории, что в свою очередь распространится и на благотворительный фонд «Доброделы Петербурга».

Креативная концепция проекта

«Уроки доброты» – пилотное благотворительное мероприятие, к участию в котором будут привлечены учащиеся 9 класса школы № 213 и косвенно их родители. Его потребительская ценность – моральное удовлетворение участников проекта в связи с совершением добрых дел. Ученикам «Уроков доброты» будет предоставлена возможность разработать и провести добровольческую акцию по одному из предложенных направлений: социальное волонтерство, экологическое волонтерство, событийное волонтерство. Для оценки предложенных кейсов предлагается сформировать жюри в составе представителя районного волонтерского центра, учредителя НКО и классного руководителя. По итогам конкурса будут разработаны концепты трех проектов, которые могут помочь той или иной группе благополучателей. Кроме того, участникам проекта – ученикам «Уроков доброты» будут выданы брендированные буклеты с информацией о деятельности благотворительного фонда «Доброделы Петербурга». На первой странице буклета будет опубликован QR-код для добровольных пожертвований от родителей.

Из самых распространенных средств информирования были выбраны наиболее подходящие, чтобы рассказать целевым группам (школьникам, их родителям, СМИ) о проекте «Уроки доброты».

Веб-сайт. Он является ценным средством получения обновленной информации о проекте (оглашение победителей соревнований среди школьников, фотоотчеты с мероприятий, описание решений кейсов команд и др.), а также о достижениях в области благотворительности.

Социальные сети. Официальные группы проекта «Уроки доброты» во ВКонтакте и Instagram. Они предоставят возможность обмена мнениями более глубокой коммуникации с целевой аудиторией. Планируется размещать посты с информацией о прошедших мероприятиях, фотографиями школьных команд-победителей, описанием их решений кейсов, голосованиями за лучшее решение.

Интервью для СМИ, написание пресс-релизов. Статьи в интернет-изданиях газет и журналов, выступления представителей фонда «Доброделы Пе-

тербурга» на телевидении или радио для презентации проекта «Уроки доброты». Любая информация, предлагаемая для СМИ, должна размещаться систематически для постоянного информирования целевой аудитории о проекте.

Таким образом, в данной статье представлены основные характеристики и трудности развития НКО в благотворительной сфере. Уточнены и проанализированы понятия «стратегические коммуникации» и «некоммерческие организации», описаны наиболее эффективные для НКО каналы коммуникации с целевой аудиторией. На примере благотворительного фонда «Доброделы Петербурга» показан алгоритм разработки коммуникационной кампании и алгоритм выбора конкретных инструментов для ее реализации.

Источники:

1. Гавра Д. П. Категория стратегической коммуникации: современное понимание и базовые характеристики / Д. П. Гавра // Век информации. 2015. № 3. С. 229–233.

2. Тихомирова Е. И. Коммуникация и стратегические коммуникации / Е. И. Тихомирова // Петербургская школа PR: от теории к практике: сборник статей. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2015. С. 44–50

3. Дзюбак И. С. Теоретические и нормативно-правовые основы деятельности некоммерческих организаций в системе социального обслуживания граждан / И. С. Дзюбак // Евразийский союз ученых. 2018. № 7-4(52). С. 30–36.

4. Ищанова Б. Т. Некоммерческая организация как самообучающаяся организация / Б. Т. Ищанова // Наука и инновации XXI века: материалы III Всероссийской конференции молодых ученых, Сургут, 01–02 декабря 2016 года. Сургут: Сургутский государственный университет, 2016. С. 291–295.

5. Статья в интернет-издании «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4451916 (дата обращения: 25.12.2021).

T. A. Valkova *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

PROMOTION OF A NON-PROFIT ORGANIZATION WITH INSTRUMENTS OF STRATEGIC COMMUNICATIONS

This article examines the features of the choice of strategic communications tools for the promotion of non-profit organizations (NPOs) in an unstable epidemiological situation, analyzes the definitions of "strategic communications" and "non-profit organization" and the practice of using these categories. Revealed the effectiveness of using digital communication channels in order to promote NGOs.

Strategic communications, NGOs, social networks, SERM, corporate website.

УДК 94

М. С. Волынцев (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: maximvolintsev@gmail.com).

«ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В ПЕТРОГРАДСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1917 г.

В статье рассматривается и анализируется реакция на события в Финляндии со стороны петроградской периодической печати. Особое внимание уделяется рассмотрению печатью вопросов финляндской самостоятельности и нарастания сепаратистских тенденций в Финляндии. Дана общая картина настроений, господствовавших в 1917 г. в столичной прессе.

Финляндия, Временное правительство, пресса, печать, Февральская революция, Петроград.

Одним из первых мероприятий Временного правительства относительно Финляндии стало полное восстановление финляндской автономии 7 (20) марта 1917 г. [1, С. 1]. Была проведена широкая амнистия, в результате которой были освобождены не только представители умеренной оппозиции прежней императорской власти, но и радикалы и сепаратисты [2, С. 110]. Однако эти действия не вызвали единодушной благодарности всего спектра политических движений и партий Финляндии. Назрел вопрос о верховной власти в стране, и проблемы с его разрешением привели к стремительному охлаждению поначалу довольно теплых отношений между Финляндией и Временным правительством. Масла в огонь подливали дискуссии о будущем Финляндии, которые активно проводились в финляндском обществе весной 1917 г. [3, С. 29]. Череда кризисов Временного правительства наглядно продемонстрировала финляндским правительству – сенату, вскоре собравшемуся парламенту – сейму, партиям и обществу слабость новой российской власти, ее неустойчивость и нестабильность, что, в свою очередь, привело к форсированию вопроса о самоопределении Финляндии.

Летом 1917 г. опасность отделения Финляндии от России впервые со всей серьезностью была осознана издателями, авторами и редакторами столичной прессы. Новости из Финляндии вызвали широкое обсуждение среди петроградской печати. Так, плехановская «Единство», комментируя резолюцию чрезвычайного съезда Социал-демократической партии Финляндии, содержавшую тезис о необходимости обособления от России, заявила, что немедленное отделение Финляндии было бы вредно и опасно для обеих сторон. Как отмечалось, «германская угроза русской революции это и угроза финляндской свободе» [4, С. 1]. Немного позже разгромной статьей разразился и сам Г. В. Плеханов. Он писал, что под флагом интернационализма обладающие

большинством в сейме социал-демократы проводят националистическую политику. «Эгоистическое самоопределение Финляндии является угрозой революционному самоопределению народов России», – заключил Плеханов [5, С. 1]. Если социалистическая печать использовала в качестве основного инструмента воздействия освободительную левую риторику, то для правой прессы были характеры апелляции к историческому прошлому, сохранению единства России. Так, в «Новом времени» указывалось, что отделение Финляндии грозит полным разрушением дела Петра Великого и возвратит Россию к допетровским пределам [6, С. 3]. Националистическая «Гроза» писала, что отсоединение Финляндии от России спровоцирует на аналогичный шаг карел [7, С. 2].

Важным фактором, влиявшим на настроения финляндского общества, и, соответственно, на их репрезентацию и толкование в столичной прессе, было пребывание в Финляндии русских войск. Всего в 1917 г. в стране было сосредоточено около 125 тыс. человек [2, С. 119]. К лету 1917 г. они совершенно разложились и начали учинять всевозможные беспорядки в местах дислокации, что вызывало раздражение и недовольство местного населения [8, С. 58]. Как писала общественно-политическая газета «Живое слово», финская пресса ежедневно посвящала целые столбцы «подвигам» русских солдат [9, С. 3]. Начали раздаваться призывы к выводу деморализованной русской армии за пределы Финляндии, что вызвало шквал негодования в петроградской печати. Эсеровская «Воля народа» в ответ на требования финнов негодовала: «В угоду 2-миллионному народу, которому мы добровольно предоставили политическую автономию, мы должны оставить беззащитной столицу государства и подвергнуть опасности всю страну» [10, С. 1]. На важность стратегического положения Финляндии обратила внимание и «Живое слово». Прямо указывалось, что если русские войска уйдут из Финляндии, то туда немедленно вступят германцы, перережут Мурманскую железную дорогу и начнут обстрелы Петрограда. В требовании вывода войск из Финляндии автору статьи была «очевидна деятельность германского генштаба» [11, С. 1]. «Единство» напечатала статью французского публициста Жана Пелисье, который обвинял финнов в «черной неблагодарности» революционной России и, более того, приводил в качестве примера Литву, которая, несмотря на германскую оккупацию, не пошла на «заигрывание с немцами» [12, С. 2].

Обострение отношений между финляндскими властями и Временным правительством летом 1917 г. выдвинуло проблему взаимодействия двух стран на первый план. В разгар июльского кризиса 5 (18) июля 1917 г. финляндский сейм принял большинством голосов «Закон о верховной власти», до этого отвергнутый Петроградом. Согласно его положениям, все правительственные права и функции, за исключением внешней политики и вопросов обороны, передавались сейму [13, С. 16]. Временному правительству удалось выдержать удар, кризис был преодолен. Решением правительства 18 (31) июля сейм был распущен. Большая часть прессы высказала поддержу правительству

в его финляндской политике. Так, ежедневная политическая газета «Отечество» писала, что «манифест о роспуске сейма – единственный достойный и законный выход из создавшегося положения». Газета подняла вопрос о санкциях за своеволие и предположила, что было бы уместно изъять из состава Финляндии подаренную ей Александром I Выборгскую губернию в случае действительного отделения от России. Впрочем, выражалась надежда, что до подобных мер дело не дойдет, и что преданность демократии в финском народе возобладает над «провинциальной мегаломанией и германскими внушениями» [14, С. 3]. В подобных выражениях на роспуск сейма отозвалась практически вся освещавшая вопрос петроградская пресса, за исключением большевистской. Заявление о том, что роспуск сейма – следствие союза русской и финской реакции, «Известия Петроградского Совета» гневно назвали ложью и заявили, что Временное правительство, наполненное социалистами, никогда не посягало на свободу Финляндии, но лишь просило подождать решения Учредительного собрания [15, С. 2]. Как указывалось в «Единстве», сейм своими действиями стремился нанести ущерб России [16, С. 4].

Несмотря на роспуск сейма, отдельные его комиссии, как писала «Живое слово», все еще продолжали работу, а скоро и он сам готовился собраться вновь. Газета призывала правительство дать решительный отпор «наглым финляндцам» [17, С. 1]. Аналогичного требовал и официоз Народно-социалистической партии «Народное слово», настроенный резко против задававших тон в сейме финляндских социал-демократов, обвинявшихся в связях с большевиками [18, С. 1]. Тем не менее, сейм был открыт силой, что с документальной точностью описала петроградская пресса. Социал-демократы сорвали печати с дверей сейма и провели заседание в количестве 80 депутатов. Приняв ряд законов, депутаты разошлись. Заседание длилось 35 минут, правые и центральные скамьи были пусты [19, С. 2]. При этом, как отметила «Отечество», заседание 15 (28) сентября якобы не стало неожиданностью в Петрограде. Посвященные в финляндские дела круги знали об этом ходе и прямо объяснили его совместными совещаниями финских социал-демократов и русских большевиков. Газета предположила, что подобная выходка социал-демократов заставит буржуазные партии теснее сплотиться в преддверии выборов в сейм [20, С. 4]. «Новое время» сослалась на мнение финляндской буржуазной печати о самовольном созыве сейма. Так, «Helsingen Sanomat» писала о поступке социал-демократов как о неслыханной попытке захвата власти одной партией. «Howuts Tagebladet» заметила, что вряд ли даже сами социал-демократы думают, что принятые ими решения как-то повлияют на будущее Финляндии [21, С. 3].

Как известно, на состоявшихся осенью выборах в сейм социал-демократы потерпели поражение, коалиция буржуазных партий получила 108 мест из 200. Отношения между сеймом и Временным правительством начали улучшаться. «Отечество» приводила интервью с членом Юридического совещания при правительстве бароном Б. Э. Нольде, в котором барон сообщал об отсутствии

существенных разногласий между Временным правительством и сеймом. Отмечалось, что «несколько дружественных совещаний, проведенных незадолго до этого, показали готовность финляндцев к уступкам и сотрудничеству» [22, С. 4]. В частности, как писала эсеровская «Дело народа», результаты совещания по вопросам новой формы правления и взаимных правовых отношений России и Финляндии были признаны весьма благоприятными [23, С. 3]. Впрочем, достижение компромисса было сведено на нет последовавшим вскоре октябрьским переворотом и окончательным отделением Финляндии от России.

К числу острых вопросов, стоявших на повестке дня петроградской печати, было предоставление Финляндией денежного займа Временному правительству. Курс рубля стремительно падал, а финская марка сохраняла относительную стабильность, что вынудило правительство обратиться к Финляндии с просьбой о займе [24, С. 176]. Сам факт возможности такого займа ущемлял национальную гордость русской общественности, что не преминули отразить на своих страницах столичные газеты. Требование финляндцев обеспечить заем предоставлением в залог земель, телеграфов и т.п. вызвал всеобщее негодование в петроградской прессе. Как писал Плеханов в «Единстве», Финляндия относится к России как к варварской отсталой стране [5, С. 1]. «Новое время» и вовсе предлагала взыскать деньги с Финляндии насильно, поскольку та не внесла ощутимой лепты в борьбу с Германией [25, С. 3].

Охватившую страну инфляцию также пытались объяснить враждебными происками финляндцев. Так, «Живое слово» сообщала, что, по полученным ею сведениями, в Финляндии при полном попустительстве ее властей действуют германские агенты, скупающие рубли по курсу ниже установленного. Делается это для снижения курса рубля и выигрыша на курсе [11, С. 4]. «Новое время» давала иное объяснение: согласно её данным, Финляндия закупила в США 50 млн. пудов хлеба, а США потребовали за хлеб русскую валюту; поэтому финляндский банк гонит рубль все ниже и ниже, чтобы американский хлеб обошелся как можно дешевле [26, С. 3].

Немаловажным был и национальный вопрос. В печати приводились многочисленные примеры угнетения русского населения в Финляндии, что также весьма болезненно воспринималось гражданами России. «Единство» со ссылкой на речь генерал-губернатора М. А. Стаховича писала о массовом закрытии русских школ [16, С. 4]. «Гроза» сообщала о якобы имевшем место заявлении сенатора О. Токоя о том, что равноправие русского и финского населения в Финляндии явилось бы насилием [27, С. 3]. В «Народном трибуне» В. М. Пуришкевича заявлялось, что русские поставлены в крайне тяжкое положение отказом государственного казначейства Финляндии принимать русские деньги, и вопрошала – не демонстрация ли это независимости [28, С. 1]. Чуть позже газета передавала, что в связи с приездом нового генерал-губернатора Н. В. Некрасова «Dagenpress» будто бы предложила реорганизовать его канцелярию, уволив всех русских служащих с заменой их на финнов [29, С. 4].

Финляндский вопрос был одним из наиболее острых в общественно-политической обстановке 1917 г. Стремительный рост национального самосознания народов России натолкнулся на традиционный великорусский патриотизм, носителем которого являлась значительная часть общественности, от черносотенцев из «Грозы» до эсеров из «Воли народа». Периодическая печать Петрограда живо откликнулась на общественный запрос, развернула широкую кампанию по борьбе с радикальным финским сепаратизмом и продемонстрировала удивительное единство в этом вопросе. Разнообразие методов – от гневных высокопарных проповедей Плеханова до публикации слухов и домыслов «Грозой» и «Народным трибуном», – лишь подчеркивало единство цели и служило общему делу сохранения государства. Российские политические силы, расколотые во мнениях относительно множества второстепенных проблем, были солидарны по поводу территориальной целостности России. Исключение составляли лишь большевики. Значительную роль сыграл и принцип непредрешенчества, согласно которому все действительно важные вопросы, в том числе и финляндский, должно было решить Учредительное собрание. Резкий поворот событий 25 октября (7 ноября) 1917 г. оборвал сохранявшееся, несмотря ни на что, единство России и Финляндии, и вывел вопрос о последней из числа актуальных.

Источники:

1. Вестник Временного правительства. 1917. 8 марта. №3 (49).

2. Новикова И. Н. От автономии к независимости: Временное правительство и Финляндия в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 107–127

3. Кетола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45.

4. Единство. 1917. 11 июня. № 62.

5. Единство. 1917, 25 июня. № 74.

6. Новое время. 1917. 23 июня. № 14810.

7. Гроза. 1917. 11 мая. № 900.

8. Дубровская Е.Ю. Многомерная радикализация: российские военнослужащие, национальные и социальные движения финляндцев в 1917 г. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 65 с.

9. Живое слово. 1917. 11 окт. № 112.

10. Воля народа. 1917. 10 июня, № 36.

11. Живое слово. 1917. 23 июня. № 42.

12. Единство. 1917. 2 авг. № 105.

13. Старцев В.И. Временное правительство и Финляндия в 1917 году // Россия и Финляндия в XX веке. СПб.: Европейский дом; Liechtenstein: Topos Verlag, 1997. С. 6–34.

14. Отечество. 1917. 22 июля. № 6.

15. Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 12 авг. № 142
16. Единство. 1917. 8 авг. №110.
17. Живое слово. 1917. 6 авг. № 78.
18. Народное слово. 1917. 14 сент. № 85.
19. Живое слово. 1917. 16 сент. № 99.
20. Отечество. 1917. 16 сент. № 53.
21. Новое время. 1917. 17 сент. № 14874.
22. Отечество. 1917. 6 окт. № 69.
23. Дело народа. 1917. 5 окт. № 172.
24. Похлебкин В.В. СССР – Финляндия: 260 лет отношений. 1713–1973. М.: Международные отношения, 1975. 408 с.
25. Новое время. 1917. 27 июля. № 14813.
26. Новое время. 1917. 29 июня. № 14815.
27. Гроза. 1917. 9 апр. № 894.
28. Народный трибун. 1917. 8 сент. № 4.
29. Народный трибун. 1917. 14 сент. № 8.

M. S. Volintsev *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

«THE FINLAND ISSUE» IN THE PETROGRAD PERIODIC PRESS OF 1917

The article examines and analyzes the reaction to events in Finland on the part of the Petrograd periodicals. Special attention is paid to the consideration by the press of the issues of Finnish independence and the growth of separatist tendencies in Finland. The general picture of the mood that prevailed in 1917 in the capital's press is given.

Finland, Provisional Government, press, periodicals, February Revolution, Petrograd.

УДК 316.77:659

В. Н. Гаркуша (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: vngarkusha3@gmail.com)

ЦИФРОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В статье рассматривается современное развитие понятий цифровое общество, цифровое мышление, цифровой университет и цифровая культура. Описываются базовые принципы и новейшие тенденции выбора платформ обучения, построения online-курсов и систем управления образованием. Представлены проблемы и вопросы для обсуждения по цифровому мышлению и образованию. Представлены современные тенденции развития систем управления образованием.

Цифровое общество, цифровая экономика, цифровое мышление, клиповое мышление, цифровое образование, цифровая культура, платформы обучения, системы управления обучением.

В настоящее время в образовательной среде продолжается активное обсуждение понятий цифровая экономика, цифровое образование, цифровая культура и аналогичных. Рассмотрим их во взаимосвязи с университетом СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

Информационное общество –создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам, удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах. Развитие электронной демократии, информационной экономики, электронного государства, электронного правительства, цифровых рынков, электронных социальных и хозяйствующих сетей [1]. Естественно, что в цифровом обществе существует цифровая экономика. Протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 25 октября 2016 года № 9 утвержден паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации». Включение приоритетного проекта по созданию цифровой образовательной среды в портфель Правительства Российской Федерации демонстрирует важность задач по развитию новых образовательных технологий [2]. Однако наравне с позитивной оценкой данных понятий появились и негативные статьи, говорящие о конце истории и «цифровом рабовладении».

Какие уже сформировались базовые понятия в образовании, которые необходимо учитывать в любом университете?

Уже давно рядом исследователей предложены термины «цифровое мышление» и «аналоговое мышление».

Цифровое мышление (от англ. Digital mindset) – это совокупность hard и soft skills, значительно упрощающих жизнь в современном технологичном мире. Сегодня появляются первые прототипы электронных паспортов, электронные подписи, цифровые платежные системы без привязки к физическим валютам и банкам. Чтобы пользоваться всеми этими новшествами, нужно перестроить свое мышление на цифровое.

К ключевым чертам цифрового мышления относятся: проактивная позиция, готовность меняться вместе с меняющимся миром, установка на использование цифровых технологий при создании продуктов, услуг, процессов, мышление от задачи пользователя, клиента, следование этическим стандартам цифровой эпохи.

Аналоговое мышление – непрерывное, дающее место всему, расширяющее или сокращающее мир, математический анализ, диалектика.

Еще, по аналогии, к 11 основным видам человеческой памяти (оперативная, долговременная, слуховая, зрительная, тактильная, обонятельная и др.), добавляют цифровую и аналоговую – память на конкретные факты или связи между ними.

Продолжением цифрового мышления считается клиповое. Клиповое мышление считается проблемой целого поколения, а то и двух. Многие связывают его с сетевой зависимостью и видят в нем только негатив. Клиповое мышление – от англ. clip, «фрагмент текста», «вырезка» – тип мышления, при котором человек воспринимает информацию фрагментарно, короткими кусками и яркими образами, не может сосредоточиться и постоянно перескакивает с одного на другое. Таким людям крайне сложно читать или работать над большими текстами, особенно книгами, смотреть длинные видеосюжеты и фильмы. Клиповое мышление противопоставляют системному: тому, которое помогает глубоко погружаться и систематизировать информацию, выполняя все операции последовательно.

Как результат такого мышления появилась клиповая культура. Клиповая культура (англ. clip culture) – термин, предложенный Элвином Тоффлером для описания культуры развитых стран, определяемой господством свойственного для средств массовой коммуникации способа представления и восприятия информации. Особенности клиповой культуры – мозаичность и фрагментарность образа, его яркость и кратковременность, быстрая смена другими; алогичность, разрозненность, отрывочность информации, растворение её целостных моделей. В российских источниках для обозначения особенностей мышления пребывающего в клиповой культуре человека нередко употребляются связанные термины клиповое мышление (сознание), введённые в оборот Фёдором Гиренком. Употребление этих терминов обычно подразумевает негативную, критическую оценку подобного мышления.

Какие сейчас можно отметить проблемы и вопросы для обсуждения по образованию в СПбГЭТУ.

Вопросы для обсуждения № 1. Может и должен ли СПбГЭТУ стать человекоцентричным цифровым университетом? Что цифровая трансформация означает для конкретного человека – студента, преподавателя, администратора? Может ли университет быть комфортным во всех смыслах слова, или это место напряженного труда? Как понять и удовлетворить запросы обучающихся не только на профессиональное, но и на личностное развитие?

Человек есть мера всех вещей. Пандемия показала и доказала, насколько важен индивидуальный контакт между студентами и преподавателем. Задача человекоцентричного университета слишком велика, чтобы ее решить в одиночку. Нужно искать партнеров, союзников, соратников внутри и вовне, но как получать не меньше, чем отдаете?

Вопросы для обсуждения № 2. Сбор, аналитика, открытость и безопасность данных в образовании. Точные и достоверные большие данные – Big Data – в постиндустриальном мире начинают цениться не меньше, чем нефть. Они позволяют увидеть скрытые тенденции, снижать различные риски, принимать обоснованные управленческие решения. Сегодня Big Data приходят в образование и начинают его изменять. Что это означает для конкретного преподавателя? Стоит ли опасаться новой цифровой открытости и сопутствующих проблем кибербезопасности? Как выражается реальная педагогика, та самая неуловимая коммуникация «преподаватель – студент», в числах?

Вопросы для обсуждения № 3. Цифровые инструменты для игрофикации и создания ответственных партнерских отношений в образовательном процессе. Серьезные проблемы в образовательных отношениях начинаются тогда, когда преподаватель находится в сложной многомерной модели. Например, заказчиками являются государство, бизнес, родители, клиентом – ребенок, а зарплата зависит от воли администрации. Чтобы в процессе разрешения данных противоречий не выгореть и не потерять свою собственную мотивацию и ценность, имеет смысл применять нестандартные цифровые инструменты и внедрять инновационные идеи в образовательный процесс. Это возможно даже тогда, когда преподавание ведется по готовой программе. Здесь, например, поможет Конструктор гибких курсов, интегрированный с Moodle и индивидуализация обучения на основе комбинирования различных элементов конструктора. Можно обсудить, как входное, формирующее и итоговое интерактивное тестирование позволяет построить балльно-рейтинговую систему и экономить силы преподавателя на рутинный контроль компетенций. Важность данного направления подготовки давно оценена в СПбГЭТУ «ЛЭТИ», где уже несколько лет работает «Центр современных образовательных технологий и дистанционного обучения», в котором подготовлено несколько десятков online-курсов.

Вопросы для обсуждения № 4. Цифровое управление наукой: сервисы, инструменты и технологии. Цифровая трансформация университетов затрагивает не только образовательную, но и научную деятельность. Необходимо сравнить наиболее интересные и результативные цифровые сервисы, инструменты и технологии для продуктивного научного творчества и коммерциализации вузовских инноваций. Один из ключевых показателей научной деятельности университетов – публикационная активность НПР. Вузы реализуют различные программы поддержки и мотивации научного творчества. Как и где публиковаться правильно? На какие параметры своих статей, научных журналов и их издателей нужно обращать внимание? Что нового нас ожидает в мире публикационной активности?

Вопросы для обсуждения № 5. Цель работы любого университета, в том числе СПбГЭТУ – подготовка квалифицированных кадров для экономики. Сближение и опережение университета и индустрии. Сочетание передовых научных исследований, инженерно-конструкторской мысли и вовлеченности студенческой молодежи делает университеты ведущими инновационными центрами. Однако для прорывных решений университеты должны не только приблизиться к индустрии и бизнесу, но и на несколько лет опережать их развитие. Как преподавателям и ученым заглядывать в будущее своих дисциплин?

Вопросы для обсуждения № 6. Можно и нужно ли говорить о формировании цифровой культуры (в том числе у студентов)? Каковы ее основные черты? Пандемия отразилась на формировании цифровой культуры? Каким образом цифровизация влияет на культуру традиционную? Можно ли сказать, что цифровизация сделала мировое и отечественное культурное наследие доступнее широким слоям населения? Оказывает ли цифровая культура формирующее влияние на молодое поколение? Изменяет ценности, модели социальных отношений? В чем опасность усиливающегося цифрового и культурного разрыва между поколениями?

Под цифровой культурой, обычно понимается культура поведения человека в цифровом пространстве в широком смысле слова. Главный показатель цифровой культуры – умение в этом пространстве ориентироваться, что требует критического мышления и наличия у человека внутренних критериев оценки феноменов этой среды. Цифровой мир, наполненный океаном разнообразной информации и столь же разнообразными ее интерпретациями и оценками, полностью размывает прежде устойчивые понятия о том, что хорошо, что плохо, что красиво, что некрасиво, чье мнение авторитетно в каком-то вопросе, а чье нет.

Выводы

Прежде всего, стоит подчеркнуть, что для большинства ВУЗов и студентов цифровое образование, скорее всего, будет развиваться по траекториям децентрализации и гибкости. По мере дальнейшего слияния онлайн- и офлайн-среды и развития технологий дополненной и виртуальной реальности физическое

нахождение человека на территории какого-либо институционально оформленного элемента системы образования станет необязательным. Быстрого решения требует задача сохранения конфиденциальности данных и определение режимов доступа к ним, целей их использования, а также проблема ответственности за ошибки искусственного интеллекта [3]. В образовании проблема сохранения ориентации на человеческое достоинство как высшую ценность связана с необходимостью избегать образовательной дискриминации.

Источники:

1. Осипов Г. В. Становление информационного общества в России и за рубежом. СПб.: Норма, 2018

2. Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации URL: edu.gov.ru.

3. Бруссард Мередит. Искусственный интеллект: Пределы возможного. Альпина нон-фикшн, 2020. 362 с.

V. N. Garkusha *(Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»)*

DIGITAL THINKING AND DIGITAL CULTURE IN THE MODERN UNIVERSITY

The article deals with the modern development of the concepts of digital society, digital thinking, digital university and digital culture. The basic principles and the latest trends in the choice of training platforms, the construction of online courses and education management systems are described. Problems and questions for discussion on digital thinking and education are presented. Modern trends in the development of education management systems are presented.

Digital society, digital economy, digital thinking, clip thinking, digital education, digital culture, learning platforms, learning management systems.

УДК. 316.4

В. А. Глухих (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: Vladimirglu@mail.ru)
С. М. Елисеев (*Университет при Межпарламентской Ассамблее Евразийского экономического сотрудничества*, e-mail: Eliseevprof@gmail.com)

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ VUCA МИРА

Целью статьи является анализ влияния VUCA среды на трансформацию системы образования в РФ. По мнению автора, в условиях формирования VUCA среды в системе образования должны измениться стратегии его развития. На смену парадигмы репродукции важно внедрять парадигму продуктивного образования. В основе которой лежит адаптация к скачкообразному развитию социума, формирование у индивидов коммуникативной компетентности, гибкого мышления, креативности, способности к быстрому анализу ситуации. Для эффективного взаимодействия с VUCA-средой важно развивать соответствующие навыки и компетенции.

Стратегии образование, парадигма, VUCA- среда, цифровизация, навыки, компетенции

Из множества разнообразных и увлекательных задач, стоящих перед современным обществом, наиболее важной и впечатляющей является осознание и формирование новой технологической революции, которая предусматривает преобразование всего человечества. Мы стоим у истоков преобразований, которые фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение.

Мир переступил порог четвертой индустриальной революции [1]. Первая промышленная революция была связана с механизацией производства, вторая – с использованием электричества и конвейеров, третья – с электроникой и автоматизацией. Четвертая опирается на достижения в области Интернета вещей, средств связи, машинного обучения, промышленных и бытовых роботов, на развитие новых моделей и сценариев взаимодействия, которые поддержаны цифровыми технологиями.

В отличие от предыдущих, эта промышленная революция развивается не линейными, а скорее экспоненциальными темпами. Это является порождением многогранного, глубоко взаимозависимого мира, в котором мы живем, а также того факта, что новая технология сама синтезирует все более передовые и эффективные технологии

Четвертая промышленная революция проходит в турбулентном режиме. Человечество вступает VUCA-мир (англоязычная аббревиатура от

слов volatility – нестабильность, uncertainty – неопределенность, complexity – сложность и ambiguity – неоднозначность, двусмысленность).

Акроним VUCA характеризует изменчивую и сложную среду современного мира, где не существует гарантированной стабильности. Термин придумали в 1990-х годах американские военные, а сегодня он используется во многих областях для обозначения условий, в которых действуют социальные институты и компании.

Рост сложности и нестабильности социума сопряжен с глобальным процессов цифровизации, переходом к цифровой среде.

Под цифровизацией мы понимаем процесс изменения парадигмы того, как мы думаем, как мы действуем, как мы общаемся с внешней средой и друг с другом [2, С. 90]. По своем содержанию процессы цифровизации предполагают возрастающие взаимодействия участников социальных процессов посредством современных электронных каналов связи; распространение электронных способов учета и хранения информации; снижение аналогового взаимодействия при росте цифрового; объединение физического и цифрового миров.

Распространение цифровых технологий ведет к качественным изменениям в сфере производства и на глобальных рынках. Эти перемены захватывают и сферу образования [3]. Образование сегодня находится в ситуации поиска новых возможностей для решения сложных задач обучения и воспитания в информационном мире, и, по сути, в поисках новых смыслов собственного существования. Следует отметить, что «современная система образования сформировалась как ответ на потребности индустриального общества и просветительских идей, в основе которых лежало накопление знаний. Знания, приобретенные однажды, становились основой всей будущей жизни, обеспечивая устойчивое существование и включенность в производственные процессы. Общество постиндустриального типа востребует совершенно иной подход к образованию – образование на протяжении всей жизни, отвечающее потребностям постоянно изменяющихся социокультурных условий и жизненных обстоятельств» [4].

В системе образования меняются многие парадигмы и стратегии его развития. VUCA- мир предполагает развитие гибкого мышления, креативность, способность к быстрому анализу и коммуникативную компетентность.

Как отмечает один из ведущих специалистов в области оценки качества образования, профессор Мельбурнского университет Патрик Гриффин «учебные программы в постиндустриальную эпоху должны быть направлены на развитие критического мышления, коммуникативных навыков, творческой изобретательности и навыков взаимодействия, потому что наиболее востребованными в эту эпоху оказываются способности к выстраиванию межличностных отношений [5].

В условиях роста нестабильности и неопределенности нынешняя модель образования во многом носит ущербный характер. Она ориентирована на линейное и поступательное развитие, принятия решений на основе прошлого

опыта. В условиях скачкообразного развития система образования должна претерпеть кардинальные изменения.

Так вместо парадигмы репродукции нужно внедрять парадигму продуктивного образования. В основе ее всего лежит преадаптация – скачкообразное, а не линейное развитие. Мы не можем опираться на прошлые представления и каждый раз имеем дело с чем-то новым.

На смену индивидуализации, когда преподаватель определяет для студентов вектор развития, приходит персонализация, где сам школьник или студент принимает активное участие в формировании дорожной карты персонального образовательного пространства

Трансформация образования невозможно себе представить вне процесса цифровизации. Цифровые технологии помогают сделать процесс обучения более разнообразным и эффективным, удобным для студента и преподавателя. Грядущая цифровая революция образования меняет его вековую парадигму. Вместо системы, где в центре находится преподаватель, приход иная, где в центре находится студент. Эти изменения всё больше требований предъявляют к коллаборативному обучению – построенному на тесном взаимодействии учащихся или обучающегося и преподавателя между собой.

В новой образовательной парадигме преподаватель больше не является единственным источником знаний в аудитории. Он, скорее, дает ориентиры ученикам в море информации. Ученики становятся активными участниками образовательного процесса, получаю больше свободы в выборе траектории своего развития.

В системе образования открываются новые возможности, перспективы и вызовы. Назовет только некоторые из них: адаптивное обучение, персонализированное обучение, автоматическое оценивание, внедрение чат-ботов в учебный процесс, умный кампус – сервис, который отвечает на любые запросы студентов, связанные с учёбой и жизнью в студенческом городке: как найти лекционную аудиторию, зарегистрироваться на выбранный курс, связаться с профессором; и т. д.

Важной составной частью трансформации системы образования сегодня является стремительный рост онлайн образования во всем мире. В России также активно развивается этот сегмент образовательного пространства, но в его развитии есть ряд отличий от глобальный проектов.

«Во-первых, они ориентированы на разные рынки: западные проекты изначальное делаются для глобального рынка и международной; российские проекты, как правило, нишевые и ориентированы на Россию, СНГ или в лучшем случае «русский мир»;

Во-вторых, маркетинг: за западными проектами всегда стоит сильный российские проекты создают, как правило, фигуры не такого масштаба; в результате у иностранных проектов больше шансов на быструю раскрутку;

В-третьих, скорость мышления и действия: российские проекты пока хронически опаздывают и, как правило, являются копиями западных образцов» [6].

Следует признать, что подготовка преподавателей не успевает за современными требованиями образовательных стандартов, а высшее образование стало «всеобщим», но потеряло качество. Понимая это, в ряде стран (Великобритания, Сингапур, Германия), в последние годы активно идет пересмотр содержания образования со смещением акцентов с получения предметных знаний на развитие универсальных «навыков XXI века». В российском образовании также идет поиск ответов на вызовы цифровой революции XXI века. Традиционная система образования, в центре которой находится преподаватель, трансформируется в новую, в центре которой будет располагаться ученик, с его индивидуальными способностями, возможностями и запросами. Цифровая революция в образовании влечет за собой перестройку всей системы учебного процесса и трансформацию взаимоотношений между учеником и учителем.

Остановимся более подробно на адаптивном обучение, которое многие исследователи считают одной из самых перспективных и многообещающих возможностей применения искусственного интеллекта в образовании. Адаптивные образовательные системы – это система образовательных информационно-коммуникационных технологий, которые в режиме реального времени реагируют на действия студента и в соответствии с полученной информацией предоставляют ему индивидуальную поддержку [Decoding Adaptive]. Основой адаптивного обучения является персонифицированный подход к студенту: ему предлагается изучать материал дисциплин в соответствии с его способностями и потребностями. Согласно С. Оксману и В. Вонгу [7], главной целью адаптивного обучения является «улучшение образовательных результатов обучающихся, с использованием искусственного интеллекта и возможностью автоматизации данного процесса. Для этого адаптивные обучающие системы, во-первых, отделяют то, что студенты уже знают, от того, что им неизвестно, и, во-вторых, они используют характеристики самих студентов, чтобы предложить подходящий учебный материал» [8, 10].

К эффектам адаптивного обучения можно отнести: повышение мотивации [8] и вовлеченности студентов в обучение, улучшение образовательных результатов [9], подготовка обучающихся к выходу на рынок труда, а также снижение уровня отсева [10].

Цифровизация образования в сложный социальный процесс, которые еще всем странам предстоит пройти. На примере системы образования мы хотели обозначить только некоторые возможности, социальны проблемы и риски, которые он в себе несет

Источники:

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. «Эксмо», 2016. 138 с.

2.Елисеев С. М. Глухих В. А. Интернет-мемы как инструменты публичной политики // Дискурс.2017. № 4. С. 90–96.

3. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 343 с.

4. Информационная эпоха и новые парадигмы культуры и образования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 292 с.

5. Навыки XXI века: новая реальность в образовании: интервью с П. Гриффином. URL: http://erazvitie.org/article/navyki_xxi_veka_novaja_realnost. (дата обращения: 23.12.2021.

6. 19 крупнейших российских онлайн-образовательных проектов//https://hr-media.ru/19-krupnejshih-rossijskih-onlajn-obrazovatelnyh-proektov (дата обращения:10.10.2021)

7. Oxman S., Wong W. Innovations D. V. X. White paper: Adaptive learning systems // Integrated Education Solutions. 2014. P. 6–7.

8. Jones A. et al. Challenges in personalisation: supporting mobile science inquiry learning across contexts // Research and Practice in Technology Enhanced Learning. 2013. Vol. 8. №. 1. P. 21–42.

9.Henning P. A., Heberle F., Streicher A., Zielinski A., Swertz C., Bock J., Zander S. Personalized web learning: Merging open educational resources into adaptive courses for higher education // Personalization Approaches in Learning Environments. 2014. P. 55–62.

V. A. Glukhikh *(Electrotechnical University of LETI);*
S. M. Eliseev *(University at the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Cooperation)*

DUCATION STRATEGIES IN THE CONTEXT OF VUCA

The purpose of the article is to analyze the influence of the VUCA environment on the transformation of the education system in the Russian Federation. According to the author, in the conditions of the formation of the VUCA environment in the education system, its development strategies should change. To change the paradigm of reproduction, it is important to introduce the paradigm of productive education. Which is based on adaptation to the abrupt development of society, the formation of an individual's communicative competence, flexible thinking, creativity, and the ability to quickly analyze the situation. For effective interaction with the VUCA environment, it is important to develop appropriate skills and competencies.

Strategies education, paradigm, VUCA environment, digitalization, skills, competencies

УДК 323

Л. Н. Гончаренко (*Балтийский гуманитарный институт*, e-mail: lngksp@rambler.ru);
Э. Б. Авакова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна*, e-mail: elina_avakova@mail.ru);
А. А. Кузнецов (*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна*, e-mail: artsmith@inbox.ru)

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

Обсуждается актуальная тема, посвященная осмыслению некоторых последствий и уроков Гражданской войны для современной России. Обосновывается необходимость окончательного преодоления вызванного ее последствиями общественного раскола, восстановления общенационального согласия и единства с целью укрепления современного российского государства и общества и исключения повторения такого рода событий в будущем.

Современная Россия, российское общество, Гражданская война в России, общественный раскол, общенациональное согласие, национальное единство

Установление Советской власти в России в конце октября 1917 г. было ознаменовано началом Гражданской войны. Это была самая масштабная и кровопролитная Гражданская война за всю более чем 1000-летнюю историю России. Острая необходимость недопущения такого рода событий в будущем актуализирует данную тему и предопределяет ее научную значимость.

Свой вклад в изучение проблематики и событий Гражданской войны, хотя и с диаметрально разных позиций, внесли советские исследователи и исследователи эмигранты, а также непосредственные участники этой трагедии и зарубежные ученые. Изучение Гражданской войны очень интенсивно продолжается и в современной России [1, С. 29]. Однако, сосредотачивая свое внимание на конкретных событиях и судьбах участников Гражданской войны, исследователи недостаточно уделяют внимание последствиям и урокам этого трагического противостояния для современного российского государства и общества. Дискуссионным, в частности, и до сегодняшнего дня остается вопрос о том, в какой степени современному российскому обществу удалось преодолеть вызванный общественный раскол.

Цель данной работы, продолжающей последовательный цикл исследований и публикаций авторов, посвященных последствиям Гражданской войны и

ее отголоскам для современного российского общества, заключается в попытке осмыслить некоторые наиболее очевидные ее уроки. Это имеет не только научное, но и практическое значение, особенно в контексте тех кардинальных изменений, которые произошли в России за последние 30 лет ее истории. Объем данной работы не позволяет всесторонне и подробно осветить данную проблематику, а лишь ставит цель обозначить некоторые основные направления научного дискурса в этом вопросе.

Гражданская война привела к крушению устанавливающегося хрупкого общенационального согласия. Развязанный гражданский конфликт окончательно разрушил все надежды на компромисс между различными политическими силами внутри страны и сохранение за ней статуса великой державы. Очевидно, что красно-белый дискурс, разрешавшийся в годы Гражданской войны методами прямого военного столкновения, не только привел страну к национальной трагедии, но и нес в себе угрозу ее полного уничтожения, а также продолжает оказывать огромное влияние на положение современной российской государственности и российского общества.

Именно в Гражданскую войну под российскую государственность были заложены те политические бомбы и социальные заряды, которые и рванули в 1991 г. Продолжают они взрываться и в настоящее время, а некоторые, возможно, еще ждут своего часа.

В годы Гражданской войны было окончательно утеряно и не восстановлено до настоящего времени общенациональное согласие по важнейшим вопросам политического, экономического и духовного развития страны. Масштабы насилия по отношению к идейным противникам в годы Гражданской войны и впоследствии достигли огромных масштабов, что продолжает отягощать сознание новых поколений российских граждан. Восстановление общенационального согласия по важнейшим вопросам внутреннего развития страны – важнейшая задача, стоящая перед российским обществом. Открывая памятник Примирения Белых и Красных в Севастополе 4 ноября 2021 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркивал, «что Россия помнит и любит всех преданных ей сынов и дочерей с какой бы стороны баррикад они когда-то ни находились, что наша страна вновь обрела историческое единство» [2].

Гражданская война привела не только к массовой гибели людей, но и спровоцировала массовый исход из страны миллионов ее граждан, представлявших политическую, экономическую и духовную элиту России, формирование которой шло на протяжении всей истории российской государственности. Произошедшие в тот период потери, являются не только большой утратой для генетического фонда нации, но и отягощают имидж российского государства, так и не решившегося на полную реабилитацию участников Белого движения и проведение реституции.

Гражданская война положила начало процессу дезинтеграции России. Как отмечал В. В. Путин, «Большевики относились к русскому народу как

неисчерпаемому материалу для социальных экспериментов. Они грезили мировой революцией, которая, по их мнению, вообще отменяет национальные государства. Поэтому произвольно нарезали границы, раздавали щедрые территориальные подарки» [3]. Аргумент, выдвигаемый некоторыми историками, что большевики воссоздали в новом качестве Российскую империю, не выдерживает критики. Их главная цель заключалась в сохранении своей власти во имя воплощения в жизнь революционных идеалов. Сдача (Финляндия, Польша, запад Карелии, Украины, Белоруссии и Молдавии) и раздел территорий исторической России на множество национально-государственных образований разного уровня (союзные и автономные республики, национальные округа и даже районы) рассматривались ими как сугубо тактические и временные уступки во имя достижения поставленной глобальной цели. В реальности все сложилось иначе, мировая революция так и произошла. Правда при Сталине, занявшем патриотические позиции, многие территории исторической России, потерянные в Гражданскую войну, были возвращены. Однако, большая их часть была присоединена не к РСФСР, а к Украине, Белоруссии, Молдавии, а также стала основой для образования советских республик в Прибалтике. Это предопределило их новую утрату в результате распада СССР.

В свое время, размышляя над значением истории для людей, великий русский историк В. О. Ключевский заметил: «История не учительница, а надзирательница, magistra vitae (наставница жизни – авт.): она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков» [4, С. 349]. 100-летний юбилей, а точнее множество скорбных юбилеев Гражданской войны (1917–1923 гг.), представляют возможность не только обозначить и проанализировать ее последствия, но и осмыслить уроки этой трагедии для того, чтобы, по возможности, избежать наказания, то есть повторения такого рода событий.

Важнейшим уроком этой войны является необходимость осознания всеми политическими силами страны недопустимости скатывания общества в состояние военного гражданского противостояния, а также безальтернативность осуществления политики компромисса между соперничающими политическими силами в борьбе за власть.

Сегодня совершенно ясно, что Гражданская война не только разделила нацию, но и исказила глубинные смыслы существования российской цивилизации. В современных условиях необходим новый, консолидированный взгляд российской нации на события Гражданской войны, основанный на абсолютном приоритете само-ценности российской государственности, как основной формы выживания народа и особой миссии уникальной российской цивилизации в формирующемся многополярном мире. Необходимо продолжить формирование устойчивого неприятия всеми слоями российского социума насильственных способов разрешения общественных проблем и противоречий, бесперспективности волюнтаристских методов преобразования различных сфер общественной жизни, несущих в себе угрозу перерастания в полномасштабную гражданскую войну.

Произошедшие на рубеже XX–XXI вв. изменения в стране и в мире, требуют серьезного переосмысления событий Гражданской войны, создания эффективного государственно-правового механизма на основе выработки общенационального консенсуса, позволяющего полностью исключить повторения такого рода трагедий в будущем. Такого рода переосмысление и выработка общенационального консенсуса строятся на основе глубинных народных ценностей российской цивилизации. «Добросовестный труд, частная собственность, свобода предпринимательства. – подчеркивал в одном из своих выступлений Президент РФ В. В. Путин, – это такие же базовые, консервативные, подчеркну, ценности, как и патриотизм, уважение к истории, традициям и культуре своей страны» [5, Т. 1, С. 345].

На страже нового облика российского общества и его социальной стабильности стоит Основной закон государства – Конституция Российской Федерации. Она гарантирует права и свободы личности, не допускает пропаганду и агитацию, возбуждающую «социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду». Конституция запрещает «пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» [6]. Реализация данной нормы на практике требует постоянного внимания и усилий со стороны государства, всех граждан страны. Это предполагает новое качество Исторической Памяти и извлечение самых серьезных уроков из прошлого. Именно такой подход позволит навсегда исключить возможность повторения такого рода событий в будущем. Только то общество, которое социально ориентировано на принципы доверия и готовности к сотрудничеству и эффективного взаимодействия на общее благо, способно к поступательному развитию и благополучию.

Источники:

1. Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б. К 100-летию окончания Гражданской войны в России: уроки социального раскола и задачи национального примирения // Морская стратегия и политика России в контексте обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития в XXI веке: сборник научных трудов. Севастополь: ЧВВМУ имени П.С. Нахимова, 2021. С. 28–35.

2. Поздравление с Днем народного единства: официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67065 (дата обращения: 14.01.2022).

3. Об историческом единстве русских и украинцев: официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181 (дата обращения: 15.01.2022).

4. Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1986.

5. Путин В. В. Прямая речь: в 3 т. М.: Звонница-МГ: Новый ключ, 2016.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_28399 (дата обращения: 11.01.2022).

L. N. Goncharenko *(Baltic Institute of Humanities);*
E. B. Avakova *(Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI", Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design);*
A. A. Kuznetsov *(Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design)*

THE CIVIL WAR AND MODERN RUSSIA: RESTORATION OF NATIONAL CONSENSUS

The actual topic of the dedicated to understanding some of the consequences and lessons of the Civil War for modern Russia is discussed. The authors substantiate the necessity of finally overcoming the social split, restoring national harmony and unity in order to strengthen the modern Russian state and society and to exclude the recurrence of such events in the future.

Modern Russia, Russian society, Russian Civil War, social division, national consensus, national unity

УДК 17

Д. Д. Гончарова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: gonchdash@mail.ru)

ЭТИКА НАТИВНОЙ РЕКЛАМЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

В статье рассматриваются этические вопросы, возникающие в ходе производства и распространения нативной рекламы, а также существующие предложения по их разрешению. Для анализа проблемы были использованы этические кодексы, руководства по нативной рекламе, разрабатываемые профессиональным сообществом и государственными органами, экспертные мнения. В результате проведенной работы выяснилось, что источник возникающих этических проблем и трудности их урегулирования –сама природа и суть нативной рекламы, а наиболее популярное предложение по решению данного вопроса состоит в разработке четких стандартов разграничения нативной рекламы и органического контента путем рассмотрения множества практических кейсов.

Нативная реклама, этика, коммуникации, продвижение, социальные сети, связи с общественностью.

Нативная реклама – вид рекламы, не имеющий прямых (а иногда и косвенных) призывов к совершению целевого действия. С точки зрения рекламодателей и маркетологов преимущества нативной рекламы очевидны – она помогает пробиться через так называемую «баннерную слепоту» и установить у аудитории положительные ассоциации с брендом. В современном мире бóльшая часть денег, выделяемых компаниями на нативную рекламу, отправляется в руки инфлюенсеров, то есть в качестве канала используются социальные сети. Согласно индексу «Sprout Social», 75% потребителей, опрошенных в ходе исследования, покупали что-то, что увидели в социальных сетях [1]. Однако, даже без исследований очевидно, что социальные сети –огромный и активный рынок сбыта товаров и услуг. Однако, несмотря на то, что популярность нативной рекламы в социальных сетях с каждым годом только увеличивается, а сам вид рекламы вызывает много вопросов этического характера, в России этика производства и размещения такой рекламы практически не регулируется, что, безусловно, может привести к негативным последствиям – как для рекламодателей и рекламопроизводителей, так и для аудитории.

В своей книге «Реклама под прикрытием: Нативная реклама, контент-маркетинг и тайный мир продвижения в интернете» Мара Эйнштейн указывает, что создать нативную рекламу – это «спрятать рекламу в существующей среде для создания контента» [2]. Само использование слова «спрятать» дает

понять, с какой проблемой могут столкнуться рекламодатели и рекламопроизводители – чтобы быть эффективной, нативная реклама не должна быть похожей на рекламу. В таких условиях многие прибегают к неэтичным или «серым» практикам – например отсутствию пометки о том, что пост или проект рекламный/был оплачен. Если обратиться к ФЗ «О рекламе» от 13.03.2006 N 38, то можно увидеть, что тема нативной рекламы там даже не затрагивается. Ближайшая по смыслу формулировка встречается в статье 5 – «Не допускаются использование в радио-, теле-, видео-, аудио- и кинопродукции или в другой продукции и распространение скрытой рекламы, то есть рекламы, которая оказывает не осознаваемое потребителями рекламы воздействие на их сознание, в том числе такое воздействие путем использования специальных видеовставок (двойной звукозаписи) и иными способами» [3]. Эта формулировка, однако, крайне расплывчата и оставляет выбор о том, как, где и когда размещать нативную рекламу, рекламодателям и рекламопроизводителям.

Размещать ли отметку #реклама, где и как это делать – вот с такими вопросами сталкиваются участники процесса производства нативной рекламы в социальных сетях. Как говорилось чуть ранее, основная этическая проблема нативной рекламы вытекает из самой ее природы – такие публикации не должны быть похожи на рекламу, чтобы эффективно работать, но при этом должны быть отстроены от основного контента, чтобы среднестатистический пользователь социальных сетей мог отличить нативный контент от нативной рекламы.

С другой стороны, этические кодексы, такие как Хельсинская декларация [4] и этический кодекс PRSA (Public Relations Society of America) [5] включают в себя пункты, которым нативная реклама, пусть и не нарушающая закон, противоречит. Стоит обратиться к 6 и 7 пунктам Хельскинской декларации – «Не скрывать информацию о том, в чьих интересах осуществляются коммуникации. Никогда не использовать инструменты, вводящие людей в заблуждение» и «Осознавать силу социальных медиа и использовать ее ответственно». Так, например, отсутствие отметки #реклама и попытку мимикрии нативной рекламы под органический контент можно расценить как введение пользователей в заблуждение о том, в чьих интересах осуществляется коммуникация. Отрицание силы и влияния постов инфлюенсеров в социальных сетях, в свою очередь, идет вразрез с 7 пунктом об осознании силы социальных медиа и ответственном их использовании. В этическом кодексе PRSA также присутствует пункт «Раскрытие информации» (Disclosure of Information), в пояснении к которому указано, что члены PRSA должны честно указывать спонсоров и тех, чьи интересы продвигаются в ходе коммуникации.

Институт Нативной Рекламы (Native Advertising Institute) в своем материале «How Advertisers and Publishers Should Deal with the Ethics of Native» [6] рассматривает этические аспекты создания нативной рекламы с нескольких сторон – потребителей, компаний и стейкхолдеров, и показывает, что вопрос лежит гораздо глубже, чем «Ставить отметку или нет?». Речь в статье идет и о

восприятии аудитории, как автономных и свободных субъектов – такой подход ведет к тому, что добросовестную нативную рекламу нельзя считать обманом и манипуляцией, так как аудитория имеет достаточную самостоятельность суждений и не является бессознательной и легко поддающейся манипуляцией массой. Более того, задается также следующий вопрос: «Совпадают ли ценности организации, рекламопроизводителя и рекламного агентства?» Данный вопрос актуален для этики любой сферы рекламы, но особенно остро он встает при рассмотрении нативной рекламы, так как именно она должна быть органично встроена в контент, и, как следствие, добросовестная нативная реклама не может содержать материалы, посыл или мысли, противоречащие ценностям инфлюенсера или компании.

Более того, поведение аудитории по отношению к нативной рекламе иногда противоречит самой концепции – например, в работе «Native Advertising: Is Deception an Asset or a Liability?» [7] ученые пришли к выводу, что более четкое разграничение нативной рекламы и органического контента площадки может даже пойти на пользу рекламопроизводителям. При наличии четкой пометки «реклама» и отсутствии попытки полностью мимикрировать под неоплаченный контент, доверие аудитории к реклапроизводителю и рекламодателю растет.

Количество нативной рекламы растет – так, например, в результате проведенного в 2015 году Ассоциацией национальный рекламодателей (Association of National Advertisers, ANA) исследования выяснилось, что в следующем году 63% рекламодателей планируют увеличить количество средств, выделяемых на нативную рекламу [8]. Тренд постоянного роста количества и доли нативной рекламы сохранился – согласно исследованиям от «eMarketer», в 2021 году ожидается увеличение вкладываемых в нативную рекламу средств на 21% [9]. В России исследование рынка нативной рекламы ежегодно проводит «Лайфхакер» –в сравнении с предыдущими годами (98 публикаций в 2018 и 277 в 2019 годах), количество публикаций, содержащих нативную рекламу, на сайтах медиа в 2020 заметно увеличилось (390) [10]. Желание рекламодателей вкладывать больше средств в нативную рекламу понятно – согласно исследованию компании «Sharethrough», пользователи обращают внимание на нативную рекламу на 52% больше, чем на «классические» баннерные объявления. Таким образом, необходимость регулирования нативной рекламы становится очевидной – игнорирование столь популярного вида рекламы может привести к недобросовестному ее производству и, как было обозначено выше, многим этическим проблемам.

Именно на решение таких этических проблем, основной из которых является неспособность некоторой части аудитории распознать в нативной рекламе, собственно, рекламу, ориентируются в своих гайдлайнах организации, регулирующие рынок данного вида рекламы в других странах – FTC (The Federal Trade Commission, Федереальная торговая комиссия) в США и ASA

(Advertising Standards Authority, Управление рекламных стандартов) в Великобритании.

Согласно предложенным FTC гайдлайнам [11], не вся нативная реклама обязана иметь соответствующую пометку, так как некоторые публикации «очевидно являются рекламой», однако ответственность за отделение нативной рекламы от контента площадки или блогера лежит на рекламодателе и рекламопроизводителе, а не аудитории. Так же считают и профессионалы, занятые в сфере производства и размещения рекламы – в исследовании «Sponsorship Disclosures in Online Sponsored Content: Practitioners' Considerations» 16 из 18 опрошенных согласились, что разграничение контента и рекламы, а также отметки –их моральная ответственность [12]. В рекомендациях FTC также сформулированы способы разграничения: четкий и простой язык, шрифт и цвет, которые легко читаются, отличный от фона цветовой блок – использование различных визуальных, аудиальных и текстовых маркеров, отличающихся от основного текста рекламной публикации. Применение гайдлайнов FTC легче увидеть на примере конкретных кейсов. Так, рассматривая нативную рекламу от «Machinima Inc и Lord & Taylor» [13], комиссия настаивала на том, что компании должны указывать, что за размещенные публикации и мнения блогеры получили денежную компенсацию. Главный аргумент FTC в обоих случаях – отсутствие разъяснения о том, что инфлюенсер не является их рядовым потребителем. Отличие заключается в том, что рядовой потребитель не способен влиять на мнение широкой аудитории, и публикует посты с указанием бренда самостоятельно – так как бренды в публикациях отдельных рядовых пользователей не заинтересованы.

ASA, занимающееся вопросами в том числе нативной рекламы в Великобритании, работает не отдельно, а совместно с блогерами – такая стратегия, по мнению самого Управления рекламных стандартов, более эффективна. Основная мысль их гайдлайнов совпадает с основной мыслью гайдлайнов FTC – нативная реклама должна быть легко отличима от органического контента. ASA также ставит более четкие рамки [14], к примеру, обозначая, что аффилиативные программы также считаются нативной рекламной. Однако даже более четкое разграничение все равно приводит к необходимости рассматривать отдельные кейсы. В 2020 инфлюенсер Zoella, а также многие другие селебрити и блогеры, получили от ASA предупреждение и рекомендации на будущее [15]. В случае с Zoella, причиной вынесения предупреждения стала «stories» в Instagram, на котором девушка разместила фото в платье собравшем, по ее словам, много комплиментов от аудитории, а также дала ссылку на магазин производителя. Пометка «аффилиативное сотрудничество» была размещена в правом нижнем углу, где ее трудно было разглядеть за иконками действий – отправка сообщения, жалоба и т. д. Более того, сама пометка не выделялась на фоне фотографии, не была отделена цветом, а шрифт был мелким – таким образом, хотя разграничение и присутствовало, оно было нечетким, что могло ввести аудиторию в заблуждение.

Стоит отметить, что обе организации говорят о том, что их гайдлайны лучше рассматривать на основе различных кейсов, так как в нативной рекламе действительно много факторов и производных, выработка общих требований представляется если не невозможной, то крайне трудной. В то же время, именно необходимость рассмотрения отдельных кейсов и тормозит выработку общих этических принципов производства и размещения нативной рекламы – обращаясь к кейсу с Zoella, можно увидеть, что технически пометка о рекламе присутствовала и даже указывала тип сотрудничества инфлюенсера с компанией, однако не была подобающего размера и «отстроенности» от основного блока информации.

Таким образом, нативная реклама, по мере возрастания ее объема и распространенности, вызывает только больше этических вопросов и проблем. Ключевыми проблемами этого вида рекламы являются отсутствие единой профессиональной позиции относительно границ дозволенного в нативной рекламе и противоречие самой сути нативной рекламы этическим кодексам профессии, таким как Хельсинская декларация и этический кодекс PRSA. Главная же проблема, связанная с нативной рекламой в социальных сетях в России – отсутствие какого-либо ее регулирования как с точки зрения закона, так и с точки зрения этики – ранее была указана ближайшая по значению к нативной рекламе формулировка, встречающаяся в Федеральном Законе «О рекламе» 13.03.2006 N 38, которая, бесспорно, не удовлетворяет потребности рекламодателей и производителей, а также аудитории, на которую и направлено влияние нативной рекламы. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на систематизацию и обобщение высказываний зарубежных экспертов и профессиональных организаций и адаптация их к российским реалиям. С этой точки зрения, было бы перспективно рассмотреть практический опыт агентств по рекламе у блогеров, а также самих блогеров/инфлюенсеров и специалистов по рекламе и связей с общественностью – кейсы других стран показывают, что именно в ходе анализа существующих практик и совместной работы по их улучшению рождаются универсальные стандарты и решения.

Источники:

1. Sprout Social Turned Off: How Brands Are Annoying Customers on Social // 2016 URL: https://sproutsocial.com/insights/data/q3-2016/ (дата обращения: 13.11.2021).

2. Мара Эйнштейн Реклама под прикрытием: Нативная реклама, контент-маркетинг и тайный мир продвижения в интернете. М.: Альпина Паблишер, 2020. 340 с.

3. Российская Федерация. Законы. О рекламе. Фдедеральный закон № 38-ФЗ: [Принят Государственной Думой 22 февр. 2006 г.: Одобрен Советом Федерации 3 марта 2006 г.]. М.: Эксмо, 2021. 64 с.

4. Helsinki Declaration // International Communications Consultancy Organisation URL: https://iccopr.com/helsinki-declaration/ (дата обращения: 13.11.2021).

5. PRSA Code of Ethics // Public Relations Society of America URL: https://www.prsa.org/about/prsa-code-of-ethics (дата обращения: 13.11.2021).

6. Schauster E. How Advertisers and Publishers Should Deal with the Ethics of Native // Native Advertising Institute URL: https://blog.nativeadvertisinginstitute.com/ethics-of-native (дата обращения: 13.11.2021).

7. Han (Karen), Jiyoon; Drumwright, Minette; Goo, Wongun. Native Advertising: Is Deception an Asset or a Liability? // Journal of Media Ethics. 2018. С. 1–18.

8. ANA Survey report: Advertising Is Going Native // 2015 URL: https://www.ana.net/miccontent/show/id/rr-2015-native-advertising (дата обращения: 15.11.2021).

9. Kloot L. 21 Native Advertising Statistics for 2021 // Outbrain URL: https://www.outbrain.com/blog/21-native-advertising-statistics-for-2021/#:~:text=US%20native%20ad%20spend%20is,(eMarketer) (дата обращения: 13.11.2021).

10. Исследование рынка нативной рекламы 2020 // Adindex URL: https://adindex.ru/publication/analitics/search/2020/11/27/287245.phtml (дата обращения: 13.11.2021).

11. Native advertising: a guide for businesses // FTC URL: https://www.ftc.gov/tips-advice/business-center/guidance/native-advertising-guide-businesses (дата обращения: 13.11.2021).

12. Margot J. Van Der Goot, Eva A. Van Reijmersdal & Sharmaine K. P. Zandbergen (Sponsorship Disclosures in Online Sponsored Content: Practitioners' Considerations // Journal of Media Ethics. 2021. №36:3. С. 154–169.

13. Native Advertising: Recent FTC Cases Require Disclosure of Paid Endorsements on Social Media // JDSUPRA URL: https://www.jdsupra.com/legalnews/native-advertising-recent-ftc-cases-10552/ (дата обращения: 13.11.2021).

14. Recognising ads: Native advertising // ASA URL: https://www.asa.org.uk/advice-online/recognising-ads-native-advertising.html (дата обращения: 13.11.2021).

15. Zoella: YouTuber warned about promoting products by ASA // BBC URL: https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-52379322 (дата обращения: 13.11.2021).

D. D. Goncharova *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

ETHICS AND REGULATION OF NATIVE ADVERTISING ON SOCIAL MEDIA

This article considers ethical problems that advertisers and influencers have to encounter when dealing with native advertising. To analyze these problems, various sources were used: codes of ethics of different professional associations, practical advises from practitioners and experts as well as laws. As the analysis showed, that the source of ethical problems of native advertising is the nature of this type of advertisement itself. Most popular approaches of solving the problems in question is developing a set of strict and particular guidelines for advertisers and influencers that will help distinguish native advertising from native content by looking into many practical cases.

Native advertising, advertisement, ethics, communications, promotional content, PR, public relations.

УДК 340:81'33

С. А. Гришина (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: sagrishina@stud.etu.ru)

ПРИМЕНЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ НАЛИЧИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В ТЕКСТАХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

В данной статье язык рассматривается как объект правового регулирования в условиях интеграции лингвистической экспертизы в процесс установления наличия состава преступления и обнаружения призывов к выполнению противоправных деяний. Важной проблемой является обращение внимания на наличие необходимой компетенции эксперта в области правового регулирования и судопроизводства, а также отсутствие субъективного восприятия рассматриваемых материалов. Изучение применения лингвистической экспертизы осуществляется на основе прецедентов, фигурантами которых стали известные музыкальные исполнители. Актуальность исследования данного вопроса детерминирована наличием пересечений интересов сферы закона и свободы слова, а также привлечением внимания к проблеме значимости беспристрастной экспертной оценки.

Судебно-лингвистическая экспертиза; экстремизм; проблемы правоведения судебно-лингвистической экспертизы; свобода слова.

В условиях развития современного общества язык воспринимается не только как средство для осуществления коммуникации, но и как инструмент для пропаганды и вовлечения в совершение общественно-опасных деяний. Выявление речевых правонарушений осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». Ответственность за совершение правонарушений и преступлений, содержащих призывы к противоправным деяниям, осуществляется в рамках Кодекса об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации. Наличие или отсутствие состава преступления устанавливается посредством проведения судебно-лингвистической экспертизы, деятельность которой регламентирована ФЗ (№73–ФЗ) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1]. Противодействие распространению информации, которая может представлять угрозу осуществляется, как с точки зрения ограничения доступа в рамках законотворческого процесса, так и тщательного контроля со стороны силовых структур. Важно, что осуществление проверок производится в условиях сплочённой работы правоохранительных органов и лингвистов-экспертов, поскольку работа с языком, текстами и установкой

смыслов – это трудоёмкий процесс, требующий вовлечения экспертов с филологическим образованием и достаточным уровнем знаний в области языкознания. Для проведения данного вида экспертизы требуется представить экспертную работу по направлению конкретного текста или отрывка на экспертизу. Уровень востребованности данной процедуры продолжает расти, поскольку угроза общественному порядку приобретает всё более разнообразные формы, в том числе и вербальные. Судебно-лингвистическая экспертиза может потребоваться не только при расследовании различного рода правонарушений, но и для печати периодического издания или публикации в Интернете. Также проводится лингвистическое исследование, чтобы выяснить, запрещены ли конкретные тексты пропаганды, оскорбления личности, рекламы употребления наркотических или других веществ. Здесь важно обозначить наличие связанной с этим проблемы, которая возникает по причине возможной амбивалентности при толковании текста, выявлении коннотаций и импликатур. Данные нюансы в работе эксперта должны преодолеваться посредством должного уровня подготовки и отсутствием субъективности при проведении экспертизы. Это важный аспект, поскольку пристрастный эксперт без познаний в области юриспруденции не может представить судебную перспективу сделанных им заключений [2]. Выводы должны основываться на результатах исследования текста, а не на личных убеждениях и пристрастиях. В ситуациях, когда на экспертизу поступает большой объем текстов для анализа, то на экспертизе присутствуют несколько специалистов, которые выносят общее заключение. Данная процедура является комиссионной экспертизой.

В современной судебной практике было несколько прецедентов, которые получили широкую огласку по причине того, что фигурантами дела стали медийные личности – музыкальные исполнители, чьим творчеством заинтересовались правоохранительные органы. Артистам были предъявлены обвинения в отношении их песен, в текстах которых было замечено присутствие призывов к опасным деяниям, имеющим далеко идущие последствия. Одним из таких громких дел стал иск против творческого коллектива «Кровосток», чьё творчество потребовали запретить ярославские городские организации. Обвинения были выдвинуты на основе экспертиз, проведённых специалистами из Ярославского государственного педагогического университета, которые позднее отказались появиться в суде. Из их заключения следовало, что песни группы «Кровосток» скрытно или явно пропагандируют аморальный образ жизни, навязывая вредные модели поведения, указывают на «элитарность наркозависимого лица» и пропагандируют порнографические фильмы, призывая «восхищаться их содержанием». В дальнейшем сторона обвинения в лице старшего помощника прокурора Кировского района Ярославля опиралась в своих суждениях на выводы в предоставленной ей экспертизе, однако в суде это было оспорено адвокатом, поскольку им был задан правомерный вопрос о том, почему данная лингвистическая экспертиза была проведена кандидатом психологических наук [3]. В последствии судьи Ярославского областного суда

непосредственно в зале суда самостоятельно занимались толкованием текстов 11 песен из альбома «Гантеля», которые должны были попасть под запрет. Итоговым решением областного суда от ноября 2015 года было отклонение претензий прокуратуры и отмена постановления Кировского райсуда города. Развитие данного дела было таковым, поскольку в основе обвинений была приобщена пристрастная и некомпетентная судебно-лингвистическая экспертиза. Также отмечается, что в ходе разбирательств сторона обвинения не смогла назвать глаголы, наличие которых в тексте могло бы подтвердить призыв к противоправным деяниям, а также состав преступления. Данные обстоятельства указывают на наличие явных нарушений и отсутствие выработанного подхода к осуществлению экспертизы, поскольку не был выбран метод исследования текста (лингвостилистический анализ, семантико-синтаксический анализ, лексико-семантический анализ и др.). Также не были установлены критерии призыва, в соответствии с которыми должна была проводиться проверка, поскольку на обязательность их наличия указывает Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4]. Основанием для критики действий, осуществляемых стороной обвинения является их несогласованность с «Рекомендациями об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды», которые были подписаны в 1999 году заместителем генерального прокурора Российской Федерации Б. М. Катышевым. В данном документе отмечается, что «для правильной квалификации противоправных деяний, связанных с возбуждением национальной, расовой или религиозной вражды, рекомендуется привлечение экспертов, профессионально владеющих специальными познаниями в области социальной психологии и лингвистики» [5]. В данном прецеденте показано, что не релевантная экспертная оценка не может способствовать установлению истины и осуществлению правомерного судопроизводства.

Другим исполнителем против которого было заведено уголовное дело стал Дмитрий Кузнецов, известный как Хаски. Ему были предъявлены обвинения касательно содержания текстов его песен, в которых, по мнению правоохранительных органов, содержатся призывы к «совершению суицидальных, насильственных действий, экстремистских проявлений и пропаганда наркотиков» [6]. В ходе разбирательство Советский район суд города Краснодара постановил от декабря 2018 убрать из публичного доступа три видеоряда с текстами песен исполнителя, поскольку посчитали их содержание угрозой для общественной безопасности. Позднее в марте 2019 исполнитель обжаловал решение Таганского суда Москвы в отношении своей ещё одной заблокированной творческой работы «Иуда». Решение было обжалован, поскольку «судом первой инстанции не были приведены фактические обстоятельства и данные подтверждающие выводы суда» о наличии в тексте песни пропаганды наркотических средств [7]. Это было объяснено тем, что судом не была назначена

лингвистическая экспертиза, которая могла бы подтвердить факт наличия пропаганды и степень её завуалированности, поскольку выводы суда настаивали на том, что именно сленговые выражения, употребляемые в песни, формируют опасные для общества призывы и пропаганду. В данном случае работа с языковыми средствами должна осуществляться экспертами, с точки зрения анализа языковых средств и тех идей и смыслов, которые они формируют. Однако в данном деле суд руководствовался домыслами без наличия подтвержденной экспертной оценки, что может угрожать осуществлению правомерного судопроизводства. При вынесении обвинительных постановлений также не был изучен и учтён факт метафоричности творческих текстов, поскольку не была рассмотрена образная система, которая присуща содержанию лирических произведений. Подобное отношение к творчеству указывает на недостаточную осведомлённость стороны обвинения об условиях осуществления лингвистической экспертизы, а также на отсутствие всестороннего подхода к изучению материалов дела и их верификации. Это недопустимо, поскольку установление смыслов и истинных намерений может осуществляться исключительно в условиях сотрудничества как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны экспертов в исследуемой области. Должный подход к формированию доказательной базы, а также объективная оценка исследуемых материалов во многом определяют судебную перспективу. В данном деле происходит пересечение интересов структур, ответственных за общественную безопасность, и права на свободу мысли и слова, поэтому подобные дела вызывают общественный резонанс и требуют незамедлительного установления истины.

Судебная лингвистическая экспертиза считается исследовательской услугой, направленной на детальное изучение текста, представленного в письменной или устной форме. Поскольку рассмотренные прецеденты произошли в рамках проведения некомпетентной лингвистической экспертизы или вообще без осуществления таковой, поэтому важно понимать, какую роль она играет в судопроизводстве по делам об обвинениях в экстремизме. По Е. И. Галяшиной: «объектами лингвистической экспертизы являются речевые произведения в форме письменного текста или устного высказывания, сохранённые на материальном носителе» [8, С. 42]. Предметом судебной лингвистической экспертизы являются факты и обстоятельства, наличие которых устанавливается посредством исследования устной и письменной речи естественного или искусственного языка в соответствии с языковыми нормами. Основной задачей судебной лингвистической экспертизы, назначаемой по уголовным делам, возбужденным по ст. ст. 280 – (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), 282 – (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) УК РФ [9], по Е. И. Галяшиной, является возможность доказательства наличия или отсутствия состава, то есть «признаков объективной стороны», преступления на основе результатов, полученных при лингвистическом анализе содержательно-смыслового аспекта и формы реализации речевого произведения, выступающего в роли источника

[8, С.42]. Речевое правонарушение может расцениваться как словесный экстремизм, и чтобы установить наличие состава преступления необходимо проанализировать языковые и речевые средства посредством лингвистической экспертизы, в ходе которой должно быть установлено являются ли они орудиями преступления [8, С. 42]. Однако, важно понимать, что эксперты не могут выходить за пределы своей компетенции и решать правовые вопросы. Таким образом, их заключение не является прямым следствием виновности или невиновности, основную роль в вынесении решения играют судьи.

Перечень вопросов, входящих в компетенцию лингвистической экспертизы:

– интерпретация коннотативного и часто используемого (дополнительного) значения слов и словесных выражений;

– интерпретация текста документа, необходимая для того, чтобы ссылаться на варианты его понимания;

– установка идентичности определенных фраз и слов, используемых в названиях товарных знаков и брендов, а также других рекламных текстов.;

– изучение значения и направленности определенного или основного сегмента текста;

– установка значения и этимологии определенных слов, фраз или идиом.

Деятельность эксперта осуществляется посредством ответа на конкретные вопросы, способные уточнять и дополнять друг друга. По Е. И. Галяшиной данные вопросы в полной мере могут определять спектр полномочий эксперта [8, С. 44]:

Имеются ли в представленном тексте высказывания или выражения, призывающие к совершению противоправных (экстремистских) действий?

Имеются ли в представленном тексте обращения или лозунги, агитирующие за совершение противоправных (экстремистских) действий?

Имеются ли в представленном тексте выражения, инициирующие совершение противоправных (экстремистских) действий?

Имеются ли в представленном тексте высказывания или выражения, однозначно трактуемые как требование (приказ) совершения противоправных (экстремистских) действий?

Это необходимо во избежание разночтений, для четкого разграничения полномочий эксперта, осуществляющего проверку, а также для определения стратегии и тактики анализа. Подобные регламенты способны исключить возможность требования от эксперта познаний, находящихся за рамками его ведения. Кроме того, важным критерием при проведении оценки остаётся субъективность и беспристрастность, поэтому Е. И. Галяшина отмечает значимость недопущения «смешения задач теоретических, поисковых научных изысканий и практической экспертной деятельности по установлению фактов, имеющих значение судебных доказательств» [8, С. 50]. Наличие в оценке

субъективных домыслов и суждений также может быть предотвращено посредством чёткого разграничения подхода осуществляемого анализа, который делится на два вида [8, С. 53]:

– лексико-семантический анализ с целью установления лексических значений слов и сочетаний, сопряженных с обозначением явлений экстремизма и его разновидностей;

– семантико-стилистический и лингвостилистический анализ с целью установления в тексте наличия оценочных высказываний, содержащих лексемы русского языка, относящиеся к наименованию явлений экстремизма и его разновидностей и определения содержащихся в них оценок (позитивной или негативной).

Таким образом, на примере двух судебных прецедентов и правовых разъяснений была рассмотрена роль судебно-лингвистической экспертизы, с точки зрения её значимости в судопроизводстве. А также была изучена проблема недостаточной компетенции экспертов и влияние субъективной оценки на судебную перспективу. Наблюдается значительный дефицит экспертов, способных быть компетентными как в области права, так и в исследуемой области, поскольку понимание влияния заключений экспертной оценки на дальнейшее развитие дела в суде может способствовать ускорению установления истины в том или ином деле, а особенно в тех случаях, когда речь идёт об угрозе общественной безопасности.

Источники:

1. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения 07.01.2022)

2. Андреева В. Г. Проблемы судебно-лингвистической экспертизы по делам об экстремизме и разжигании вражды. // Вестник КГУ. 2016. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sudebno-lingvisticheskoy-ekspertizy-po-delam-ob-ekstremizme-i-razzhiganii-vrazhdy (дата обращения: 08.01.2022).

3. Козенко А. Полутруп, ваша честь! Суд отменил запрет песен группы «Кровосток» // Медуза. – 2015. URL: https://meduza.io/amp/feature/ 2015/11/12/ polutrup-vasha-chest (дата обращения 07.01.2022)

4. Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021) "О противодействии экстремистской деятельности". URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения 07.01.2022)

5. Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды / Утверждены Заместителем Генерального прокурора РФ М.Б. Катышевым 29.06.99 года URL: https://rusexpert.ru/public/biblioteka-pdf/1.42MetRekGenProk1999.pdf (дата обращения 07.01.2022)

6. Бояринов Д. Дело Хаски. Власть призывают к борьбе с рэп-героями из «вконтакте». почему вам это должно быть не все равно. // Colta – 2018. URL: https://www.colta.ru/articles/music_modern/19817-delo-haski (дата обращения 09.01.2022)

7. Хижняк Н. Рэпер Хаски обжаловал решение суда о блокировке клипа на песню "Иуда" // Риа Новости – 2019. URL: https://ria.ru/20190327/1552155781.html (дата обращения 08.01.2022)

8. Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006 – с. 42-44, 50-53.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 08.01.2022)

10. Ворошилова М. Б., Карапетян А. А. К определению круга вопросов судебной лингвистической экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности // Антиномии. 2012. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-kruga-voprosov-sudebnoy-lingvisticheskoy-ekspertizy-po-delam-o-prestupleniyah-ekstremistkoy-napravlennosti (дата обращения: 09.01.2022).

S .A. Grishina *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

THE USE OF LINGUISTIC EXPERTISE TO ESTABLISH THE PRESENCE OF EXTREMISM IN THE LYRICS OF MODERN PERFORMERS

In this article, the language is considered as an object of legal regulation in the context of the integration of linguistic expertise in the process of establishing the presence of corpus depicting and detecting calls to perform illegal acts. An important problem is paying attention to the availability of the necessary competence of an expert in the field of legal regulation and legal proceedings, as well as the lack of subjective perception of the materials under consideration. The study of the application of linguistic expertise is carried out on the basis of precedents, the defendants of which are famous musical performers. The relevance of the study of this issue is determined by the presence of intersections of interests in the sphere of law and freedom of speech, as well as by drawing attention to the problem of the importance of an impartial expert assessment.

Forensic linguistic expertise; extremism; problems of jurisprudence of forensic linguistic expertise; freedom of speech.

УДК 93/94

А. Б. Гуркин (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: abgur313@mail.ru);
Я. А. Гуркин (*Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта*, e-mail: yargur@mail.ru)

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И РЕГИСТРАЦИИ ПРЕСТУПНИКОВ В РОССИИ XIX – нач XX вв.

Рассматривается история становления российской системы идентификации и регистрации преступников. Переход от средневекового способа «выделения» преступников из законопослушной массы людей путем клеймения к более гуманным и эффективным методам. Вскрываются проблемы, с которыми сталкивалось государство и правоохранительные органы при поиске этих новых методов.

Идентификация и регистрация преступников, клеймение беглых, тюрьма, каторга, ссылка, словесный портрет, бертильонаж, дактилоскопия.

Задача «выделения» преступников из законопослушной массы людей, их идентификация и регистрация, встала перед обществом и государством еще в глубокой древности. Это было вызвано необходимостью выявлять преступников-рецидивистов, которых за повторные преступления ожидало более суровое наказание. Кроме того, определенные «опознавательные знаки» облегчали поиск беглых преступников и информировали окружающих о личности того или иного человека.

Как и во многих других государствах первым способом идентификации преступников в России стало клеймение, т. е. нанесение на тело человека «неудалимых отметин». Принято считать, что первым законодательным актом, которым устанавливается обязательное клеймение каждого вора – «а татя всякого пятнити», является Двинская Уставная грамота 1397 года [1, Т. 2. С. 181–182]. В 1637 году по указу царя Михаила Федоровича фальшивомонетчиков стали наказывать кнутом и пожизненным заключением и клеймить словом «вор» на щеках. Соборное уложение 1649 года делает процедуру «регистрации» преступников еще более жестокой, фактически превращая ее в дополнительное калечащее наказание. За ряд правонарушений в дополнение к основному наказанию добавили отрезание ушей, позднее отрезание пальцев рук и ног, вырывание ноздрей. Участников Медного бунта 1662 года клеймили буквой «Б». Широкое распространение клеймение получила в период правления Петра I. Царский указ 1705 года предписывал клеймить всех повинных в грабеже и воровстве. Клеймо в виде буквы «В» ставилось на лбу. Позднее добавили на одну щеку «В», а на другую «Р» (В.О.Р.). Изменилась и технология

наложения клейма. Прежде знак выжигали каленым железом, а теперь стали делать татуировку. В течении всего XVIII века система клеймения преступников совершенствовалась и расширялась.

В XIX веке, во многих европейских странах, а затем и в России происходит определенная гуманизация уголовных наказаний, жестокие средневековые экзекуции заменяются тюремным заключением, ссылкой и каторгой. Изменения коснулись и системы идентификации преступников. Отказ от клеймения происходил довольно медленно даже в самых передовых странах. В знаменитом Уголовном кодексе Наполеона 1810 года, который станет образцом для подражания во многих странах, устанавливалось: «Приговоренный к пожизненным каторжным работам подвергается на публичной площади клеймению путем наложения горячим железом клейма на правом плече. Приговоренные к другим наказаниям подвергаются клеймению лишь в случаях, законом указанных» [2, С. 100.]. Отменено клеймение во Франции было лишь в1832 г.

В России послабления выразились в том, что в 1817 году было отменено вырывание ноздрей, кроме того, перестали клеймить лиц привилегированных сословий, военных, несовершеннолетних (до 21 года) и стариков (старше 70 лет). Женщины были освобождены от этих «процедур» еще при Елизавете Петровне. Сам процесс клеймения сделали менее травмирующим. Если раньше в место наложения игольчатого клейма втирали порох, то теперь это делалось специальным красящим раствором, не вызывавшим частых заражений. В целом же практика клеймения сохранялась вплоть до начала 60-х годов, и даже «совершенствовалась».

28 статья «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года гласила: «Наложенiе клеймъ на осужденныхъ къ тому преступниковъ, слѣдуетъ непосредственно за наказанiемъ ихъ плетьми чрезъ палачей, также публично и рукою палача. Оно состоитъ въ поставленiи, опредѣленнымъ для того способомъ, на лбу и щекахъ осужденнаго буквъ К. А. Т. (т. е. каторжный)» [3, С. 8]. Публичность клеймения означала, что это не только полицейская регистрационная мера, но и дополнительное «позорящее» наказание. В том же году был принят указ «О клеймении беглых». Клеймо беглым предписывалось ставить на правой руке и на лопатке. Литера «Б» ставилась бродягам и беглым скрывающим свои имена, «СБ» ссыльнобеглым, а «СК» ссыльнокаторжным. А «если пойманы будут бродяги, имеющие уже упомянутые знаки, то поставить новые ниже первых» [4, Собр. 2. Т. 20. Отд. 1. С. 550–551].

К началу 60-х годов XIX века отношение к клеймению и в общественном мнении, и во властных структурах становится однозначно негативным. Противники такой системы регистрации преступников указывают на ее чрезмерную жестокость и малую эффективность. Кроме того, возможны были судебные ошибки, а убрать клеймо в те времена было практически невозможно. К этому следует добавить многочисленные попытки самостоятельно в кустар-

ных условиях избавиться от клейма, которые превращали человека либо в калеку, либо вообще вели к заражению крови и смерти. Отменено клеймение было указом от 17 апреля 1863 года [5, Собр. 2. Т. 28. Отд. 1. С. 352–353].

Без всяких сомнений эта мера была разумной и необходимой, но одновременно она создавала проблему, решить которую государство было совершенно не готово. Другой, работающей системы идентификации и регистрации преступников, которая пришла бы на смену клеймению просто не существовало. Следующие три десятилетия стали не самыми простыми для правоохранительной системы. В эти годы в России происходил стремительный рост преступности и как следствие количество разыскиваемых людей, подозреваемых в совершении преступлений и беглых из мест заключений увеличивается в разы. Какие же способы идентификации преступников имелись в распоряжении полиции? К ним можно отнести арестантскую одежду и бритье головы. Каторжникам предписывалось брить правую половину головы, а ссыльнопоселенцам, и бродягам –левую сторону головы. (Это правило действовало до 1903 года). Очевидно, что эти отличительные знаки сохранялись непродолжительное время и быстро теряли смысл. Бумажные документы легко подделывались, вычислить предъявителя чужих, украденных документов получалось не часто.

Самым серьезным способом розыска являлся словесный портрет. Словесное описание внешности разыскиваемого, первоначально делалось в произвольной форме и было мало пригодно для результативного поиска. Исключения составляли случаи, когда преступник обладал хорошо заметными приметами – шрамами или родимыми пятнами на лице, отсутствием конечностей, необычно высоким ростом и т. п. Тем не менее в структуре сыскной полиции с момента ее создания в 1866 году существовал стол приводов. Задачей отдела являлась работа по сбору, систематизации и хранению всевозможной информации о лицах, ранее судимых или разыскиваемых по обвинению в совершении уголовных преступлений. Сведения, включающие персональные данные (пол, возраст, место проживания, место проживание родственников, особые приметы и т. д.), характер совершенных преступлений, связи в преступном мире и пр. – все это тщательно записывалось, систематизировалось и хранилось. На каждого заводилась отдельная карточка. Карточки изготавливались различных цветов. Всем категориям правонарушений был присвоен свой цвет. Картотека подразделялась на 12 разделов в зависимости от характера совершенного преступления. В конце века была выработана более совершенная методика составления словесного портрета, но она была довольно сложной, и далеко не все сотрудники полиции были в состоянии ей овладеть. На страницах «Вестника полиции» приводились примеры абсурдно составленных словесных портретов, которые скорее сбивали с толку, чем помогали найти разыскиваемых. В одном из описаний указывалось: «носит волосы большие, которые иногда стрижет коротко», в другом – отмечалось: «походка интеллигентная»,

в третьем – «имеет при себе внебрачного ребенка» [6, С. 871]. Располагая такими средствами идентификации разыскиваемых, было крайне трудно держать ситуацию под контролем. Стоило сбежавшему перебраться в большой город или место, где его не знали в лицо, «выправить документ», слегка изменить внешность и опознать его становилось почти невозможно.

Информация о новой системе идентификации, появившейся во Франции, была воспринята с большим энтузиазмом. Автором антропометрической системы был Альфонс Бертильон, возглавлявший парижское бюро идентификации. Систему измерения непосредственно человека Альфонс Бертильон дополнил способом точного фотографирования преступников (сигналетической фотосъемки). Это позволяло проводить измерения и по фотоснимкам, сделанным с соблюдением специальных правил. Человек фотографировался метрическим фотоаппаратом Бертильона в трех видах: в профиль и анфас в 1/7 натуральной величины и в полный рост в 1/20 натуральной величины. На этом и была основана система идентификации, которая быстро распространилась по всей Европе. В России система Бертильона была принята с удивительной оперативностью. Уже в мае 1890 г. в соответствии с распоряжением градоначальника генерал-лейтенанта Грессенера было открыто в Санкт-Петербурге антропометрическое бюро. Бюро начало работу при сыскной полиции. К 1897 году в России было открыто еще 12 антропометрических бюро, а к 1909 году они существовали уже во всех 89 сыскных отделениях страны.

Почти одновременно с антропометрией в Европе появляется еще один метод идентификации и уголовной регистрации преступников – Дактилоскопия. Она основана на идеях англичанина Уильяма Гершеля, выдвинувшего в 1877 году гипотезу о неизменности и уникальности папиллярного рисунка кожи пальцев человека. В дальнейшем идея была подхвачена и превращена в систему идентификации Френсисом Гальтоном, Жуан Вучетичем и Эдвардом Генри. Впервые в 1896 г. систему начали применять в Аргентине, а 1901г. ее на вооружение взял Скотланд-Ярд. Между этими двумя направления начинается напряженная борьба как в Европе, так и в России.

Первые публикации о дактилоскопии в России появились еще в 90-х годах XIX века в «Юридической газете» [7] и «Правительственном Вестнике» [8, С. 2–3]. Однако в отличие от «бертильонажа», который в России был внедрен без всяких проволочек, дактилоскопия добивалась признания гораздо дольше. На разных уровнях, от простых полицейских до министров, на страницах периодической печати и в научных трактатах велись споры о достоинствах и недостатках той или иной системы. Вестник полиции на своих страницах писал: «Сравнение дактилоскопического метода с антропометрической системой измерений Бартильона показывает «существенные практические преимущества первого способа опознавания» [9, С. 14]. Дактилоскопия оказалась точнее, проще в применении, не требовала сложного и дорогостоящего оборудования. Весьма наглядно это преимущество продемонстрировала полиция Лондона. «Пока там применялся антропометрический способ опознания

среднее число идентификаций равнялось 450 в год, с заменой же способа Бертильона дактилоскопией число это возросло до 5000, и таким образом увеличилось более чем в десять раз» [9, С. 14].

Преимущество дактилоскопии в сравнении с бертильонажем состояло еще и в том, что исследование отпечатков пальцев, оставленных преступниками на месте преступления становятся важнейшими уликами.

В 1906 году Министерство Юстиции приняло решение о введении в России дактилоскопической системы регистрации преступников и были утверждены «Правила о производстве и регистрации дактилоскопических снимков», [10. С. 47–49]. При Главном Тюремном Управлении было учреждено Центральное Дактилоскопическое Бюро.

Некоторое время дактилоскопия и бертильонаж существовали параллельно, но затем дактилоскопия окончательно победила.

В начале XX века в России сложилась вполне современная (для своего времени) система регистрации и идентификации преступников. Четко разработанная методика составления словесного портрета, формирование подробных картотек с фотографиями, бертильонаж и дактилоскопия – все это позволяло правоохранительным органам более эффективно вести борьбу с уголовной преступностью.

Источники:

1. Российское законодательство X-XX веков. Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.
2. Французский уголовный кодекс 1810 г. М., 1947.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.
4. Полн. собр. законов Рос. империи. СПб., 1846.
5. Полн. собр. законов Рос. империи. СПб., 1866.
6. Вестник полиции. 1913. № 3.
7. Юридическая Газета 1892. 8 июля. № 53.
8. Правительственный Вестник. 1895. 7(19) апреля № 75.
9. Вестник полиции 1908. № 42.
10. Тюремный Вестник. 1907. №1.

A. B. Gurkin *(St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI");*
Y. A. Gurkin *(P.F. Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health)*

THE FORMATION OF THE SYSTEM OF IDENTIFICATION AND REGISTRATION OF CRIMINALS IN RUSSIA OF THE XIX –EARLY XX CENTURIES

The history of the formation of the Russian system of identification and registration of criminals is considered. The transition from the medieval method of "singling out" criminals from the law-abiding mass of people by branding to more humane and effective methods. The problems faced by the state and law enforcement agencies in the search for these new methods are revealed.

Identification and registration of criminals, branding of fugitives, prison, hard labor, exile, verbal portrait, bertillon, fingerprinting.

УДК 800.92:519.682

Г. А. Дёмин (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: dga97@mail.ru)

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС: ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

В приведённой статье рассматривается ряд понятий, относящихся к достоверности научного знания, а также проблемы самовыражения в рамках осуществления научной деятельности. Проанализированы принципы достоверности научного знания, различия между гуманитарными и естественными науками. Характерные черты языка науки и научного стиля изложения рассмотрены как с теоретической стороны, так и с точки зрения проблемных сторон.

Достоверность знания, гуманитарные науки, естественные науки, эмпирический подход, научный дискурс, рациональность, верификация, фальсификация, научный стиль, язык науки

Критерии достоверности знания в гуманитарных и естественных науках. Прежде всего, представляется важным подчеркнуть, что любое научное знание, в отличие от других форм познания, выделяется своей системностью, а также «своей нацеленностью на истину», а следовательно – к достоверности [1, С. 6]. Тем не менее, дихотомия гуманитарных и естественных наук образует неоднородные критерии достоверности знания.

Различия между гуманитарными и естественными науками обуславливаются, как типом подхода к изучению конкретного объекта, так и самим объектом изучения. Помимо несоответствия на уровне соотношения эмпирического и теоретического подходов, естественные науки определяются систематическим изучением процессов и явлений, которыми окружен человек, в то время как гуманитарные науки рассматривают самого человека, его общество и культуру «в их историческом бытии» [1, С. 4].

Также важно упомянуть и разобщённость функций представленных типов наук. Для функции естественных наук свойственен описательный характер и обоснование явлений мира, который окружает человека. Параллельно, гуманитарные науки функционируют для достижения понимания определённого труда, позволяющего лучше понять природу человека в его разнообразии.

Следует ли защищать научный дискурс от недостоверного знания? Существует мнение, согласно которому цель коммуникации в рамках научного дискурса – это знакомство одних представителей научного сообщества с результатами деятельности других представителей этого сообщества, их суждениями, мнениями и возможными способами решения [2].

Научный дискурс обладает рядом признаков, которые, в свою очередь, обеспечивают его продуктивность и отличительную ценность. К этим признакам относят объективность, теоретичность, эмпиричность, поиск истины, эмпиричность, логичность, методологию, обоснованность, критицизм и креативность [2].

Указанные выше признаки задают высокую планку для достижения достоверности определённого знания, что позволяет отсеивать информацию, качество и полезность которой являются недостаточными для присвоения ей научного статуса.

При работе по определению научности или ненаучности определённой информации применяется ряд принципов. Наиболее часто используются принципы рациональности, верификации и фальсификации [3].

Существует мнение, согласно которому принцип рациональности является главным инструментом достоверности научного характера знания. Исходя из значения слова «рациональность», представляется логичным предположить, что данный принцип позволяет определить критерии, нормы и идеалы научности. Саму рациональность можно определить как «общий образ научного мышления, лежащие в основе научного познания принципы и посылки» [4].

По мере человеческого развития постепенно образовались три типа научной рациональности: классическая, неклассическая и постнеклассическая [5, С. 79].

Характерной чертой классической рациональности является отсутствие субъективности в теоретическом объяснении. В рамках данной системы эта черта считается обязательным условием получения достоверного знания, в противном случае – достижение научной объективности невозможно.

Для неклассической рациональности свойственно включение субъекта познания в объяснение объекта познания. Полагается, что данный фактор «считается непременным условием достижения истинного знания об изучаемой реальности» [5, С.79].

Отличительным фактором постнеклассической рациональности выступает переменчивость соотношения научных и социальных ценностей. Гуманитарные принципы приобретают главенствующее значение «в решении генеральных задач науки» [5, С. 79].

Принцип верификации гласит, что конкретное знание или понятие является научно достоверным, если его суть можно обосновать определёнными опытом или протокольными предложениями, представляющих чувственный опыт. Верификацию разделяют на два типа: непосредственную и косвенную. Применяя непосредственную верификацию, потенциально научное знание проверяется на соответствие данным, полученных в результате наблюдения и опыта. Косвенная верификация подразумевает проверку теоретических познаний с эмпирическими данными [3].

Последний упомянутый принцип – фальсификация – призван выявить наличие или отсутствие фальсификаторов конкретной научной теории. При этом, согласно автору принципа фальсификации Карлу Попперу, существует взаимосвязь между эмпирическим и фальсифицирующим характером гипотезы, которая означает, что эта гипотеза «должна находиться в определённом логическом отношении к возможным базисным высказываниями». Иными словами, как ни парадоксально, потенциально научная информация является таковой, если её возможно опровергнуть посредством проведения опыта и наблюдения [6, С. 115].

Однако не каждое недостоверное знание является таковым на самом деле: существует множество понятий, которые обрели свою достоверность спустя большое количество время после своего дебюта. Одним из самых известных примеров подобной ситуации может выступить гипотеза о том, что планета Земля – круглая. В прошлом, многие народности и культуры предполагали, что форма Земли является плоской, только спустя столетия по мере развития науки и технологии было доказано обратное.

Исходя из данного примера, представляется логичным заключить, что нельзя полностью изолировать научный дискурс от недостоверного знания, но необходимо подвергать детальному изучению любое новое, спорное, гипотетически научное знание.

Научная мысль и научный текст: проблема самовыражения. Научный стиль изложения представляет собой особенный стиль коммуникации, обладающий отличительными признаками. Данному типу взаимодействия свойственны: предварительное обдумывание высказывания, монологичность, логичность, последовательность, строгий отбор языковых средств, объективность, стремление к «строго нормированной речи» [7].

Подобная избирательность приводит к противоречию, так как, с одной стороны, научные мысли и тексты олицетворяют собой качество и избирательность, но, в то же время, отделяются периодически недостижимой пропастью. Представляется логичным заключить, что в отдельных случаях, многие начинающие учёные сталкиваются со сложностями в оформлении своих умозаключений в соответствии с нормами языкового общения научного сообщества.

В свою очередь, в некоторых обстоятельствах, подобная стилистическая недостаточность приводит к заведомо пониженной оценке их трудов со стороны более опытных коллег, невзирая на качество, новизну и полезность проделанной работы как таковой.

Важно упомянуть, что данная проблема распространяется не только на устное изречение научной мысли, которое всегда подразумевает определённую стихийность и импровизационность, но и на научный текст, заблаговременная подготовка которого, казалось бы, должна практически полностью отшлифовать стиль изложения.

Также, представляется важным упомянуть специальную форму изложения мыслей и текстов, принадлежащих к науке. Речь идёт о языке науки, представляющим собой сложное, многоуровневое понятие, форма и существование которого «определяется задачами формирования, трансляции и развития научного знания» [8].

Взаимодействие посредством языка науки подразумевает контроль над смыслом употребляемых слов. Для данного языка свойственно обилие как различных научных терминов, существующих только в рамках данной системы, так и терминов, взятых из ненаучных языков, но обретших новое значение в рамках языка науки.

Помимо использования свойственных для любого языка лексических единиц, в языке науки существуют аутентичные единицы, создающие визуальность рассматриваемых процессов – таблицы, схемы, графики и др. Более того, широко распространено использование математических языков, которые позволяют точно выражать, анализировать и обрабатывать изучаемую информацию.

Тем не менее, понятие языка науки подвергается критике. Так, согласно Попперу, язык науки не всегда способен соответствовать и поспевать за динамично развивающейся наукой. Более того, Поппер полагает, что языка науки, как средства достижения наиболее точного знания, не существует вовсе, в то время как существуют только меньшие по своему объёму модельные языки, являющиеся громоздкими системами, которые состоят «из мелких деталей» [6, С. 41, 42].

Таким образом, вышеописанные нюансы не всегда позволяют точно передать суть описываемого понятия или явления в соответствии с нормами науки и того языка, посредством которого внутри неё происходит взаимодействие.

Источники:

1. Вышегородцева О. В. Достоверность гуманитарного познания: дис. … канд. философ. наук. Москов. пед. университет, Москва, 2000.

2. Кротков Е. Научный дискурс // discourseanalysis.org: сайт. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada2_1/st14.shtml (дата обращения: 03.12.2021).

3. studfile.net: сайт. URL: https://studfile.net/preview/7139083/page:6/ (дата обращения: 14.01.2022).

4. Хаджаров М. Х. Рациональность научного познания: Содержание, аспекты, уровни, типы: дис. … д.-ра философ. наук. Саратов. гос. университет, Саратов, 2001.

5. Лаврухина И. М. История и философия науки в конспективном изложении для аспирантов и соискателей при подготовке к кандидатскому минимуму по истории и философии науки: учебное пособие. Зерноград: Азово-Черноморский инженерный институт ФГБОУ ВО Донской ГАУ, 2016. 130 с.

6. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. 604 с.

7. Клушина Н. И., Малыгина Л. Е. Стилистика научной речи и редактирование учебно-методических материалов. Учебное пособие для учителей и педагогов системы среднего образования. Меринос, 2018. 120 с.

8. Швырев В. С. Язык науки // iphlib.ru: электронная библиотека ИФ РАН. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH1a1b0e915c2276839b541a (дата обращения: 16.01.2022)

G. A. Demin *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

SCIENTIFIC DISCOURSE: EXTRA-LINGUISTIC AND LINGUISTIC FACTORS

This article discusses several concepts related to the reliability of scientific knowledge, as well as the problems of self-expression in the framework of scientific activity. The principles of reliability of scientific knowledge, the differences between the humanities and natural sciences are analyzed. The characteristic features of the language of science and the scientific style of presentation are considered both from the theoretical side and from the point of view of problematic aspects.

Reliability of knowledge, humanities, natural sciences, empirical approach, scientific discourse, rationality, verification, falsification, scientific style, language of science

УДК 800.92:519.682

П. П. Дерюгин (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: deriuginpav@yandex.ru);
В. П. Милецкий (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: falesm@mail.ru);
О. С. Баннова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: bannova-o@mail.ru);
Е. А. Камышина (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: kamyshina.elena@gmail.com)

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ЭПОХУ КРИЗИСОВ: СИСТЕМНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕТЕВЫХ ИЗМЕРЕНИЙ

(При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19)

В статье представлен анализ социального капитала как объекта междисциплинарных исследований. Рассмотрено понятие социального капитала в современной науке. Приведены сущностные характеристики социального капитала и его системные свойства. Проведенные эмпирические исследования в России и Кита, которые дают представление о роли социального капитала в эпоху кризисов.

Социальный капитал, кризисы, цифровизация, сетевые методы

Социальный капитал как объект междисциплинарных исследований

Понятие социального капитала широко распространено в современной науке. Как показывает анализ, эту категорию активно используют исследователи в самых различных областях научного знания. Такая активность растет из года в год [1, С. 16]. В частности, если в середине 90-х гг. по теории социального капитала насчитывалось буквально не более десятка исследований, то в настоящее время публикации, посвященные изучению социального капитала, измеряются сотнями и тысячами [2].

Наряду с этим увеличивается количество исследований, где скептически оценивается эвристический потенциал этого понятия [3], т. е. исследований, где социальный капитала признается не более чем оригинальной метафорой, а вокруг определения сущности и характеристик социального капитала ведутся постоянные дискуссии.

При всем многообразии представлений о сущностных характеристиках социального капитала авторитетные исследователи центральным элементом теории признают отношения (реже – связи и сети), складывающиеся между людьми. В частности, такой вывод делают М. Блок и Н. А. Головин на основе сравнения базовых концепций социального капитала П. Бурдье, Р. Д. Патнэма и Д. С. Коулмана. Феноменами, на базе которых формируются отношения-

связи-сети исследователи определяют нормы и ценности [4]. На наш взгляд социальный капитал следует рассматривать социальным образованием, складывающимся из ментальных, социально-субъектных, процессуальных и институциональных составляющих.

– К настоящему времени в общей теории социального капитала исследователями сделаны обобщения, которые системно раскрывают его характеристики. К числу таковых можно отнести:

– представление социального капитала как реакции на возросший индивидуализм капиталистического общества [5];

– эволюция представлений об источниках формирования теории социального капитала (Бурдье – нормы и выгода; Коулман –рациональность и экономика, где «все должны друг другу»; Патнэм – политика, демократия, государство; Фукуяма – традиции, мораль, экономика) [6];

– различные сообщества как носители специфического социального капитала (семья, группа, организация, корпорация, область, регион, страна);

– направленность (полезный-положительный и негативный-отрицательный социальный капитал);

– виды (относительный-системный; закрытый-открытый; обязывающий-связывающий; исключающий-включающий социальный капитал);

– формы связей, формирующих социальный капитал («оковы»; «мосты»; «звенья»);

– уровни социального капитала (нано-, микро-, мезо-, макро-);

– структура социального капитала (доноры-реципиенты-ресурсы);

– позитивное влияние социального капитала (распространение информации, влияние на принятие решений, обеспечение доступа к ресурсам, повышение адаптивного потенциала) и др. [7];

– негативные влияния социального капитала (отторжение «других», избыточные требования за соблюдение норм и правил поведения, ограничение индивидуальной свободы, девальвация норм более широкого сообщества) и др. [8].

Обобщающей характеристикой социального капитала как системного образования определяются отношения взаимного доверия – особой формы отношений [9], обеспечивающих конкурентность сообщества во внешней среде и его развитие в любых, в том числе в кризисных, условиях и обстоятельствах [10], [11].

Сетевые измерения социального капитала

Среди технологий эмпирических исследований социального капитала все боле активно используются сетевые методы [12]. К числу достоинств этих методов относят возможность реализации принципов междисциплинарного анализа ценностей; возможности качественной (содержательной) и количественной характеристики отношений участников сообществ, т. е. количественное оценивание их весовой определенности; пространственное моделирование си-

стемы отношений между респондентами в виде графических сетей; цифровизацию характеристик отношений, выявление их социальной направленности и силы связей. Немаловажно, что такое моделирование предполагает использование больших данных и широкий математический аппарат обработки этих данных.

Социальный капитал в эпоху кризисов

Проведенные эмпирические исследования в России (п = 2026) и Китае (п = 2234) в период эпидемиологического кризиса 2019–2021 гг. позволяют сделать обобщающие выводы о роли социального капитала в это непростое время.

Во-первых, социальный капитал следует рассматривать как уникальное средство стабилизации развития общества в кризисных условиях. При этом, кризисные условия могут не только ослаблять социальный капитал, но и усиливать его потенциалы [7].

Во-вторых, социальный капитал – результат совместных усилий всех членов общества, государства, его социальных институтов. Очень важно бережное отношения к базовым традициям, нормам и ценностям общества, что приобретает особую значимость в периоды кризисов, – с одной стороны. Одновременно социальный капитал не остается неизменным, его развитие предполагает готовность и способность социума к трансформациям и изменениям характера коммуникаций и отношений между членами сообществ, позитивную мотивацию и восприятие инноваций.

В-третьих, социальный капитал – это система связей и отношений, которые наполненная такими ценностями, где человек, общество, дух (мораль и идеология), а также природная среда жизни людей предполагают гармонию и взаимосвязи. Собственно взаимосвязи между такими ценностями позволяют достигать синергетический эффект развития общества и выступают гарантом сохранения его потенциалов в кризисные периоды [3], [11].

В-четвертых, социальный капитал складывается везде, где формируются какие-либо сообщества. Направленность формирования социального капитала в кризисных условиях, как положительная (солидарность, сплоченность и доверие), так и отрицательная (недоверие, разобщенность и отторжение), во многом определяется деятельностью социальных институтов, в значительной степени –государством. При этом авторитет государственной власти выступает определяющим условием успешности формирования позитивной направленности социального капитала.

Источники:

1. Шаповалова Т. В. Генезис и развитие концепции социального капитала в экономике // АНО ИД «Научное обозрение». 2013. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-i-razvitie-kontseptsii-sotsialnogo-kapitala-v-ekonomike (дата обращения: 15.01.2022).

2. Иванов В. В., Павлов П. Н., Козлов В. А., Сутырина Т. А. Формирование социального капитала в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sotsialnogo-kapitala-v-rossii (дата обращения: 15.01.2022).

3. Яшкова М. Кризис и тихая агония концепции социального капитала. Часть 2. Аналитика, социология, политология. http://www.gazetaprotestant.ru/2019/04/krizis-i-tixaya-agoniya-koncepcii-socialnogo-kapitala-chast-2/ (дата обращения: 15.01.2022)

4. Блок М., Головин Н. А. Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2015. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-k-obobscheniyu-ponyatiya (дата обращения: 15.01.2022).

5. Иванов В. В., Павлов П. Н., Козлов В. А., Сутырина Т. А. Формирование социального капитала в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sotsialnogo-kapitala-v-rossii (дата обращения: 17.01.2022).

6. Афанасьев Д. В. Социальный капитал: концептуальные истоки и политическое измерение // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения. Череповец, 16–17 октября 2012 года. С. 11–22.

7. Иванов В. В., Павлов П. Н., Козлов В. А., Сутырина Т. А. Формирование социального капитала в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sotsialnogo-kapitala-v-rossii (дата обращения: 15.01.2022).

8. Галиуллина С. Д., Бреслер М. Г., Сулейманов А. Р., Рабогошвили А. А., Байрамгулова Н. Н. Система социального кредитования в Китае как элемент цифрового будущего // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. №4 (26). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialnogo-kreditovaniya-v-kitae-kak-element-tsifrovogo-buduschego (дата обращения: 15.01.2022).

9. Дерюгин П. П. Социальная диагностика межличностных отношений в истории западной и отечественной социологии. Санкт-Петербург, 2001.

10. Афанасьев Д. В. К исследованию роли социального капитала регионов в условиях социально-экономического кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. №4 (40). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-issledovaniyu-roli-sotsialnogo-kapitala-regionov-v-usloviyah-sotsialno-ekonomicheskogo-krizisa (дата обращения: 12.01.2022).

11. Солодовников С. Ю. Влияние социального капитала на протекание и разрешение аграрного кризиса в России и СССР // Экономика и банки. 2009. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnogo-kapitala-na-

protekanie-i-razreshenie-agrarnogo-krizisa-v-rossii-i-sssr (дата обращения: 15.04.2021).

12. Дерюгин П. П., Баруздин И. А., Цзинь Ц., Сивоконь М. В., Шиляева А. С. Сетевая диагностика ценностей предпринимательства (по материалам эмпирического социологического исследования российских и китайских предпринимателей). Дискурс. 2017. № 4. С. 68–89.

P. P. Deriugin *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);*
V. P. Miletsky *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»;*
O. S. Bannova *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);*
E. A. Kamyshina *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

SOCIAL CAPITAL IN THE AGE OF CRISES: SYSTEMIC FOUNDATIONS OF NETWORK MEASUREMENTS

The article presents an analysis of social capital as an object of sociological research. The concept of social capital in modern science is considered. The essential characteristics of social capital and its system properties are given. Empirical studies conducted in Russia and China provide insight into the role of social capital in times of crisis.

Social capital, crises, digitalization, network methods

УДК 792.5

О. М. Журавлева (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: zhuralena@gmail.com)

ОСОБЕННОСТИ ОТОБРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В МЮЗИКЛАХ

Мюзиклы раскрывают сюжеты, в которых отображаются элементы национальной культуры. Вне зависимости от того, что именно иллюстрирует музыкальная постановка, на сцене демонстрируются характерные для общества особенности национального быта. Их изучение и анализ позволяет выявить не только типичные черты, но и определить отношение к ним в сообществе, что является важной составляющей для понимания национальных ценностей и менталитета, играющих существенную роль в процессе межкультурной коммуникации.

Культура, культурное наследие, межкультурная коммуникация, мюзикл, США, Великобритания, повседневность

Мюзикл, как жанр, сочетает в себе драматический или комический сюжет, популярную музыку и танец. В основе мюзикла чаще всего лежит художественное произведение, которое берется за основу, перерабатывается для сценической постановки и, в большей или меньшей степени, отражает быт и повседневную культуру того сообщества, в котором создается или которое является центром сюжетной линии. Музыкальное сопровождение при помощи ярких и запоминающихся композиций дополняет создаваемый образ. Наибольшего развития мюзикл достиг в США и Великобритании, где на протяжении более ста лет этот театральный жанр пользуется большим успехом у публики.

История развития и становления мюзикла ярко демонстрирует расширение и усложнение содержательной основы, глубину драматургии, все чаще затрагиваются важные социальные вопросы и тревожащие общество темы [1]. Однако и в самых первых музыкальных театрализованных постановках, которые даже еще не получили наименования «мюзикла», многие элементы повседневной культуры находят отражение, чем привлекают, веселят или же заставляют задуматься публику.

Мюзиклы представляют собой очень сложный художественный текст, который в полной мере можно признать креолизованным, в котором вербальная составляющая тесно переплетается с визуальным рядом и музыкальным сопровождением [2]. Р. Якобсон подчеркивал, что совокупность всех составляющих семиотической и, в первую очередь, языковой коммуникации является

направляющей для любого широкого исследования, как социального, так и антропологического [3, С. 320–321]. Восприятие всех знаков, передающих информацию в процессе коммуникации, в равной степени позволяет сформировать представление о культуре.

Мюзикл – это совокупность визуального восприятия действия и контекста и понимания содержаний либретто в определенном музыкальном сопровождении. Именно сочетание всех элементов музыкальной театральной постановки позволяет передать культурный код, их соотношение формирует вполне конкретный культурный фон, на котором развиваются события сюжета. Поэтому так важно передать и донести до зрителя первоначальный замысел создателей того или иного мюзикла, сформировать правильное восприятие. Изучая соотношение используемых в мюзикле элементов культуры, анализируя их значение можно выявить не только представления авторов о некоторых явлениях культуры в определенном сообществе, но и наиболее яркие черты и характеристики данного сообщества, поскольку при демонстрации со сцены оно должно быть узнаваемо зрителями в зале.

В последнее время на сцене ставятся не только новые современные постановки, но и воссоздаются старые, созданные авторами прошлого, основанные на когда-то понятных событиях, демонстрирующие реалии минувшего. Проанализируем, по-прежнему ли актуальные те социальные вопросы, которые когда-то способствовали написанию сюжетной линии музыкальной постановки, и какие особенности культурного кода они содержат. Для этого обратимся к конкретным сюжетам двух культовых мюзиклов, характеризующих английскую и американскую действительность прошлого.

Мюзикл «Пираты Пензанса, или раб долга» (The Pirates of Penzance) [4].

Комическая опера «Пираты Пензанса» была написана выдающимся дуэтом либретиста У. Гилберта (Sir William Schwenck Gilbert) и композитора А. Салливана (Sir Arthur Seymour Sullivan) в 1879 г. Поставлена на сценах Нью-Йорка и Лондона, где имела большой успех, несколько раз возрождалась уже в качестве классического мюзикла. В оригинальную постановку со временем вносились коррективы, однако содержание текстов и музыка остались практически без изменений. Как отмечает Р. Нести, авторы комической оперы, «столь успешные в высмеивании социальных и политических характеристик своего времени», смогли бы оценить по достоинству современные нововведения и незначительную трансформацию, превратившую классическую английскую комическую оперу в веселый мюзикл [5].

Место действия оригинального произведения – побережье Корнуолла, в период правления королевы Виктории. Практически с первых же арий зрители получают представление о традиционном приоритете английской культуры – понятии о чести, долге, социальных обязательствах. Комичность ситуации, в которую попал главный герой заключается в том, что он был отдан в ученичество к пиратам, и срок его службы завершился в связи с 21-летием, однако из-за того, что его день рождения приходится на 29 февраля, оказалось, что ему

предстоит продолжить службу еще 63 года. Душевная борьба в молодом человеке ведется из-за невозможности принять решение, то ли сдать пиратов полиции, чтобы искупить вину от того, что он вынужден был стать их пособником (At last I may atone, in some slight measure, // For the repeated acts of theft and pillage // Which, at a sense of duty's stern dictation, // I, circumstance's victim, have been guilty!), или же выполнить долг и продолжить службу (And so, by a simple arithmetical process, you'll easily discover, // That though you've lived twenty-one years, yet, if we go by birthdays, // you're only five, and a little bit over!). Какими бы забавными не виделись сомнения бесхитростного героя, они, несомненно, ярко характеризуют особенности английского менталитета, необходимость правильно сформулировать понятие долга.

Самым ярким персонажем мюзикла является генерал-майор, который описывая свои многочисленные достоинства, не упоминает ни одного, связанного с боевыми заслугами или военными действиями (I'm very good at integral and differential calculus; // I know the scientific names of beings animalculous: // In short, in matters vegetable, animal, and mineral, // I am the very model of a modern Major-General.). Пародийность этого героя связана не только с наличием одного прототипа или даже нескольких, но и с положением в обществе, статусом «небоевых» генералов. Хотя с момента написания оригинала прошло более 140 лет, созданный авторами образ хорошо узнаваем и вызывает те же эмоции, что и в XIX в. Однако необходимо отметить и культурный код, который заложен не столько в высмеивании этого персонажа, сколько в демонстрации характеристик культуры: герой не случайно гордится своими интеллектуальными способностями, которые так высоко ценятся в обществе, и большое значение придает званию и социальному статусу, что является неотъемлемой частью английской культуры.

О классовости и социальном расслоении свидетельствует и заключительная часть мюзикла – брак между дочерьми генерал-майора и пиратами возможен только после того, как всех пиратов объявляют представителями аристократических семей.

Сюжет постановки не избежал и отсылки к британской монархии, и смешно, и в то же время патриотично выглядит эпизод, когда пираты, внезапно сдаются полиции, лишь услышав призыв «именем королевы Виктории бросить оружие». Особенно эффектно сцена смотрится на фоне поднимающегося портрета королевы и звуков гимна. Как бы гротескно не воспринималось такое преклонение перед монархом, оно прекрасно иллюстрирует культуру и менталитет общества.

Сюжет мюзикла умиляет простотой, герои забавны, но при этом они наделены значимыми для английской культуры положительными чертами, что позволяет выявить характерные для менталитета черты.

Мюзикл «Оклахома!» (Oklahoma!) [6].

Данную постановку следует признать одной из самых классических. Именно с нее началось победное шествие жанра мюзикла по США и, в скором

времени, по всему миру. Поставленный на основе пьесы Л. Риггса блестящим авторским дуэтом Р. Роджерса (Richard Rodgers) и О. Хаммерстайна (Oscar Hammerstein II) в 1943 г. на Бродвее, мюзикл с большим успехом шел в Нью-Йорке и в Лондоне, затем не раз возрождался.

События мюзикла происходят в 1906 г. и описывают жизнь социально неоднородной сельской местности, населенной, фермерами и ковбоями. Финансовые возможности у представителей этих групп неравны, более состоятельными представляются фермеры, конфликтующие с ковбоями. Текст арий, внешний вид персонажей, музыкальное сопровождение позволяют сформировать общее впечатление о жизни в американской провинции. Особенности быта и менталитета зрителям нетрудно воссоздать по контексту.

В арии «Farmer and the cowman» озвучивается важная идея о том, что ковбои и фермеры должны жить в дружбе («Territory folks should stick together,// Territory folks should all be pals» и «Oh, the farmer and the cowman should be friends. // One man likes to push a plough, // The other likes to chase a cow, // But that's no reason why they cain't be friends.), однако подчеркивается, сколько между ними различий и недопонимания («The farmer is a good and thrifty citizen // No matter what the cowman says or thinks»; «He [farmer] come out west and built a lot of fences, // And built 'em right across our [cowman] cattle ranges), что явно свидетельствует о непростых взаимоотношениях. Однако все различия уступают важному национальному приоритету: поскольку территория Оклахомы становится одним из штатов США, всем необходимо принять национальную идею равенства («And when this territory is a state // An' joins the Union jus' like all the others // The farmer, and cowman and the merchant // Mus' all behave theirselves and act like brothers»). Эта мысль подчеркивает не только принадлежность героев мюзикла к общей культуре, но и выделяет характерную особенность менталитета – доминирование общего над частным, национального над локальным, значение государственных приоритетов, в данном случае, – равноправия.

Важной чертой менталитета общности, оказавшейся в центре повествования, становятся повседневные бытовые потребности. Например, соблюдение морали. В мюзикле действует яркий персонаж – Али Хаким – персидский торговец, который в результате ухаживаний за дочерьми фермеров под дулом ружей вынужден жениться на одной из них («I'm minding my own business like I oughter // Ain't meanin' no harm to anyone. // I'm talking to a certain farmer's daughter – // Then I'm looking into the muzzle of a gun!»). Поведение девушек, хоть и разное, как демонстрируется в мюзикле, однако находится под строгим контролем родителей и мужей. Наравне с семьей, нравственность выдвигается как одна из ценностей. Главная героиня демонстрируется в качестве идеального образца поведения и мышления, оценочные характеристики расставлены в мюзикле очень четко.

Еще одной важной составляющей общества фермеров и ковбоев, а также и современных американцев, является отношение к правовым нормам. В конце

мюзикла происходит несчастный случай, погибает отрицательный персонаж, и герои не могут продолжить свою счастливую жизнь, пока на месте не происходит судебное разбирательство, и не принимается должностным лицом решение о невиновности.

Некоторые черты менталитета сельского сообщества Оклахомы и сейчас понятны американцам, являясь национальными ценностями, зрители сопереживают героям и поддерживают высказываемые семейные ценности («I'm a one woman man, Home lovin' type, // All complete with slippers and pipe. // Take me like I am, er leave me be! // If you cain't give me all, give me nuthin' // And nuthin's whut you'll git from me!»). В мюзикле четко расставлены акценты на положительных и отрицательных чертах характеров, сторонах жизни, особенности основных действующих лиц и характерные черты эпохи не уходят в прошлое, они по-прежнему актуальны и, вероятно, это одна из причин возрождения мюзикла, его успеха у зрителей.

Выявленные в мюзиклах характерные черты национального менталитета, иллюстрирующих английскую и американскую культуру, позволяют признать музыкальные постановки в целом, и текст либретто в честности, ценнейшим источником, в котором проявляются и сохраняются глубинные особенности культуры.

Источники:

1. Asimenou G. The Evolution of American Musical Theatre: A Sociological Perspective. Prague, 2015 // URL: https://dspace.cuni.cz/ bitstream/handle/20.500.11956/78896/BPPR_2014_2_11410_0_392872_ 0_166230. pdf?sequence=4&isAllowed=y (дата обращения: 14.01.2022)

2. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. язык. вузов. М.: Издат. центр «Академия», 2003. 128 с.

3. Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 319–330.

4. Pirats of Penznace, The Musical lyrics // URL: https://www.allmusicals.com/p/piratesofpenzancethe.htm (дата обращения: 14.01.2022)

5. Nesti R. Pirates! (Or, Gilbert and Sullivan Plunder'd) // EDGE. 2009. Junuary, 8. // URL: https://web.archive.org/web/20120118233601/ http://www.edgeboston.com/index.php?ch=entertainment&sc=theatre&sc2=&sc3= performance&id=92259 (дата обращения: 14.01.2022)

6. Oklahoma! lyrics // URL: https://www.allmusicals.com/o/oklahoma.htm (дата обращения: 14.01.2022)

O. M. Zhuravleva *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

NATIONAL MENTALITY IN MUSICALS: FEATURES AND PECULIARITIES

Musicals reveal the elemnts of national culture. They show peculiarities of everyday life that illustrate social conditions and features of society in general, as well as reflect typical cultural issues. The study of musicals and the analysis of their content and historical context allow to disclose the attitude of the society to the cultural elements and features. That may well assist in distiquishingof national values and mentality to provide successful intercultural communication.

Culture, cultural heritage, intercultural communication, musical, USA, Breat Britain, everyday life

УДК 316.7

М. П. Замотин (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: jethro79@mail.ru)

КОЛЛЕКТИВНОЕ НЕДОВЕРИЕ И ТЕОРИЯ «СКРЫТЫХ ПОСЛАНИЙ» ДЖ.СКОТТА

Рассматривается такое явление как «социальный капитал», его зависимость от доверительных отношений между субъектами, социальных связей общества и отношений господства-подчинения. Методологичесим основанием выбрана концепция Дж.Скотта «скрытые послания».

Социальный капитал, скрытые послания, социальное доверие, отношения господства-подчинения, социальная коммуникация.

Социальный капитал как концепт и как понятие достаточно давно существует и используется в пространстве социальных наук. Интерпретаций и смысловых наполнений данного понятия существует множество и поэтому сложно однозначно дать определение такому явлению. В основе данного концепта заложено утверждение, что в обществе и в социальных отношениях основополагающим ресурсом для достижения всевозможных благ являются социальные связи. Но коль скоро социальные связи не есть безличное использование коммуникативных схем, они подразумевают доверительные отношения между субъектами и, как следствие, нацелены на солидаризацию общества и социальных групп.

В современном российском обществе проблема доступа к различным формам социального капитала пересекается с институциализированными системами контроля за деятельностью людей на разных уровнях их социальной, профессиональной и культурной жизни. Поскольку практики господства и подчинения пронизывают жизнь всех людей, от их реализации и форм в отдельно взятом обществе зависят стратегии достижения социального капитала как необходимого осозноваемого ресурса. Данную проблему интересно проанализировать с позиции теории скрытых посланий американского политолога и антрополога Джеймса К. Скотта. Исследователь попытался показать, как процесс доминирования порождает гегемонистское публичное поведение и закулисный дискурс, состоящий из того, что нельзя говорить перед лицом власти. В то же время, исследуя гегемонистскую цель, стоящую за демонстрацией господства и согласия, он определяет, кто является аудиторией таких представлений и взаимодействий.

«Скрытое послание» обычно выражается открыто, хотя и в замаскированной форме. В этой связи мы можем интерпретировать слухи, сплетни, народные сказки, песни, жесты, шутки и театр бесправных как средства, с помощью

которых, помимо прочего, они инсинуируют критику власти, скрываясь за анонимностью или за безобидным пониманием своего поведения. Эти модели маскировки идеологического неподчинения в некоторой степени аналогичны тем, с помощью которых, рабочие, крестьяне и рабы маскировали свои попытки помешать материальному присвоению их труда, их производства и их собственности [1].

Что касается «публичных демонстраций», если они не вводят в заблуждение, вряд ли могут нам рассказать всю историю о властных отношениях. Часто в интересах обеих сторон, господствующих и подчинённых, существует негласный сговор в искажении информации. Поскольку одним из ключевых навыков выживания подчиненных групп было управление впечатлением в ситуациях, связанных с властью, наблюдательные члены доминирующей группы пристально следят за различными аспектами их поведения. Чем больше диспропорция во власти между доминирующими и подчиненными и чем более произвольно она осуществляется, тем больше «публичная демонстрация» подчиненных будет принимать стереотипный, ритуальный характер. Другими словами, чем грознее власть, тем толще маска. В этом контексте Дж. Скотт сравнивает ситуации от диалога между друзьями равного статуса и власти, с одной стороны, до концлагеря, с другой, в котором «публичное послание» жертвы несет на себе отпечаток смертельного страха. Между этими крайностями находится подавляющее большинство исторических случаев систематического подчинения, которые разбирает автор концепции.

Любая модель стратификации дает достаточно надёжное представление о том, кто отдает приказы и кто получает приказы в каком-либо обществе. Наверху находятся те, кто управляет практически всем и не подчиняется никому; внизу – те, кто принимает приказы практически от всех и не отдает ни одного. Скотт определяет одну из стратегий такого взаимодействия как почтение, которое в своей реализации является одним из следствий устойчивости системы стратификации.

Проблема, с которой мы сталкиваемся при изучении «публичной демонстрации» почтения, сводится к следующему: как мы можем оценить влияние властных отношений на действия, когда осуществление власти практически постоянно? Например, мы начинаем измерять влияние присутствия учителя на класс учеников только после того, как он или она покинет аудиторию – или когда они покинут ее на перемене. Помимо того, что говорят ученики, их реакции по сравнению с их предыдущим поведением в классе, может кое-что сказать нам о влиянии школы и учителя на их поведение. Мотивы, стоящие за актами почтения, будут оставаться для нас непрозрачными до тех пор, пока не ослабнет власть, побуждающая к ним, или пока мы не сможем конфиденциально поговорить с теми, чьи мотивы мы хотим понять. Именно в этой последней сфере относительной дискурсивной свободы, вне пределов слышимости власть предержащих, по мнению Скотта, следует искать скрытую расшиф-

ровку. Разница между тем, что мы находим здесь, и тем, что говорится в присутствии власти, является приблизительной мерой того, что было подавлено в политической коммуникации, основанной на власти. По этой причине «скрытые послания» являются привилегированным местом для негегемонистского, контрапунктического, диссидентского, подрывного дискурса [1].

Власть над дискурсом обычно, но не всегда, тем менее однобока, чем больше подчинённый находится в своем самом интимном кругу. Однако это вовсе не означает, что действия подчинения перед контролирующим обязательно являются притворством, в то время как его поведение в кругу семьи и близких друзей обязательно искренне и правдиво. Причина, по которой мы не можем прийти к такому упрощенному выводу, заключается в том, что отношения власти вездесущи. Они различны на противоположных концах континуума господства-подчинения, но они никогда не отсутствуют. Властные отношения между подчиненными вовсе не обязательно строятся по демократическим принципам. Например, среди заключенных тюрем, которые все находятся под общим господством учреждения и его служащих, часто развивается тирания, столь же жестокая и эксплуататорская, как и все, что могут придумать охранники. В этом господстве внутри господства подчиненный заключенный должен более тщательно оценивать свои слова и поведение перед доминирующими заключенными, чем перед тюремным начальством.

Отношения доминации являются в то же время отношениями сопротивления. Установленное однажды господство не сохраняется само по себе. Поскольку оно предполагает использование власти для получения работы, производства, услуг, налогов против воли доминируемых, оно порождает значительное трение и может быть поддержано только постоянными усилиями по укреплению, поддержанию и корректировке. Значительная часть работы по поддержанию состоит в символизации господства путем демонстрации и применения власти. Каждое видимое, внешнее использование власти – каждый приказ, акт почтения, ранжирования, церемониальный приказ, каждое публичное наказание и е использование почетного или уничижительного термина – являются символическими жестами доминирования, которые служат для проявления и укрепления иерархического порядка. Сохранение любой модели господства всегда проблематично, и, учитывая сопротивление ей, что требуется для того, чтобы сохранить ее на месте?

Члены доминирующих групп, очевидно, учатся умению вести себя властно и самоуверенно в процессе собственной внутригрупповой социализации. Для наследственных правящих семей обучение, как правило, начинается с рождения; аристократ учится вести себя как аристократ, брамин – как брамин, мужчина – как мужчина. Для тех, чье положение не передается по наследству, требуется обучение на рабочем месте, чтобы сделать их убедительными в роли начальников, профессоров, военных, чиновников и т. д.

Важная функция любой «публичной декларации» – создание видимости единодушия среди правящих групп и видимости согласия среди подчиненных.

Феодалы, дворяне, рабовладельцы и брамины, например, участвуют в культурной интеграции, усиленной брачными союзами, социальными сетями и должностями, которая распространяется по крайней мере на провинциальный, если не на национальный уровень. Эта социальная интеграция отражается в диалекте, ритуальных практиках, кухне и развлечениях. Народная культура, напротив, имеет более локальные корни в плане диалекта, религиозных обрядов, одежды, моделей потребления и семейных связей. Однако, помимо фактов, кажется, что большинство правящих групп прилагают большие усилия для создания публичного образа сплоченности и общих убеждений. Разногласия, неофициальные дискуссии, комментарии не по делу сводятся к минимуму и, по возможности, убираются с глаз долой – на элитных званых обедах, в кулуары, в офицерские клубы, и в другие более неформальные, но защищенные места.

Преимущества скрытия разногласий от посторонних глаз достаточно очевидны. Если доминанты существенно противоречат друг другу, то они ослаблены, а подчиненные могут воспользоваться разногласиями и пересмотреть условия подчинения. Эффективный фасад сплоченности, таким образом, увеличивает видимую власть элит, тем самым, предположительно, влияя на расчеты, которые подчиненные могут сделать относительно рисков, связанных с неподчинением или неповиновением.

Скотт обращает внимание на такой термин как «социальное место». Если социальное местопребывание «публичной демонстрации» находится в публичных собраниях подчиненных, созываемых элитой, то из этого следует, что социальное местопребывание «скрытого послания» находится в несанкционированных и неконтролируемых тайных собраниях подчиненных. В европейской культуре эльхаус, паб, таверна, трактир, кабаре, пивной погреб, джин-завод рассматривались светскими властями и церковью как места подрывной деятельности. Здесь подчиненные классы встречались вне сцены и вне службы в атмосфере свободы, поощряемой алкоголем. Здесь также было привилегированное место для передачи народной культуры – воплощенной в играх, песнях, азартных играх, богохульстве и беспорядках – которая обычно противоречила официальной культуре [1].

Важность таверны или ее эквивалента как места антигегемонистского дискурса заключалась не столько в пьянстве, которому она способствовала, или в ее относительной изоляции от наблюдения, сколько в том, что она была главным местом несанкционированных собраний для соседей и рабочих низшего класса. Наряду с рынком, который был больше и более анонимным, таверна была самым близким к соседскому собранию подчиненных. Развитие кофейни и клуба в восемнадцатом веке создало аналогичное социальное пространство для растущего среднего класса и, в свою очередь, способствовало росту самобытной культуры среднего класса, оставив эль-хаус исключительно рабочему классу. Каждое место, в силу социального положения его обитателей, порождало особую культуру и характер дискурса.

Подобные места являлись пространствами для различных объединений, в которых проявлялось доверие между собирающимися и способствовало организации всевозможных союзов, профессиональных групп, гражданских инициатив. Получение и реализация социального и культурного капитала не возможно без «чёрного хода», который уводит от рутины и безысходности существования и поэтому потребность в такой капитализации жизни становится всё более актуальной для людей в периоды потрясений.

Источники:

1. Scott, J.C. (1990), Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcripts, Yale Univ. Press, NH; London, USA.

M. P. Zamotin *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

COLLECTIVE DISTRUST AND J. SCOTT'S "HIDDEN TRANSKRIPTS" THEORY

We consider such a phenomenon as "social capital", its dependence on trust relationships between subjects, social ties of society and relations of domination-subordination. J. Scott's concept of "hidden messages" was chosen as a methodological basis.

Social capital, hidden transkripts, social trust, the relationship of dominance-subordination, social communication

УДК 800.92:519.682

В. С. Звонов (*Санкт-Петербургский пожарно-спасательный колледж»*, e-mail: v_zvonov@mail.ru);
В. М. Кисельников (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*)

ЭВЕНТУАЛИЗМ И РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Рассматривается с позиций эвентуализма проблемы становления и развития образования в России в XXI веке. Анализируются причины реформации образования в России, ход реформы и результаты. Исследуется механизм реформирования целей и задач образования.

Эвентуальность, образование в России, цели и задачи образования, дальнейшие пути развития образования.

Время идет. Некоторые проблемы приобрели уже такие масштабы, что их успешное разрешение невозможно. Если мы не начнем действовать немедленно, то будет слишком поздно.

А. Кинг и Б. Шнейдер. Первая глобальная революция

Принцип Эвентуальности основан на ситуациях, располагающих к возможной действительности проявления каких-либо факторов или процессов. То есть любое эвентуальное образование есть принцип проявления одного из нескольких возможных вариантов, предрасполагающих к полному раскрытию тех или иных ресурсов человека [1]. Куда мы идем, а куда следует идти? Мир сегодня осознается, как единая система, для существования и развития которой необходимо общими усилиями справиться с рядом проблем, не поддающихся локальным, частным решениям. Такое осознание мира часто связывают с «новым глобальным мышлением».

Эвентуальность, как реализованная возможность, постоянно присутствует в нашей жизни. Наше будущее построено из определенных вариантов, которые воплощаются при том или ином их выборе. На такой выбор и влияет эвентуальный фактор. То есть определенное будущее может быть выбрано, а может и остаться нереализованным и уйдет в прошлое, как нереализованный вариант.

В конце прошлого века нас поставили перед выбором той или иной модели дальнейшего развития нашего общества. Мы не определили цель, но решились реформировать самое сложное – всю систему образования. Образование –это фундамент страны. Наличие высококвалифицированных кадров подразумевает собой рост потенциала государства.

Кризис 90-х годов отразился не только на социально-экономическом, культурном и политическом состоянии России. Кризис оставил свой отпечаток на системе образования страны. Несмотря на то, что в 90-е годы были предприняты некоторые шаги по реформированию образования, средства на реализацию этих программ практически не выделялись. Недостаточное финансирование государственных образовательных учреждений привело к оттоку из средней и высшей школы квалифицированных преподавательских кадров, к кризису вузовской науки и падению уровня и качества образования.

Согласно статистике, в 1989 г. лишь 10% выпускников средней школы проявляли интерес к учебе. В 1987 г. 50% опрошенных учащихся старших классов поставили образование в середине перечня социальных ценностей - после дружбы, любви, силы, поп-музыки, денег и т. д.

Произошедшие в 1990-е годы в России кардинальные перемены в политической, социально-экономической и других сферах настоятельно требовали адекватных шагов в образовательной сфере. Модернизация образования в России была необходима в связи с информационно-технологическим развитием в XXI веке. Оно подразумевало собой, что определяющим в конкуренции государств будет уровень образованности нации, ее способность развивать прогрессивные технологии.

В начале 2000-х для реформирования образования появилось больше возможностей –рост экономического потенциала страны. В октябре 2000 года правительство утвердило Национальную доктрину образования в Российской Федерации [2]. Доктрина подразумевала собой поэтапное увеличение расходов на систему образования, для того чтобы через 25 лет вывести финансирование образования на уровень развитых стран. В декабре 2000 г. правительство приступило к разработке Программы информатизации в 2001–2005 гг. всей сферы российского образования. В бюджете на 2001 г. образование стало самой крупной статьей расходов бюджета, обогнав финансирование обороны. В стране из 68 тыс. школ две трети представляли собой сельские школы. В этой связи уже в 2001 г. правительство выделило более 2 млрд руб. на масштабную программу компьютеризации сельских школ России, во все школы страны была доставлена новая учебно-методическая литература, впервые за долгие годы. Кроме того, уменьшена задолженность в заработной плате учителям, ВУЗам стали выделять деньги на коммунальные платежи, компьютеры, библиотеки, учебное оборудование, ремонт.

Несмотря на успехи в области образования, было решено не экстренно реформировать данную сферу, а модернизировать ее путем эксперимента. Последний подразумевал: введение 12-летнего школьного образования, замену вступительных экзаменов единым государственным тестированием, введение государственного стандарта образования и государственных именных финансовых обязательств (ГИФО), деление стипендий на социальную (нуждающимся) и академическую (за высокие результаты), оптимизацию сети сельских школ.

С вступлением России в Болонский процесс в 2003 году произошли изменения в структуре высшего образования. Болонский процесс подразумевал собой переход к новой системе в области высшего образования по западному образцу. Младореформаторы думали, что присоединение России к Болонскому процессу даст новый импульс модернизации высшего профессионального образования, откроет дополнительные возможности для участия российских вузов в проектах, финансируемых Европейской комиссией, а студентам и преподавателям высших учебных заведений – в академических обменах с университетами европейских стран. Разумеется, что к реализации подошли аккуратно. Уже в 2007 году Путин подписал закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)». Законом в России была введена двухуровневая система высшего образования: высшее профессиональное образование – бакалавриат и высшее профессиональное образование – магистратура, или специалитет.

Нормативная модель будущей системы образования во многом была сопоставима с моделью Болонского процесса, обладающей следующими основными характеристиками:

– акцентируется внимание на индивидуальной полезности высшего образования, услуги которого оплачиваются за счет средств обучаемых или их семей, а само образование рассматривается как инвестиция с целью получения будущих конкурентных преимуществ на рынке квалифицированного труда;

– высшее образование функционирует как система регулируемых рыночными отношениями автономных образовательных организаций;

– базовый уровень высшего образования, получаемый в рамках бакалавриата, сочетается с возможностью специализироваться и продолжать обучение в течение всей жизни (концепция непрерывного образования), что обеспечивается многоуровневостью образовательных программ, академической мобильностью, свободой выбора образовательной траектории;

– эффективность определяется степенью удовлетворения образовательных потребностей обучающегося при минимизации личных расходов на обучение, при повышении его самостоятельности и ответственности за результаты обучения.

В 2001 г. правительством РФ одобрена Концепция модернизации российского образования до 2010 г., где в качестве цели модернизации образования указывалось создание механизма устойчивого развития системы образования.

Для достижения указанной цели предполагалось решение следующих взаимосвязанных задач:

1) обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного образования;

2) достижение нового современного качества дошкольного, общего и профессионального образования;

3) формирование в системе образования нормативно-правовых и организационно-экономических механизмов привлечения и использования внебюджетных ресурсов;

4) повышение социального статуса и профессионализма работников образования, усиление их государственной и общественной поддержки;

5) развитие образования как открытой государственно-общественной системы на основе распределения ответственности между субъектами образовательной политики и повышения роли всех участников образовательного процесса – обучающегося, педагога, родителя, самого образовательного учреждения.

Реформы впитали в себя как «конфетку» из целевой программы правительства (улучшение финансирования преподавательского состава и самих учебных заведений, оснащение их компьютерами, доступом в интернет, укрепление материально-технической базы в целом), так и горькую пилюлю кардинального изменения школьных программ.

Под нож пошли все основные предметы советской школы. По три часа в неделю получили русский язык, математика, естествознание, иностранный язык, обществоведение. Остальные дисциплины удостоили статуса «дополнительных модулей», направленных на «гуманизацию, гуманитаризацию», получение навыков коммуникации и т. д.

У нас был выбор, и сделали его в соответствии с накопленными качествами в матрице души создателей этой доктрины. Эвентуальный фактор позволяет реализовать эту возможность. Но иногда лучше нерелизованность, т. е. то будущее, которое последует за таким выбором могло бы и не существовать, но оно реализуется и может быть даже программа жизни быть окончена раньше нужного времени, чтобы уберечь общество от дальнейшей деградации.

В 2001 году один из авторов доклада был среди группы 35 видных деятелей науки, культуры и образования, которые подписали Открытое письмо [4] Президенту, Правительству, Госдуме, в котором высказывалось категорическое несогласие с Концепцией реформирования образования, представленной в проекте программы Правительства Российской Федерации.

В этом письме отмечалось, что «Предлагаемая Правительством реформа образования представляется научно необоснованной, и по своим последствиям разрушительной для всей системы Российского образования.

В основе постановки вопроса о необходимости реформы образования лежит ряд ошибочных (надуманных) положений:

В частности, утверждается, что отечественное образование, включающее как дореволюционный период, так и советское время, является отсталым, плохим и неспособным обеспечить развитие общества в постсоветский период.

На самом деле Российское образование было и остается, несмотря на безобразные условия его содержания государством, одним из лучших в мире. И это не случайно, так как оно создавалось и поддерживалось гениальными

людьми и реформаторами, выдающимися просветителями, педагогами и мыслителями России. Мы имели до Реформы непревзойденные школы искусств музыки и балета, художественные академии, специальные школы для одаренных детей, как в области естественных наук, так и гуманитарных наук (физико-математические, биологические, гуманитарные школы, школы с углубленным изучением иностранных языков и тому подобное). Еще в совсем недалеком прошлом все эти возможности принадлежали всему населению страны. Именно это позволило России первой выйти в космос и совершить еще ряд общечеловеческих подвигов в области науки и культуры.

В письме отмечалось, что в настоящее время ученые России, выпускники ВУЗов и целые потоки студентов российских ВУЗов переманиваются за рубеж. По имеющимся данным уехало 80% математиков, 50% физиков, 30% биологов. В «Силиконовой долине» – Национальном центре микроэлектроники Соединенных Штатов – 60% специалистов русские. Общие потери страны в результате разбазаривания интеллектуального потенциала, по оценкам специалистов, составляют от сотен миллиардов до нескольких триллионов долларов. Таким образом, утверждение, что мы имеем несовременное отечественное образование, лишено смысла. Мы имеем не только первоклассное образование, но и, в значительной степени, опережающее мировой уровень. К этому привела Болонская конвенция.

Заимствование системы зарубежного, в особенности американского образования, является совершенно несвоевременным, по сути своей, ошибочным и регрессивным». Отмечалось, что реформа для поддержки образования в предложенном варианте не нужна. В письме предложен был целый ряд экстренных мер для развития образования в России. Среди них было отмечено: «…Актуальнейшей задачей является разработка концепции нравственного воспитания, которое должно пронизывать всю систему образования от дошкольных учреждений до ВУЗов. Восстановление общественной морали на настоящем этапе является главной задачей всего общества и в первую очередь задачей образования».

На это Открытое письмо не последовало никакой реакции, а реформы шли полным ходом. Сегодня можно оценить некоторые последствия реформы, они дают о себе знать.

В 2020 году мы отметили 20-летие того памятного съезда работников образования, запустившего реформу образования. Но страна не заметила этого "юбилея". А вот последствия замечает: люди с тремя дипломами о высшем образовании и знаниями, близкими к нулю, – теперь нередкое явление в нашей стране. Бакалавриат и магистратура стали двумя основными ступенями высшего образования, фактически легитимизировав «раскол» образовательного пространства на элитарное и массовое. Магистратура представляет сегодня элитарный сегмент высшего образования. Поступить в магистратуру в современной России могут далеко не все желающие из числа бакалавров, большая часть мест в магистратурах, особенно по востребованным специальностям, –

платная. По большому счету, магистратура задумывалась как институт подготовки управленцев и научно-педагогических работников, а бакалавриат – как институт подготовки специалистов массовых профессий – учителей, инженерно-технических работников, служащих. В европейских странах потребность в бакалавриате мотивировалась социально-демографическими особенностями: в результате «старения» населения Европы и массовых миграционных потоков из стран «третьего мира», возникла необходимость в ускоренной подготовке специалистов с высшим профессиональным образованием из числа мигрантов. То есть, экономические потребности европейских стран продолжают определять их политику в сфере образования. В России потребность в бакалаврах изначально отсутствовала, поскольку, во-первых, далеко не каждый работодатель готов взять бакалавра, рассматриваемого как «недоспециалист», «недоучка», а во-вторых – просто нет потребности в ускоренной подготовке специалистов, особенно в ущерб качеству самой подготовки.

Недоученная молодёжь ищет свои перспективы в гуманитарной сфере. Из техникумов и вузов повалили толпы юристов, экономистов, «менеджеров высшей квалификации». А реальной экономике требовались толковые станочники, сварщики, слесари, техники, инженеры и т. д. Но кто же пойдёт учиться на слесаря или ткачиху, когда по телевизору сплошь успешные адвокаты и бизнесмены.

В советской системе доступ к высшему образованию был подчинен госплану. Его получали не больше 20% выпускников школ. В СССР количество желающих пойти учиться в вузы к концу советской власти превышало число мест в три раза. В 90-е это вдруг стало возможным.

Массовизация высшего образования отразилась на его качестве. Одно дело, когда в вузы шли 20% лучших, другое – когда пришли уже 60%. Если бы тогда был ЕГЭ, мы бы сказали, что при советской власти в вузы шли только студенты, у которых результат был выше 80 баллов, а потом пошли те, у кого он был выше 50. Кроме того, и в преподаватели тогда кто только не шел, что также ухудшило качество образования.

Современные исследователи образования отмечают, что идея всеобщего обучения исчерпала себя. Например, педагог Г. Тэйлор в книге «Фабрика марионеток. Исповедь школьного учителя» [5] замечает, что сегодня образование – капитал конкретной личности, а вовсе не государства. Учась, человек вкладывает усилия в своё будущее, обеспечивает себе интересную профессию и достойную работу нередко за пределами своей страны, поэтому увеличение финансирования школ выглядит нерационально.

По мнению Тэйлора, нужно увеличивать не бюджет учебных заведений, а менять сами принципы: прусская модель была сформирована потребностями времени, но времена меняются. Сегодня, чтобы адаптироваться под чудеса и ужасы, которые преподносит нам современный мир, человеку необходимо обладать свободой самостоятельного исследования и критическим мышлением,

а вовсе не покорностью исполнять чьи-то указы и умением выучивать учебник от корки до корки.

Таковы грустные итоги реформ. У нас был выбор. Мы его сделали.

Источники:

1. Секлитова Л. А., Стрельникова Л. Л. Философия Вечности. Контакты с Высшим Космическим Разумом. М.: Амрита-Русь, 2004. 400 с.

2. Национальная доктрина образования // Российская газета, 11 окт. 2000. URL: https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html (дата обращения: 22.12.2021).

3. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2001 года 1756-Р (п. 2). URL: http://www.myshared.ru/slide/243972/ (дата обращения: 22.12.2021).

4. Открытое письмо о реформе образования // Горбачев-фонд. 19 сент. 2001//. URL: https://www.gorby.ru/presscenter/news/show_254/ (дата обращения: 23.12.2021).

5. Джон Тэйлор Гатто. Фабрика марионеток. Исповедь школьного учителя. М. Издательство: Генезис, 2006. Серия: Счастье как образ жизни //. URL: https://www.litmir.me/br/?b=101825

V. S. Zvonov *(Saint-Petersburg Fire College);*
V. M. Kiselnikov *(Saint-Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

EVENTUALISM AND EDUCATION REFORM IN RUSSIA IN THE XXI CENTURY

Problems of formation and development of education in Russia in the XXI century are considered from the perspective of eventism. The reasons for the reform of education in Russia, the course of the reform and the results are analyzed. The mechanism of reforming the goals and objectives of education is investigated.

Eventuality, education in Russia, goals and objectives of education, further ways of developing education.

УДК 101.2:122

А. Ф. Иванов (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: afivanov@etu.ru)

В ПОИСКАХ ЕДИНСТВА

Предпринята попытка очертить контуры философского дискурса поиска единства в мироздании, развертывание которого может привести к тому, что космология бытия будет дополнена космологией смысла. И не наступит ли новый ренессанс единства макрокосма и микрокосма?

Единство, смысл, космология смысла, космология бытия, коэволюция, интенция

Смысл. Структура. Плюрализм. Интенция. Дискурс. Деконструкция. Маргинальность ... – Этот терминологический ряд можно продолжать и далее. Что могут означать эти термины? Ответ прост и философски очевиден: этот ряд терминов как выражение интенций сознания субъекта, возникающих при освоении новых смысловых «территорий», является результатом интерпретации некоторого текста (в широком смысле). А если еще принять во внимание такое событие как вступление горизонта автора и горизонта интерпретатора (т. е. моего) в «промежуточную» и совершенно уникальную область эйдетических сущностей, то можно себе представить степень творческой «оформленности» интенциональности моего сознания. Эта степень есть результат прогрессирующей замкнутости и, в какой-то степени, «эзотеризма» значительной части современной философии, детерминированных изощренной терминологической игрой при конструировании онтологий и, как следствие, потерей единства.

Безусловно, разнообразные трендовые философские течения современности (постмодернизм, феноменология, герменевтика, аналитическая философия и др.) самим фактом своего существования выражают кризис современной западной интеллектуальной культуры и являются носителями постнеклассической философской парадигмы, векторы которой составляют индивидность, нерациональность (вплоть до иррационализма), прагматичность, эстетизм, событийность, бессознательное и чувственное в человеке, самость и субъективность. Конечно же, без такой переориентации философской рефлексии не может идти речи о поиске и обретении новой культуры, которая была бы избавлена от всепоглощающей объективности объективации, инициированной научно-техническим прогрессом. Но вместе с тем возникает чувство тревоги и, даже – опасности, вызванные некритическим «нырком» в горячий омут нерационализма, бессознательного, субъективности и т. д., который в свою очередь спровоцирован холодным проливным дождем тотальной объективации, рационализации, технологизации и т. д., составляющих в своей совокупности классическую парадигму в философии.

Противостояние сначала классической и неклассической парадигм, а затем неклассической и постнеклассической в современной философии может быть разрешено, «снято» движением культурного процесса. Подобно тому, как в науке постоянно меняются онтологии и обнаруживаются новые связи между известными фактами, равно как и устанавливается новые факты, философия может согласовать разнородные течения и направления, системно сплавить разрозненные, а подчас и противостоящие друг другу методологии, сделать более «прозрачными» сквозные понятия, обосновать систему фундаментальных принципов. В самом общем смысле речь идет о диалоге культур, идея которого прочно укоренилась в социогуманитарных исследованиях различной направленности. Концентрированным же выражением такого диалога является философский диалог [1, 2, 3]. Экспликация последнего безгранична, но вместе с тем достаточно определенна в событийности философии Запада и Востока, в многовековой философской традиции и современного философствования (например, в горизонтах западной философии), в философской антропологии и философии науки и техники и т. д. Другими словами, философский диалог диасинхронен (разворачивается во времени), но в то же самое время и синхронен (разворачивается в пространстве). Например, герменевтика нацелена на «диасинхронные» измерения философского диалога, неопозитивизм же – на «синхронные». – Это всего лишь абстрактная схема, в силу чего она далека от истины. Но она может стать «правдоподобной», трансформировавшись в процесс реализации тотального проекта, в котором тотальность есть лишь горизонт, но горизонт, рождающий интенции в субъекте, заставляющий его искать и творить смыслы. Таким образом абстрактная схема может трансформироваться в конкретное движение – актуальное творчество мыслящего человека.

Возможно, кто-то усмотрит в этих рассуждениях эклектику, мешанину терминов, которые вызваны к жизни различными философскими концепциями. Но это не более чем отражение в индивидуальном сознании автора все той же эклектики и терминологической мешанины, имеющей место в самой же современной философии. Какую цель преследует автор, погружаясь в этот философский бульон? – Ясную и простую: попытаться постичь всеобщее (конечно не абсолютно) и вместе с тем сохранить свою индивидуальность со всеми ее тайнами, коренящимися в бессознательном и субъективном. Возможно ли такое? Если да, то как этого достичь?

Убежден, что это возможно. – Путем обретения (но сначала, безусловно, надо найти) единства культуры для всех актуальных и потенциальных субъектов. Хотим мы того или нет, но творческий дух человека (человечества как целого и каждого отдельного человека) погружен, бытийствует в едином теле культуры, которое очень часто представляется рефлектирующему субъекту в виде химеры, порожденной воображением философа или культуролога. Изгнание химеры возможно только в том случае, если сама культура и составляющие ее смыслы будут соотнесены с некультурным (внекультурным) и бессмыслен-

ным (немыслимым, неосмысленным). То есть, основания культуры следует искать в природе, в которую она погружена, а не в цифровом мире. Если действительно культура представляет собой пространство генерации, обмена, хранения, перевода смыслов с одного языка на другой, то коренятся смыслы не в самой культуре, а в ее основаниях, т. е. в природе, а точнее в информационных процессах, протекающих в ней. Можно сказать, что смысл есть точка пересечения информационных процессов. Но сама эта точка представляет собой многогранник. Обретение смысла субъектом есть открытие, фиксация какой-либо грани этого многогранника. Движение субъекта от одной грани-смысла к другой или от одного многогранника (пласта культуры) к другому есть сугубо индивидуальный, уникальный процесс. Один и тот же смысл два субъекта «видят» с разных сторон (со стороны разных граней). Они могут достичь единомыслия (в диалектическом смысле), сделав (и это будет со-творчество) эти грани более «прозрачными» друг для друга, потому что они бытийствуют в одном и том же мире, пронизанном одними и теми же информационными процессами, протекающими по одним и тем же закономерностям. Однако, полное совпадение смыслов принципиально невозможно, так как смысл окрашен субъективностью, а значит, индивидуальность и уникальность каждого субъекта присутствуют в процессе смыслообразования. Кроме того, абсолютному слиянию смыслов, сотворенных двумя субъектами, препятствует объективное пространство-время, в котором бытийствуют данные субъекты, не говоря уж о сугубо индивидуальном восприятии пространства-времени каждым из субъектов.

Итак. Рождение смысла предполагает в качестве своего основания со-творчество бытия и мышления, объекта и субъекта. Смысл укоренен в бытии, в котором он существует как потенциальный горизонт интенций сознания субъекта. Актуальное существование он приобретает только благодаря деятельности субъекта, направленной на данное бытие. Можно сказать иначе: в процессе взаимодействия субъекта и объекта происходит суперпозиция потенциального горизонта смысла в бытии и актуального (целеполагающего, а значит и интенционально оформленного) горизонта сознания (мышления) субъекта.

Все вышесказанное наводит на мысль о философском проекте будущего или, используя постмодернистскую терминологию, о новом нондеконструктивистском дискурсе – построении космологии смысла (смыслов). Принципы построения такой философско-культурологической системы, по возможности, должны удовлетворять основным интенциям современной философии и, конечно же, культуры. Среди них, возможно, найдется место и таким принципам, как принцип коэволюции природы и общества (со-творчество бытия и мышления, объекта и субъекта), принцип системности (иерархия смыслов во врѐменном и пространственных горизонтах), принцип открытости (космология смысла в принципе не может быть завершена, даже в рамках одного пласта культуры).

Смысл (или лучше сказать метасмысл) космологии смысла заключается в том, что она синтезирует основные интенции культуры и ее результаты. Она же есть начальный пункт последующего и ветвящегося культурного процесса. Ее

главная функция – «регулирование» процесса смыслотворчества, полагание номологической основы взаимодействия смыслов, их эволюции.

Хочется надеяться, что очерченный выше философский дискурс, по крайней мере, будет способствовать порождению интенции сознания философов и культурологов, направленную на поиск единства в мироздании – с одной стороны, и в культуре – с другой стороны. Может быть тогда космология бытия, идея которой уже вполне осознается философией науки, равно как и самой наукой, будет дополнена космологией смысла. И не наступит ли новый ренессанс единства макрокосма и микрокосма? И не будет ли это началом новой культуры – культуры со-творчества (коэволюции) природы и человечества, объекта и субъекта, бытия и мышления [4, 5, 6]?

Источники:

1. Библер В. С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.

2. Россия в диалоге культур / отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, Б. О. Николаичев. М.: Наука, 2010.

3. Диалог культур. Культура диалога: от конфликта к взаимопониманию/ ред. Викулова Л. Г., Тарева Е. Г., Борботько Л. А., Герасимова С. А., Макарова И. В. – Материалы Второй международной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 г. – Изд-во ООО «Языки Народов Мира», 2020 и др.

4. Гордиенко А. А. Антропологические и культурологические предпосылки коэволюции человека и природы: философско-антропологическая модель коэволюционного развития. Новосибирск, 1998.

5. Стоцкая Т. Г., Яковлева Е. А. Философия коэволюции // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. № 1(6). 2021.

6. Weisz, H.; Clark, E. Society-nature coevolution: interdisciplinary concept for sustainability, Geografiska Annaler: Series B, Human Geography 93, 2011. Pp. 281–287.

A. F. Ivanov *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

IN SEARCH FOR UNITY

An attempt has been made to outline the contours of the philosophical discourse of the search for unity in the universe, the deployment of which can lead to the fact that the cosmology of being will be supplemented by the cosmology of meaning. And will there be a new renaissance of the unity of macrocosm and microcosm?

Unity, sense, cosmology of meaning, cosmology of being, coevolution, intension

УДК 316.775

Т. В. Ивашковская (*Российская академия народного хозяйства и государственной службы Северо-Западный институт управления,*
e-mail: tv_ivashkovskaya@mail.ru);
В. А. Павлов (*Российская академия народного хозяйства и государственной службы Северо-Западный институт управления*,
e-mail: vladimir5949@rambler.ru)

СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВА В МЕДИА-ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рассматривается основные модели взаимоотношений СМИ и государства. Особое внимание уделяется эволюции российской модели. Показано, что сегодня складывается смешанная – государственно-рыночная – модель с доминирующим положением государства.

Информация, информационные технологии, масс-медиа, модель, этатизм

Проблема взаимоотношений СМИ и государства, вероятно, столь же стара, как и сами информационные средства. Попытки на основе сравнительного анализа этих взаимоотношений в различных странах выявить их сходные черты и различия для выработки соответствующих моделей как неких «идеальных типов» возникли сравнительно недавно.

Одна из первых таких попыток была предпринята еще в конце минувшего столетия американским ученым, специалистом в области массовой коммуникации Сидни Хэдом, выделившим три модели управления СМИ, которые сложились в XX в.: попустительскую (дозволяющую), патерналистскую (попечительскую) и авторитарную. Это – так называемые «чистые типы», в то время как в реальности чаще всего встречаются модели смешанные – с той или иной долей «чистых типов». Так, С. Хэд утверждал, что типичным примером «попустительского» управления являются США, где вещание и пресса отданы в руки частного предпринимательства. «Патерналистское» управление сложилось в Великобритании – здесь в интересах «общего блага» контроль над крупнейшими СМИ осуществляется общественностью через специальные советы, которые государство наделило особыми полномочиями. Наконец, примером «авторитарного» управления был СССР, где контроль над СМИ осуществлялся правящей партией и ее бюрократическим аппаратом [1, С. 90–93].

Предложенные модели отразили, по меньшей мере, два аспекта взаимоотношений масс-медиа и государства – политический и экономический. Политический выражается в степени контроля деятельности СМИ со стороны государства и, как следствие, в степени свободы слова для журналистов и свободы доступа к информации для общества. Экономический аспект составляет

вопрос о собственности на средства массовой информации – частной, государственной или иной. Очевидно, что эти два аспекта находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Спустя некоторое время отечественный исследователь Ю.М. Розанова предложила свое видение моделей взаимоотношения СМИ и государства, получившее широкое признание в отечественной литературе. Это, во-первых, этатистская модель государственного контроля деятельности СМИ; во-вторых, рыночная модель, в основе которой лежит частная собственность на СМИ; в-третьих, общественная модель (public broadcasting), где СМИ контролируются общественными советами и финансируются за счет абонентской платы [2, С. 107–122]. Нередко выделяют еще четвертую – смешанную – модель, которая в том или ином сочетании включает элементы двух или всех трех предыдущих.

В качестве примера этатистской модели приводится СССР, где электронные СМИ были в ведении Государственного комитета по телевидению и радиовещанию при Совете Министров СССР, а пресса функционировала под контролем Госкомпечати. Финансовые средства на эту деятельность выделялись из бюджета, что обеспечивало государственный контроль над содержанием передач и публикаций. Рыночная модель сложилась в США во второй половине XX века. Модель общественного вещания получила признание в странах Европы, в первую очередь в Великобритании, где ярким примером является деятельность Би-Би-Си (BBC).

Нетрудно заметить, что перечисленные модели обоих исследователей имеют много общего, и в их основе лежат упомянутые выше политический и экономический аспекты.

Для нас важен вопрос: какая модель отражает стратегию государства в медиа-пространстве современной России и какие изменения к ней привели?

В начале 90-х гг. XX в. наблюдается постепенный отход от модели государственного регулирования деятельности СМИ – создается институт собственников в сфере вещания, появляются первые медиа-холдинги. Крупнейших медиамагнатами стали Б. А. Березовский (издательский дом «КоммерсантЪ», «Независимая газета», контроль над ОРТ, ТВ-6 и др.) и В. А. Гусинский (холдинг «Медиа-Мост», телеканал НТВ). К середине 90-х гг. внушительные информационными ресурсами В. О. Потанин (контроль «ОНЭКСИМ-банка» над «Известиями», «Комсомольской правдой», «Коммерсант-Дейли» и др. Более скромные позиции в медиа-сфере занимала группа «Менатеп» М. Б. Ходорковского [3, С. 70–74].

Результатом формирования новой модели, по признанию И. И. Засурского, стала «какофония радикальных точек зрения» [4, С. 41–42], с одной стороны, существенно усиливающая роль российских СМИ в качестве института формирования публичной политики, а с другой – радикализирующая общественные настроения.

Институциональная неразвитость и недостаточная устойчивость российской политической системы привели к тому, что СМИ становятся полноправными участниками политического процесса: крупнейшие медиа-холдинги и информационные агентства, контролируемые частным капиталом, фактически стали играть роль политических партий, определяя конфигурацию политической системы и разыгрывая информационный политический спектакль. Сложилась своего рода «медиаполитическая система» [5, С. 114], прикрывающая, как «ширма», интересы своих владельцев – крупных банков и корпораций, таких как «Альфа-групп», «Лукойл», «Менатеп», «ОНЭКСИМ банк» и др.

Ситуация стала меняться после президентских выборов 1996 года. Государство стало осознавать, какой огромной пропагандистской силой обладают средства массовой информации, способные за месяц превратить непопулярного кандидата в популярного. Далее оставлять такую силу в частных руках было политически недальновидно. Именно поэтому к концу 90-х гг. XX в. начинает наблюдаться повышение активности государства в медиа-пространстве. Это стало заметным в 1998 г. когда был создан комплекс ВГТРК, демонстрирующий намерения государства восстановить утраченные в сфере медиа позиции и вернуть управление медийными ресурсами.

В начале нынешнего столетия наблюдается закат «эры олигархов» в медиасфере. Ключевыми событиями стали включение НТВ в структуру «Газпром-медиа», превращение ОРТ в 2002 г., которое так и не стало общественным, в государственный «Первый канал». Канал РТР (с 2002 г. «Россия»; с 2010 г. «Россия-1») четко обозначил свое место в информационном пространстве как главный ресурс государственной пропаганды.

Оживление активности государства в информационной сфере привело к очередному изменению модели взаимодействий между властью и средствами массовой информации: от рыночной модели к усилению государственного регулирования и контроля деятельности СМИ.

Сложившейся в современной России модели нельзя дать однозначное определение. Она не отрицает полностью предыдущую, хотя в среде оппозиционных власти журналистов часто приходится слышать заявления о «зачистке» информационного поля. Новая модель содержит элементы этатистской и рыночной, хотя эти элементы распределены по различным секторам информационного поля. Так, значительная доля СМИ учреждены и контролируются частными владельцами, но они преимущественно специализируются на деловой, спортивной и развлекательной тематике. В то же время средства массовой информации, специализирующиеся на социально-политической проблематике, как правило, контролируются государством. В этом и состоит стратегическая линия государства в информационной сфере – частных СМИ должно быть много и разных, но возможности их влияния в вопросах идеологии, политики, социальных отношений не должны превышать возможностей влияния контролируемых государством медийных средств.

В последние годы в российской модели регулирования деятельности СМИ стали заметны новые тенденции. Все чаще дискуссии социально-политического характера стали смещаться в направлении виртуального интернет-пространства. На просторах интернета развернулись настоящие политико-идеологические битвы. И в этих битвах государство первоначально сдавало одну позицию за другой, поскольку его критики активнее и гибче использовали новые информационные технологии в своих политических целях. С целью восстановления утраченных позиций и усиления контроля над интернетом российское законодательство приравняло в «сетевые издания», т. е сайты в сети «интернет», к СМИ, подлежащим регистрации в качестве средств массовой информации и, следовательно, подпадающим под контроль государственных органов – Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзора). Следующим шагом государства стало активное освоение виртуального пространства государственными СМИ, которые все активнее осваивают интернет-площадки и сетевые ресурсы для продвижения своих политических и идеологических установок.

Даже с учетом новейших тенденций в развитии и функционировании информационно-коммуникационной сферы доминирующая роль государства в информационном пространстве над частным капиталом, тем более над контролем со стороны общественных структур (структур гражданского общества) очевидна. Поэтому сложившуюся модель можно определенно назвать смешанной, при этом с очевидным доминированием государственного контроля над информационными средствами.

Формирование такой модели можно объяснить отсутствием механизма баланса интересов государства, общества и частного капитала в сфере функционирования информации. Отсутствие баланса вызвано недостаточной развитостью структур гражданского общества, ограничивающих сферу государственного влияния в области производства и распространения информации. Перспективным направлением дальнейшей эволюции российской модели взаимоотношений государства и СМИ и разумной стратегией государства, по нашему мнению, могло бы стать движение в сторону баланса и согласования интересов всех участников информационного процесса, а именно теле- и радиовещания, прессы, журналистов, частного капитала, общества и государства, опирающихся на систему правового регулирования и контроля, гарантирующую соблюдение этих интересов.

Источники:

1. Head S. World Broadcasting Systems. A Comparative Analysis. Belmont. Calif.: Wadsworth Pub., 1985.

2. Розанова Ю. М. Телевидение и государство: теоретические модели взаимодействия и российская практика // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 1994. № 4.

3. Гуторов В. А., Давыдов Л. В. Свобода информации в посткоммунистической России – миф или реальность // «Европейская Конвенция о правах человека»: теоретические проблемы и практика реализации в современной России: Сб. статей. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2002.

4. Засурский И. И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы. М.: Изд-во МГУ, 2001.

5. Засурский И. И. Медиаполитическая система // Средства массовой информации России. М.: Аспект Пресс, 2011.

T. V. Ivashkovskaya *(Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration North-West Institute of Management of RANEPA);*
V. A. Pavlov *(Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration North-West Institute of Management of RANEPA)*

THE STRATEGY OF THE STATE IN THE MEDIA SPACE OF MODERN RUSSIA

The article discusses basic models of interaction between the state and the mass media with a specific focus on the development of the current Russian model. The research demonstrates that a mixed (state-market) model is currently developing, with the state component dominating.

Information, information technology, mass media, model, etatism

УДК 172:004.8

А. В. Ильина (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: a.ilyina2045@gmail.com)

ЭТИКА ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В работе рассматриваются вопросы, связанные с определением понятий «новая этика» и «прикладной искусственный интеллект». Анализируется связь между этикой и прикладным искусственным интеллектом. Раскрываются теоретические основы и особенности применения «новой этики» в контексте социального функционирования прикладного искусственного интеллекта.

Этика, «новая этика», социальный конструкционизм, виды искусственного интеллекта, этика искусственного интеллекта, прикладной искусственный интеллект

Мы живем в эпоху цифровых технологий, когда мир активно перестраивается, появляются новые социальные дискурсы, требующие внимания мирового научного сообщества. Одним из таких дискурсов становится «новая этика» и характерная для нее проблематика. Количество контекстов обращения к ней, а также ее интерпретаций постепенно растет; в частности, к настоящему моменту их насчитывается не менее шести:

– этика феминистического движения в западных странах, начавшаяся на рубеже XIX–XX вв. [1];

– концепция Э. Нойманна, изложенная им в книге «Глубинная психологии и новая этика» [2];

– экологическая этика, которая призвана создать более благоприятные условия для жизни на нашей планете [3];

– этика применения новых технологий и новых материалов в современных условиях [4, 5];

– новая глобальная этика, построенная на принципах альтруизма, эмпатии, равенства позиций в социальной системе, ценностных ориентаций и пр. [6];

– новые, глобальные процессы в этической (моральной) картине мира и социальной практике западных стран, направленные на пересмотр ценностных установок культуры и гуманитарного знания в вопросах расизма, колониализма, сексизма и иных форм империализма, а также осмысление данных процессов в рамках отечественного социального пространства [7, С. 91–92].

Каждое из этих шести направлений имеет свой предмет и специфику исследования; единства в их трактовке, насколько нам известно, нет. Более того,

не все специалисты согласны признавать обоснованность введения в научный оборот понятия «новая этика» (см. подробнее [1]). Озвучиваются сомнения в «новизне» «новой этики», указывается на неясность критериев отделения ее от так называемой «старой» этики. Ставится вопрос о том, нужна ли подобная «новая этика», и не является ли она попыткой сделать моральными и нравственными те аспекты общественной жизни, которые прежде считались недопустимыми и неприемлемыми.

Тем не менее, некоторые закономерности использования обсуждаемого термина обеспечивают его сохранение в интеллектуальном пространстве научных исследований. Во-первых, ввиду того, что ряд форм социальных взаимодействий и изменений в отношениях между людьми активнее всего обсуждаются именно в русле «новой этики», их рассмотрение в ином контексте может быть несколько неестественным. Во-вторых, поскольку прилагательное «новый» применительно к этике в данном случае нередко привлекается в ситуациях, когда в силу вступают новые технологии (экологические, нанотехнологические, компьютерные, коммуникационные и др.), с его помощью оказывается продуктивно анализировать вопросы о границах и результатах воздействия этики на технические стороны современной социальной жизни.

В числе прочего, наработки «новой этики» распространяют и на такую область изучения искусственного интеллекта (далее – ИИ), как этика прикладного ИИ. В этом плане вопрос о воздействии «новой этики» на имплементацию технического компонента современной социальной жизни можно сузить до вопроса о том, какое влияние оказывает «новая этика» на прикладной ИИ? Чтобы ответить на этот вопрос, следует, во-первых, дать определение прикладного ИИ; во-вторых, установить как этика связана с прикладным ИИ; в-третьих, выявить теоретические основания и особенности применения «новой этики» в контексте прикладного ИИ, – и сделать выводы.

В настоящее время под ИИ принято понимать основанные на машинном обучении интеллектуальные системы, расширяющие потенциал человека благодаря их способности к обучению, действиям над информацией, ее распознанию и осмыслению [8]. При этом фиксируется концептуальный сдвиг от поисков аналогий между искусственным и человеческим интеллектом к сопоставлению методов, которыми компьютер и человек решают задачи [9, С. 22]. Делается вывод, что эти методы не обязаны быть похожими, что вносит коррективы в способы выявления видов ИИ. Наблюдается переход от противопоставления сильного и слабого ИИ, которые соотносятся с человеческим, к различению универсального, или общего (Artificial general intelligence или AGI) – и прикладного, или узкого, ИИ (Artificial narrow intelligence, ANI или Narrow AI). Первый определяется как способный решать широкий круг задач без дополнительного обучения. Второй – как приспособленный к решению конкретных задач и требующий дополнительного обучения при изменении их условий. Соотнесение с человеком отныне сохраняет актуальность лишь в области разработки т.н. искусственного суперинтеллекта, или гипотетического ИИ

(Artificial Superintelligence или ASI), который может решать задачи на уровне эффективности, превосходящей человеческие возможности. Суперинтеллект и общий интеллект по состоянию на сегодня остаются нереализованными и существуют в основном на уровне научных гипотез и исследований, тогда как прикладной ИИ не только исследуется учеными, но и реализуется на практике, находя применение в индустрии и бизнесе.

Успехи, достигнутые научным сообществом в работе над прикладным ИИ, осмысляются на юридическом, философском, социальном уровнях. В действие вводятся специальные законодательные инициативы, направленные на регулирование реализации и применения ИИ [10]. Этически значимые случаи использования прикладного ИИ систематизируются и принимаются в расчет при совершенствовании его алгоритмов [11]. В связи с этим специалисты говорят о двух ключевых аспектах этики прикладного ИИ: профессиональная этика разработчика систем ИИ и непосредственно этика ИИ. При этом, в случае этики ИИ речь идет о двух видах ситуаций: ситуациях, где этику применяет ИИ, и ситуациях, где применение ИИ приводит к игнорированию или несоблюдению существующих этических принципов [11, С. 41–42].

При ближайшем рассмотрении ряд прецедентов обращения к ИИ в социальном контексте демонстрирует связь с этикой на уровне бессознательных коллективных ожиданий в отношении тех или иных социальных групп, традиционно обсуждаемых в русле «новой этики». В некоторых из подобных случаев речь идет о подведении одних групп под социальные стандарты других, без учета различий между ними. Например, известен случай с обработкой резюме в компании Amazon, когда натренированный на образцах мужских резюме ИИ отдавал предпочтение мужчинам перед женщинами при приеме на работу [11, С. 52]. В других случаях коллективные ожидания выступают неоправданным обобщением предшествующей истории социальных взаимодействий. Здесь примером может быть ситуация с прогнозированием преступлений в США программой PredPol, которая в результате обучения на этнически непропорциональной выборке ожидала от этнических меньшинств большего количества преступлений, чем совершалось в действительности [11, С. 51].

Подобные ошибочные ожидания и связанные с ними искажения в работе ИИ можно фиксировать и устранять разными способами. Один из таких способов предоставляет «новая этика», которая стремится инициировать обсуждение и пересмотр наличных паттернов социального взаимодействия. В частности, вводя понятия харассмент, абьюзинг, газлайтинг; предлагая заменить понятия отец и мать на родитель №1 и родитель №2; и т. д.

Безусловно, к каждой конкретной из подобных инициатив допустимо различное отношение. Однако, абстрагируясь от их непосредственного содержания можно выявить алгоритмы действий, которые представляют интерес в оптимизации работы прикладного ИИ над решением социально значимых задач:

1. При столкновении с социальным взаимодействием предположить существование индивидуальных и коллективных различий между его участниками;

2. Выявить риски обращения этих различий в пользу одних групп и/или против других;

3. Устранить данные риски.

Данный алгоритм легко встроить в существующие инициативы по поиску справедливого ИИ [11, С. 51], а также перевести в русло более общей социально-философской теории, которая позволяет сделать дополнительные выводы о природе ИИ. Такой теорией выступает социальный конструкционизм, постулирующий, что социальная реальность не является неизменной и предзаданной человеку, а конструируется или создается в процессе социальных взаимодействий [12]. С этой точки зрения, едва ли интеллект, искусственный или естественный, может предсказать все предстоящие изменения в социальной среде и избежать необходимости адаптироваться к ним. Это, в свою очередь, значит, что ИИ в социальном контексте оказывается потенциально незавершимым проектом, призванным встречать и решать все новые этические задачи.

Таким образом, следует отметить, что в настоящее время исследователи все чаще обращаются к термину «новая этика», под которым подразумевают социальные процессы и практики, предполагающие пересмотр представлений о значении и границах свободы и равенства в обществе. Уже на уровне названия эти процессы и практики демонстрируют связь с дискуссиями нового этического плана, которые в определенных обстоятельствах переходят в техническую плоскость. К подобным обстоятельствам относятся поиски путей оптимизации прикладного ИИ в области решения социально значимых задач. В частности, проблематика «новой этики» наводит на размышления об алгоритмах устранения необоснованных коллективных ожиданий в отношении ряда социальных групп, а также перспективах представления ИИ в качестве постоянно обновляющегося социального проекта. Закономерности подобных изменений и способы реакций ИИ на новые этические вызовы оказываются перспективным полем для дальнейшего исследования.

Источники:

1. Карпова Л. М. «Новая этика» в контексте современной российской культуры: pro et contra// Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 3 (32). С. 14–19.

2. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008. 256 с.

3. Фролова И. В. Современный человек и экология: на пути к новой этике// Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4. С. 1050–1052.

4. Назарова Ю. В., Анищенко О. С. Новая цифровая этика в виртуальном пространстве: дилеммы контроля и этической экспертизы// Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. № 4 (32) Т. 1 С.23–31.

5. Шаева Т. В., Дмириев Е. В., Лыкова Т. В. Этика новых технологий в области биомедицины // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2015. №60. С. 75–78.

6. Борзых С. В., Кашин Д. О. Принципы новой глобальной этики // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 10(40). С. 21–27.

7. Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. Выпуск 58. С.91–106.

8. Доэрти П., Уилсон Дж. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта / пер. О. Сивченко, Н. Яцюк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 304 с.

9. Сильный искусственный интеллект: На подступах к сверхразуму / А. Ведяхин и др. М.: Интеллектуальная литература, 2021. 232 с.

10. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/#1000 (дата обращения: 14.01.2022)

11. Этика и «цифра»: Этические проблемы цифровых технологий. М.: РАНХиГС, 2020. 207 с.

12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.

A.V. Ilina *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

ETHICS OF NARROW ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SOCIAL CONTEXT: ON THE PROBLEM DEFINITION

The paper examines issues related to the definition of concepts of "new ethics" and "narrow artificial intelligence". The relationship between ethics and narrow artificial intelligence is analyzed. The theoretical foundations and features of application of the "new ethics" to social functioning of the narrow artificial intelligence are revealed.

Ethics, "new ethics", social constructionism, types of artificial intelligence, ethics of artificial intelligence, narrow artificial intelligence

УДК 338.1

И. А. Ильина (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: inka4@yandex.ru);
Т. Р. Тэор (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: teort@rambler.ru);
В. В. Кулибанова (*Институт проблем региональной экономики Российской академии наук*, e-mail: valerykul@mail.ru)

DIGITAL-ТРАНСФОРМАЦИЯ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ VUCA-МИРА

В статье рассмотрены основные проблемы цифровой трансформации предприятий, которые происходят в нестабильной, неопределенной, сложной и неоднозначной среде, называемой VUCA-мир. Цифровизация и новые знания подвергают трансформации все сферы деятельности, изменяя и коммуникации, и бизнес-процессы. Следует понимать, что дигитализация – это не просто переход коммуникаций и процессов в виртуальное пространство. Цифровая трансформация требует пересмотра всех принципов работы компании и кардинального изменения инфраструктуры. Особенно это касается внутренних коммуникаций компаний.

VUCA-мир, цифровая трансформация, бизнес-процессы, digital-коммуникация, внутренние коммуникации предприятий, кризис, цифровые трансформации.

Нестабильный, неопределенный, сложный и неоднозначный современный VUCA-мир заставляет компании адаптироваться к внешним вызовам, а значит следовать тенденциям современности, одной из которых является цифровая трансформация. Это движущий механизм и мощный рычаг глубоких преобразований в первую очередь бизнес-моделей предприятий с помощью инновационных технологий, которые не просто увеличивают эффективность и производительность, но и позволяют создать принципиально новые направления увеличения ценности компании.

Новую роль и место человека в реальности, где границы между физическим, цифровым и биологическим мирами все больше размываются, а в научный обход входит понятие «цифровая экономика», предложенное N. Negraponte [1]. Это обсуждение значительно активизировалось с появлением понятия «Индустрия 4.0» впервые предложенного немецким федеральным правительством для стратегического плана развития промышленности. Известным популяризатором данного термина стал Klaus Schwab, основатель и председатель Всемирного экономического форума в Давосе. Он отмечал, что четвертая промышленная революция приведет к кардинальной перестройке, которая затронет все отрасли, произойдет неизбежная трансформация бизнес-

моделей, при этом изменится не только то, как мы работаем, но и как общаемся друг с другом [2].

Само по себе внедрение цифровых технологий (цифровизация) в бизнес-модели компаний началась еще в 60-е гг. прошлого столетия, когда компания IBM анонсировала System/360 – первое семейство компьютеров, призванное повысить эффективность, а также помочь компаниям стать быстрее и конкурентоспособнее. Однако цифровая трансформация – это не просто оцифровка бизнес-процессов как, например, внедрение систем планирования производства (ERP), управление документами (ECM), система управления взаимоотношениями с клиентами (CRM), а внедрение современных технологий во все без исключения бизнес-процессы предприятия. То есть речь должна идти о фундаментальных изменениях в подходах к управлению, корпоративной культуре, коммуникациях. Для достижения цели цифровой трансформации недостаточно оцифровать один бизнес-процесс – это комплексный подход по использованию информационных технологий во всех бизнес-процессах компании, связанных непосредственно с производством, но и при взаимодействии с окружающим миром, со всеми группами стейкхолдеров.

Благодаря тому, что преимущества внедрения новых технологий для оптимизации бизнес-операций на большинстве предприятий достаточно очевидны, цифровая трансформация стала для большинства из них одним из главных приоритетов.

Учитывая, что цифровая трансформация – это процесс внедрения и использования цифровых технологий для создания новых или оптимизации существующих бизнес-процессов, корпоративной культуры, опыта клиентов или сотрудников, в качестве одного из основных направлений цифровизации можно выделить культурную и организационную трансформацию, целью которой является перестройка организационного мышления и процессов управления людьми в цифровом мире.

Согласно ежегодному мониторингу (2017–2020), проведенному Global Center for Digital Business Transformation, цифровизация компаний увеличилась с 54% в 2017 году до 75% в 2019 году, при этом, по мнению 1200 респондентов, лидеров бизнеса в 58 странах в 14 отраслях промышленности, использования в бизнесе цифровых стратегий фрагментарно. Не смотря на высокую оценку трансформирующего влияния цифровизации, только 22% руководителей утверждали, что у них есть скоординированная цифровая стратегия [3]. Но стоит отметить, что цифровое преобразование должно осуществляться в соответствии с реальной потребностью предприятия, его способностью использовать новые решения и командами, которые им управляют.

Если до середины XX в. важным элементом коммуникативной деятельности являлась количественная оценка уровня интеллекта человека (IQ), к 90-м годам XX в. фокус интереса сместился в сторону эмоционального интеллекта и способности человека осознавать свои эмоции и проявлять эмпатию к другим

людям (EQ). Конвергентные процессы, затрагивающие коммуникацию, привели к пониманию необходимости эффективно работать в условиях новой цифровой реальности, а значит свободно пользоваться виртуальным миром, социальными сетями и другими digital-инструментами. Это означает использование новых форматов для коммуникационного взаимодействия и активное использование новых технологий.

В данной связи мы можем говорить о возникновении нового способа мышления и нового типа коммуникационной деятельности в основе которого лежит такое понятие, как Digital-интеллект (DQ), то есть способности выстраивать сетевую коммуникацию за рамками разного рода границ (возрастных, культурных, географических). И если прежде ключевые навыки реализовывались в виде получения и обработки информации, то в настоящее время необходимо разобраться в информационных потоках, вычленить необходимое и оценить адекватность источника.

Индустрия 4.0 потребует больших навыков общения, ни одно приложение, ни одна цифровая платформа не смогут в обозримом будущем справиться с эмоциональной стороной человеческих отношений. Несмотря на все промышленные революции, появление новейших информационных технологий и телекоммуникаций, коммуникационные навыки все равно остаются приоритетными при приеме на работу даже в высокотехнологичные компании. Появляются все новые цифровые средства и каналы коммуникации, но люди все также хотят доверия, открытости и эмпатии при общении внутри команды.

В то время как деятельность отдела корпоративных коммуникаций направлена внешнюю среду: связи с общественностью и мониторинг социальных сетей, нельзя забывать о разработке и реализации коммуникационного плана для одной из самых важных аудиторий организации – сотрудников. Отделы внутренних коммуникаций играют важную роль для вовлечения сотрудников в процесс цифрового преобразования. По своей сути внутренняя коммуникация относится к тому, как люди в организации обмениваются информацией друг с другом.

Предприятия должны находить эффективные способы сообщать о внезапных изменениях, особенно вызванных различными кризисными явлениями, чтобы соответствующим образом скорректировать свою работу. Ведь именно сотрудники – те люди, которые будут помогать компании выходить из сложных ситуаций. Трансформации процессов внутренних коммуникаций, вызванных не только кризисом, но и любыми другими изменениями, например, цифровизацией.

Современные технологии облегчили техническую составляющую процесса коммуникации: программное обеспечение для чата компании, например, Microsoft Teams, Google Hangouts; облачные технологии, например, GoogleDrive; различные платформы для интеграции электронной почты, календарей и различных документов, например, Google, Apple, Microsoft; различные инструменты для децентрализованной системы связей, создания виртуального рабочего пространства, например, MiroDesk, Trello.

Ведущие мировые корпорации признают, что цифровое преобразование требует гибких методов работы, изменения бизнес-экосистем в целом, чтобы предприятие действительно эффективно реагировало на внешние вызовы, речь идет о вовлечении в процесс трансформации не половины или даже 80% работников, а всех без исключения сотрудников.

Среди основных рекомендаций по трансформации внутренних коммуникаций, способствующих успеху, можно выделить следующие:

1. Визуальные эффекты передают информацию простым для восприятия образом и производят более продолжительное впечатление, чем текст. Вместо того чтобы печатать плакаты, многие компании переходят на цифровой формат: устанавливают телевизоры в офисах и используют их для передачи повторяющегося набора визуальных сообщений.

2. Чтобы избежать информационной перегрузки сотрудников при рассылке внутренней корреспонденции, информация должна быть простой и краткой. В противном случае люди просто пропускают всю информацию мимо себя.

3. Традиционные методы общения не позволяют слушать и слышать своих сотрудников, работающих непосредственно с многочисленными клиентами и партнерами компании. Жизненно необходимо наладить каналы обратной связи внутри компании для обмена информацией о новых идеях, выпускаемом или потенциальном продукт, возможностях по улучшению обслуживания клиентов или взаимоотношениях внутри компании в целом. Это может быть форум компании в сети Интранет, доска в офисе или облачный сервис. Иначе можно пропустить блестящие идеи и полезную критику. Не следует ограничивать «политику открытых дверей» физическим офисом. Система внутренних коммуникаций должна облегчить любому сотруднику контакт с другим с сотрудником компании, включая высшее руководство, что позволит не только построить открытые и честные отношения между сотрудниками, но и устранить пробелы в общении.

4. Если одна из целей внутренней коммуникации – заставить своих сотрудников учиться друг у друга, то общение между различными департаментами является ключевым. Можно провести сессию вопросов и ответов или специальную встречу между различными департаментами, чтобы их сотрудники могли общаться, сотрудничать и делиться знаниями. Например, Enplug проводит регулярные сеансы вопросов и ответов на уровне департаментов, на которых сотрудники могут задавать вопросы не только своей команде, но и другим [4].

5. В большинстве компаний запрещено пользоваться социальными сетями на рабочем месте, однако эти запреты не всегда работают. Если что-то нельзя остановить, то это надо возглавить. Вместо траты ресурсов на контроль за выполнением ресурсов, можно разрешить сотрудникам делится фотографиями своей работы и веселья в офисе в Facebook, Twitter, Instagram. Это повысит вовлеченность сотрудников и повысит моральный дух, поможет прояснить сотрудникам кто они есть и что они делают.

Преимущества digital-трансформации являются реализация деятельности, направленной на понимание сотрудников/клиента/заказчика с опорой на социальные знания с применением кросс-канальной согласованности и реализацию предикативного маркетинга. Данные тенденции приводят к повышению производительности компании, где приоритетным направлением является вовлечение сотрудников в том числе благодаря ускоренным коммуникациям, операционной прозрачности, которая базируется на цифровой глобализации и цифровой интеграции.

Практика показывает, что быстрее поддаются цифровой адаптации компании среднего и малого бизнеса, поскольку им сложнее оставаться на плаву и для них цифровизация –это тоже вызов, с которым им приходится справляться и очень активно. В более выгодном положении находятся крупные компании, поскольку располагают финансовыми ресурсами, но, подчас не до конца осознают свою важную лидерскую роль в реализации инновационных решений с опорой на цифровые технологии.

Трансформация коммуникативных технологий и систем позволяет по-новому выстраивать социальную активность, формы взаимодействия, процессы управления и самоорганизацию. Появление сетевых, мультисенсорных, объединенных, унифицированных коммуникаций позволяют формировать новый опыт человеческого общения в компаниях.

В условиях тотальной информатизации происходят трансформации, видоизменяющие структуру и сущность социальных и бизнес-процессов. В частности, изменяется коммуникационная сфера и на смену межличностной, межгрупповой коммуникации сначала приходит опосредованная коммуникация, где роль человека не меняется, но изменяются каналы коммуникации, которые в конечном итоге могут привести к упразднению роли человека в коммуникационном процессе. Деятельность компаний должна быть направлена на повышение цифрового интеллекта своих сотрудников и активизировать внутрифирменное взаимодействие коммуникации компании.

Именно поэтому необходимо не просто оцифровывать коммуникационные каналы, а максимально оптимизировать и адаптировать для бизнес-целей. Несмотря на активную цифровизацию бизнеса, проблема неэффективных рабочих коммуникаций довольно типична. Многочисленные мессенджеры (Skype, WhatsApp, QIP, Viber, Telegramm, icq и пр.), группы в чатах, соцсетях, электронная почта, смс, звонки и личное общение конечно активизировались, но информационные сообщения под разнообразные поводы и бизнес-задачи идут сплошным потоком. И чем выше статус сотрудника, тем многочисленнее сообщения, разнообразнее каналы коммуникаций и выше ценность получения им четкой и своевременной информации для принятия решений. Аналогичная ситуация, но лишь в меньших объемах, и у рядовых сотрудников.

Процессы изменения сущностей коммуникации и каналов многократно ускорились, подстегиваемые пандемией COVID-19. Ситуация, при которой компании вынуждены внедрять удаленные режимы работы, показала,

насколько беспомощны перед паникой, проникающей из внешней среды, оказались компании, не работавшие над своими внутренними коммуникациями и не внедрявшие цифровые коммуникации. Они были вынуждены реагировать на обстоятельства, которые не затрагивали их бизнес напрямую, и работать над демотивирующими факторами вызовов внешней среды. В такой ситуации компании используют так называемые «заплаточные» решения (patching solution), методы «малой оптимизации» и совершенно не готовы к новым проблемам и, в случае если общая устойчивость их бизнеса позволит им оставаться в игре, они попадут в зависимое положение от лидеров отрасли, сумевших вовремя перейти к использованию цифровой реальности.

Источники:

1. Negraponte N. Being digital. New York: Knopf, 1995.

2. Schwab, K. Die Vierte Industrielle Revolution. Pantheon Verlag, München, 2016.

3. Yokoi, T., Shan, J., Wade, M., Macaulay, J.: Digital vortex 2019: Continuous and Con-nected Change, URL: https://www.imd.org/contentassets/d4b328f064c844cd864a79369ba8405a/digital-vortex.pdf (дата обращения: 06.01.2022)

4. Ellspermann, J. 18 Internal Communication Strategies for 202, URL: https://blog.enplug.com/internal-communications-best-practices, (дата обращения: 11.12.2021)

I. A. Ilyina *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);*

T. R. Teor *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);*

V. V. Kulibanova *(Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Science)*

DIGITAL TRANSFORMATION OF COMPANIES IN A VUCA WORLD

This article examines the key challenges of digital transformation of enterprises, which is taking place in an unstable, uncertain, complex and ambiguous environment called the VUCA world. Digitalization and new knowledge are transforming all areas of activity, changing both communications and business processes. It is important to understand that digitalization is not just about moving communications and processes into a virtual space. Digital transformation requires a rethinking of all company operating principles and a radical change in infrastructure. This is especially true for internal company communications.

VUCA-world, digital transformation, business processes, digital communication, internal enterprise communications, crisis, digital transformation

УДК 316.472.4

Н. В. Казаринова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: NVKazarinova@mail.ru)

КРИЗИСНЫЕ СИТУАЦИИ КАК ЛАБОРАТОРИЯ МЕЖЛИЧНОСТНОГО АНАЛИЗА

Рассматривается потенциал нелинейной модели времени для объяснения особенностей межличностных кризисов. Невозможность продолжать привычное межличностное взаимодействие актуализирует относительно примитивные механизмы воздействия партнеров друг на друга: происходят упрощение, стереотипизация, прямолинейность и одновременно сужение обзора переживаемого события. Лишь с восстановлением коммуникативного поведения партнеров, регулирующего дистанцию, когда действия одного не исключают действий другого даже в случае неопределенности или несогласия с позициями друг друга, но позволяют искать и находить новые комбинации межличностной связи, можно говорить о восстановлении зрелых и сложных форм межличностного взаимодействия.

Межличностный кризис, нелинейная модель времени, паттерны взаимодействия

Концептуализация кризисного развития во многом обязана разработке понятия «нелинейной модели времени», предложившей рассматривать развитие сквозь призму ряда критических поворотных точек, в которых происходит переход от одной фазы развития к другой [См., напр., 1]. Вектор направления может меняться, поскольку существует множество возможностей, альтернатив и вариантов развития. Кризис в данной модели рассматривается как фундаментальное свойство процесса развития.

Хотя в данной модели признается свободная целеполагающая деятельность людей, степень этой свободы различна в разных точках и фазах развития: в одних и тех же условиях два разных человека могут принимать совершенно разные решения. Отсюда неоднозначность и неопределенность возможных продолжений процесса развития. Даже если в конкретной фазе развития восторжествовал какой-либо вариант, закрывший другие альтернативы, то в другой фазе несостоявшиеся альтернативы могут осуществиться, хотя и в измененном виде. Отличительными чертами кризисного состояния любой системы выступают: ее крайняя неустойчивость; относительно кратковременный характер такого состояния (система стремится к определенности); случайность выбора дальнейшего направления развития, невозможность его надежного прогнозирования. Как отмечал Г. Хакен, через флуктуации система

«узнает» и тестирует новые состояния, в которых она может быть более устойчивой и лучше приспособленной к своей среде [См.: 2].

Взгляд на межличностную коммуникацию с использованием нелинейной модели времени выводит на первый план возникающие напряжения в системе отношений. Говоря иначе, принципы линейности уступают место принципам реляционизма и диалектики, процесс межличностного взаимодействия предстает наполненным противоречиями и переговорами об отношениях; при этом никогда не известно наверняка, какое последствие будет иметь одно единственное сообщение или действие. «Формирование устойчивых отношений напоминает не столько ровное и прочное строительство, сколько непредсказуемые повороты, прыжки и скачки в процессе переговоров и их возобновления. Любой конкретный момент или действие приобретает свое значение благодаря его связи с другими моментами или действиями, и потому никакое конкретное происходящее действие не может считаться само по себе более функциональным, более желательным, более конструктивным или, напротив, более разрушающим коммуникацию, чем любое другое» [3, P. 149].

Рассмотрим возможности основных принципов теории нелинейной динамики для анализа межличностных кризисов.

Принцип чувствительности к первоначальным условиям. Поведение нелинейной динамической системы не может быть предсказано на большом промежутке времени, поскольку мы никогда не обладаем информацией об исходных данных с предельной точностью. В результате даже незначительные изменения в первоначальных условиях могут приводить к расхождению траекторий в системе («эффект бабочки»). Зная, что в оценке первоначальных условий есть хотя бы незначительные погрешности, следует помнить, что эти погрешности могут стать причиной бóльших погрешностей при долгосрочных прогнозах. Применительно к межличностному взаимодействию это означает, что развитие межличностных отношений не может быть объяснено простой линейной последовательностью. Даже кажущиеся незначительными события могут создавать серьезные проблемы для пар. По этой же причине переходные периоды в отношениях оказываются трудными для одних и безболезненными для других.

Принцип нестабильности. Если система испытывает давление изнутри или снаружи, а текущее устойчивое состояние не позволяет ей приспособиться к давлению, возникает ситуация нестабильности. Динамические системы, переживающие нестабильность, утрачивают свои порядок и структуру, что может привести к тому, что называется сменой фаз (phase shifts), то есть запустить процесс, в ходе которого система, на первый взгляд, внезапно меняет одно состояние на другое, качественно отличное от первого. С каждой новой сменой нелинейная динамическая система сталкивается с бифуркацией. Следуя принципу самоорганизации, направление последующего развития не предопределено заранее, но возникает из динамики развития самой системы. В межличностных отношениях примерами переходных периодов (критическими

точками) могут быть события в жизни пары, значение которых задается их определяющей ролью для последующей траектории развития отношений, которая признается таковой теми, кто в них вовлечен. Чаще всего такими событиями называют переход к сексуальной близости, заключение брака, рождение детей, измены, болезни, завершение сильный ссоры и т. п. С целью адаптации пара использует как внутренние, так и внешние ресурсы, стратегии совладания и восприятия. Постепенно система отношений либо возвращается в состояние равновесия, либо переходит к новому организационному порядку. Это новое состояние может быть как более прочным, обладающим большим запасом жизненных сил, чем прежнее, так и слабым и менее жизненным. После того, как смена фаз произошла, возвращение к предыдущему состоянию невозможно.

Принцип гистерезиса. Способность нелинейных динамических систем противостоять переменам, несмотря на возрастающее или уменьшающееся давление, получила название «гистерезис» (hysteresis). Гистерезис объясняет, почему в нелинейных динамических системах пертурбации (то есть внезапное резкое нарушение нормального хода чего-либо) могут как вызывать значительные перемены, так и не вызывать их. Это еще более усложняет прогнозирование последствий в нелинейной динамической системе. Примером гистерезиса может быть следующий феномен межличностной привязанности, основанный на восприятии и открытом выражении любви: если восприятие и поведенческая демонстрация любви находились на низком уровне в начале отношений, поведенческое выражение любви, скорее всего, так и останется на низком уровне, даже если внутреннее переживание любви усиливается [4, P. 433]. Наличие гистерезиса позволяет также определить значение так называемых параметров порядка в нелинейных динамических системах [5, С. 445]. Система может приходить к новым стабильным положениям благодаря решающему значению параметров порядка, которые служат катализаторами изменений в системе, подчиняя себе ее движения. Эти параметры не контролируют систему в смысле раздачи команд и указаний, а, скорее, действуют как пороги. Когда пересекается определённый уровень параметра контроля, в системе могут начаться нелинейные изменения. В межличностном взаимодействии отношения между индивидами требуют определенной степени стабильности. Если пары переживают непрерывные периоды смены фаз, у них остается мало сил на что-либо еще, кроме как на прояснение отношений. Например, в серии исследований Готтман (1994) выяснил, что уровень негатива и позитива в общении супругов потенциально создаёт неминуемые проблемы. Если величина негативной коммуникации превышает позитивную в пропорции, большей, чем 5 к 1, пара рискует столкнуться с проблемой сохранения брака [4, P. 430].

Принцип шкалы наблюдения. Межличностные отношения наделяются как линейными, так и нелинейными характеристиками в зависимости от шкалы наблюдения и статуса их устойчивых состояний. Если наблюдать за

поведением пары поминутно или день за днем, ее поведение может казаться почти случайным, хаотическим и непредсказуемым. Однако при наблюдении за поведением пары в течение нескольких недель можно выделить регулярные паттерны. Если же наблюдение длится еще дольше, эти паттерны будут восприниматься почти неизменными. Вот почему длительные отношения могут казаться внешнему наблюдателю стабильными.

Положениям о параметрах порядка и точке бифуркации в теории нелинейной динамики созвучно рассуждение Х. Йоаса о кризисах привычного действия как о «происшествии», когда действующие субъекты оказываются перед препятствием, мешающим им продолжать реализацию дорефлексивных способов действия. В концепции Йоаса важна идея о том, что кризис привычного действия – необходимое условие обращения индивидов к сознательному целеполаганию: поскольку привычные действия не приводят или делают невозможным воспроизводство желанной (задуманной) ситуации, автоматизмы и стереотипные реакции уступают место рефлексивному отношению к пережитому в ситуации вызову, то есть ситуации действия должны определяться заново и по-другому, и тот горизонт возможностей, который содержит в себе каждая ситуация, приходится осваивать заново [6, С. 148].

Итак, если принять определение кризисной ситуации как «ситуации, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних необходимостей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и пр.)» [7, С. 31], кризисы в межличностном взаимодействии могут быть осмыслены как невозможность продолжения взаимодействия с помощью привычных для коммуникаторов способов, форм и установок, поскольку это угрожает сложившемуся ранее порядку общения, отношениям, безопасности личности в данном взаимодействии.

Кризисные коммуникативные ситуации отличаются от категории трудных (нестандартных, сложных, напряженных, конфликтных). Последние можно определить как требующие труда, усилий, напряжения, заключающие в себе затруднения, препятствия, помехи, при условии необходимости поддержания коммуникации или невозможности ее прервать. Трудная, или проблемная, ситуация является необходимым условием развития, но собственно развитие предполагает все же выход из трудностей, то есть поиск и нахождение способов их решения. Кризисные ситуации отличаются невозможностью управления трудностями. В терминологии теории нелинейной динамики кризисные ситуации – это точки бифуркации, тогда как трудные ситуации – это флуктуации в пределах паттерна стабильности, своеобразное тестирование системы отношений «на прочность», которое она может и не пройти. Если трудная ситуация завершается восстановлением привычной структуры отношений в рамках исходного значения данной ситуации для ее участников, то в кризисной ситуации ее участники оказываются неспособными к конструктивной договоренности и/или самостоятельному разрешению возникших трудностей.

Именно потому, что в период межличностного кризиса становятся предельно выпуклыми, межличностные ожидания и установки партнеров, с одной стороны, а с другой – имеющиеся у пары паттерны поведения в ситуации давления (стресса), важное место в понимании природы межличностной коммуникации занимает анализ переживания людьми кризисных межличностных ситуаций.

По наблюдениям психологов, занимающихся психологией экстремальных ситуаций, одной из особенностей состояния, поведения и деятельности людей в этих условиях является усиление (хотя и кратковременное) эгоцентрических переживаний. Эгоцентрическая направленность в коммуникативном поведении обнаруживается в стремлении человека удовлетворять свои желания, отстаивать свои цели, планы, взгляды без должной координации этих устремлений с другими людьми, мешая тем самым пониманию между партнерами. И хотя эгоцентризм способен выполнять эго-стабилизирующую функцию (центрация на себе, вероятно, помогает личности как эгосистеме самосохраниться, восполняя нарушенное в ней равновесие под влиянием субъективно значимой информации и межличностной обратной связи), преодоление партнерами эгоцентричного коммуникативного поведения становится ресурсом управления межличностными кризисами.

Эгоцентрические переживания, возникающие в кризисных межличностных ситуациях, провоцируют усиление инфантильных реакций на кризис. На связь между критическими жизненными ситуациями и усилением инфантильных механизмов в мироощущении человека обратил внимание Е. Ф. Василюк [См.: 7]. Разрабатывая типологию жизненных миров и рассматривая феноменологические характеристики «внешнего мира», он предложил различать два его возможных состояния: быть «легким» или «трудным». Под «легкостью» внешнего мира понимается гарантированная обеспеченность всех актуальных потребностей живущего в нем существа, а под «трудностью» – отсутствие таковой [8, С. 91]. Иначе говоря, в структуре инфантильной установки доминирует требование неотложного удовлетворения всякой потребности, субъективное упрощение жизненного мира, фиксация субъекта на определенной деятельности, восприятие любого жизненного отношения как единственного и вечного. Соотнося типы жизненных миров с типами критических жизненных ситуаций (стресс, фрустрация, конфликт и кризис) и типами их переживания (гедонистическое, реалистическое, ценностное и творческое), автор приходит к выводу, что чем больше инфантильная установка определяет мироощущение конкретного человека, тем больше вероятность, что любая ситуативная неудача или неприятность будет ощущаться им как глобальный жизненный кризис [8, С. 94]. Соответственно совладание с кризисами состоит в том, чтобы вернуться в более развитое мироощущение трудного и сложного (то есть неинфантильного) мира, где сложившаяся ситуация может остаться критической, но перестает быть кризисной, то есть не переживается как глобальное поражение всей жизненной целостности.

На наш взгляд, эвристической ценностью обладает и обратное утверждение: в состоянии кризиса на его начальных (дорефлексивных) стадиях актуализируются инфантильная установка сознания и тип активности: происходят упрощение, стереотипизация, прямолинейность и одновременно сужение обзора переживаемого события (что, по всей вероятности, связано с психофизиологическими процессами протекания стресса). В результате активизируются относительно примитивные механизмы воздействия партнеров друг на друга, аналогичные паттернам детского поведения, смыслом которых являются прямое или косвенное сообщение друг другу о неудовлетворенности межличностных потребностей и попытки эту неудовлетворенность немедленно снять. Рассматривая межличностные кризисы с этой точки зрения, можно говорить о функциональной взаимосвязи коммуникативного поведения и проблемной ситуации: их объяснение индивидуально-психологическими причинами уступает место социально-конструкционистской интерпретации.

Таким образом, анализ межличностных кризисов позволяет выявить не только паттерны стабильных отношений, которые перестали соответствовать межличностным потребностям партнеров, но и то, что можно назвать инстинктивными формами межличностного поведения, обращение к которым вызвано необходимостью усилить автономность индивидуальной позиции сторон в условиях нарушенного межличностного равновесия за счет решительного воздействия на то, что оценивается ими как ослабляющая позиция Другого. Именно потому, что в кризисной межличностной ситуации нарушается (исключен или затруднен для реализации) важнейший для поддержания межличностных отношений принцип различия, обозначения личностных границ, эти ситуации, на наш взгляд, следует квалифицировать как квазимежличностную коммуникацию. Лишь с восстановлением коммуникативного поведения партнеров, регулирующего дистанцию, когда действия одного не исключают действий другого даже в случае неопределенности или несогласия с позициями друг друга, но позволяют искать и находить новые комбинации межличностной связи, можно говорить о восстановлении зрелых и сложных форм межличностного взаимодействия.

Источники:

1. Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика: подходы, результаты, надежды. М.: URSS, 2006. 279 с.

2. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. М.–Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2003. 320 с.

3. Brown J. R., Rogers E. L. Openness, Uncertainty, and Intimacy: An Epistemological Reformulation// “Miscommunication” and Problematic Talk / Ed. by Coupland N., Giles H., Wiemann J. M. Sage Publications, 1991.

4. Weigel D., Murray C. The paradox of stability and change in relationships: What does chaos theory offer for the study of romantic relationships? // Journal of Social and Personal Relationships, 2000. Vol. 17(3).

5. Бранский В. П., Пожарский С. Д. Социальная синергетика и акмеология. СПб.: Политехника, 2002. 476 с.

6. Йоас Х. Креативность действия / Пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.

7. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1984. 240с.

8. Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психол. журн. 1995. № 3. С. 90–101.

N. V. Kazarinova *(St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)*

CRISIS SITUATIONS AS A LABORATORY FOR INTERPERSONAL ANALYSIS

The potential of nonlinear model of time for explanation of features of interpersonal crises is considered. Inability to continue habitual interpersonal interaction actualizes relatively primitive mechanisms of partners' influence on each other: simplification, stereotyping, straightforwardness and simultaneously narrowing of an overview of the experienced event occur. Only with the restoration of partners' communicative behavior that regulates distance, when the actions of one do not exclude the actions of the other even in the case of uncertainty or disagreement with each other's positions, but allow one to seek and find new combinations of interpersonal communication, can we talk about the restoration of mature and complex forms of interpersonal interaction.

Interpersonal crisis, nonlinear time model, interaction patterns

УДК 327.8

Е. П. Каткова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: ekaterinak.17@gmail.com)

РОЛЬ РОССИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Статья посвящена роли России в поддержании стабильности и безопасности в балканском регионе и более конкретно – на постъюгославском пространстве. Несмотря на тот факт, что Россия является традиционным игроком на Балканах, сегодня её влияние и авторитет здесь ограниченны. Между тем, активизация балканского вектора внешней политики Москвы могла бы способствовать более эффективному разрешению конфликтов в регионе.

Балканы, постъюгославское пространство, внешняя политика, безопасность, НАТО

Пристальное внимание к процессам, происходящим в странах Балканского полуострова, является традиционным элементом российской внешней политики. В первую очередь, это обусловлено исторической и культурно-религиозной общностью русского и южнославянских балканских народов. При этом нельзя не отметить противоречивость подхода России по отношению к региону, характерную для всего XX и XXI вв. С одной стороны, Москва считает Юго-Восточную Европу зоной своей ответственности и всегда громко заявляет о своей позиции, с другой стороны – балканский вектор явно не является доминирующим и наиболее приоритетным во внешнеполитической стратегии России.

Для официальных заявлений МИД РФ по поводу текущей ситуации на Балканах, как правило, не характерны тревожные настроения. Россия вполне удовлетворена процессом постконфликтной нормализации на пространстве бывшей Югославии. Следует отметить, что Россия строго придерживается положений Дейтонского соглашения (1995) и дальнейшее урегулирование ситуации в регионе видит только при условии их соблюдения всеми сторонами былого конфликта. Нацеленность Сербии, Боснии и Герцеговины (БиГ), Черногории и Македонии на вступление в Европейский Союз, в целом, приветствуется, что обосновывается тезисом о необходимости обеспечения прочной политической стабильности и экономического роста в этой части Европы. Одновременной в этой связи для РФ важно, чтобы вступление дружественных балканских государств в ЕС «не создавало новых разделительных линий в Европе» [1, С. 212], не ставило их перед искусственным выбором между «Западом» и «Востоком».

Москва последовательно выступает против расширения НАТО на Балканы. Вступление Черногории в Альянс летом 2017 г. встретило среди российских граждан непонимание и известное расстройство. К счастью, вхождение Подгорицы в НАТО пока не создало ей образа «вражеского государства», а российские туристы продолжают занимать первое место по численности среди туристов всех стран, предпочитающих черногорские курорты. Во многом такому положительному исходу в ситуации антироссийской истерии в Черногории способствовали грамотные действия российских властей и СМИ, ограничившихся выражением сожаления по поводу произошедших в этой балканской стране событий. То же самое касается и вступления в альянс Северной Македонии в 2020 г.

Российский МИД обращает внимание на угрозы, которые до сих пор делают ситуацию в регионе непредсказуемой и взрывоопасной: растущее влияние идеологии радикального ислама, «косовская» проблема, проблема жизнеспособности боснийского государства, отголоски межнационального и межэтнического конфликтов, националистические тенденции и настроения, а также вновь вспыхивающие территориальные споры.

В Москве не признают провозглашенную в 2008 г. «независимость республики Косово», демонстрируя свою солидарность с Сербией и оказывая ей всяческую поддержку на международной политической арене в деле отстаивания своих территориальных прав на край Косова и Метохии. Урегулирование косовской проблемы может быть проведено только политическим путем, на основе взаимного и равноправного диалога по линии Белград – Приштина и при условии отсутствия прямого давления на одну из сторон со стороны международного сообщества. Важным видится необходимость реализации договоренностей о создании Сообщества сербских муниципалитетов в Косово. Россия выступает против приема Приштины в международные организации, а также за проведение суда и следствия над участниками преступлений Освободительной армии Косово (ОАК). Москва полностью поддерживает точку зрения Сербии по косовскому вопросу и готова принять любое его решение, хотя, необходимо признать, что стремление Белграда закрыть «косовский вопрос» в последние годы вызывает в Москве некоторое раздражение. Сама по себе РФ фактически исключена из процесса косовского урегулирования, но продолжает влиять на ситуацию через антиалбанскую пропаганду и дискредитацию косовской политической элиты. Особенную заботу российских властей вызывают исламистские настроения, пользующиеся популярностью в среде необразованных или малообразованных косоваров и создающие угрозу дестабилизации обстановки в регионе.

Россия напрямую вовлечена в действия по стабилизации политической ситуации в Боснии и Герцеговине, при этом функционирование Аппарата Высокого представителя (АВП), международной присутствие в этой стране считает устаревшей мерой, которая создает дополнительные трудности и тормо-

зит развитие страны. Так, РФ воздержалась при голосовании в СБ ООН в ноябре 2014 г. по вопросу о продлении мандата Сил под руководством Европейского Союза. Три государствообразующих нации (бошняки, сербы и хорваты) должны вести конструктивный и независимый диалог, свободный от внешнего давления. Москва выступает за возвращение округа Брчко, связующей части между сербскими территориями в составе БиГ, под юрисдикцию Республики Сербской. РФ и БиГ активно реализуют совместные инвестиционно-хозяйственные и культурно-гуманитарные проекты. В свою очередь, лидер Республики Сербской, одного из двух энтитетов в составе БиГ, Милорад Додик признается Москвой в качестве главного ее союзника в Европе и идеальным лидером для всех сербов в регионе. Додик уже заявлял о необходимости проведения референдума о выходе из состава БиГ, хотя, очевидно, что Россия не имеет реальных возможностей поддержать эту во многом взрывоопасную меру на данном этапе.

Особую озабоченность российского внешнеполитического ведомства вызывает ситуация в Македонии и непрекращающаяся с начала 2000-х гг. угроза македонской государственности. Представители российских властей склонны считать проект «Великой Албании» не просто выдумкой, а детально продуманной внешнеполитической концепцией Албании, которая создает условия для будущих территориальных переделов и вооруженных конфликтов на Западных Балканах. Сама же Россия в 2017 г. была обвинена в организации и попытке государственного переворота в Республике Македонии, мотивом к чему, по мнению македонской стороны, являлось стремление не допустить вхождения этой страны в НАТО и создать «пояс нейтральных государств на Балканах». Обвинения в адрес РФ отличались голословностью, а прямых доказательств «российского заговора» так и не нашлось. Представители российского посольства в Скопье ни раз отмечали, что Россия ни при каких обстоятельствах не планировала и не планирует вмешиваться в дела суверенного государства.

Стоит отдельное внимание обратить на тесные взаимоотношения Москвы и Белграда, которые в новом столетии приобретают свежее дыхании и характеризуются высокой интенсивностью, независимо от стремления официальной Сербии до 2025 г. войти в ЕС. Свой вклад в дело упрочения безопасности в регионе Россия осуществляет в том числе за счёт регулярных военных поставок в Сербию, которые позволяют выстроить относительный силовой баланс на Западных Балканах. К текущему моменту военно-техническое сотрудничество двух стран достигло беспрецедентного уровня. Фактически же, разрушенные боевыми бомбардировками НАТО сербские ВВС восстанавливаются за счет Москвы. В целом, мера перевооружения сербской армии в условиях гипотетической радикализации Балкан, является вполне ожидаемой и логичной. Выстраивание отношений между Россией и Сербии в военной сфере могло бы показаться вполне радужным, если бы оно превалировало над воен-

ным сотрудничеством Сербии с НАТО, чего пока не наблюдается –армия Сербии принимает участие в десятках учений НАТО, о чём редко говорят в России. Однако самым значительным фактором в области российско-сербских отношений все же является та поддержка, которую Москва оказывает Сербии в деле отстаивания её позиций в международных организациях, в частности в СБ ООН, что, безусловно, не позволяет заинтересованным игрокам расшатать ситуацию в регионе.

Можно заметить очевидное желание России к выстраиванию «нейтрального пояса» стран на Балканах, хотя эта инициатива в большей мере является научно-гуманитарной, нежели дипломатической. Не только в Сербии и БиГ, но и в проблемных Македонии и Черногории существуют силы, готовые подобную идею поддержать. Сложность заключается в том, что продвижение российского влияния держится сугубо на энтузиазме отдельных лиц в этих странах, а не является чётко продуманной и выработанной составляющей внешнеполитического курса РФ. С другой стороны, Россия и сама старается предпринимать определенные меры для упрочения своего положения в Юго-Восточной Европе, в первую очередь идеологического характера. Москва предпринимает активные попытки подхлестнуть антизападные настроения, подорвать перспективы евроатлантической интеграции.

Подвергая анализу от складывающуюся на Балканах расстановку сил, становится очевидным то, что РФ здесь обладает незначительным влиянием. Постепенно отдельные страны уходят из сферы влияния Москвы, и Балканы преимущественно оказываются в сфере интересов Брюсселя и Вашингтона, которые в перспективе и дальше будут стремиться к интеграции балканских стран в евроатлантическое сообщество. Подтверждением этому служит и принятие новой стратегии Вашингтона на Балканах администрацией Д. Трампа в конце 2017 г., которая включила в себя постулат о необходимости выстраивания дружелюбных отношений с Белградом и желание вытеснить с Балкан ЕС, поставив регион под собственный военно-политический контроль. В этой связи для России становится актуальным иметь долгосрочную стратегию на Балканах, однако на сегодняшний момент почти никаких конкретных практических мер на этом пути не совершается и, видимо, даже не предполагается. Наиболее надежными сотрудниками Москвы в регионе в среднесрочной перспективе являются Белград и Баня-Лука, причем экономический инструмент в отношениях с ними является наиболее действенным проводником политического и геополитического влияния России в регионе Западных Балкан.

Тем не менее, стоит признать, что без России, имеющей традиционно сильные исторические связи с государствами Балкан, решение серьезных вопросов и выстраивание системы безопасности в регионе невозможно.

Источники:

1. Европейский Союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты). М.: ИМЭМО РАН, 2016.

E. P. Katkova *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

THE ROLE OF RUSSIA IN ENSURING REGIONAL SECURITY ON THE BALKAN REGION

The article is devoted to the role of Russia in maintaining stability and security in the Balkan region and, more specifically, in the post-Yugoslav space. Despite the fact that Russia is a traditional player in the Balkans, today her influence and authority here is limited. Meanwhile, the activation of the Balkan vector of Moscow's foreign policy could contribute to a more effective resolution of conflicts in the region.

Balkans, post-Yugoslav space, foreign policy, security, NATO

УДК 316.77

А. А. Кисельникова (*Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет*, e-mail: a.a.kiselnikova@gmail.com);
Е. А. Пашковский (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ*, e-mail: egn-pashkovsky@rambler.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА В ОБЩЕНИИ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Исследуется феномен социальной поддержки в коммуникативной ситуации «врач – пациент». Социальная поддержка рассматривается как сложный коммуникативный процесс, направленный на оказание различного рода помощи собеседнику. Тема приобретает актуальность в условиях частых карантинов и распространения опосредованного общения. В рамках взаимодействия со специалистами в области медицины у населения возникает потребность получать максимально точную информацию, а также эмоциональную поддержку. Выводы делаются на основе анализа материала расшифрованных записей онлайн-консультаций, проводимых профессиональными врачами-терапевтами в формате аудиозвонков.

Социальная поддержка, телемедицина, коммуникация, рефлексивное слушание, эмоциональная коммуникация

Социальную поддержку мы рассматриваем вслед за М. С. Соколовой как сложный коммуникативный процесс, направленный на оказание различного рода помощи, необходимой собеседнику в контексте текущей ситуации [1]. Особую актуальность поддерживающая коммуникация приобретает в настоящее время на фоне пандемии и кризисного состояния общества. Представляется, что запрос на эмпатию, доверительное общение и лучшее взаимопонимание, как результат, вырос в связи со сложностями, с которыми столкнулись люди в повседневной жизни. Одновременно можно предположить нехватку необходимых для реализации социальной поддержки навыков ненасильственной коммуникации, владение которыми приобретает особую актуальность для людей, работающих с клиентами.

Наше исследование посвящено проблеме социальной поддержки в общении врача и пациента. В ситуации пандемии новой, малоизученной инфекции и частых карантинов, понимание пациентами врачей, точность донесения информации, эмоционально-психологическая поддержка населения со стороны медицинских работников являются важными инструментами, влияющими на здоровье людей, их спокойствие и социальную стабильность в целом. Сложности во взаимопонимании могут усиливаться в связи с распространением по

понятным причинам опосредованного общения, в том числе между врачами и пациентами.

Р. Лазарус предложил известную классификацию форм социальной поддержки, выделив информационную, эмоциональную и действенную [2]. Информационная поддержка направлена на предоставление собеседнику необходимой информации или сведений, где ее можно получить в той степени, в которой индивидуум считает себя достаточно проинформированным. Согласно М. С. Соколовой, она может выражаться в виде обратной связи на вопрос или просьбу, совета, объяснения, четкого определения роли, предложения, инструкций, рекомендаций, перенаправления к другому источнику информации [1]. Эмоциональная поддержка, согласно Т. Л. Крюковой и А. О. Ариповой, во-первых, не связана с активным преобразованием ситуации; во-вторых, является эмоционально ориентированным способом совладания, который заключается в приспособлении к ситуации путем саморегуляции собственного состояния через его улучшение, гармонизацию или возврат к депрессовому, более адаптивному уровню; в-третьих, эмоциональная поддержка всегда предполагает создание атмосферы эмоционального комфорта, взаимопонимания и принятия для личности [3]. Действенная поддержка заключается в интеракции, способной удовлетворить потребности человека в каких-либо материальных предметах и услугах.

С целью выявить практики социальной поддержки, используемые специалистами, а также сформулировать рекомендации по применению соответствующих техник и приемов коммуникации мы провели анализ записей онлайн-консультаций, проведенных профессиональными врачами-терапевтами с клиентами в формате аудиозвонков. Мы рассмотрели особенности коммуникации врачей и пациентов прежде всего с точки зрения проявлений информационной и эмоциональной социальной поддержки. Режим опосредованного общения в большой степени исключает возможность действенной поддержки.

Ведущей формой поддержки в общении врача и пациента является информационная поддержка, которая реализуется во врачебных рекомендациях. В анализируемых нами консультациях терапевты сервиса стремятся в рамках аудиозвонка собрать анамнез и предложить решение возникшей проблемы, рекомендовать лечение или обследование, направить на прием к профильному специалисту. Мы отметили, что в ситуации опосредованного общения врач обычно использует более мягкие формы побуждения, избегая императивных конструкций. Вместо повелительного наклонения используются глаголы 2-го лица множественного числа настоящего времени: промываете вот таким раствором нос и дальше смотрите/как он себя будет вести в течение дня/и как он будет вести себя на следующий день; перестаете ими пользоваться; обращаетесь к лор-врачу. Самыми частотными стали инфинитивные конструкции с предшествующими словами: необходимо; нужно; можете; можно; лучше; рекомендуется; стоит; я бы посоветовала; можно посоветовать; будет не лишнее;

главное вам; придется. Нам представляется успешным относительно достижения согласия и качества выполнения пациентом рекомендаций врача такое выражение врачебного совета.

Эмоциональная поддержка в записанных нами консультациях реализуется через похвалу (хорошо/ что вы хотя бы вспоминаете об этом и делаете) и утешение (ничего особенно страшного в этом нет; Сейчас разберемся; Конечно/ проконсультируем/ подскажем). Рефлексивное слушание также является эффективным способом оказания эмоциональной поддержки. В заочных консультациях врач использует вербальные реакции, такие как выражения подтверждения понимания (Понял вас; Я поняла; Понял-понял), высказывания, повторяющие реплики пациента (П. И я/так сказать/подсела на сосудосуживающие средства для носа // У меня был заложен нос/ было/ наверно/какое-то воспаление// Вот // И я // Мне ничего не помогало// Но к аллергологу я не обращалась //И начала пользоваться сосудосуживающими/и теперь вроде аллергии нет/но трудно дышать/без них – В. Без них трудно), уточняющие вопросы (А после чего это началось/ не припомните? Может быть/ переболели какой-нибудь вирусной инфекцией/ какой-нибудь простудой?).

Неумение врача оказать эмоциональную поддержку может стать причиной коммуникативной и профессиональной неудачи. Приведем в пример часть диалога, где врач игнорирует переживания пациента: П. Ну/ гормональные препараты звучит как что-то страшное такое/нет? – В. Гормональные препараты// Ну они// Только вот они помогут// То есть их использовать в течение семи дней. Обращаясь ко врачу, человек надеется избавиться от тревоги, вызванной не только состоянием здоровья, но и неопределенностью, скрывающей проблему, ее лечение и последствия. Но, не получив запрашиваемую поддержку, пациент остается недоволен консультацией, а вероятность выполнения полученных рекомендаций снижается. Следовательно, неумение врача вербально выразить свою поддержку влияет на качество оказания медицинской помощи.

Таким образом, по результатам исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. В настоящее время в условиях кризисного состояния общества использование приемов поддерживающей коммуникации становится необходимой составляющей профессиональной компетенции врача.

2. В рамках опосредованного общения между врачами и пациентами эффективным представляется использование специалистами менее категоричных конструкций, избегание императивов и применение более мягких форм побуждения.

3. Использование врачами приемов рефлексивного слушания и эмпатических техник является значимой составляющей эмоциональной поддержки.

Источники:

1. Соколова М. С. К вопросу о классификации социальной поддержки как составляющей позитивной коммуникации. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-klassifikatsii-sotsialnoy-podderzhki-kak-sostavlyayuschey-pozitivnoy-kommunikatsii/viewer (дата обращения: 14.01.2022)

2. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.

3. Арипова А. О., Крюкова Т. Л. Эмоциональная поддержка: о понятии и формах. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-podderzhka-o-ponyatii-i-formah/viewer (дата обращения: 14.01.2022)

A. A. Kiselnikova *(St. Petersburg State Pediatric Medical University);*
E. A. Pashkovsky *(Saint Petersburg Electrotechnical University)*

SOCIAL SUPPORT IN DOCTOR-PATIENT COMMUNICATION IN A CRISIS

The phenomenon of social support in the communicative situation "doctor-patient" is studied. Social support is considered as a complex communicative process aimed at providing various kinds of assistance to the interlocutor. The topic acquires relevance in the conditions of quarantine and spread of mediated communication. As part of the interaction with specialists in the field of medicine, the population has a need to receive the most accurate information, as well as emotional support. Conclusions are made on the basis of the analysis of material transcribed recordings of online consultations conducted by professional therapists in the format of audio calls.

Social Support, Telemedicine, Communication, Reflective Listening, Emotional Communication

УДК 659.44

А. К. Козлов (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»,* e-mail: kozlov.offpost@gmail.com)
Ю. В. Клюев (*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого*, e-mail: klim-yurish@inbox.ru)

ГРАФИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН В КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ)

В работе изучены основные принципы, положительный и отрицательный опыт внедрения графического дизайна как основной составляющей коммуникационной стратегии с целью продвижения сообществ музыкальных исполнителей.

Социальные сети, коммуникационная стратегия, графический дизайн, коммуникация, музыкальные сообщества.

Социальные сети внедрились во все сферы жизни, являются их неотъемлемой частью. Для музыкальной индустрии социальные сети стали площадкой для эффективного взаимодействия исполнителя и слушателя, где одну из ключевых ролей играет визуальное наполнение страниц и оформление. Как известно, 90% информации человек воспринимает визуально [1], именно поэтому многие исполнители и их PR-агенты в существенной мере опираются в коммуникационной стратегии на визуальное наполнение страницы. Наряду с предоставленными мультимедийными разделами, виджетами или иным техническим функционалом любой социальной сети, не меньшую роль играет характер самого графического оформления, с целью создания максимально полной коммуникации с аудиторией, для более полной передачи предоставляемой информации на публичной странице, а также атмосферы творчества артиста.

Проблематика данной статьи заключается в необходимости выявления роли графического оформления в продвижении публичной персоны, предлагаемых этой персоной товаров или услуг. Бывают ситуации, когда наряду с рыночной стратегией, гораздо меньше ресурсов затрачивается на визуальные приемы, что значительно влияет на результат в целом.

Объект исследования данной работы – публичные виртуальные сообщества музыкальных исполнителей. Предмет исследования – способы визуализации авторского контента в виртуальной среде.

Гипотеза данной работы заключается в утверждении, что графическое оформление является неотъемлемой частью продвижения виртуальных сообществ музыкальных исполнителей.

В статье использованы методы теоретического анализа и классификации, методы наблюдения за развитием web-сообществ, контент-анализ для определения эффективности того или иного графического приема, а также анкетирование.

Эмпирическую базу исследования составили материалы официальных интернет-сообществ исполнителей, интернет-ресурсы, научные работы специалистов в области маркетинга и PR.

Коммуникационная стратегия является частью маркетинговой стратегии, нацелена на установку требуемого уровня коммуникации для получения маркетинговых результатов в коммуникационной среде и обеспечения эффективного социального взаимодействия. В рамках такой стратегии разрабатывается коммуникационный микс для обеспечения четкого функционирования на рынке, включая выпуск того или иного товара, услуги или плана действий публичного лица, его продвижения для формирования стабильной прибыльной деятельности [2].

Выделяют три составляющие коммуникационной стратегии: 1) рыночная стратегия, которая отвечает за знания о потенциальном клиенте и конкурентах; 2) креативная стратегия – осуществляет функцию формирования образа и имиджа бренда; 3) медийная стратегия – направлена на выбор носителей коммуникационного сообщения, каналы медиа. Таким образом, профессиональное графическое оформление и знание его тенденций имеют значение на каждом этапе формирования коммуникационной стратегии [3].

Чаще всего выбор каналов связи при продвижении объекта коммуникационной стратегии падает на социальные сети. Как показывает практика SMM, различные виртуальные сообщества активно развиваются внутри популярных социальных сетей: ВКонтакте (далее VK), Instagram, Twitter, Telegram, TikTok, вытесняя известные ранее интернет-форумы, новостные порталы и локальные чаты. Регистрация того или иного публичного профиля в данных социальных сетях может сопровождаться пометкой «музыкант», что существенно упрощает поиск и выделяет публичную страницу на фоне общего потока сообществ. Более распространено создание отдельной публичной страницы в социальной сети VK с наиболее интуитивной навигацией, где в одном месте могут быть расположены все мультимедийные материалы, которыми хочет поделиться музыкальный исполнитель со своей аудиторией, начиная от музыкальных композиций и видеоклипов, заканчивая предстоящей информацией, в том числе анонсирующего плана, покупкой билетов на ближайший концерт.

Помимо этого, максимальную пользу от интернет-сообщества можно извлечь благодаря связке с другими социальными сетями. Например, в сети Instagram исполнитель может публиковать фото- и видео-контент и, на канале в Telegram, делится различными инсайдами, размышлениями о творчестве и собственными взглядами в целом. Видео-хостинг Youtube, с элементами социальной сети, даёт возможность монетизации видео-контента для артиста. Эта

кроссплатформенная связка дает плотную коммуникационную связь с аудиторией и благоприятно влияет на приток новых подписчиков.

Таким образом, все мультимедийные технологии той или иной социальной сети являются инструментом для опубликования авторского контента. Существенное значение имеет визуализация информации, благодаря ей можно в полной мере передать музыкальную направленность творчества артиста, масштаб его популярности, ярко показать качество предлагаемого музыкального материала. Внимательный подбор визуальных решений вовлекает в информационно-коммуникативное взаимодействие потенциальных подписчиков, может способствовать привлечению их внимания к творчеству артиста [4].

При системном продвижении на разных платформах социальный сетей, может быть сформирована огромная фанатская база, исчисляемая миллионами пользователей интернета, что позволит, в первую очередь, исполнителям увеличить количество прослушиваний, а также продвигать свои товары (мерчендайз и т. д.); во-вторых, позволяет слушателям узнавать и открывать для себя новых исполнителей. Данная коммуникация будет эффективной, если будет работать в многостороннем аспекте.

В целях выявления предпочтений аудитории музыкальных исполнителей к визуальному контенту, был проведен социологический опрос на платформе Google Form, в котором приняли участие 60 респондентов (по два респондента на каждый жанр соответственно: хип-хоп, треп, инди, альтернатива, поп и EDM).

Из опрошенных респондентов 55 из 60 человек указали на важность визуального оформления для публичных сообществ и профилей музыкальных исполнителей. Исходя из этого, можно подтвердить неоспоримую важность подбора специального графического оформления для определенного исполнителя. В ряде случаев, многие артисты пренебрегают данным аспектом, в связи с этим снижается охват интернет-аудитории, актив интернет-сообщества, возможное количество потенциальных слушателей.

Проведенный опрос позволил выявить, что за творчеством того или иного исполнителя большинству опрашиваемых наиболее удобно следить через сеть VK, вне зависимости от жанровых предпочтений. В связи с этим целесообразно проанализировать деятельность некоторых сообществ музыкальных исполнителей, представленных в данной социальной сети, и выявить основные проблемы в области графического оформления.

На примере верифицированного музыкального профиля отечественного поп-исполнителя «Kamazz» можно определить значительную разрозненность между всеми частями графического оформления данного сообщества.

«Kamazz» – исполнитель в жанре поп-музыки, однако свой творческий путь начинал именно с хип-хопа. Музыкант записал большое количество совместных композиций с разными исполнителями российской поп и хип-хоп сцены. Как показывает анализ сообщества данного исполнителя, отсутствует единый стиль графических элементов оформления, что является одним из

главных недостатков визуального сопровождения и значительно влияет на восприятие предлагаемого контента.

Также встречаются ситуации, когда навигационное меню не функционирует должным образом, изображения, которые должны указывать на тот или иной раздел, не обеспечивают возможность интуитивного пользования аудиторией. Отсутствуют обложки фотоальбомов и гиперссылок для кроссплатформенного перехода. Встречается необоснованно крупный шрифт у большинства обложек музыкальных композиций, что плохо сочетается с жанровой направленностью исполнителя. Визуальная составляющая, при переходе в сообщество, также нарушена, поскольку изображение обложки крайней песни артиста дублируется три раза, что может напоминать большое количество всплывающих баннеров и вызывать негативную реакцию у новых подписчиков данного сообщества.

Из достоинств данной страницы VK, можно отметить минималистичный тип визуализации, используемый в оформлении обложек музыкальных композиций, что более свойственно для творчества поп-музыкантов.

Таким образом, несоблюдение тех или иных критериев графического оформления или некачественный подход может вызвать коммуникационные проблемы в виде снижения количества подписчиков, нечитабельности сообщений, слабому притоку новых подписчиков.

В качестве благоприятного примера можно изучить страницу музыкального исполнителя KURT92 в социальной сети VK.

KURT92 – музыкальный исполнитель из города Уфа, исполняющий свои композиции в стиле рок, треп-метал и альтернатива. Можно отметить профессиональный подход к подбору типа визуализации контента: фотография профиля и «шапка», которые несут информацию о выходе новой работы, выполнены в едином стиле мрачного, абстрактного диджитал-коллажа. Также иные элементы графического оформления имеют единый стиль и дополняют атмосферу сообщества артиста, обложки фотоальбомов, плейлистов, ссылок на трасплатформенные переходы. Навигационное меню перекликается с общим стилем, также выполняет информативную функцию, используются ссылки на «мерч» артиста, дискографию, видеоклипы или будущие гастроли по стране. Крупные и строгие в начертании шрифты, мрачные текстуры и абстракции перекликаются с настроением творчества исполнителя. Посетив данное сообщество, фанат или потенциальный подписчик сможет быстро найти для себя нужную информацию. Публичные профили исполнителя на других платформах оформлены в схожем стиле, что позволяет выработать единый стиль представления творчества артиста в интернете.

Графический контент обеспечивает эффективность современной коммуникации с целевыми аудиториями в социальных сетях, способствует продвижению, обеспечивает конкурентность на соответствующем рынке.

Визуальные приемы способны завлекать и приводить новую аудиторию в то или иное сообщество, при должном подходе приток подписчиков может достигать существенных масштабов, что даст музыкальному исполнителю мотивацию продолжать развивать свое творчество, а фанаты и новые подписчики будут рады поделиться с друзьями и оставить обратную связь: комментарии и лайки кумиру.

Источники:

1. Системы мониторинга социальных сетей и СМИ [Электронный ресурс]. URL: http://www.br-analytics.ru (дата обращения: 10.10.2021).

2. Чернозубенко П. Е. Коммуникативная политика. Записки маркетолога [Электронный ресурс]. URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_k/communicative_policy/index.php?sphrase_id=43398 (дата обращения: 10.10.2021).

3. Видео против текстов // Giraff.io. [Электронный ресурс]. URL: http://www.medium.com/@giraff.io (дата обращения: 03.10.2021).

4. Хоменко О. В. Семиотика дизайна: дизайн как средство коммуникации // Киберленинка [Электронный ресурс]. URL: http://www.cyberleninka.ru/article/n/semiotika-dizayna-dizayn-kak-sredstvo-kommunikatsii (дата обращения: 03.10.2021).

5. Захаревич А. А. Графический дизайн как средство визуальной коммуникации // Киберленинка [Электронный ресурс]. URL: http://www.cyberleninka.ru/article/n/semiotika-dizayna-dizayn-kak-sredstvo-kommunikatsii (дата обращения: 13.11.2021).

A. K. Kozlov *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

GRAPHIC DESIGN IN THE COMMUNICATION STRATEGY OF VIRTUAL COMMUNITIES (ON THE EXAMPLE OF MUSICAL PERFORMERS)

The article examines the basic principles, positive and negative experience of the introduction of graphic design as the main component of a communication strategy in order to promote communities of musical performers.

Social networks, communication strategy, graphic design, communication, music communities.

УДК 316.772.5

А. Ю. Колянов (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: kolianov@gmail.com)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: СЕМАНТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье анализируются семантические аспекты влияния искусственного интеллекта на общественные процессы и качество социального капитала. Развитие технологий и проникновение их в социальные и политические процессы с использованием искусственного интеллекта (ИИ) сопровождается интенсивными дискуссиями в общественно-политической среде. Искусственный разум рассматривается как один из важнейших ресурсов социального и политического развития, поэтому понятно желание государств, политиков и общественных организаций определять смысловые рамки её публичного восприятия. В контексте трансформации идеи искусственного интеллекта в долгосрочную глобальную стратегию закономерна постановка вопроса о характере взаимовлияния технологии и социального капитала как на уровне личности, так и общества в целом.

Искусственный интеллект, семиотика, семантика, социальный капитал, общество, информационные технологии

Развитие технологий с использованием искусственного интеллекта (ИИ) сопровождается интенсивными дискуссиями в общественно-политической среде. Вслед за распространением алгоритмов в экономике и промышленности компьютерные технологии закономерно проникают в социальные и политические процессы. Искусственный разум представляется одним из главнейших ресурсов для достижения мирового лидерства, и вполне может стать причиной «гонки вооружений» XXI века, поэтому понятно желание государств, политиков и общественных организаций контролировать развитие технологии и определять смысловые рамки её публичного восприятия.

Так к началу 2020-х гг. более 50 стран инициировали создание национальных стратегий и программ развития ИИ. Отмечается потребность в морально-этическом регулировании технологии. В 2018 г. ЮНЕСКО инициировала проект разработки этической основы для использования искусственного интеллекта, а в ноябре 2021 года директор организации Одри Азуле озвучила на Генеральной конференции государств-членов ЮНЕСКО первые в истории глобальные стандарты этических аспектов искусственного интеллекта [1]. В этих стандартах содержатся четыре группы этических рамочных норм. Это

– защита данных
– запрет социальной оценки и массового наблюдения

– содействие мониторингу и оценке

– охрана окружающей среды.

В Европе задачи по определению этических границ развития и функционирования разработок с использованием искусственного интеллекта взяла на себя Еврокомиссия. Так, в 2020 году высший орган исполнительной власти ЕС предложил установить четыре категории риска применения технологии:

– минимальный (большая часть вариантов использования, не причиняющего урона. Они не требуют регулирования. Например, спам-фильтры, ИИ в играх);

– ограниченный (роботы, осуществляющие переписку в чатах, общаясь с которыми пользователи сети должны четко идентифицировать их как программы и не представлять их ошибочно как других людей);

– высокий (требуют надзора со стороны: формирование кредитной истории, автоматический подсчет результатов тестирований учащихся школ и студентов университетов, применение алгоритмов ИИ в работе полиции и служб безопасности, юристов и адвокатов, медицинских работников, а также рекрутинговых отделов);

– неприемлемый (социологический анализ для формирования у правительства отношения к различным группам общества) [2].

В нынешних политических и технологических реалиях актуальной научной и практической задачей становится изучение семиозиса ИИ. В сложившейся ситуации для понимания характера представления технологий с использованием ИИ в общественно-политическом дискурсе представляется уместным междисциплинарный подход и обращение к научному потенциалу общественных и гуманитарных наук, в частности, социологии, политологии, политической лингвистики и семиотики.

Одна из ветвей определения семиозиса – то есть процесса порождения и функционирования знаков –восходит к работам Чарльза Сандерса Пирса. Основатель семиотики рассматривал знак в трех измерениях: «во-первых, как знак для некоторой мысли, которая интерпретирует его; во-вторых, как знак, стоящий вместо некоторого объекта, эквивалентом которого он является в этой мысли; в-третьих, как знак, в некотором отношении или качестве, которое приводит его в связь с его объектом» [3, С. 67].

Пирс описывал семиозис, исходя из античной традиции, используя триадическую схему «объект — знак — интерпретанта». Последняя выполняет «функцию переводчика или иными словами определяет способ употребления знака человеком, или то действие, которое производит знак на человека» [3, С. 102]. При этом для уточнения описания процесса семиозиса нужно добавить четвертый компонент – интерпретатора, который будет производить и объяснять знаки, тем самым непрерывно осуществляя семиозис. Между интерпретаторами к тому же должна быть договоренность о правилах толкования.

Чарльз Уильям Моррис, развивая подход Пирса, выделил три измерения семиозиса, то есть три аспекта деятельности, связанной с порождением и

функционированием знаков. Моррис назвал эти компоненты соответственно знаковым средством (sign vehicle), десигнатом (designatum) и интерпретантой (interpretant), а в качестве четвертого фактора может быть введен интерпретатор. Три связанных с этими компонентами измерения Моррис, как известно, называл синтаксическим, семантическим и прагматическим, а изучающие их дисциплины синтактикой, семантикой и прагматикой [4, С. 47–50].

Обратившись к описанию компонентов семиозиса у Ч. Морриса («знаковое средство-десигнат-интерпретанта-интерпретатор») в качестве последнего компонента можно выделить сообщества, вырабатывающие правила интерпретации ИИ. Это политические институты, экспертные группы, медиа и другие. Собственно дальнейшей задачей является постановка вопроса о возможностях изучения семиозиса технологии в семантическом, синтаксическом и прагматическом измерениях.

На синтаксическом уровне мы пока наблюдаем процессы упорядочивания дискурса, связанного с искусственным интеллектом в общественно-политическом пространстве. Речь, в частности, идет об атрибутировании искусственного интеллекта в дискурсе, формировании связей и корреляций (роботов, нейросети, алгоритмы, программное обеспечение и т. д.), с различными сферами человеческой деятельности.

В этой связи примечательны результаты опросов россиян об отношении к искусственному интеллекту, проведенные летом 2021 года ВЦИОМ и автономной некоммерческой организацией «Национальные приоритеты» в ходе осуществления федерального проекта «Искусственный интеллект» внутри национального проекта «Цифровая экономика» [5]. Согласно результатам данного опроса внушительная часть жителей России (81%) знакома с понятием «искусственный интеллект» (ИИ). Также 32% сообщили, что способны правильно истолковать его смысл. Участники опроса чаще всего определяли ИИ как технологию, имитирующую мыслительные функции человека (30%), разумную машину или программу (27%) или самообучающийся алгоритм (26%). Примерно половина опрошенных (48%) заявили о доверии технологиям ИИ, а с недоверием к ним относятся 42%. Две трети респондентов (65%) решили, что главной сферой использования ИИ является система видеонаблюдения, 57% – робототехника, 49% – вооружение и военная техника. Меньше половины опрошенных знали, что ИИ задействуется в работе такси, программ для обработки фотоизображений и сетевых магазинов. Только пятая часть россиян (21%) не согласны с тем, что государство должно содействовать развитию искусственного разума. Кроме того 44% россиян согласились с утверждением о том, что ИИ будет способствовать более справедливым решениям, если использовать его в государственном и городском управлении.

Что касается изучения семантического измерения семиозиса искусственного интеллекта, то И. В. Фомин и М. В. Ильин указывают на то, что «лишь на уровне семантики» может быть эффективен метод контент-анализа [7, С. 25]. Динамика на уровне семантики исследовалась нами методом контент-анализа,

эмпирическую базу которого составили материалы общественно-политических медиа за период с 2010-го по 2021 гг. При неуклонном росте числа упоминаний искусственного интеллекта изменилось соотношение положительного и негативного контекстов в пользу последнего, и они почти сравнялись. На уровне прагматики (правила и образцы интерпретации) мы обратились к анализу инициированных в Российской Федерации на общегосударственном уровне информационных кампаний по продвижению образа дружественного искусственного интеллекта и повышению общественного доверия к нему.

Основное противоречие в многозначных оценках искусственного интеллекта, его сущности и предназначения, которое мы обнаружили на всех уровнях социально-политического дискурса, состоит в следующем: искусственный интеллект –это инструмент контроля и (или) инструмент развития. Эти представления поляризуются в российском обществе.

Необходимо отметить, что в октябре 2021 года распространилось сообщение АНО «Национальные приоритеты разработала информационную кампанию по повышению доверия общества к искусственному интеллекту [7]. Медиаплан кампании предполагает публикации в прессе, а также выпуск телевизионных научно-популярных программ на государственных каналах. На эти цели пойдут средства из бюджета федерального проекта «Искусственный интеллект» в размере 46,9 млн руб. Помимо этого, в рамках кампании предполагается выделить средства из национальной программы «Цифровая экономика» на съемку специальных выпусков таких телепрограмм, как «Чудо техники», «Умный дом» и «Про здоровье», посвященных искусственному интеллекту. Проектные показатели бюджета на 2022–2024 годы включали общую стоимость кампании по популяризации технологии и повышению доверия к искусственному интеллекту. В 2022 году это 106,3 млн руб., а в 2023 году – 74 млн руб.

Главная задача популяризаторов – «сформировать в обществе позитивный образ искусственного интеллекта». Технология должна обрести «эмоциональный характер проводника справедливости для человека». В перспективе граждане должны убедиться в том, что ИИ делает их жизнь справедливее, а также способствует установлению в обществе равенства в доступе к различным возможностям. Пока же население затрудняется сделать выводы о пользе технологии, которая чаще ассоциируется с разнообразными формами контроля и манипулирования и внушает опасения.

Медиакампания нацелена на то, чтобы бороться с отрицательными представлениями об ИИ, возникшие не только в массовой культуре, но и в реальной жизни, например в условиях пандемии, когда ИИ ассоциируется только с инструментом слежения. Косвенно, можно винить в этом медиа. Например, простейший поверхностный семантический анализ сообщений телевизионных каналов Russia Today и Euronews на тему «искусственный интеллект» показывает частотность упоминаний слов, указывающих на технологии распознавания лиц или вооружения.

Таким образом, подводя итоги, можно выделить контекстные поля, в настоящее время формирующие смысловые рамки интерпретации ИИ. Это:

– Программные и стратегические документы в области развития ИИ крупнейшими международными организациями и правительствами национальных государств;

– Экономическая и политическая активность, связанная с развитием и применением искусственного интеллекта. К концу 2010-х гг. искусственный интеллект рассматривается в числе важнейших стратегических инструментов для достижения мирового лидерства. В 2020 году по данным отчета AI Index Report 2021, подготовленного исследователями стэндфордского университета объем мировых инвестиций в разработки на основе технологий искусственного интеллекта увеличился на 40% и составил $67,9 млрд [8].

– Медиакурс и артикуляция прагматических рамок, описывающих взаимодействие искусственного разума и человека.

Представляется, что дальнейшее изучение семиозиса ИИ возможно в рамках данных полей.

Источники:

1. Государства-члены ЮНЕСКО принимают первое глобальное соглашение по этическим аспектам искусственного интеллекта. URL: https://ru.unesco.org/news/gosudarstva-chleny-yunesko-prinimayut-pervoe-globalnoe-soglashenie-po-eticheskim-aspektam (дата обращения: 15.01.2022)

2. Еврокомиссия определила степени опасности искуссвткенного разума. URL: https://ru.euronews.com/2021/04/21/eu-artificial-intelligence-vestager (дата обращения: 15.01.2022)

3. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.

4. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология. М., 2001.

5. Искусственный интеллект: благо или угроза? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-blago-ili-ugroza (дата обращения: 15.01.2022)

6. Фомин И. В., Ильин М. В. Зачем семиотика политологам? // Политическая наука. М., 2016. №3.

7. Власти проведут кампанию по улучшению репутации искусственного интеллекта URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/10/2021/6176bb949a7947bfaeb3db7d (дата обращения: 15.01.2022)

8. 2021 AI Index Report. Measuring trends in Artificial Intelligence. URL: https://aiindex.stanford.edu/report/ (дата обращения: 15.01.2022)

A. Y. Kolianov *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND SOCIAL CAPITAL: SEMANTICS OF INTERACTION

The article analyzes the semantic aspects of the influence of artificial intelligence on social processes and the quality of social capital. The development of technologies and their penetration into social and political processes using artificial intelligence (AI) is accompanied by intense discussions in the socio-political environment. Artificial intelligence is considered as one of the most important resources of social and political development, so the intention of states, politicians and public organizations to determine the semantic framework of its public perception is understandable.

Artificial Intelligence, Semiotics, Semantics, Social capital, Society, Information Technologies

УДК 304.9; 316.42

О. М. Корчажкина (*Институт кибернетики и образовательной информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук*, Москва, e-mail: olgakomax@gmail.com)

VUCA-МИР – НОВАЯ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются базовые характеристики постиндустриального общества – нестабильность, непредсказуемость, сложность и неоднозначность, которые дали название современному мироустройству: VUCA-миру. Содержание указанных особенностей рассматривается с позиций постнеклассического подхода, позволяющего учесть реалии Четвёртой промышленной революции, иначе именуемой Индустрией 4.0.

VUCA-мир, Четвёртая промышленная революция, Индустрия 4.0, постиндустриальное общество, постнеклассический подход, нестабильность, непредсказуемость, сложность, неоднозначность

Введение

Название «VUCA-мир» используется экспертным сообществом как обобщённый термин, определяющий современное мироустройство, где формируется «новая фаза прорывного развития», именуемая Четвёртой промышленной революцией, которая ориентируется на приоритетное развитие конвергентных технологий, иначе NBICS-технологий – искусственного интеллекта, блокчейна, нано- и биотехнологий, новейших технологий социального планирования и развития, масштабной автоматизации производственных и бизнес-процессов. По мнению ведущих мировых учёных и аналитиков NBICS-технологии в контексте Четвёртой промышленной революции являются не «простыми инструментами или неотвратимыми силами», а окном возможностей для осознания масштаба происходящих изменений и прогнозирования будущего общественного развития [1, С. 19].

Если детализировать аббревиатуру из английских слов VUCA, то её можно представить как Volatility – нестабильность, изменчивость, волатильность, Uncertainty – непредсказуемость, Complexity/Complicacy – сложность (или «сложностность») и Ambiguity – неоднозначность (неопределённость), что характеризует не технологические параметры современного общественно-политического устройства мира, а его качественные особенности, приобретаемые в ходе Четвёртой промышленной революции. Кроме того, эти признаки можно рассматривать не столько как свойства современного мироустройства, сколько как вызовы, с которыми сталкивается мировое сообщество и которые

необходимо учитывать при выборе стратегий и технологий для решения задач настоящего и прогнозирования целей будущего развития.

Необходимо отметить, что нестабильность, непредсказуемость, сложность и неоднозначность являются базовыми факторами, характерными для постнеклассической фазы развития социально-экономических отношений, когда при переходе от кризисного состояния неклассического периода общественно-политического и экономического развития (см. подробнее в [2, С. 510–512]) к качественно новому уровню эволюционирования изменяется вектор поступательного движения во всех отраслях знаний, техники и технологий. При этом происходящие процессы претерпевают значительные преобразования, формируя новые системные отношения в сложных многоуровневых саморазвивающихся структурах, обновление которых происходит за счёт самоупорядочивания и перехода от одного вида саморегуляции к другому, что является существенным признаком их принадлежности к объектам постнеклассической картины мира [3, С. 262–273].

Многие эксперты подчёркивают, что «постнеклассические представления о мире содержат значительный методологический потенциал, способный принести пользу и в процессе анализа природы современных глобальных проблем, поскольку осмысливаемая социоприродная реальность носит сложно-эволюционирующий, открытый, нелинейный характер» (см., например, [4, С. 197]). Условия, обеспечивающие функционирование разного рода системных отношений в новой постнеклассической интерпретации, создаются рядом постнеклассических социокультурных практик – важнейших концептов междисциплинарных исследований, находящихся на стадии становления. Постнеклассические практики – это преимущественно исследовательские практики, регулярно осуществляемые или воспроизводимые организованными группами учёных и направленные на решение упорядоченной совокупности исследовательских задач, связанных друг с другом едиными правилами в рамках актуальных полидисциплинарных, междисциплинарных или трансдисциплинарных отраслей знаний, что приводит к появлению комплексных научных программ, основанных на взаимодействии принципов и представлений картин реальности в различных парадигмах научного знания [4, С. 136–138, 501].

Приведём в качестве примера некоторые наиболее распространённые постнеклассические практики:

новые практики социального познания, основанные, помимо содержания структурных, целевых и причинно-обусловленных показателей, на типовых (генетически определённых) факторах, на принципе системности, являющемся дальнейшим развитием принципа целостности, на принципе необратимости социальных процессов, включая познавательные практики, учитывающие влияние наблюдателя на исследуемые процессы [4, С. 126–134];

новые коммуникативные практики, осуществляемые по принципу герменевтического круга: предпонимание (исходное понимание), интерпретация на

основе предпонимания, коррекция предпонимания на основе понимания, и направленные на социальную трансформацию, порождающую новые формы открытого общения в научном или учебном сообществе [4, С. 141–143];

новые практики философии науки, изначально базирующиеся на научных ценностях рефлексивности, объективности и инновационности самих отраслей научных знаний и привлекающие дополнительные вненаучные ценности культуры, вкупе понимаемые как аттракторы человеческого поведения, которые «являются управляющими параметрами по отношению к научным коллективам как к среде самоорганизации» [4, С. 28].

В данном контексте переосмыслению подвергаются такие понятия, как хаос и порядок, закономерное и случайное, неопределённость и обусловленность, стабильность и изменчивость, открытость и замкнутость, наблюдаемость и невоспроизводимость, управляемость и неконтролируемость.

Таким образом, для анализа современных социально-экономических и социокультурных процессов в рамках постнеклассического подхода, а также для выбора соответствующих постнеклассических практик как методологических инструментов научных исследований необходимо учитывать признаки, или факторы, сопровождающие объекты постнеклассической рациональности – сложные системные образования VUCA-мира, функционирующие в условиях неопределённости и повышенных рисков:

Volatility – нестабильность как «постоянная изменчивость, размывание устойчивых структур и становление сетевой организации социальных процессов» [4, С. 408];

Uncertainty – непредсказуемость как сужение «горизонта предсказуемости» [5, С. 402] в силу неудачного выбора или недостаточной достоверности прогнозирующих инструментов;

Complexity/Complicacy – сложность/сложностность как неотъемлемый компонент постнеклассического этапа развития общества, который «предполагает, что физический общественный и духовный миры нелинейны, сложны и случайны» [5, С. 401];

Ambiguity – неоднозначность как осознаваемая вероятность, играющая «существенную роль в механизме эволюции. <…> Человеческое существование предстаёт как реализация основных законов природы, которые находят своё выражение в необратимости и случайности» [6, С. 50].

При этом под рациональностью (от лат. ratio – разум; ант. иррациональности) понимантся объективная характеристика научного знания с точки зрения его соответствия определённым принципам и правилам мышления, организации исследования, перспективам развития.

I. Нестабильность

Нобелевский лауреат 1977 г. по химии И. Р. Пригожин, основатель Брюссельской научной школы термодинамики, считал нестабильность признаком не слабости, а жизненности системы, поскольку новая постнеклассическая ра-

циональность открывает возможность системам, переходящим через точки бифуркации, подняться на новый уровень своего развития [6, С. 55, 59]. Зонами неустойчивости глобального мира эксперты называют практически все современные социальные процессы, которые обладают вариативной и нелинейной динамикой, действующей в русле циклических концепций: стандартизация и унификация культуры, формирование когнитивных способностей человека, трансформация религиозных систем, кризис национальных государств и наднациональных регулятивных механизмов, современные конвергентные технологии и пр. [6, С. 367–383].

Для характеристики нестабильности современного общества экспертами используются две яркие метафоры: метафора «текучести» [4, С. 408–416] и метафора «потока» [6, С. 154].

Метафора «текучести» исходит из метафоры британского социолога Зигмунта Баумана «текучая современность» (цит. по [4, С. 408]), характеризующей нынешнюю стадию социально-экономического развития. Мир всё более фрагментируется, теряет стержневую структуру, его характеристики размываются, приводя к утрате налаженного порядка (в его неклассическом понимании), дезорганизации и хаосу. Однако возрастание числа зон бифуркации ведёт к увеличению возможностей для принятия взвешенных решений, что способствует, согласно законам синергетики, выходу из хаоса и стабилизации постоянно возникающих переходных процессов общественного развития.

Метафора «потока» несёт в себе более узкий смысл, чем метафора «текучести», поскольку описывает динамическую природу сетей и сетевых сообществ, что являет собой наглядный пример нестабильности одного из объектов постнеклассической рациональности. По замечанию автора метафоры «потока», испанского социолога Мануэля Кастельса, глобальные и локальные сети, сочетая в себе гибкость и качество выполнения задач, способность скоординировано принимать решения, тем не менее испытывают определённые трудности при концентрации ресурсов вокруг централизованно определяемых целей, а также при координации функций между отдельными ветвями [7, С. 14].

Некоторые исследователи вместо понятия «нестабильность» используют понятие «динамическая устойчивость эволюционирующего мира» [6, С. 70–72], выступающее в рамках синергетики инструментом самоорганизации нелинейных структур, особенно эффективно работающим при изучении «режимов с обострением», которые наблюдаются при сверхбыстром развитии процессов в сложных системах с высоким коэффициентом положительной обратной связи.

II. Непредсказуемость

Понятие предсказуемости/непредсказуемости, прогнозируемости/ непрогнозируемости поведения социально-экономических и социокультурных систем сопряжено с возникновением множественных вариантов их развития при

прохождении точек бифуркации, когда система меняет вектор своего эволюционирования. Тогда у лиц, принимающих решение, возникает набор альтернативных сценариев будущего развития ситуации, из которых бывает весьма затруднительно выбрать наиболее оптимальную версию. Бельгийские эксперты в области синергетики Г. Николис и И. Р. Пригожин отмечают, что для предсказания будущего человеку недостаточно предшествующего опыта, поэтому в сложных системах всегда наблюдается высокая степень непредсказуемости [8, С. 276], которая усугубляется дополнительными противоречиями между «желаемым» и «действительным». Однако человечество не может отказаться от возможности прогнозирования, поскольку осознаёт важность оценки перспектив развития, связанных с решением как глобальных, так и конкретных (локальных) задач мироустройства, например, с необходимостью построения образа будущего или преодоления кризисов и катастроф.

Проектирование образа будущего в условиях неопределённости, а тем более «идеального образа будущего», являющегося фактором развития любой социальной системы [4, С. 127], представляет собой довольно сложную задачу, поскольку, в отличие от краткосрочного планирования, долгосрочный образ желаемого будущего не может быть в какой-то степени чётко обозначен без консенсуса между множеством экспертных сообществ, ориентирующихся в своих разработках на данные, полученные из разных источников или опирающиеся на результаты альтернативных исследований.

Для нивелирования фактора неопределённости, упорядочения прогностического анализа и обеспечения регуляции совместной деятельности нескольких научно-исследовательских коллективов введён унифицированный термин коллективный образ будущего, в содержание которого «заложены представления о будущих процессах и явлениях, разделяемые представителями социальной группы и конструируемые ими в межличностном общении». Подобное понятие «отражает степень жизнеспособности общества, готовность к совместной деятельности, направленной на защиту от коллективных угроз и использование возможностей для развития» [6, С. 296].

При прогнозировании кризисных ситуаций, определяемых как неизбежные состояния перехода к некоторому новому равновесию, которые нельзя полностью избежать, а можно только смягчить [4, С. 425–426], исходят из их циклично-волнового характера, позволяющего применять для их описания различные математические модели, обладающие разной степенью достоверности и приближения к реальным процессам. Тем не менее, точное знание человеком будущих сценариев развития общества и его уверенность в том, что все кризисы удастся так или иначе преодолеть, означало бы инвариантность развития и предсказуемость эволюционных этапов, что не имеет под собой веских научных оснований. В данном контексте, рассматривая пути снижения рисков, с одной стороны, отмечается «изобретательность эволюции» [6, С. 179], преодолевшей в исторической ретроспективе огромное число кризисов и катастроф, а с другой, нет оснований надеяться, что в современных

условиях эволюция сама найдёт выход из создавшихся критических ситуаций. Только за счёт выработки правил рационального поведения человечеству не будет грозить самоуничтожение, и только тогда оно получит возможность осмысленно прогнозировать своё будущее за счёт своевременного противодействия «предсказуемой нестабильности» [6, С. 187–188], являющейся ведущим принципом стратегий построения будущего.

Внесение в образ будущего некоторой доли рациональной предсказуемости можно ожидать также от анализа социально-политических предпосылок общественного развития, заложенных в научно-обоснованные стратегии и тактики государственного управления [9, С. 279]. Научное обоснование условий функционирования и руководства социальными институтами, экономическими и бизнес-процессами создаёт необходимые режимы их развития, приближающие «действительное» к «желаемому».

III. Сложность / Сложностность

Как отмечает В. И. Аршинов, видный отечественный учёный, занимающийся вопросами философии науки и техники, проблема «синергийной сложностности» выступает в качестве своего рода «понятийного сцепления», позволяющего применить постнеклассическую методологическую парадигму к процессам становления и функционирования конвергентных технологий, которые являются базовыми компонентами Индустрии 4.0 [4, С. 165–187]. Например, применительно к процессу деятельности познающего субъекта «сложность рассматривается как способность к переключению между различными типами поведения при изменении внешних условий. В свою очередь вытекающие отсюда гибкость и приспособляемость приводят к понятию о выборе между различными имеющимися возможностями» [8, С. 252].

К основным областям, где методология сложностности помогает внедрять многоэтапные инновационные процессы в широкий спектр социальных и антропологических систем, обеспечивая их функционирование в едином контексте, «создавая синергийно организованные постнеклассические практики», относятся:

конвергентность – интеграция различных областей научного знания с реальными NBICS-технологиями: «спайка» методологической парадигмы синергийной сложностности как инструмента постнеклассических практик с инструментами конвергентных технологий «формирует перспективный горизонт понимания и прогнозирования механизма качественной технологической трансформации в эволюции современной цивилизации» [4, С. 166];

транс-, и междисциплинарность – соотнесение NBICS-технологий с объектами, методами, теориями и проблемами двух перспективных отраслей науки – синергетики и философии науки и техники: «принцип методологической сложностности становится рефлексивно-дискурсивным и <…> трансдисциплинарным принципом постнеклассических практик, коммуникативно сцепленных <…> с миром представлений постнеклассической науки» [4, С. 166];

динамически-нелинейная рефлексивность субъекта деятельности, «погружённого в самоорганизующийся мир» в том смысле, что «он его конструирует, познаёт и с которым он одновременно коммуницирует» [4, С. 167]: работающий на уровне познающего субъекта принцип рефлексивной сложностности очеловечивает процессы интеграции постнеклассической науки и конвергентных технологий и вносит динамическую составляющую в среду постнеклассических практик.

Одновременно следует отметить, что появившиеся десятилетия назад научные направления – синергетика и философия науки и техники – в рамках постнеклассической парадигмы сложностности приобретают новые стимулы в развитии и применении ранее полученных результатов для решения «новых вопросов междисциплинарного и трансдисциплинарного значения» [4, С. 186].

IV. Неоднозначность / Неопределённость

Немецкий учёный Клаус Майнцер, один из крупнейших мировых специалистов в области сложных систем и нелинейной динамики, назвал наш мир нелинейным, сложным и случайным [5, С. 401]. Случайность есть главный фактор неоднозначности, неопределённости, привносящий нестабильность в функционирование любой системы, «поэтому мы должны осмыслить суть и значимость фактора неопределённости» (цит. по [4, С. 197]. Это обязывает нас рассматривать неопределённость как некую сопряжённую с рисками объективную данность, как «условие человеческого бытия» [6, С. 80]. Не случайно одна из последних книг И. Р. Пригожина названа «Конец определённости» [10].

Неопределённость возникает в синергетических системах вблизи точек бифуркации, когда при изменении внешних условий или внутреннего кризиса прежнее положение системы становится неустойчивым, а её параметры – неоднозначными как в смысле наблюдаемых результатов, последствий, так и в смысле их интерпретации. Неопределённость может носить как внешний по отношению к человеку, так и внутренний характер.

К основным видам неопределённости в постнеклассических системах относят:

– социальную неопределённость, выражающуюся в эфемерности и текучести социальных структур и процессов, особенно возросшую в период сетевых форм коммуникации, когда, с одной стороны, повышается управляемость социальными группами, а с другой, возрастает недоверие к информации, получаемой через цифровые источники;

– неопределённость идентичности, которая проявляется в полиидентичности или в размытости половой, национальной, социальной или идеологической идентификации личности или несформированности самосознания, что оказывает существенное влияние на коммуникативную, мыслительную, мотивационную и эмоциональную сферы человека;

– неопределённость личного и публичного пространства (в том числе образовательного и трудовой деятельности), границы межу которыми размываются в процессе виртуального общения и прессинга со стороны социальных сетей.

Действия человека, которому необходимо принимать решения в условиях неопределённости, могут легко подвергаться управлению, контролю или даже моделированию – подстраиванию под определённые цели других лиц или организаций, создавая при этом видимость определённости, формирующей искусственную среду, где человеку обеспечивается иллюзия физического и морального комфорта. Однако, к счастью, подобные манипуляции, свободно осуществимые в ограниченных социальных группах, не могут иметь успеха в больших сообществах или в масштабах всего человечества: «Человек не может превратиться в сумму технологий, <поскольку> появление и развитие тех явлений нашей жизни, которые мы ценим особенно высоко, так как они связаны с высшими человеческими смыслами и ценностями, незапрограммировано. Поэтому эти явления нельзя контролировать и управлять ими» [6, С. 86]. По мнению специалистов неопределённость внешнего мира, особенно социальная неопределённость, может быть «скомпенсирована» внутренней определённостью личности. Если человек уверен в себе и собственных ценностях, то это помогает ему успешно действовать в ситуациях неопределённости.

Выводы

Новая постнеклассическая рациональность предлагает человеку на выбор широкий спектр вызовов, среди которых самым серьёзным, конечно же, является неопределённость, концентрирующая в себе и нестабильность, и сложность, и непредсказуемость – а потому являющаяся постоянным источником множественных рисков и угроз. Однако, как заканчивает одно из своих исследований «Неопределённость как источник человеческого бытия» отечественный философ В. А. Лекторский [6, С. 87]: «…попав в новый мир информационных, нано- и биотехнологий, человек обязан сохранить свой субъективный мир и свою автономию. Это значит уметь брать под контроль рискованные ситуации <…> в той мере, в какой это возможно, и вместе с тем быть готовым к нахождению нестандартных решений там, где риска невозможно избежать».

Источники:

1. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвёртой промышленной революции: [перевод с английского]. М.: Эксмо, 2018. 320 с.: ил.

2. Степин В. С. Философия и методология науки. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. 716 с.

3. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Степин. СПб.: Издательский дом «Міръ», 2009. 672 с. С. 249–295.

4. Постнеклассические практики: опыт концептуализации: Коллективная монография / Под общ. ред. В. И. Аршинова и О. Н. Астафьевой. СПб.: Издательский дом «Міръ», 2012. 536 с.

5. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. Г. Г. Малинецкого. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 464 с.

6. Мир человека: неопределённость как вызов. Коллективная монография. М.: ЛЕНАНД, 2019. 520 с.

7. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.

8. Николис Г., Пригожин И. Р. Познание сложного: Введение. Пер. с англ. / Предисловие Г. Г. Малинецкого. Изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД, 2014. 360 с.

9. Левко А. И. Социокультурные предпосылки инновационного развития общества: философско-методологический анализ / Нац. акад. наук Беларуси. Ин-т философии. Минск: Беларуская навука, 2019. 508 с.

10. Пригожин И. Р. Конец определённости. Время, хаос и новые законы природы / Пер. с англ. Юлий Данилов. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. 208 с. URL: https://klex.ru/gfn.

O. M. Korchazhkina *(Institute for Cybernetics and Educational Computing, Federal Research Centre "Computer Science and Control", The Russian Academy of Sciences, Moscow)*

THE VUCA-WORLD AS A NEW POST-NON-CLASSICAL RATIONALITY: ANALYSIS OF THE MODERN RESEARCH RESULTS

The article examines basic characteristics of the post-industrial society – volatility, uncertainty, complexity and ambiguity, which gave the name to the modern way of ordering the world: the VUCA- world. The content of these features is considered from the standpoint of the post-non-classical approach allowing to take into account the realities of the Fourth Industrial Revolution, Industry 4.0 in other words.

VUCA-world, Forth Industrial Revolution, Industry 4.0, post-non-classical approach, post-industrial society, volatility, uncertainty, complexity/complicacy, ambiguity

УДК 141.72:141.132

Т. А. Кострицкая (*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского*, e-mail: taisakostritskaya@gmail.com)

АНДРОЦЕНТРИЗМ АНТРОПОЛОГИИ И. КАНТА И ЛЕГИТИМАЦИЯ ПАТРИАРХАТНОГО ПОРЯДКА

Рассматривается роль андроцентризма в формировании представления И. Канта о человеке и значение последнего для легитимации патриархатного порядка нового типа. Выявлено, что андроцентризм в большой степени обусловливает первое и служит второму, подрывая в конечном итоге рационалистический проект как таковой.

Андроцентризм, рационализм, легитимность, просвещение, патриархатный разум, этика заботы, И. Кант, гражданское общество

Тема данной секции поднимает вопрос, к которому чувствительная к андроцентризму исследовательница может задать еще один: а был ли в философии, вообще, «человек»? С. Аморос отмечает, что, не взирая на все кажущееся разнообразие, все философии созданы мужчинами, которые не подвергали сомнению патриархатный порядок [1, С. 27], то есть тот порядок, который исключает из понятия «человека» женщину. И. Кант в этом отношении является абсолютно типичным представителем данной традиции. Однако он является также и проводником патриархатной легитимности нового типа, отчасти сменившую прежний, генеалогический ее вариант [1, С. 80–104] постулированием тождественного самому себе разума как фундамента нового социального порядка, поэтому исследование его философии представляется необходимым для понимания этого порядка.

Когда речь идет о столкновении двух частей философии Канта: универсального разума как основы для морали и нового гражданского общества равных и полного исключения женщин как из множества граждан, так и из множества людей, обычно обращается внимание на порождаемые этим столкновением противоречия. Х. Шрёдер указывает на «саморазрушение категорического императива» [2, С. 282]. К. Пейтман исследует неразрешимые проблемы, порождаемые, с одной стороны, защитой Кантом брака как равного союза, а с другой, постулированием женщин подчиненными от природы [3, С. 169–173]. Прагматическая антропология, с точки зрения Канта, должна содержать знание о человеке как «гражданине мира» [4, С. 139], но женщин он к гражданам не причислял со всей очевидностью: «Тот, кто имеет право голоса в этом законодательстве, называется гражданином (citoyen, гражданин государства, а не горожанин, bourgeois). Для этого ему необходимо кроме естественных

свойств (чтобы он не был ребенком или женщиной…» [5, С. 182]. Когда Кант пишет об априорных принципах гражданского состояния, включающих в себя свободу каждого члена общества как человека, равенство его с каждым другим как подданного, самостоятельность каждого члена общности как гражданина [5, С. 172], то он пишет исключительно о мужской части человечества. Однако ошибочным было бы полагать, что мы можем просто распространить сказанное на женщин, не исказив сущность исследуемой теории.

Так, процитированное выше положение, в котором принадлежность женщин к гражданам недвусмысленно отрицается, продолжается следующим образом: «Для этого ему необходимо кроме естественных свойств (чтобы он не был ребенком или женщиной) только одно-единственнное качество, а именно чтобы он был сам себе господин (suiiuris) и, следовательно, имел какую-нибудь собственность (сюда можно причислить также всякое умение, ремесло, изящное искусство или науку), которая давала бы ему средства к существованию, т. е. чтобы, в случае если он эти средства должен получить от других, он получал их только путем продажи того, что ему принадлежит (was sein ist), а не путем разрешения пользоваться его силами, которое он давал бы другим людям; следовательно, чтобы он не служил (в собственном смысле слова) никому, кроме общества» [5, С. 183].

О тех, чей удел служить, Кант не пишет в этом рассуждении, но из его характера ясно, что он видит их существование необходимым, речь идет о невидимом фундаменте «всеобщего» правового гражданского общества, построенного на труде тех, кто из него исключен. Внимание последним он уделяет, однако, в «Метафизике нравов», когда пишет о «пассивных» гражданах. Когда речь идет о последних, «зависимость от воли других и неравенство ни в коей мере не противоречат свободе и равенству этих лиц как людей, которые вместе составляют народ» [6, С. 347]. Наиболее значимым в этом небольшом отступлении является утверждение о том, что положительные законы, на которые дается их согласие «не должны противоречить естественным законам свободы и соответствующему этой свободе равенству всех в составе народа, а именно, они не должны противиться возможности перейти из этого пассивного состояния в активное» [6, С. 347]. Однако этого нельзя сказать об отстранении женщин в качестве таковых от гражданства, Кант не мыслит женщин ни как «пассивных» граждан, ни как людей вообще.

Как отмечает С. Седжвик, зависимость выживания женщин от воли мужчин Кант понимает не как исторический факт, а как постоянное свойство женской природы [7, С. 89]. Двойственность роли «природы» как легитимирующего принципа в эпоху просвещения отмечала С. Аморос: с одной стороны, именно, природа как человеческая природа, предполагающая естественные права, служит обоснованием нового равенства, с другой стороны, женская природа служит обоснованием подчинения женщин мужчинам [1, С. 31–38]. «Природа» обосновывает равенство и подчинение. Но куда делось господство?

«Обвинение жертвы» – это тактика, которая переносит все внимание с агрессора на жертву. Эта подмена есть тот принцип, в соответствии с которым те или иные качества жертвы (утверждаемые с перспективы агрессора) в принципе принимаются как обоснование агрессии, в то время как подлинной причиной является ее непосредственный источник. Генеалогическая легитимность более раннего типа предполагает наличие фигуры отца, переопределяющей в своих терминах прошлое «наследие». Не сложно увидеть ее следы в обосновании Кантом подчинения женщин женской природой, Богом и традициями [2, С. 284]. Легитимность же нового типа предполагает разум равных как обоснование общественного порядка. Критикам мужского господства (Олимпия де Гуж, Теодор Готлиб фон Гиппель) оставалось только распространить принципы новой легитимности на женщин. Но способно ли укорененное в них видение человеческой природы выдержать это распространение в полной мере?

Главной определяющей чертой кантовского «человека» является разум, понимание которого задает весьма специфическое видение свободы.

В рамках теоретических построений Канта «человек» оказывается расчлененным на разум, не обладающий никакими индивидуальными чертами, и чувства, на долю которых и остается все уникальное и контекстно обусловленное. Как отмечает С. Седжвик, феминистская критика подвергает сомнению независимость самоопределения от чувств [7, С. 93], но здесь мы имеем не просто эту независимость, но расчленение целостности человеческой личности на два мира, один из которых оказывается независимым от другого и определяющим для человеческого бытия, а другой содержит саму личность с ее особенностями, обусловленностью окружающими обстоятельствами и взаимосвязью с ей подобными. У Канта разум отделяется и отдаляется от личности, его мир – это не мир чувственно-воспринимаемых явлений, а мир интеллигибельный, собственный мир. Это разграничение в большой степени определяет кантовскую философию, при этом отношения между двумя мирами оказываются весьма односторонними: «…интеллигибельный мир содержит основание чувственно воспринимаемого мира, стало быть, и основание его законов, следовательно, непосредственно устанавливает законы для моей воли (целиком принадлежащей к интеллигибельному миру) и, таким образом, должен также мыслиться как законодательствующий…» [8, С. 234]. Разум оказывается целой вселенной, оторванной от тела, чувств, мира. Интерпретации философии Канта, отмечающие эту пропасть, вполне обоснованы. Да, чувства не обязательно противоречат морали с точки зрения Канта, но фундамент автономии последней – расчленение человека на два мира, соотносимые друг с другом как вещь в себе и явление (именно это различение служит фундаментом для различения интеллигибельного и чувственно воспринимаемого миров [8, С. 231]).

С. Седжвик отмечает, что в контексте этой логики можно утверждать, что этика Канта представляет собой этику заботы в широчайшем смысле этого

слова. Требование того, чтобы мораль основывалась на практическом разуме, а не на чувствах, выражает его убежденность в том, что постольку, поскольку наши максимы и действия определяются исключительно нашими личными интересами и проектами, мы не можем признать себя членами человеческого сообщества и не осознаем последствия нашего поведения для этого сообщества в целом [7, С. 81].

Однако «сообщество в целом» в конечном итоге оказывается бесчеловечным, это не совокупность существ, обладающих индивидуальностью, являющихся частью определенной культуры и связанных отношениями друг с другом, а нечто иное. Едва ли это нечто можно назвать, собственно, «сообществом», ведь объединяющим фактором служит наличие тождественного самому себе разума у каждого его представителя (но не представительницы), связи же между ними оказываются несущественными для предлагаемой морали. Свобода понимается Кантом как атрибут разума, но такая свобода не является таковой в полной мере во втором мире (в котором она проявляется как долженствование), однако сообщество, благо которого должно достигаться при помощи следования категорическому императиву, существует именно в нем в качестве, собственно, со-общества.

Связь отдельного «человека» с человечеством в целом осуществляется на основе ложной универсализации, редукционистского понимания личности, исключающего важность связи ее с другими людьми. В конечном итоге речь идет о свободе разума, множества изолированных разумов, а не людей в целом. Такое мышление никак не препятствует исключению из понятия человечества той его половины, которая воспроизводит его в счет своих жизни и здоровья. Хотя, надо заметить, что оно не предлагает какого-либо нового обоснования этому исключению, а иногда может служить и опорой для его (ограниченной) критики. Сам Кант, скажем, пишет о том, что некоторые женщины хотели бы быть мужчинами, потому что желают свободы (точнее, «ее склонности» имели бы в этом случае больше свободы), но ни один мужчина не хотел бы быть женщиной [4, С. 345–346]. В чем же состоит тогда всеобщее законодательство, в соответствии с которым мужчины отнимают свободу тех, от кого они получили свои жизни?

Таким образом, разум как фундамент обоснования нового порядка хотя и может служить опорой для ограниченной критики господства, не схватывает значимые аспекты действительности, в частности ситуацию изначальной взаимозависимости людей. Характерно, что при этом бытие частью сообщества полагается условием гражданства, причастности к человеческой свободе. Но сообщество, о котором идет речь, это братство – сообщество не людей, но господ, объединенных интересом сохранения господства и конституирующем себя на основе противопоставления исключенным при помощи утверждения мнимого тождества их и себя. Кант в этом отношении не совершает никаких переворотов. Он только лишь вводит новое основание для тождества и противопоставления – разум, а кроме того, как и предшествующие ему договорные

теоретики, он обосновывает не столько господство, сколько подчинение, задействуя для этого предыдущий, генеалогический, способ легитимации, которому он в остальной части своей философии противопоставляет новый, критический, способ, основанный на утверждении соответствия того или иного закона общества разумному началу.

Однако даже если отодвинуть в сторону противоречия практической части его философии, на данный исторический момент во многом разрешившиеся, само понимание им человека как совокупности двух миров, только один из которых является автономным и при этом исключающим индивидуальное, покоится на андроцентристской предпосылке, позволяющей в основу рассуждения положить автономного, независимого индивида, отодвинув то, что предшествовало его автономии – фундаментальную взаимозависимость человеческих существ, на второй план; что и послужило главным источником последующих противоречий. И в этом отношении философия Канта не утратила своей актуальности, человеческая индивидуальность, включающая в себя и зависимость, и автономию, до сих пор вытеснена в области иррационального, единичного, в которых она оказывается последней субстанцией, и не схватывается теориями, претендующими на универсальность. Стремление к последней во многом дискредитировано, однако провал претензий «патриархатного разума» (С. Аморос) не должен означать провал рационального проекта в самом широком смысле слова. Последний, на наш взгляд, еще далек от завершения.

Источники:

1. Amorós C. Hacia Una Crítica de La Razón Patriarcal. Barcelona: Anthropos, 1991.

2. Schröder H. Kant's Patriarchal Order // Feminist Interpretations of Immanuel Kant. Ed. by R. M. Schott. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1997.

3. Pateman C. The Sexual Contract. Stanford: Stanford University Press, 1988.

4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. М.: ЧОРО, 1994. Т. 7. С. 137–376.

5. Кант. И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант. И. Собрание сочинений в 8 томах. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 158–204.

6. Кант. И. Метафизика нравов // Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. М.: ЧОРО, 1994. Т. 6. С. 223–543.

7. Sedgwick S. Can Kant’s Ethics Survive the Feminist Critique? // Feminist Interpretations of Immanuel Kant. Ed. by R. M. Schott. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1997.

8. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. М.: ЧОРО, 1994. Т. 4. С. 153–246.

T. A. Kostritskaya *(Saratov State University)*

ANDROCENTRISM OF I. KANT'S ANTHROPOLOGY AND THE LEGITIMATION OF THE PATRIARCHAL ORDER

The role of androcentrism in the formation of I. Kant's idea of a person and the importance of the latter for the legitimation of the patriarchal order new type are considered. It is revealed that androcentrism to a large extent determines the first and serves the second, ultimately undermining the rationalistic project as such.

Androcentrism, rationalism, legitimacy, enlightenment, patriarchal mind, ethics of care, I. Kant, civil society

УДК 101.3

К. А. Кравченко (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: kravchenkokarolinaa@gmail.com)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В КИНО

Автор заостряет внимание на социальной проблематике в кино, так как кино является не только средством художественной репрезентации, но и средством социальной организации. Показано, каким образом кинематограф вносит свой вклад в формирование мировоззрения зрительской аудитории, в том числе в ее отношение к актуальным социальным проблемам.

Кино, кинематограф, фильм, общество, социальные проблемы, зритель, зрительская аудитория, документальное кино, массовая культура

С 60–70-х гг. XX в. кино входит в фокус внимания исследователей различных областей знания; исследования кино носят междисциплинарный характер. В настоящий момент происходит заметный сдвиг в сторону исследования кино как социального института и знакового феномена культуры. Целью данной статьи является освещение темы социальной проблематики в кино, которая, по мнению автора, нуждается в дальнейшей проработке.

Основной причиной недостаточного исследования социальной проблематики в кино является общая бессистемность исследования кинематографа. Это, прежде всего, связано с тем, что кино является достаточно поздним изобретением. До сих пор не существует конвенционального соглашения, в каком качестве мы можем интегрировать кино в систему академического знания.

Исследования кино представлены в рамках целого ряда интеллектуальных традиций – марксизма, феноменологии, психоанализа, постструктурализма, гендерных теорий – в работах Бергсона, Бенджамина, Адорно, Хоркхаймера, Мерло-Понти, Бодрийяра, Иригарей, Лиотара, Делеза, Кристевой, Агамбена, Жижека, Кавелла, Бадью и Сильвермана. Одни философы рассматривают кино как средство массовой информации (М. Маклюэн, Б. Стиглер), другие осуществляют феноменологический анализ конкретных фильмов (Ж.-Л. Нанси, Ж. Рансьер). Размышляя о возможности кино бросить вызов доминирующим моделям общественного бытия, философы рассматривают способы, с помощью которых кино стремится разрушить клише обыденного стереотипного существования и предлагает возможности для создания радикально нового социального опыта за пределами привычных форм знания и субъективности.

Стоит отметить, что, уже начиная с раннего немого периода кинематографа и заканчивая классикой европейского и голливудского кинематографа

до начала XXI века, фильмы дают яркое представление о социальной реальности. О. Аронсон заявляет: «Кино сегодняшнее и кино тридцатилетней давности отличаются друг от друга больше, чем, например, театр и живопись» [1]. Тем самым кино продолжает оставаться самым актуальным из искусств.

Сегодня кино может быть признано как способ трансформации социального восприятия и понимания (шире – мышления). Кино построено на аффективных образах, которые включены в массовую культуру и которые или не осознаются или еще не достаточно зафиксированы в сознании зрителя. Через эти образы кино являет собой сложносоставное полотно, способное влиять и переосмысливать общественное мнение, тем самым служа мощным коммуникативным инструментом для социальных изменений. Понимание роли фильма в продвижении социальных изменений предполагает раскрытие того, как и почему тот или иной фильм заставляет зрителя совершать определенные действия. Режиссер обращается к специальным приемам таким как, например, использование крупных планов и музыкальных вставок, а также выстраивает соответствующие сюжетные линии так, чтобы история могла захватить зрителя.

Если мы обратимся к философской мысли, то большой исследовательский интерес вызывают работы, в которых кино рассматривается как средство создания новых форм интерсубъективности и социальности. Б. Балаш акцентировал внимание на способности кино делать человека «видимым» [2, С. 22]. В то же время В. Беньямин отметил, что просмотр фильмов сам по себе породил новые типы коллективного сознания, внедрив беспрецедентные средства массовой коммуникации [3, С. 142]. Эти два аспекта взаимосвязи между социальностью и кинематографом – фильма как средства для новых форм интерсубъективности и социальности, с одной стороны, и фильма как объекта для новых типов общественного сознания, с другой – сегодня привлекают внимание философов кино, использующих феноменологические, аналитические или когнитивные подходы.

А. Базен пишет, что человек желает «запечатлеть в искусстве поверхность мира» [4, С. 45]. Философ создал концепцию «комплекса мумии», в которой убедительно доказано, что на протяжении всего своего существования человек стремится удержать время в изображении. Другими словами, момента реальности не существует до тех пор, пока он не будет показан через художественный образ.

О. Аронсон во вступительной статье к «Кино» Ж. Делеза пишет, что «кинематограф формирует собственного субъекта восприятия, и этим субъектом выступает уже не «я» (психологизированный субъект), а масса» [5, С. 15]. Это подтверждает тезис, что опыт просмотра кино – это опыт, прежде всего, социальный. Кино способно отразить ценности и желания социума, но этим кино не ограничивается. Помимо аксиологических, эстетических и социальных функций кино также осуществляет экономические, политические и идеологические функции. Например, М. Фуко анализировал, как кино действует в дискурсе власти, а также как образы кино запечатлены в историческом сознании

и памяти [6]. Стоит добавить, что проникнутые символическими отношениями власти, фильмы создают и включают идеологии, которые представляют собой результат борьбы, отмеченной историческими реалиями власти и глубокими тревогами времени.

М. Маклюэн считал кино «горячим» средством коммуникации [7, С. 324]. Кино заставляет зрителя осуществить переход в ирреальный мир, подчиняет его собственным законам, законам фантазии. В то же время, по мнению философа, у зрителя при просмотре киноленты отсутствует критика происходящего на экране. Современные исследования в рамках философии кино и Cinema Studies говорят, что данная позиция является скорее ошибочной. Зритель воспринимает изображение, соотносит свой мир с происходящим на экране, но также дает свою критическую оценку. Однако именно М. Маклюэн впервые обосновал тесную взаимосвязь между зрителем и кинопроизведением.

Отдельно обозначим, что фильмы, в которых присутствует социальная проблематика – это фильмы, в которых изображен некий набор социальных проблем через их репрезентацию в условиях определенного исторического момента. Такое кино содержат в себе установку прокомментировать реальный мир, окружающую действительность.

Кино о социальных проблемах может опираться и на другие формы средств массовой информации или искусства (к примеру, это может быть социальный роман, социальный театр), которые являются актуальными в тот или иной исторический период. Наличие в фильме социальной проблемы указывает на то, что в фильме показана некая проблема отношений между людьми, социальных институтов, и которая может быть улучшена или преобразована силами искусства. Массовое кино часто имеет такой тип повествования, в котором изменения происходят через либеральную призму, приглашая зрителей отождествить себя с персонажами, разрешение проблем и облегчение страданий которых основная цель повествования.

Автор считает, что стоит отдельно остановиться на том, чтобы проследить обозначенную в статье тему в рамках документального кинематографа, в котором социальные проблемы показаны наиболее явно. В качестве примеров документального кино мы можем привести следующие современные киноленты: «Боулинг для Колумбины» М. Мура, «Море в огне» Дж. Рози, «Соль земли» В. Вендерса и др. Документальные фильмы содержат нерассказанные истории и трагедии мира, а также отражают идеологию создателей фильма. Таким образом, они являются социально значимыми произведениями искусства: освещают борьбу и проблемы, существующие в обществе, часто давая прозвучать людям, голос которых в иной ситуации был бы не слышен. Документальные фильмы используют определенную риторику, которая помогает усилить эмоциональное воздействие на аудиторию.

При исследовании социальных проблем как в документальном, так и в художественном кино наибольший интерес представляют следующие во-

просы: каким образом мы можем разграничивать авторский взгляд на проблему и позицию самой картины; как картина «говорит» с нами; и что даёт кино возможность не только транслировать определённые модели поведения, но и влиять на существующую реальность? Эти вопросы нуждаются в последовательном и глубоком философском анализе.

Подытоживая, кино является важным феноменом культуры в контексте осуществления социальных преобразований. Кино не только копирует и показывает социальную реальность, но и создает условия для изменения общественного сознания. Фильмы делают больше, чем развлекают, они выстраивают приемлемые модели поведения, мобилизуют желания, влияют на наше бессознательное и создают пространство культуры. Невозможно опровергнуть удивительную силу кино. Кино дает уникальную возможность взглянуть на общество и культуру с непривычного для нас ракурса. Киноленты являются важными социологическими и культурными документами, которые влияют на наше восприятие как прошлого, так и настоящего.

Источники:

1. Аронсон О. Кинематограф сейчас – это своего рода икона секуляризованного мира // Теории и практики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://theoryandpractice.ru/posts/6766-aronson (дата обращения: 06.01.2022).

2. Балаш Б. Видимый человек. Очерки драматургии фильма. М.: Всероссийский пролеткульт, 1925. 88 с.

3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.

4. Базен А. Что такое кино? М.: Искусство, 1972. 382 с.

5. Делез Ж. Кино. М.: Ad Margenum, 2004. 624 с.

6. Лазарев В. Мишель Фуко. Антиретро // Cineticle [Электронный ресурс]. URL: https://cineticle.com/foucault-interview/ (дата обращения: 02.01.2022).

7. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. 464 с.

K. A. Kravchenko *(St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI")*

THE REPRESENTATION OF SOCIAL PROBLEMS IN CINEMA

The author focuses on social issues in cinema, since cinema is not only a means of artistic representation, but also a means of social organization. It is shown how cinema contributes to the formation of the worldview of the audience, including its attitude to current social problems.

Cinema, cinematography, film, society, social problems, spectator, audience, documentary, popular culture

УДК 304.444

М. Е. Кудрявцева (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: mashutka331@yandex.ru)

КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ VUCA-МИРА

В статье рассматриваются коммуникационные стратегии и практики, актуальные в мире, характеризующемся непостоянством, неопределённостью, сложностью, неоднозначностью. Наибольшей актуальностью, как показано в статье, обладают стратегии, ориентирующиеся на «вертикальное бытие ценностей» в противовес постмодернистскому горизонтальному. В число таких ценностей входят практики филантропии и альтруизма, дающие возможность реализации в человеке именно человеческого начала, а также практики обращения к культурным архетипам прошлого, дающие человеку возможность утверждения своей гражданской и культурной идентичности.

Коммуникационные стратегии; практики альтруизма; культурные архетипы

Основными характеристиками современной реальности, получившей название VUCA-мира, являются Volatility (непостоянство), Uncertainty (неопределённость), Complexity (сложность) и Ambiguity (неоднозначность). Постоянно усугубляющиеся, в своей совокупности эти характеристики уже в самое ближайшее время грозят сделать жизнь невозможной, превратив её в сплошной хаос. Основными детерминантами современного хаоса являются, с нашей точки зрения, следующие: во-первых, усиление влияния непредсказуемых факторов окружающей среды, к числу которых в настоящее время относится в первую очередь пандемия коронавируса, во-вторых, безудержный рост цифровизации жизни, также грозящей выйти из-под человеческого контроля. Нетрудно заметить при этом тесную взаимосвязанность обоих факторов: угроза заражения заставляет всё больше перемещать коммуникацию в цифровое пространство, в котором ещё более напряжённо дискутируются вопросы эпидемии. «Общество мечты», о котором писал датский философ и социолог Рольф Йенсен [1], которое, по его представлениям, должно было прийти на смену информационному обществу, оборачивается непредсказуемым VUCA-миром. Если граждане «общества мечты», заблудившись в море информации, предпочтут, по мнению Р. Йенсена, изобилие различных историй, эту информацию интерпретирующих, то граждане VUCA-мира вряд ли променяют на них однозначность и определённость разъяснения и предотвращения факторов, угрожающих стабильности и безопасности их жизни. «Общество мечты» благополучно и поэтому может позволить себе множественность интерпретаций. VUCA-мир неблагополучен, и поэтому постмодернистская установка на

плюрализм, как «горизонтальное» бытие ценностей, в нём постепенно отодвигается, уступая место традиционной, «вертикальной» иерархии ценностей. Как считает современный философ Л. Закс, принцип вертикальности с незапамятных времен является универсальным принципом духовного мировосприятия и оценивания (причём он отмечает, что даже модернизму не удалось отменить вертикаль и преодолеть власть абсолютов) [2].

На какие же «абсолюты» ориентироваться современным коммуникаторам, для того чтобы добиться стабильной лояльности от своих целевых аудиторий, и где их искать? Одним из таких абсолютов, как представляется, может быть актуализация традиционной альтруистической морали, сильно потеснённой в своё время моралью капиталистической. Один из теоретиков капиталистической морали Айн Рэнд в качестве её главных тезисов отмечала следующие:

Человек должен быть эгоистом. В этом заключается залог справедливости и свободы. Он не должен жертвовать собой ради других людей и не должен ожидать каких-либо жертв с их стороны в отношении себя. Человек не должен служить никому и ничему, кроме своих интересов.

Главным стремлением человека должно быть стремление к личному успеху и получению максимального удовольствия от жизни, пока он ее проживает. Это стремление должно реализовываться через творчество и усердие. Таким образом, утверждается необходимость и справедливость гедонизма через талант и трудолюбие [3, С. 300].

Если учесть, что стабильность и благополучие жизни не характеризовали ни один сколько-нибудь длительный период жизни абсолютного большинства человечества, нетрудно заметить провальность этой этики, актуальной только для небольшой в масштабах всей планеты группы людей. Между тем, как считают социологи, «только альтруизм способствует сохранению генофонда и социальной структуры социума в целом. Именно поэтому человеческий социум оценивает альтруизм всегда позитивно и закладывает принципы альтруизма в нормы морали, которые поддерживаются культурой» [4, С. 50]. С психологической точки зрения, именно ориентированность человека на помощь ближнему способствует децентрации, уходу от сфокусированности на своих проблемах и тревогах и в итоге реализации в человеке именно человеческого начала, утверждению его социальной природы в высшем смысле этого слова.

С началом пандемии стало возможным говорить о том, что стратегическая установка на «абсолют» традиционной этики начал активно реализовываться в России в разнообразных коммуникационных «практиках альтруизма».

Современные бренды уже хорошо понимают, что в нестабильные беспокойные времена для поддержания доверия своих целевых аудиторий целесообразным будет поддержать волонтёрское движение, безусловно, относящегося к «практикам альтруизма». В качестве примера можно привести кампанию, в поддержку волонтерской деятельности под лозунгом «Добро можно делать под любым брендом», которая стартовала в России15 ноября. Цель этой акции состояла в том, чтобы привлечь внимание граждан к участию в борьбе

с коронавирусной инфекцией в рамках акции взаимопомощи #МЫВМЕСТЕ К этой акции присоединились 10 тысяч компаний, предпринимателей и общественных организаций. В рамках данной акции конкурирующие между собой бренды объединились для помощи нуждающимся. Теперь главное – моральная, а не материальная ценность вещей, подчеркивают организаторы [5].

Большую роль для реализации современных «практик альтруизма» играют цифровые платформы, мода на которые пришла из бизнеса. Несмотря на ряд возникающих проблем, связанных с верификацией деятельности благотворительных фондов, которым предоставляется место на цифровых платформах, последние способны существенно увеличить эффективность деятельность указанных фондов. На эту тему в марте 2020 года состоялась дискуссия на специальной сессии XVI ежегодной конференции «Ведомостей» на тему благотворительности – «Благотворительность в России: 2025» [6].

Ещё одни примером является организованный благотворительным фондом Владимира Потанина конкурс «Практики личной филантропии и альтруизма», направленный на поддержку инициатив по популяризации лучших практик личной филантропии и альтруизма, проведения благотворительных инициатив и акций. Как отмечает генеральный директор Фонда Потанина Оксана Орачева: «Наши заявители – это неравнодушные и талантливые люди, которые успешно проявляют себя в различных профессиональных областях…. Спектр тем, которые стремятся охватить конкурсанты, … становится шире: от благоустройства территорий и помощи социально незащищенным группам граждан до продвижения компетенций будущего… Надеемся, что такая тенденция сохранится, и мы вместе продолжим менять среду к лучшему» [7].

Другим «абсолютом», или коммуникационной стратегией «вертикальных» ценностей, способной помочь человеку в обретении устойчивых жизненных ориентиров, является взгляд в культурное прошлое своей страны. Человеку свойственно во времена нестабильности обращаться к прошлому, отношение к которому человеческой памяти избирательно: плохое, как правило, удаляется, хорошее остаётся. Тот факт, что обращение к культурной памяти может помочь в решении ряда коммуникационных задач, в том числе коммерческих, хорошо понимают современные рекламисты. Как отмечает Е. С. Другова, «репрезентация прошлого в рекламе – это интересный творческий ход, который во многом облагораживает рекламу и придает рекламируемому товару новые, определенные смысловые значения» [8, С. 240]. Всё чаще встречаются медиатексты, в которых чувствуется стремление всколыхнуть образы прошедшей культуры, и такая ностальгия по прошлому может удовлетворяться с помощью текстов, создаваемых современными профессиональными коммуникаторами. Таким примером может стать телевизионная реклама Сбербанка «Нам 180 лет», состоящая из ряда последовательно чередующихся эпизодов прошлых эпох. Ещё один хороший пример – инициатива бренда Иль де Ботэ «Письма из прошлого», предлагающая оформлять поздравительные и

пригласительные открытки в стилистике позапрошлого века, текст в них писать от руки [9].

Однако для того, чтобы эта потребность могла быть удовлетворена, у коммуникатора должно быть тонкое чутьё к наиболее интересующим людей культурным архетипам прошлого, к определяющим этот интерес обстоятельствам. Кроме того, коммуникатору необходима развитая способность чувствовать и понимать, каким образом, в каких формах, в каком контексте и с каким подтекстом тот или иной образ культуры должен быть отражён в ПР или рекламном тексте для конкретной целевой аудитории. По сути дела это можно назвать способностью творческого отношения к прошлому, которое, с нашей точки зрения, содержит множество возможностей для интерпретации. Как представляется, потребность в таких культурных архетипах со стороны целевых аудиторий и готовность ответить на эту потребность профессиональных коммуникаторов можно рассматривать как своеобразный социокультурный защитный механизм национальных культур в ответ на практически неконтролируемую глобализацию и цифровизацию современного мира.

Запуск такого механизма видится актуальным ещё и в свете распространения так называемых «креативных индустрий», ориентированных на размывание представлений о культурной и гражданской идентичности человека. Так австралийский исследователь Терри Флю один из разработчиков политики креативных индустрий, считает, что с ней связана важнейшая революция современности – трансформация представлений о национальной идентичности и гражданстве. По его мнению, «политика креативных индустрий более не подразумевает культивирование гражданских чувств как прогрессивной культурной цели» [10, С. 244]. Т. Флю полагает, что вместо национального протекционизма и централизованной поддержки регионов следует «поддерживать способность наций создавать контент таким образом, чтобы избегать навязываемого сверху национализма и предписанных концепций культурных ценностей» [10, С. 251]. Помимо реальной опасности утраты культурного многообразия мира, такая лишающая человека культурной идентичности политика является, с нашей точки зрения, дестабилизирующей, расшатывающей общество, чреватой социально-политическим коллапсом.

Думается, что этой, уже подступившей вплотную опасности утраты национально-культурной идентичности могут и должны противостоять определённые коммуникационные стратегии и практики.

Подводя итоги, стоит отметить, что «практики альтруизма» и обращение к культурным архетипам прошлого, разумеется, не исчерпывают всех возможных коммуникационных стратегий, актуальных для VUCA-мира, способных вернуть людям ощущение стабильности, безопасности и чувство своей человеческой и культурной идентичности. В настоящее время, однако, они представляются весьма плодотворными.

Источники:

1. Йенсен Ролф. Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес. URL: http:// lib.rus.ec/b/140983/read#t7 (дата обращения: 16.12.2021).

2. Закс Л. Возвращение вертикали. // Электронный Петербургский театральный журнал. 2001. № 25. URL: http://ptzh.theatre.ru/ (дата обращения: 16.12.2021).

3. Немцов А. А. Осмысление либеральных ценностей в современном российском культурно-историческом контексте // Бюллетень науки и практики. Т. 6. № 10, 2020. С. 299–338.

4. Лаверычева И. Г. Об исторической роли эгоизма и альтруизма // Научные вести. № 4 (21), 2020. С. 47–1077.

5. Помощь в пандемию: акции # МыВместе исполнился год. URL: https://www.mos.ru/mayor/themes/1299/7237050/ (дата обращения: 16.12.2021).

6. Какой будет корпоративная благотворительность в ближайшие пять лет.2025URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/01/826823-korporativnaya-blagotvoritelnost (дата обращения: 16.12.2021).

7. Благотворительный фонд Владимира Потанина. Конкурс «Практики личной филантропии и альтруизма» URL: https://www.fondpotanin.ru/competitions/giving-tuesday/ (дата обращения: 16.12.2021).

8. Другова Е. С. Исторические образы в современной телевизионной рекламе // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3. С. 239–246.

9. Культура. Забытые традиции: пишем письма и поздравления. URL: https://iledebeaute.ru/culture/2013/12/21/40011/ (дата обращения 16.12.2021).

10. Flew T. (2005). Sovereignty and Software: Rethinking Cultural Policy in a Global Creative Economy // International Journal of Cultural Policy. Vol. 11. № 3. P. 243–260.

M. E. Kudryavtseva *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

VUCA-WORLD COMMUNICATION STRATEGIES AND PRACTICES

The article examines communication strategies and practices that are relevant in a world characterized by volatility, uncertainty, complexity, ambiguity. The greatest relevance, as shown in the article, are strategies that focus on the "vertical existence of values" as opposed to the postmodern horizontal one. These values include the practices of philanthropy and altruism, which make it possible for a person to realize precisely the human principle, as well as the practice of referring to the cultural archetypes of the past, giving a person the opportunity to assert his civic and cultural identity.

Communication strategies; altruistic practices; cultural archetypes

УДК 37:811+316+004

М. В. Кузнецова (*ФГБОУ ВО «НГПУ»*, e-mail: golubeva19952001@yandex.ru)

ИНОЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Актуальность проблемы иноязычного образования личности обусловлена включением в систему социального капитала в образовании. Исследовательской целью статьи являлось изучить современное состояние иноязычного образования и его влияние на формирование социального капитала. Были использованы следующие исследовательские методы: анализ, обобщение, системный метод. В качестве результатов исследования автором выделены современные условия, влияющие на развитие иноязычного образования. Обзор литературных источников позволил сделать вывод о потенциале иноязычного образования и проблемах формирования социального капитала образовательной организации в современных условиях.

Образование, иноязычное образование, социальный капитал, личность, образовательный процесс, образовательные отношения, глобализация, информатизация образования.

Образование является одной из важных составляющих социального капитала. В настоящее время система образования сталкивается с изменениями в своем функционировании, что обусловлено пандемией коронавируса. Данные изменения повлекли за собой трансформацию всех отраслей, в том числе иноязычного образования.

Существуют разные определения понятия «социальный капитал». Лысенко Г. В. трактует социальный капитал следующим образом: «основа формирования социальных сетей, необходимых для конструирования и преобразования воспроизводимых во времени и пространстве социальных отношений, обеспечивающая агентам сетей материальную или символическую прибыль [1, С.12–13]. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. отмечают, что социальный капитал – это «некий ресурс, в который конвертируются отношения между участниками социального взаимодействия, характеризующиеся взаимной ответственностью, а также благонадежностью и доверием» [2, С.19]. Г. Н. Бойченко и Л. И. Кундозерова конкретизируют определение понятия «социальный капитал» с точки зрения образовательной системы: «идентифицируемые социальные взаимоотношения между участниками образовательного процесса («обучающийся – преподаватель», «обучающийся – обучающийся» и др.), которые влияют на формирование и развитие норм, ценностей, установок, учебной мотивации, приобретение знаний и компетенций обучающихся» [3, С. 22]. Беля-

ева Л. А. делает акцент на том, что «социальный капитал воплощается в социальных сетях, социальных нормах поведения определенной группы, взаимных поддержках и кооперациях ради получения взаимной выгоды» [4, С. 62]. Короткова Т. Л. разрабатывает проблему социального капитала в образовании и утверждает следующее определение: «комплекс взаимоотношений между участниками образовательного процесса, основанных на принятых в обществе правилах, нормах поведения и доверия, которые приносят им дополнительную выгоду, как в виде повышения статуса учебного заведения, так и в повышении лояльности контактных аудиторий» [5, С. 26]. Пастухов А. Л. с точки зрения философии трактует социальный капитал, как «совокупность межличностных и групповых связей, отношений, систем коммуникации, групповых моделей поведения (коллективное бессознательное), коллективных процессов, включая информационный обмен и обмен знаниями, что отражается в форме совместных накоплений и вложений в развитие организационной деятельности (фонды, акционерные общества), бренда, карьерного роста (изменения социального статуса), возможностей использования социальных ресурсов на основе имеющегося социального статуса или должности» [6, С. 208].

На основе анализа приведенных определений понятия «социальный капитал» появляется возможность выделить следующие его сущностные характеристики:

Социальный капитал подразумевает организацию общественных взаимоотношений посредством какого-либо института с целью получения материальной и нематериальной выгоды.

Важной составляющей социального капитала является неэкономические ресурсы, которые определяют позицию личности в системе общественных отношений.

Социальный капитал образовательного учреждения создает условия распространения знаний посредством взаимодействия субъектов образовательных отношений и организации среды для непрерывного информационного обмена, что обеспечивает постоянное развитие общественных связей и их сохранность.

Потребность в изменении функционирования системы образования значительно возросла в недавно появившихся условиях пандемии коронавируса. Бегалинов А. С., Ашилова М. С., Бегалинова К. К. утверждают, что в данный период стоит выделить возможности для положительных изменений в сфере образования: переход сущности высшего образования, заключающуюся в получении узкой квалификации к усилению междисциплинарности образовательного процесса и демократизации высшего образования [7]. Одним из средств реализации данного перехода является иностранный язык.

Целью данной статьи является изучение современного состояния иноязычного образования личности и его влияние на формирование социального капитала. Были использованы следующие исследовательские методы: анализ, обобщение, системный метод.

Обзор литературных источников позволил выделить современные условия существования иноязычного образования, которые требуют новое осмысление его содержания. Далее будет представлена их характеристика.

Одним из условий, влияющих на содержание иноязычного образования, является его информатизация в динамично изменяющимся образовательном пространстве. Коломыцева О. Н., Стативка А. М., Дин Шуцзинь, Стативка В. И. утверждают, что информатизация вызывает изменения не только в сферах общественной деятельности, но и в самой личности [8]. Пушкарёва Е. А., Пушкарёв Ю. В. установили, что после 2020 года началась интенсивная переоценка ценностей в связи с информатизацией образования. Ключевое значение начинают приобретать ценности здоровьесбережения в образовательном процессе ввиду непосредственного влияния информационно-коммуникационных средств на организм человека, личностно-ориентированный подход для обеспечения самоорганизации обучающихся [9].

Другим условием, являющимся следствием информатизации образования, составляет позиция педагогов к динамично изменяющимся условиям образовательного пространства. Ермолова Т. В., Савицкая Н. В., Дедова О. В., Гузова А. В. утверждают, что работникам сферы образования необходимо принять потребность в использовании digital-технологий. Для распространения данных технологий в системе иноязычного образования требуется систематизация их практики в образовательных организациях [10]. Микиденко Н. Л., Сторожева С. П., Ивановская И. В., Борисова А. А. подняли вопрос о владении педагогами цифровыми компетенциями. Исследователи заключили, что большинство преподавателей высшей школы успешно повысили уровень использования ИКТ-технологий, но в данный момент необходимо их постоянное совершенствование для обеспечения персонализированного обучения студентов [11]. Безгодова С. А., Микляева А. В. поднимают такую проблему, как академический обман в цифровой среде. Исследователи утверждают, что данное явление обусловлено не только индивидуально-психологическими факторами студентов, но и контекстуально-средовыми, к которым относятся отношение преподавателя к такому академическому поведению и политика образовательной организации по данному вопросу. Одним из условий распространенности академического обмана в цифровой среде в процессе образования является неготовность педагогов к его предотвращению, что указывает на проблему использования ИКТ-компетенции в профессиональной деятельности [12].

Таким образом, формирование социального капитала в иноязычном образовании претерпевает существенные изменения, определяя развитие различного рода проблем. К таким проблемам можно отнести затрудненное развитие социальных связей, сложности в организации образовательной среды, распространение нечестного академического поведения. С одной стороны, информатизация иноязычного образования дает возможность создать богатый инстру-

мент для обновления его содержания. С другой стороны, в условиях дистанционного обучения теряется эмоциональный контакт. Самостоятельное обучение способствует лучшему усвоению знаний, но не все обучающиеся способны его организовать без помощи педагога. Данные проблемы приводят к потере взаимодоверия, справедливости в отношениях между субъектами образовательного процесса, что обусловливает ослабление социальных связей и возможностей образовательного пространства организации.

Источники:

1. Лысенко Г. В. Социальный капитал как индикатор качества социальных связей: региональный аспект // Труд и социальные отношения. 2008. Т. 19. № 4. С. 12–15.

2. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 1. С. 17–34.

3. Бойченко Г. Н., Кундозерова Л. И. Образование как ценность личности, семьи и социума // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2012. № 3(12). С. 20–25.

4. Беляева Л. А. Культурный и социальный капитал и напряженность социального пространства России // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 51–64.

5. Короткова Т. Л. Социальный капитал в образовании // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2017. № 1(21). С. 26–31.

6. Пастухов А. Л. Развитие человеческого и социального капиталов как факторов экономической и социальной безопасности // Экономическая наука сегодня. 2019. № 9. С. 208–215.

7. Бегалинов А. С., Ашилова М. С., Бегалинова К. К. Об образе высшего образования в постковидную эпоху: формирование и развитие мышления нового порядка // Science for Education Today. 2021. № 1. С. 110–123.

8. Коломыцева О. Н., Стативка А. М., Дин Шуцзинь , Стативка В. И. Детерминированность информационного общества и образовательной системы: возможности повышения академических результатов в условиях дистанционного обучения // Science for Education Today. 2021. № 2. С. 102–121.

9. Пушкарёв Ю. В., Пушкарёва Е. А. Специфика информационного и коммуникационного развития образования: аналитика ценностных изменений до и после 2020 (критический обзор) // Science for Education Today. 2021. № 6. С. 96–119.

10. Ермолова Т. В., Савицкая Н. В., Дедова О. В., Гузова А. В. Аргументация выбора универсального инструментария обучения иностранным языкам в условиях перехода к digital-компетентностной парадигме // Science for Education Today. 2021. № 6. С. 179–194.

11. Микиденко Н. Л., Сторожева С. П., Ивановская И. В., Борисова А. А. Оценка потенциала роста цифровой компетенции преподавателей в соответствии с потребностями диверсификации образования // Science for Education Today. 2021. № 3. С. 107–123.

12. Безгодова С. А., Микляева А. В. Академический обман в цифровой среде: социально-психологический анализ // Science for Education Today. 2021. № 4. С. 64–90.

M. V. Kuznetsova *(Novosibirsk state pedagogical university)*

PERSONALITY FOREIGN LANGUAGE EDUCATION AND SOCIAL CAPITAL

The relevance of the personality foreign language education problem caused by its inclusion in social capital. The research purpose of the article was to study the present state of foreign language education and its impact on the social capital formation. The following research methods were used: analysis, generalization, system method. The results of the study: the author identifies modern conditions affecting the development of foreign language education. A review of literary sources allowed us to conclude about the potential of foreign language education and the problems of forming the social capital of an educational organization in modern conditions.

Education, foreign language education, social capital, personality, educational process, educational relations, globalization, informatization of education.

УДК 116+501+573.7+316.3/4

С. Ю. Куртов (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: KurtovSY@yandex.ru)

ПОНЯТИЕ УСТОЙЧИВОСТИ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Рассматриваются представления об устойчивости в современной философии. Исследуются различные аспекты понятия устойчивости в точных и естественных науках, кибернетике и синергетике. Описана эволюция взглядов на устойчивость в социологии. Предложено определение устойчивости в условиях современного VUCA-мира.

Устойчивость, VUCA-мир, устойчивое равновесие, асимптотическая устойчивость, структурная устойчивость, динамическое равновесие, адаптивность, самоорганизация

Проблема устойчивости уходит корнями в мифологию, получила развитие в античной философии и сохраняет свою актуальность в условиях современного VUCA-мира. Становление техногенной цивилизации и переход к антропоцентризму возлагают на человека всё большую ответственность за «развитие без разрушения», которое является ведущим принципом концепции устойчивого развития (sustainable development). Междисциплинарный характер концепции устойчивого развития предполагает сотрудничество представителей различных областей науки, имеющих разные представления о понятии устойчивости. Устойчивость (sustainability) является неполным семантическим синонимом стабильности (stability). Коннотация понятия «устойчивость» раскрывается через понятия непрерывности, возобновляемости, самоподдержания, жизнестойкости, в то время как определение стабильности связано с постоянством, неподвижностью, равновесием, прочностью, твердостью. Целесообразным представляется рассмотреть смысловые акценты термина «устойчивость» в различных сферах деятельности.

В современной философии устойчивость описывается на абстрактно-теоретическом уровне как «динамическая стабильность в потоке становления» [1, С. 24], длящийся процесс эволюции систем в изменяющемся мире [2, С. 60]. Существование объекта определяется противоположными тенденциями постоянства и изменчивости, которые взаимосвязаны в диалектическом единстве и обуславливают друг друга [3, С. 8]. Изменчивость в условиях неопределённости современного мира дает системе возможность сохранять определённое качественное состояние и превращается в ресурс повышения степени устойчивости [4, С. 23; 5, С. 54].

Современный человек активно противостоит природе, радикально преобразует естественную среду, преодолевая физические ограничения и многократно усиливая свои способности при помощи техники. Еще в III веке до н. э. Архимед занимался решением инженерно-технических задач по обеспечению устойчивого равновесия плавающих тел [6, С. 578] В настоящее время устойчивость транспортных средств изучается в теории корабля и аэромеханике и определяется как способность конструкции возвращаться в исходное положение после прекращения действия внешних возмущений [7, С.6; 8, С. 22].

Теоретической основой определения устойчивости в технике являются результаты исследований в области механики. Ж. Л. Лагранж указывает, что система является устойчивой, когда её потенциальная энергия минимальна, а амплитуда колебаний ограничена вблизи положения устойчивого равновесия [9, С. 101]. А. Пуанкаре при описании движения небесных тел определяет траекторию движения точки как устойчивую, если точка, выйдя из начального положения, бесконечное количество раз возвращается в сферу сколь угодно малого радиуса, описанную вокруг её начального положения [10, С. 110].

В нелинейной динамике всеобщее признание получила качественная теория математической устойчивости, разработанная А. М. Ляпуновым, согласно которой устойчивость означает способность возмущенного движения асимптотически приближаться к невозмущенному движению в случае малых возмущений начальных условий движения [11, С. 358–359].

Помимо устойчивости положения и устойчивости механического движения выделяют структурную устойчивость – топологическое свойство системы в результате преобразований сохранять расстояния между соответствующими друг другу точками в определенных границах [12, С. 430].

Понятие устойчивости в науках о жизни связано с фундаментальным свойством движения живой материи – саморегуляцией, которая проявляется в диалектическом единстве феноменов синтеза и распада в организме. [13, С. 11]. Термин «гомеостаз», предложенный У. Кенноном, отражает способность открытых живых систем сохранять стационарное состояние в условиях непрерывно меняющейся внешней среды. Однако механизмы гомеостаза не объясняют таких фундаментальных онтогенетических свойств живых организмов как процессы роста и развития. К. Х. Уоддингтон предложил понятие «гомеорез» для описания роста и развития организма во времени как стабилизированного потока, тяготеющего к канализированной траектории («креоду») [14, С. 77]. Таким образом, устойчивость как единство покоя и движения живой материи воплощается в соотношении постоянства и изменчивости.

Нецеленаправленный характер механизма наследственной изменчивости объясняет низкую скорость процесса биологической эволюции. С усложнением социальных процессов в условиях новой темпоральности механизм естественной эволюции не может обеспечить жизнестойкости социума, в связи с чем необходимо подробнее рассмотреть развитие представлений об устойчивости применительно к социальной форме движения материи.

Основоположник философии позитивизма и социологии Огюст Конт рассматривает проблему устойчивости общества посредством деления науки на социальную статику и социальную динамику [15, С. 73]. Социальная устойчивость проявляется как длительное неподвижное состояние общественного порядка, то есть статическое равновесие. Революционные изменения в обществе приводит к разрушению старой системы, но благоприятствуют процессу исторического прогресса человечества, который способствует становлению нового порядка [15, С. 91].

Согласно эволюционной теории Г. Спенсера, развитие социальных систем подчиняется всеобщим закономерностям перехода от однородного и неопределенного беспорядка к разнородному и определенному порядку [16, С. 44]. Под устойчивостью Г. Спенсер понимает продолжительное динамическое равновесие. Абсолютно однородное общество и его подсистемы пребывают в неустойчивом состоянии и теряют равновесие, переходя в менее однородное состояние [16, С. 48]. Устойчивость общества на микроуровне достигается на основе традиционных ценностей, таких как моногамная семья, патриархат, преемственность поколений и неизменность правил поведения [16, С. 304]. На макроуровне устойчивость общества определяется согласованностью действий подсистем общества, направленных на борьбу с внешними врагами под руководством сильного правящего центра. В развитом обществе промышленного типа динамическое равновесие достигается с помощью децентрализации аппарата управления и легкой степени несходства элементов общества между собой.

По Э. Дюркгейму устойчивость социальной системы – это состояние динамического равновесия, поддерживаемого с помощью положительных обратных связей. Динамика развития общества направлена на переход от механической солидарности на основе схожести индивидов и коллективного сознания к органической солидарности на основе разделения труда [17, С. 155]. Характер взаимодействия профессиональных групп усложняется с увеличением количества социальных связей, которые должны соответствовать нравственным образцам поведения, регулируемым системой морали и права. В противном случае общество переходит в неустойчивое состояние аномии, когда разделение труда не производит социальной солидарности [17, С. 377].

Понимающая социология М. Вебера определяет устойчивость общества через призму методологического индивидуализма. Целерациональная ориентация членов общества на собственные и чужие идейные и материальные интересы с отказом от слепого следования общепринятым обычаям приводит к возникновению стабильности на основе адаптивного единообразия социальных действий. При этом взаимная согласованность поведения индивидов на основе договорённости обеспечивает большую стабильность, чем нормативное регулирование [18, С. 87–89].

Т. Парсонс, глава школы структурного функционализма, предложил при динамическом анализе социальной системы часть переменных условно считать константами или статическими структурными элементами. В свою очередь, динамические переменные или функции социальной системы устанавливают взаимосвязи между элементами [19, С. 22–23]. Устойчивость по Т. Парсонсу определяется как состояние динамического равновесия, которое устанавливается в результате саморегуляции взаимодействия целепологающих и социализирующих структур общества, адаптивной и интегративной сферы общественной жизни. Долгосрочная стабилизация социальной системы достигается за счет контроля эндогенных изменений в определенных границах с помощью интегративных механизмов и адекватной адаптации системы к изменяющимся условиям внешней среды [19, С. 672, 705]. Система находится в динамическом равновесии, если постоянно меняющиеся процессы поддерживают неизменность структуры [19, С. 700].

Р. Мертон отмечает, что в ходе исторического процесса социальные структуры подвергались изменениям или прекратили свое существование [20, С. 130]. Р. Мертон предложил понятие дисфункции, которая является причиной внутренней напряженности и уменьшает адаптивность системы к условиям среды [20, С. 146]. При этом социолог признаёт необходимость незначительных отклонений от норм для обеспечения устойчивости социальной структуры [20, С. 476]. В ответ на динамическое изменение условий внешней среды общество может изменить нормативную и социальную структуру для сохранения функциональных возможностей [20, С. 482]. Таким образом, устойчивость по Р. Мертону представляет собой сочетание относительной функциональной стабильности и гибкой адаптивности структуры к изменяющейся среде.

Развитие кибернетического подхода способствовало дальнейшей эволюции представлений об устойчивости. Н. Винер подчёркивает, что устойчивость – фундаментальное свойство мира, но абсолютная устойчивость недостижима, так как соответствует состоянию термодинамического равновесия («тепловой смерти»). Большинство наблюдаемых систем находятся в квазиравновесном состоянии уменьшающейся энтропии [21, С. 298–300; 22, С. 43]. Прогресс рассматривается Н. Винером как организованный целеустремленный процесс борьбы с возрастающей энтропией. Энтропия системы уменьшается при использовании поступающей из внешней среды информации [21, С. 14], а устойчивость системы повышается с развитием упреждающих обратных связей [21, С.178]. У. Эшби вводит понятие ультраустойчивой системы, которая селективно меняет свои главные переменные таким образом, чтобы линии поведения системы оставались в рамках фазового пространства, не достигая критических состояний параметров, вызывающего ступенчатого изменения поведения всей системы [23, С. 387–389]. Фундаментальный механизм адаптации, направленный на получение информации из внешней среды

для выработки регулирующего действия, по У. Эшби – это метод проб и ошибок, поэтому вероятность устойчивости больших линейных систем мала [24, С. 134, 338–339].

Синергетика рассматривает проблему устойчивости открытых нелинейных систем. Основатель синергетики Г. Хакен акцентирует внимание на необходимости нарушения симметрии для перехода системы в более устойчивое состояние путем ступенчатой самоорганизации сложных структур в результате множественных малых флуктуаций [25, С. 51–52; 26, С. 238]. И. Пригожин отмечает, что неравновесная система пребывает в состоянии устойчивости, если она производит избыточную положительную энтропию [27, С. 87]. Такая система образует диссипативные структуры, которые рассеивают энергию внешних возмущений и возвращают систему к предсказуемому режиму поведения – аттрактору [27, С. 20, 84].

Таким образом, в зависимости от проблемного поля областей знания наблюдаются различные коннотации термина «устойчивость». Под устойчивостью понимают возвращение тела в положение равновесия в статике или состояние невозмущенного движения в динамике. Устойчивость в биологии получила описание в терминах гомеостаза и гомеореза. Представления об устойчивости социальных систем коэволюционируют с усложением общественной жизни и развитием научной методологии. Наблюдается общая тенденция динамизации понятия устойчивости. На смену пониманию устойчивости как состоянию статического равновесия и постоянства структуры приходит современное представление об устойчивости как адаптивной гибкости интерактивных процессов и структурной самоорганизации. В условиях современногоVUCA-мира устойчивость можно определить как способность системы проактивно изменяться для обеспечения оптимальных значений переменных внутренних процессов, способствующих достижению целей системы при любых изменениях значимых параметров внешней среды.

Источники:

1.Киященко, Л. П. Культура устойчивого развития в трансдисциплинарном измерении / Л. П. Киященко, Н. И. Киященко // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2012. № 5(17). С. 20–27.

2. Коршунов, А. М. Онтология устойчивого развития: диалектика и синергетика / А. М. Коршунов, В. В. Мантатов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2010. № 6. С. 54–65.

3. Мантатов, В. В. Философия устойчивого развития: диалектика и реализм / В. В. Мантатов, Л. В. Мантатова // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 5. С. 3-14. DOI 10.18101/1994-0866-2017-5-3-14.

4. Иванкина, Л. И. Модель устойчивого развития как модель управляемой социальной устойчивости // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 18–23.

5. Рабош В. А. Формирование синергетических оснований концепции устойчивого развития в современной философии и науке. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., Изд-во РГПУ, №10 (56), 2008. С. 46–56.

6. Архимед. Сочинения / Перев. И. Н. Веселовского, с араб. Б. А. Розенфельда М.: Физматгия, 1962.

7. Балакин, В. Л., Лазарев, Ю. Н. Динамика полета самолета. Устойчивость и управляемость продольного движения [Электронный ресурс]: электрон. курс лекций / Минобрнауки России, Самар. гос. аэрокосм. ун-т им. С. П. Королёва (нац. исслед. ун-т). Самара, 2011.

8. Самсонов С. В. Основы теории судна: уч. пос. Владивосток: Дальрыбвтуз, 2017.

9. Лагранж Ж. Аналитическая механика, т.1. М.-Л., ГТТИ, 1950.

10. Пуанкаре А. О кривых, определяемых дифференциальными уравнениями. М. ГИТТЛ, 1947.

11. А. М. Ляпунов. Общая задача об устойчивости движения. М. ГИТТЛ, 1950.

12. А. А. Андронов, А. А. Витт, С. Э. Хайкин. Теория колебаний. Переработка и доп. Н. А. Железцова. 2-е изд. М.: Физматгиз, 1959.

13. Тейлор Д., Грин Н., Стаут У. Биология: В 3-х т. Т.1. 3-е изд. М.: Мир, 2004.

14. К. Х. Уоддингтон. Основные биологические концепции. Наноструктуры. Математическая физика и моделирование, 2018, 19, №2, 63–90.

15. Конт Огюст. Общий обзор позитивизма. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

16. Спенсер, Герберт. Синтетическая философия. К.: Ника-Центр, 1997.

17. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

18. Вебер, Макс. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. I. Социология.

19. Парсонс Т. О структуре социального действия. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2002.

20. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

21. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. «Советское радио», Москва 1968. 330 с.

22. Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.

23. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

24. Эшби У. Р. Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.

25. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003.

26. Хакен Г. Синергетика. М.: Издательство «Мир», 1980.
27. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение: Пер. с англ. М.: Мир, 1990.

S. Y. Kurtov *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

THE DEFINITION OF SUSTAINABILITY IN PHILOSOPHY AND SCIENCE

Idea of sustainability in modern philosophy is briefly introduced. Various aspects of sustainability definition in the exact and natural sciences, cybernetics and synergetics are investigated. The evolution of sustainability definition in sociology is considered. The definition of sustainability in the modern VUCA-world is proposed.

Sustainability, VUCA-world, stable equilibrium, asymptotic stability, structural stability, dynamic equilibrium, adaptability, self-organization

УДК 101.1:316

В. А. Лобастова (*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна*, e-mail: beshent@bk.ru)

МАКС ВЕБЕР И КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

В начале XX века Макс Вебер разрабатывает методологическую стратегию социального познания. Наука есть социальный институт, вызванный культурными запросами и ожиданиями, укорененный в аксиологическом контексте культурно-исторической действительности. В процессе развития культуры складывается убежденность в ценности научной истины и теоретических стратегий, которыми она достигается. Специфику социального познания составляет неизбежная соотнесенность конкретных фактов социальной реальности с ценностными идеями, определяющими смысл существования людей. Актуальность выдвинутых Вебером идей и положений состоит в их глубоком влиянии на развитие корпуса социально-гуманитарных наук.

Научные модели теоретического познания, объективные и субъективные аспекты социального и гуманитарного знания, конструкция «идеальных типов» и «понимающая социология» М. Вебера (1864–1920).

Выдающийся немецкий ученый конца XIX–начала XX веков Макс Вебер в процессе своего творчества постоянно искал различные логико-методологические стратегии развития социологии как науки. Его обширные и весьма актуальные исследования в области гуманитарных наук носят универсальный характер и формируют уникальное поле, на котором в контексте исторического анализа сближаются и пересекаются острые проблемы не только философии и социологии, но и политэкономии и права, религиоведения и культурологии.

Теоретическая модель научного познания конструируется с учетом существенных критериев, которые задают строгие требования к ее формальным и содержательным аспектам. Научный статус теоретического знания предполагает объективное значение выдвигаемых положений, которое выражается в строгой однозначности и неизменности рационального осознания достигнутых результатов. Вебер справедливо отмечает, что «признаком научного познания является «объективная» значимость его выводов, то есть истина» [1, С. 346]. Значение истины состоит в стремлении упорядочить эмпирическую действительность, а идеалом познания становится непротиворечивым образом выстроенная «система научных положений, из которой может быть «дедуцирована» действительность» [1, С. 370].

Достаточно точное определение содержания понятий дает возможность образовать прочно выстроенную категориальную систему, а предельно ясный

схематизм соотношений понятий друг с другом выражается в формулах, устойчивость которых опирается на принцип всеобщей взаимосвязи всего происходящего в мире. Универсальный характер теоретически сконструированных понятий и формул составляет исследовательскую модель комплекса естественных наук.

Однако такая модель теоретического познания, утвердившаяся в сфере естествознания, не может быть применима в области гуманитарных наук в силу ряда причин. Важно обратить внимание на то, что натуралистические предпосылки, лежащие в основе естествознания, и количественные методы, формирующие стратегию естественнонаучного моделирования, не могут соответствовать ни предмету, ни характеру наук, стремящихся разобраться в многоуровневой природе человеческого существа, деятельность которого осуществляется не только в материальной, но и в духовной сфере. Тогда возникает ряд важных вопросов: способны ли претендующие на научность своих изысканий социологические исследования подчиниться критерию объективности знания? Как возможно провести полный и исчерпывающий анализ конкретных фактов совместной жизнедеятельности людей, и на основе которого выдвинуть теорию, одновременно адекватно описывающую и каузально объясняющую социальную реальность, которая преимущественно выражается в нестабильности и непредсказуемости своего состояния и развития?

Вебер выдвигает следующее определение социологии: «социальная наука, которой мы хотим заниматься, – наука о действительности. Мы стремимся понять окружающую нас действительную жизнь в ее своеобразии – взаимосвязь и культурную значимость отдельных ее явлений в их нынешнем облике, а также причины того, что они исторически сложились именно так, а не иначе» [1, С. 369]. В социальных науках на первый план выступает качественный характер культурных событий и духовных процессов, значение которых можно прояснить только в актах понимающего сопереживания. Культура имеет ценностное измерение, так как культурные события, выступающие результатом духовного творчества культурно заинтересованного человека или группы лиц, проникнуты субъективными идеями ценностей. Эмпирическая реальность, в пространстве которой протекают социальные исследования, приобретает разнообразный культурный характер. Вебер пишет, что «культура охватывает те – и только те – компоненты действительности, которые в силу упомянутого отнесения к ценности становятся значимыми для нас» [1, С. 374].

Вебер называет трансцендентальной предпосылкой всех связанных с культурой исследований способность познающего субъекта в акте смыслополагания сознательно определить свою позицию или установку относительно жизненного мира, охватывающего различные культурно-исторические явления совместно существующих людей. Исходя из данной позиции, на субъективном и интерсубъективном уровне сознание соотносит индивидуальные явления социальной действительности с общезначимыми ценностями культуры,

устанавливая таким образом объективно возможные, адекватные причинные связи. Вебер подчеркивает, что «высшие идеалы, наиболее нас волнующие, во все времена находят свое выражение лишь в борьбе с другими идеалами, столь же священными для других, как наши для нас» [1, С. 353]. «Жизнь в ее иррациональной действительности и содержащиеся в ней возможные значения неисчерпаемы, конкретные формы отнесения к ценности не могут быть поэтому постоянными, они подвержены вечному изменению, которое уходит в темное будущее человеческой культуры» [1, С. 413].

Помимо господствующих в опыте сознания ценностных идей следует учитывать еще и нормы мышления, одной из которых в познавательном процессе становится научная истина, «которая хочет быть значимым для всех, кто стремится к истине» [1, С. 383]. Основные методологические принципы, которым следует в своих рассуждениях немецкий социолог, – это антинатурализм и антипсихологизм. Вебер находит наиболее оптимальную теоретическую позицию исследователя социальной реальности на пересечении понимания с причинным объяснением. Метод сравнения и классификации, которые активно использует немецкий социолог, основывается на выявлении и различении многообразных компонентов действительности при использовании идеальных типов и в противопоставлении выделенных элементов в пределах классификационной системы. П. П. Гайденко подчеркивает, что «выражение в форме общезначимых понятий того, что «постигнуто интуитивно», превращает субъективный мир представлений историка в объективный мир исторической науки» [2, С. 9].

Вебер выдвигает значимый для социальных наук способ формообразования понятий идеально-типического вида, которые являются средством, а не целью познания. Идеальный тип представляет собой единый, абстрактный, свободный от противоречий чисто рациональный образ, который по своему характеру утопичен, следовательно, не может быть обнаружен в культурно-исторической реальности. Благодаря однозначной синтетической схематичности идеального типа единичные явления конкретной жизни сопоставляются, сравниваются и оцениваются как приближенные или отдаленные от него. «В каждой такой утопии действительно отражены известные, значимые в своем своеобразии черты нашей культуры, взятые из действительности и объединенные в идеальном образе» [1, С. 391]. Так немецкий социолог поясняет использование идеального типа как методологического инструмента в исследовании социальной реальности.

Кроме того, Вебер не исключает и того, что «идеальный тип определенного общественного состояния, сконструированный посредством абстрагирования ряда характерных социальных явлений эпохи, может – и это действительно часто случается – представляться современникам практическим идеалом, к которому надлежит стремиться, или, во всяком случае, максимой, регулирующей определенные социальные связи» [1, С. 391]. Конструкция идеаль-

ного типа выступает в качестве альтернативы ценностным идеям, значение которых необходимо учитывать в исследовании социальной реальности. Так Вебер предлагает решение важной теоретической проблемы, заменяя неизбежную субъективность ценностей, непостоянную и непредсказуемую по своему характеру, однозначной и сравнительно устойчивой объективностью понятий, построенных по форме идеального типа. Идеально типическая конструкция представляет идеал, становящийся существенным образцом, сохраняющим относительное постоянство ценности в стремлении установить порядок в хаотическом многообразии культурных явлений, имеющих ценностное значение. По мнению Вебера, «цель образования идеально-типических понятий всегда состоит в том, чтобы полностью довести до сознания не родовые признаки, а своеобразие явлений культуры» [1, С. 401–402]. Т. А. Акиндинова показывает применение идеально-типических понятий в сфере гуманитаристики: «Методологическим инструментом социального познания служит построенный на основе широких наблюдений, исследовательского воображения идеальный тип – образ культуры, который «накладывается» на изучаемую реальность» [3, С. 177].

Научный анализ социальных явлений во многом зависит от той точки зрения, которой удалось вычленить конкретные факты из потока социокультурной действительности. При отборе и описании эмпирических фактов «каждый видит то, что он хранит в сердце своем» – значимые суждения всегда предполагают логическую обработку увиденного, то есть применение понятий» [1, С. 409]. Точка зрения, определяющая фокус исследования, преимущественно выводится из ценностных идей, значимых для субъективного сознания, и тем самым позволяет отличать важное от неважного в социокультурном мире, имеющем относительно общепризнанную ценностно иерархизированную структуру. По утверждению Вебера, «лишь благодаря идеально-типическим понятийным формулам становятся действительно отчетливыми в своем своеобразии те точки зрения, которые рассматриваются в каждом конкретном случае, так как их своеобразие раскрывается посредством конфронтации эмпирических данных с идеальным типом» [1, С. 412]. Задача социальной науки состоит в рациональном упорядочении явных и неявных фактов эмпирической действительности и, опираясь на составленный порядок, проецировать возможные стратегии дальнейшего развития культурно-исторического социума.

Источники:

1. Вебер М. «Объективность» социальнонаучного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–414.

2. Гайденко П. П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 5–40.

3. Акиндинова Т. А. Метод «идеальных типов» в философии культуры М. Вебера // Философия культуры. Становление и развитие. СПб.: Издательство «Лань», 1998. С. 176–181.

V. A. Lobastova *(Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design)*

MAX WEBER AND THE CONSTRUCTION OF SOCIAL KNOWLEDGE

At the beginning of the twentieth century, Max Weber develops a methodological strategy for social cognition. Science is a social institution caused by cultural expectations and rooted in the axiological context of cultural and historical reality. In the process of cultural development, a conviction develops in the value of scientific truth and the theoretical strategies by which it is achieved. The specificity of social cognition is the inevitable correlation of concrete facts of social reality with value ideas that determine the meaning of people's existence. The relevance of the ideas and provisions put forward by Weber consists in a profound influence on the development of the corpus of social and humanitarian sciences.

Scientific models of theoretical cognition, objective and subjective aspects of social and humanitarian knowledge, the construction of "ideal types" and "understanding sociology" by M. Weber (1864–1920).

УДК 167/168 (075) 53:930.1

О. А. Луговая (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: oalugovaya@rambler.ru);
А. А. Луговой (*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университет прокуратуры РФ*, e-mail: aalugovoi@mail.ru)

ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТРЕК

В статье рассматриваются трансформация природной, социальной, виртуальной реальности и проблемы образования и управления. В частности, ставится проблема изменения форм и подходов образовательного трека, ориентированных на инновационные процессы.

NBICS-конвергентные технологии, инновационная деятельность, цифровая реальность, ситуационное лидерство, аутентичное лидерство.

В эпоху постнеклассической рациональности правомерно особым образом выделять специфику современного этапа развития научно-технической реальности [1], которая обусловлена развитием цифровых технологий и связанных с ними трансформаций реальности (природной, социальной, виртуальной). Источником этих трансформаций являются технологии пятого и шестого технологических укладов – NBICS-конвергентные технологии, представляющие технологический базис общества цифровой эры [2].

Соответственно и современная парадигма развития социума однозначно ориентирована на инновационные процессы.

В частности, сегодня актуальна тенденция на взаимовыгодное сотрудничество науки и бизнеса, поскольку в новых реалиях уже недостаточно иметь открытия и изобретения как результат своей деятельности, важно, чтобы результат научно-технического творчества был внедрен в практиктическую плоскость и имел социальный и экономический эффект. Инновационные процессы ускорения технологических циклов, как следствие динамики быстроустаревающих информации и знания, формируют и новые требования к современной парадигме получения знаний. «Информация, знания и понимание позволяют нам повышать эффективность новых разработок» [3, С. 93].

Переход к «цифровой эпохе» в начале XXI века привнес количественный скачок в накопление информации, т. е. самих «данных» – символах, представляющих свойства явлений и процессов. Данные в обработанном виде при помощи технологий Big Data – это переход количества накопленной информации в качество решаемых задач, стоящих перед социумом. Большие данные – это растущая способность общества обрабатывать огромные массивы информации, мгновенно их анализировать и получать, новую ценную, часто неявную

информацию, новые смыслы, новые ценные, часто неожиданные выводы и результаты [4], за которыми стоят качественных изменениях всех сфер жизни человека, в том числе науки, образования, государственного управления, предпринимательской деятельности. В целом, сегодня перед человечеством вновь с особой актуальностью поставлены вопросы, связанные с самим человеком, его когнитивными способностями [5], [6], эмоциональным фоном, его свободой и ответственностью, сопровождающими и способствующими позитивному качеству жизни Homo sapiens, в том числе и с целью преодоления, того, что Хайдегер определи как «Чувство… разрыва ... о наших возможностях и действительностях» [5, С. 23].

Одним из таких преодолений является формирование новой образовательной парадигмы. Философия инновационной деятельности и современная цифровая реальность с необходимостью требуют новых образовательных подходов для формирования и воспитания эффективных специалистов нового поколения [7]. Сегодня для молодых специалистов важны такие качества как самостоятельность ответственность, мотивационная активность, потребность в самореализации. В то же время, как подчеркивают аналитики, процессы цифровой трансформации и последствия пандемии ведут к глобальным изменения на рынке труда, которые коснутся и выпускников вузов и состоявшихся специалистов. В частности, предполагается, что уже к 2025 г. обновятся 40% профессиональных навыков, которые требуются на конкретных должностях, соответственно, чтобы сохранить нынешнюю или найти новую работу, каждому второму сотруднику придётся пройти переквалификацию. Такой прогноз содержится в исследовании The Future of Jobs от Всемирного экономического форума, с проведением которого в России помогал TalentTech [8].

Данные исследования также показали, что по мнению российских работодателей самыми востребованными в следующие пять лет окажутся 15 новых компетенций, среди них, эмоциональная компетентность, стрессоустойчивость, развитое творческое мышление, клиентоцентричность, знание технологий и умение ими пользоваться, лидерство и влияние, умение убеждать и вести переговоры и др. Такие прогнозы с необходимостью ставят вопрос о пересмотре образовательных программ ВШ в соответствии с вызовами времени, а также о развертывании системы непрерывного обучения для уже состоявшихся сотрудников.

В частности, в рамках высшей школы: по содержанию – это переход на интегрированный характер образования и его тесное взаимодействие с практикой; по форме – обучение с включением инновационных образовательных технологий в традиционной формат of-line, смешанные формы обучения – of-line+on-line, формирование открытых образовательных on-line площадок. Обучающимся, например, могут предлагаться курсы разной сложности и длительности, как в российских, так и в зарубежных университетах; и др. В этой связи следует обратить внимание еще на один образовательный аспект – это

применение синхронной и асинхронной форм подачи материала, что затрагивает проблему персонализации образования и добавляет дополнительные возможности (в том числе и финансовые) для обучаемого и обучающего.

В свою очередь в рамках системы непрерывного образования – это возможность применения различных форм повышения квалификации сотрудников. В частности, это может быть посещение образовательных on-line платформ, обучающих семинаров и тренингов, участие в профильных конференциях, в профессиональных конкурсах, например, таких как «Лидеры России», «Лидеры интернет-коммуникаций», ставшие своеобразной площадкой для подготовки новых лидеров – лидеров XXI века в управленческой сфере, и в сфере новых технологий; также участие в конкурсах профессионального мастерства и др. Или, например, участие в работе хакатонов, которые изначально были формой мозгового штурма для разработчиков IT-компаний, теперь подобные встречи проводят банки, торговые сети, фармацевтические гиганты, музеи и др. [9]. Как правило, с помощью хакатонов, компании решали продуктовые задачи, но сегодня участие в хакатонах – это еще и особая форма повышения квалификация, которая оценивается как высокий уровень владения профессиональными знаниями. Все эти и другие форматы, столь актуального сегодня, непрерывного образования, смогут поддерживать квалификационную активность профессионалов. Такой подход во многом решает и современную проблему «квалификационной ямы» уже действующих специалистов, образовавшуюся на сегодняшний день и не только по причине пандемии. В то же время исходя из специфики этих форматов, каждый человек вправе определить какие новые знания необходимо получить, какие навыки важно отработать в данный момент времени, чтобы быть полезным своей организации. Сегодня очень актуален акцент на синергию ценностей работника и компании, что приносит наибольшую эффективность в работе как самого сотрудника, так и организации, в которой он реализует профессиональную активность.

Другими словами, мы хотим выразить мысль об особой актуальности многообразия форм в современном образовательном пространстве для реализации философского принципа единства формы и содержания. Акцент на творческий подход, который каждый способен реализовать в выборе получения знаний может способствовать развитию креативности и критического мышления, ответственности за повышение своей профессиональной квалификации и формирование системных навыков. Профессионалы с проектным видением, которые одинаково легко умеют работать в команде и руководить командой нужны современному обществу, где аутентичное лидерство развивается на фоне ситуационного лидерства. Следует отметить, что основная идея ситуационного лидерства заключается в том, что все люди разные и для достижения наилучших результатов требуют различного подхода со стороны непосредственного руководителя, в этой связи выделяются 4 стиля лидерства в зависимости от 4-х стадий развития сотрудника (К. Бланшардом и П. Херси). При этом, аутентичное лидерство, включает в себя индивидуальность, понимание

себя, осознание своего потенциала, и нацеленность на служение людям, т. е. составляет содержание смысла современного лидерства, независимо от стадии развития сотрудника. Специалисты рассматривают аутентичность как важнейшую компетенцию развития лидерства 21-го века.

Однако, в реалиях, таких лидеров еще единицы, современные лидеры все еще ориентированы на достижение прибыли и сверхконкуренцию. Например, в материалах вебинара «Управление персоналом в организации» (16.12.2021), организованного экспертами Школы управления СКОЛКОВО, подчеркивается, что специалисты часто уходят из компаний из-за «черствости и не заботы о человеке». Причем эта забота имеет очень разные аспекты: морально-психологический климат на рабочем месте, система нравственных ориентиров, менеджмент, включая заботу администрации о профессиональном росте своих кадров. Возможность такого роста детерминирует не только признание сотрудника на рабочем месте, повышение его доходов, его престиж и профессиональный имидж, но и «ценности», которые принесет данный специалист своей организации. Эксперты Школы ссылаются на исследования, которые показали, что единство направленности жизненных ценностей сотрудника и компании может принести в 3 раза больше «прибыли» компании. Среди предлагаемых рекомендаций по эффективному управлению особое внимание вызывает управление в рамках временных цикла, как важная годовая стратегия. Например, обучение сотрудников наиболее эффективно с мая по сентябрь, внутренние коммуникации хорошо строить с сентября по ноябрь, кадровый учет – в декабре и январе, внимание корпоративной культуре особо уделяется с февраля по апрель. При этом, особо отмечается необходимость анализировать показатели, мотивировать сотрудников, развивать нужные компетенции, иметь постоянную обратную связь, чтобы найти короткие пути к преодолению разрыва между возможностями сотрудников и их реализацией, поскольку система мотивации у всех разная, а стратегия управления в основном прежняя. Отсюда и назревшая необходимость в коренных изменениях системы управления в организациях: миссия, «ценности», распределение ролей, целеполагание, культурный код, человеческий капитал, разные формы повышения квалификации, лидерство как служение, и т. д.

Таковы в условиях новых реалий некоторые основные тенденции образовательных треков в рамках Высшей школы и в рамках процесса непрерывного образования как формы повышения квалификации для работающих сотрудников. В целом, ориентированность процессов обучения, в том числе и управлению, на реальные потребности общества и каждого конкретного его члена в отдельности, выступает как одно из условий реализации возможностей цифровой экономики, фундаментом которой являются не только новые технологии, но и человеческий капитал.

Источники:

Научные теории и конвергентные технологии / под ред. В. П. Котенко. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2011.

2. Капра Ф. Скрытые связи. М.: ООО Издательский дом «София», 2004.

3. И. Ф. Кефели, М. О. Колбанев. От «малых» к большим данным: что нас ждет в «светлом» будущем? // Глобализация: на грани реального и виртуального. Коллективная монография / Отв.ред. Н. А. Баранов, СПб: ООО «Геополитика и безопасность», ИД «Петрополис», 2020. С. 88-110.

4. Майер-Шенбергер В. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. М.: Манн, Иванов и Вербер, 2014.

5. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / Пер. с нем. Э. Сагетдинова. Изд. 2-е. М.: Академический проект, 2010

6. Философские ориентации исследовательских программ искусственного интеллекта // Шульга Е. Н. Понимание и интерпретация. Ин-т философии РАН. М.: Наука, 2008.

7. Луговая О. А., Луговой А. А. Философия инновационной деятельности в образовании: постановка проблемы // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. Научно-аналитический журнал. № 1(46). СПб: Изд-во СПбУ ГПС МЧС РФ, 2020.

8. 15 навыков, на которые делают ставку работодатели в России. URL: https://blog.talenttech.ru/future-skills-russia (дата обращения 13.01.2022).

9. Что такое хакатон и как его провести. URL: https: //blog.talenttech.ru/hackathons (дата обращения 10.01.2022).

O. A. Lugovaya *(St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI");*
A. A. Lugovoi *(St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)*

DIGITAL TRANSFORMATIONS: EDUCATIONAL TRACK

The article deals with the transformation of natural, social, virtual reality and the problems of education and management. In particular, the problem of changing the forms and approaches of the educational track, focused on innovative processes, is raised.

NBICS converged technologies, innovation, digital reality, situational leadership, authentic leadership.

УДК. 347.615

С. В. Максина (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: nachso@mail.ru);
И. Ф. Новикова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: novikova.i.f@mail.ru)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО СОДЕРЖАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматривается понятие алиментного обязательства и его особенности. Анализируется соглашение об уплате алиментов, требования к его форме и порядку заключения. Раскрываются отдельные процессуальные вопросы взыскания алиментов в судебном порядке. Указывается принципиальное отличие приказного производства от искового производства. Предлагаются решения некоторых затронутых в статье вопросов взыскания алиментов.

Алиментные обязательства, соглашение об уплате алиментов, приказное и исковое производство, защита прав несовершеннолетних

В соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации [1] материнство и детство, семья находятся под защитой государства; забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Положения указанной статьи находят свое развитие в отраслевом законодательстве Российской Федерации, и прежде всего в семейном.

Как правило, родители добровольно и добросовестно исполняют обязанности по обеспечению своих несовершеннолетних детей всем необходимым, а именно: питанием, одеждой, предметами досуга, лечением и т. д. Порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям устанавливаются родителями самостоятельно, в том числе путем заключения соглашения об уплате алиментов (п. 1 ст. 80 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ))[2], необходимость которого может быть обусловлена расторжением брака родителей, проживанием ребенка с одним из родителей и другими обстоятельствами.

Термин алименты происходит от латинского alimentum (содержание, иждивение). Алиментное правоотношение, обладающее признаком формальной определенности, является обязательством, в силу которого алиментнообязанное лицо обязано предоставить получателю алиментов имущественное содержание в случаях и на условиях, установленных законом [3, С. 500].

Следует отметить особенности алиментных обязательств, в частности:

– личный характер. Именно личный характер исключает не только правопреемство, но и перемену лиц в алиментных обязательствах (как возможность уступки требования по такому обязательству, так и перевод долга);

– безвозмездный характер. В алиментном обязательстве отсутствует встречное предоставление и в силу этого плательщик алиментов не приобретает взамен какого-либо имущества или имущественных прав;

– ситуационность и изменяемость алиментного обязательства [4, С. 73]. Определение размера алиментов, увеличение или уменьшение сумм алиментных платежей в дальнейшем, освобождение или уменьшение задолженности по уплате алиментов зависит от конкретной жизненной ситуации как плательщика, так и получателя алиментов.

В соответствии со ст. 99 СК РФ соглашение об уплате алиментов заключается лицом, обязанным уплачивать алименты, с их получателем. Если указанные лица не обладают дееспособностью в полном объеме, то соглашение заключается между законными представителями этих лиц.

Законодатель регламентирует, что соглашение об уплате алиментов не только заключается в письменной форме, но и подлежит нотариальному удостоверению. Установленная законом форма соглашения должна быть соблюдена, иначе такое соглашение является ничтожным.

Если форма соглашения, как правило, соблюдается, то еще одно важное условие действительности этого соглашения на практике очень часто нарушается. Речь идет о требовании, предусмотренном в п. 3 ст. 35 СК РФ, в соответствии с которым для заключения сделки, требующей нотариального удостоверения, необходимо нотариально удостоверенное согласие другого супруга.

На практике имеют место случаи, когда родитель ребенка, обязанный уплачивать алименты, в установленном законом порядке вступивший в брак с другим лицом, не являющимся родителем данного несовершеннолетнего, принимает решение о заключении соглашения об уплате алиментов. В этом случае обязательно получение нотариально удостоверенного согласия на заключение и исполнение такого соглашения от его супруга. Если указанное условие не выполнено, то такое соглашение будет являться оспоримым. Супруг, чье согласие не было получено, вправе обратиться в районный суд с иском о признании заключенного соглашения об уплате алиментов недействительным в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении сделки.

В определении Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1198-О отмечено, что норма п. 3 ст. 35 СК РФ направлена на обеспечение баланса имущественных интересов супругов в отношении совместной собственности и не может расцениваться как нарушающая конституционные права несовершеннолетних получателей алиментов [5].

Из текста ст. 99 СК РФ прямо следует, что соглашение об уплате алиментов определяет размер, условия и порядок выплаты алиментов, которым посвящены ст. 103, 104 СК РФ. При этом законодатель регламентирует, что размер алиментов, устанавливаемый по соглашению об уплате алиментов на

несовершеннолетних детей, не может быть ниже размера алиментов, которые они могли бы получать при взыскании алиментов в судебном порядке. В случае, если в соглашении об уплате алиментов не предусматривается порядок индексации, то индексация производится в соответствии со ст. 117 СК РФ, а именно пропорционально росту величины прожиточного минимума для указанной группы населения, установленной в соответствующем субъекте Российской Федерации по месту жительства лица, получающего алименты.

Нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов имеет силу исполнительного листа. На практике это обеспечивает выплату алиментов получателю работодателем лица, обязанного их уплачивать, минуя службу судебных приставов.

В соответствии со ст. 8 СК РФ защита семейных прав осуществляется судом по правилам гражданского судопроизводства. Таким образом, при отсутствии соглашения об уплате алиментов алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются в судебном порядке.

При этом следует обратить внимание на то, что заявляемое в суд требование о взыскании алиментов госпошлиной не облагается; требование о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка подлежит удовлетворению судом независимо от трудоспособности родителей, а также нуждаемости ребенка в алиментах; алименты присуждаются с момента обращения в суд; решение суда или судебный приказ о взыскании алиментов подлежат немедленному исполнению.

Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ) предусматривает два производства взыскания алиментов: приказное и исковое [6].

Принципиальным отличием приказного производства от искового является отсутствие спора. Именно отсутствие спора позволяет мировому судье, основываясь только на письменных доказательствах, представленных взыскателем, в отсутствие судебного заседания и объяснений должника, в течение пяти дней вынести судебный приказ.

В соответствии со ст. 122 ГПК РФ судебный приказ выдается, если заявлено требование о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, не связанное с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц. Необходимость привлечения к участию в деле заинтересованных лиц основывается на том, что, во-первых, должник уже несет обязанность по уплате алиментов другим лицам и удовлетворение требований взыскателя затрагивает интересы другого взыскателя, получающего алименты от должника, во-вторых, размер алиментов, взыскиваемых по судебному приказу, определяется исключительно в долевом отношении к заработку (доходу) плательщика в зависимости от того, сколько несовершеннолетних детей он имеет.

Следует отметить, что на взыскателя, подающего в суд заявление о вынесении судебного приказа, возлагается бремя представления доказательств в

обоснование заявленного требования. К числу указанных доказательств следует отнести, в частности, нотариально удостоверенную копию свидетельства о рождении ребенка, документы, свидетельствующие о том, что должник работает или является индивидуальным предпринимателем. Представляя в суд доказательства, взыскатель в силу закона лишен возможности просить суд как об истребовании тех или иных доказательств, так и об оказании ему какого-либо содействия в представлении доказательств. Таким образом, взыскатель должен обладать объективно подтвержденной информацией о месте работы должника и размере его дохода, что в современных реалиях носит весьма проблематичный характер, поскольку недобросовестные должники скрывают свои реальные доходы или официально не трудоустраиваются. Это фактически минимизирует возможность использования судебного приказа в алиментных обязательствах.

Являясь исполнительным документом, судебный приказ приводится в исполнение в порядке, установленном для судебных постановлений.

Действующее гражданское процессуальное законодательство не содержит норм об обжаловании вынесенного судебного приказа в апелляционном порядке, но предоставляет должнику право представить в установленный законом срок мировому судье возражения относительно его исполнения. Такие возражения, даже выраженные в форме одного предложения, являются безусловным основанием для отмены судебного приказа. Следует признать, что при таких обстоятельствах, несмотря на конституционную обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей, действия родителя, возражающего против исполнения судебного приказа о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка, являются недобросовестными и противоречат интересам ребенка. Более того, при отмене мировым судьей судебного приказа взыскатель вынужден обращаться в суд уже с исковым заявлением.

Представляется, что законодателю, исходя из обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних, закрепленной ст. 1 СК РФ, следует внести в ст. 128 ГПК РФ прямой запрет должнику представлять возражения относительно исполнения судебного приказа о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка. Предлагаемое изменение редакции ст. 128 ГПК РФ, по нашему мнению, не повлечет нарушения прав должника, поскольку в установленном законом порядке он вправе обратиться в суд с иском об изменении размера взыскиваемых на содержание ребенка алиментов.

При наличии споров, в том числе связанных с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц, или, как уже отмечалось, после отмены мировым судьей судебного приказа требования о взыскании алиментов подлежат рассмотрению в порядке искового производства. Необходимо обратить внимание на то, что с 1 октября 2019 г. все споры, связанные с выплатой алиментов, подсудны районному суду.

При разрешении по существу спора о взыскании алиментов районный суд вправе определить размер алиментов, взыскиваемых ежемесячно, в долях к заработку (доходу), в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме. При установлении размера алиментов суд должен исходить исходя из максимально возможного сохранения ребенку прежнего уровня его обеспечения, учитывая материальное и семейное положение сторон и другие обстоятельства, имеющие правовое значение для разрешения спора по существу, например, болезнь лица, уплачивающего алименты или наличие у него других иждивенцев.

Особое внимание следует обратить на ответственность лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, которая ст. 115 СК РФ определяется неустойкой, уплачиваемой виновным лицом получателю алиментов в размере одной десятой процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки. Размер неустойки согласно ранее действовавшему законодательству был значительно более высоким по своему размеру и был равен половине процента от суммы задолженности. Названная норма, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, направлена на обеспечение своевременного исполнения обязанностей по уплате алиментов и, будучи частью правового механизма принудительного исполнения родителями обязанности содержать своих несовершеннолетних детей, призвана гарантировать защиту их прав и законных интересов посредством стимулирования плательщиков алиментов добровольно исполнять обязанности по содержанию своих несовершеннолетних детей, избегать образования задолженности по исполнению алиментных обязательств, не допуская ситуаций экономического обесценивания задержанных должниками алиментных выплат [7].

В ст. 115 СК РФ Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 224-ФЗ [8] внесены изменения, которые дали возможность суду уменьшать размер неустойки за несвоевременную уплату алиментов исходя из материального и (или) семейного положения лица, обязанного их уплачивать. Указанная возможность реализуется судом, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства по уплате алиментов. Принятие данной нормы связано с имеющимися в судебной практике случаями начисления неустойки в десятки раз превышающей сумму самой задолженности по алиментам.

В качестве активно обсуждаемых в российском обществе вопросов, связанных с выплатой алиментов, стоит отметить высказываемые предложения о необходимости расширения перечня лиц, имеющих право на их получение. Речь идет о необходимости введения права на получение алиментов от родителей детей, которые достигли совершеннолетия, но продолжают свое обучение в образовательных организациях общего образования. В настоящее время семейным законодательством регламентировано право на получение алиментов только несовершеннолетних детей, и лишь в качестве исключения такие

выплаты назначаются, например, совершеннолетним детям, но не обладающим дееспособностью в полном объеме или являющимся инвалидами.

Совершеннолетние трудоспособные лица, которые продолжают свое обучение по программам общего образования в образовательных учреждениях, в соответствии с действующим законодательством не относятся к категории лиц, имеющим право на алименты. Достижение ребенком 18-летнего возраста не делает его в большинстве случаев финансово самостоятельным, хотя формально у таких лиц возникает уже конституционная обязанность заботиться о своих нетрудоспособных родителях. В образовательных организациях Российской Федерации в настоящее время предусмотрено 11-летнее обучение по программе среднего общего образования и, таким образом, могут иметь место случаи, когда подростку исполняется 18 лет в период его учебы в старших классах. В указанный период таким лицам практически невозможно получать общее образование и одновременно осуществлять трудовую деятельность.

В пункте 2 статьи 63 СК РФ регламентирована обязанность родителей обеспечить получение детьми общего образования, однако на практике бремя содержания таких лиц старше восемнадцати лет, но продолжающих обучение в общеобразовательной организации, как правило, фактически несет на себе тот родитель, с кем ребенок проживает и, соответственно, без получения алиментов от другого родителя он не сможет обеспечить ребенку до окончания школы прежний уровень жизни. Полагаем, что назрела необходимость принятия нормы, которая зафиксирует обязанность родителей по содержанию трудоспособных, нуждающихся в помощи, совершеннолетних детей, до получения ими общего образования.

Практика зарубежных стран показывает, что достижение ребенком совершеннолетия не влияет на обязанность родителя по его финансовому содержанию и предусматривает выплату алиментов до окончания учебы и обретения им финансовой независимости (Чехия, Бельгия и др.)

Затронутые в статье вопросы правового регулирования алиментных обязательств по содержанию несовершеннолетних детей позволяют сделать вывод о том, что действующее законодательство направлено на реализацию действия общеправовых принципов справедливости и обеспечение баланса прав, в том числе имущественных, всех участников алиментных обязательств.

Источники:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета, 04.07.2020, № 144.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 02.07.2021). Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16.

3. Гражданское право: учебник / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд. Т. 3. М., 2018.

4. Савельев Д. Б. Соглашения в семейной сфере: учебное пособие. М., 2017.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 21.05.2015 № 1198-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждански Видман Натальи Владимировны на нарушение конституционных прав ее несовершеннолетней дочери пунктом 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=429222#-1kTq1uSvgsFt53k4 (дата обращения 10.12.2021)

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.10.2017 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. К. Костяшкина». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_279737/ (дата обращения 11.12.2021)

8. Федеральный закон от 29.07.2018 № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 114 и 115 Семейного кодекса Российской Федерации». Собрание законодательства РФ, 30.07.2018, № 31, ст. 4813.

S. V. Maksina *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);*
I. F. Novikova *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF ALIMONY OBLIGATIONS FOR THE MAINTENANCE OF MINOR CHILDREN IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the concept of alimony obligation and its features. The agreement on the payment of alimony, the requirements for its form and procedure of conclusion are analyzed. Certain procedural issues of alimony recovery in court are disclosed. The principal difference between writ proceedings and claim proceedings is indicated. Solutions to some of the issues of alimony recovery raised in the article are proposed.

Alimony obligations, alimony payment agreement, writ and claim proceedings, protection of the rights of minors

УДК 165; 167; 004.9; 008; 009

Р. И. Мамина (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: maminaraisa@yandex.ru);
С. Н. Почебут (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: sniper2711@yandex.ru)

ЦИФРОВОЙ ЭТИКЕТ В ДИНАМИКЕ WEB

Рассматривается такое явление современной культуры как цифровой этикет в процессе своего развития. Внимание акцентируется на моделях взаимодействия искусственного интеллекта с человеком и машиной, где цифровой этикет играет роль основного регулятора взаимодействий такого рода. На глубинном уровне проанализирован нормативно-этический аспект ИИ в условиях глобальной цифровизации экономики и общества.

Цифровой этикет, Web 0.0, Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0, Web 4.0, Нетикет, ИИ

Этикет как вид коммуникации в Сети, по свидетельству специалистов, появляется в середине 80-х гг. прошлого века в период доинтернетных сетей. В теории информатики этот период получил название «Web 0.0», или «лексический Web» и представлял собой первые попытки объединения ресурсов в глобальные информационные сети. Эра Глобальной сети Интернет в 80-е гг. прошлого века еще не наступила, соответственно, и первые правила общения в Сети носили очень ограниченный характер.

Вместе с появлением Всемирной паутины – Web 1.0 – изобретение британского ученого Тима Бернерс-Ли и его коллеги Роберта Кайо (1989 г.), образовалась сетевая морфология, которая предоставила возможность пользователю, входя в сеть Интернет, получать информацию из любого ресурса, что определило основные правила поведенческой культуры в Сети, которые, впервые были сформулированы в книге «Netiquette» (1994 г.). Ее автор – Вирджиния Ши, программист по специальности, руководствуясь многолетним опытом работы в Силиконовой долине, разработала десять ключевых правил Нетикета. Главные нормативно-этические установки этих правил были определены как: ведите себя так, чтобы Вас было легко понять, уважайте своего собеседника, не создавайте проблем другим людям и не мешайте нормальному диалогу [1]. В своей основе эти установки отражали нормативно-этические установки этикетной регуляции в пространстве реального времени и во многом определили правила поведенческой культуры в Сети.

В нулевые годы нового века, на смену Web 1.0 пришел Web 2.0, или так называемая синстаксическая паутина с ее возможностью диалога: «ресурс – пользователь», «клиент – сервер». Термин «Web 2.0», определивший новые качественные характеристики сети Интернет, был предложен в 2005 г. Тимом

О'Рейли, основателем американского медиахолдинга O'Reilly Media и его коллегой, Дейлом Дагерти. Одной из новых особенностей Web 2.0 стал принцип привлечения пользователей к наполнению и многократной выверке информационного материала, речь идет о всех сайтах, к наполнению которых причастны пользователи. Однако, в целом, свойства сети Интернет второго поколения, по оценкам специалистов, представляла собой все еще только новый инструментарий. Это особенность Сети 2.0 касалась и этикетной коммуникации, что нашло свое отражение в появлении Blogger's Code of Conduct (2007 г.), разработанном Тимом О'Рейли совместно Джимми Уэйлсом, основателем и разработчиком свободной энциклопедии Wikipedia, В своем Кодексе они сформулировали семь основных правила, рекомендующих блогерам придерживаться этического поведения в Сети [2].

Аналитики отмечают, что правила Кодекса О'Рейли и Уэйлса, во многом повторяют правила Нетикета В. Ши, и являются их достойным продолжением и развитием. Основные различия обусловлены новыми функциональными характеристиками Web 2.0, включая блогосферу, поэтому новый кодекс в сети часто называют не только моральным Кодексом поведения блогеров, но и Нетикетом 2.0. При этом, так же как Нетикет 1.0, Нетикет 2.0 представляет собой отражение своего аналогового эквивалента в Web но уже в Web 2.0. В настоящих условиях, Нетикет становится только подсистемой цифрового этикета, который формируется как новый вид этикетного взаимодействия в пространстве третьего поколения Web – Web 3.0.

Web 3.0, по определению автора этой концепции Джейсона Калаканиса, представляет собой высококачественный контент и сервисы, создаваемые профессионалами с использованием технологической платформы Web 2.0 в качестве платформы поддержки. Данное определение, а также его трактовка, в которой на первый план выходит концепция менеджеров знания, были опубликованы в личном блоге Калаканиса 10 марта 2007 г. и сразу стала предметом широкого обсуждения [2].

Например, создатель Всемирной паутины – Тим Бернес-Ли, определил новый Web как семантический, исходя из своей первоначальной идеи научить компьютеры различать значение (смысл) контента, Web 3.0 или семантический Web – это некая сеть над Сетью, содержащая метаданные о ресурсах Всемирной паутины и существующая параллельно с ней [3].

В свою очередь, Тим О'Рейли, автор термина Web 2.0 и один из главных идеологов этого понятия, предложил определение нового Web – «как взаимодействие Интернета с физическим миром» [3]. Данный вид взаимодействия определяют как оффлайн/онлайн взаимодействие, или Phygital-взаимодействие. По мнению аналитиков, именно этот термин наиболее точно отражает объединение двух реальностей – физической и цифровой: «Physics + Digital = Phygital».

Одно из следствий развития фиджитал-взаимодействия заключается в том, что наряду с письменной, актуализуется значение голосовой речевой коммуни-

кации в Сети а, значит и невербальной составляющей коммуникации, Соответственно, цифровой этикет, в отличие от Нетикета 1.0. 2.0, реализуя сущностные характеристики этикета в виртуальной среде, формируется, в том числе, и как нормативно-этический регулятор поведения в Сети 3.0 при помощи всех форм этикетной коммуникации: письменной, поведенческой и речевой [4].

В целом, несмотря на все новации, цифровой этикет сохраняет преемственность сущностной природы этикета выраженной в этической направленности Нетикета, но на качественно другом уровне, который определяется технологической природой Web 3.0, что с необходимостью формирует новые ценности и ценностные ориентиры, коммуникацию и культуру современного социума, где особое место занимает цифровой этикет и как инструмент общения и как цифровое гуманитарное знание.

Сегодня цифровой этикет рассматривается, прежде всего, как инструмент общения тем более, что в условиях пандемического карантина, роль поведенческой культуры в виртуальном пространстве современного социума возросла кратно. Процесс оформления цифрового этикета во многом имеет еще незавершенный характер, но в целом, идет по трем основным направлениям: это – поведение в сети, электронная деловая почта, мессенджеры и социальные сети; практики взаимодействия с гаджетам, а также интерактивное взаимодействие в сети [4, С. 53]. Основной акцент делается на умении пользователей выстраивать эффективную коммуникацию, построенную на правилах поведенческой культуры в Сети.

В настоящих условиях специалисты говорят и о Новом Интернете – Web 4.0 и его трендах, что имеет прямое отношение и к цифровому этикету. Предполагаемое наступление новой эпохи Web, по свидетельству специалистов, во многом определяется тем технологическим прорывом, который за последние два десятилетия произошел в области прикладного ИИ. В частности, возможность сочетать технологию больших данных (Big Data) с методами глубокого обучения (Deep Learning), основанные на использовании искусственных нейронных сетей при создании интеллектуальных агентов, которые сегодня активно встраиваются в индустрию, управление, в нашу повседневную жизнь [5], [6].

Однако сеть 4.0 известна как симбиотическая сеть, ее главная цель –симбиотическое взаимодействие между человеком и машиной. Создание таких уникальных связей, по оценкам аналитиков, произведет революцию в социальной и личной жизни людей. Первостепенное значение для нового вида взаимоотношений связано с созданием сильного ИИ, который, как предполагается, не делает различий между программным обеспечением и естественным интеллектом и точно имитирует работу человеческого мозга.

Между тем, решить задачу прочтения мозга человека пока не удается, поэтому сегодня сильный ИИ ученые определяют как гипотетический. Соответственно, прогнозируется, что и Новый Web должен заменить собою Web 3.0

приблизительно только в 2030 –2040 гг., хотя существуют и более оптимистические, и более пессимистические прогнозы.

В то же время, поскольку процесс взаимодействия человека и машины уже активирован, поэтому аналитики говорят о текущем состоянии Web 3.0 как о промежуточной форме, как о Web 3.5, когда Web 3.0 еще не обладает возможностями Web 4.0, но ростки Нового Web уже ощутимы и требуют своего решения [7]. Соответственно, в этих условиях расширяет свой потенциал и цифровой этикет, отражая возможности и Web 3.0., и Web 3.5, поэтому представляет собой инструмент общения не только в пределах интерфейса «человек – человек», но и «человек – машина». Отдельные элементы коммуникации «человек – машина», в том числе и этикетной, уже стали реальностью и включены в практики социального и делового общения. В первую очередь, это касается ИИ-систем в виде текстовых, голосовых и визуальных чат-ботов, поэтому сегодня очень актуальна тематика обучения человека взаимодействию с ИИ.

В целом, речь идет о том, что при взаимодействии с клиентами ИИ-помощники должны демонстрировать этичное поведение и хорошие манеры. В этой связи аналитики подчеркивают, что для того, чтобы система ИИ руководствовалась этическими соображениями по отношению к человеку, «важно привнести этичность в саму технологию» [8]. Однако, «привнести этичность в саму технологию», обучить ИИ поведенческой культуре можно только, если сами разработчики помимо специальных профильных знаний владеют нормативной-этической тематикой, поскольку даже самые усовершенствованные программы созданы человеком и в настоящих условиях зависят только от человека и знаний, которым он обучает ИИ. Одновременно встает вопрос о необходимости внесения гуманитарного знания в предметное поле цифровой гуманитарстики. Отсюда, необходимость разработки новых подходов к подготовке ИИ-специалистов, способных совершать новые творческие прорывы, включая проблематику «moral machines», что в соответствии с новыми реалиями становится общим делом физиков и лириков.

Таким образом, в настоящее время оформление цифрового этикета как инструмента общения развивается по двум основным трекам: это «человек – человек» и «человек – ИИ». В частности, трек «человек – ИИ» включает в себя такие взаимосвязанные направления как: новые подходы к обучению ИИ-специалистов, основанные на неотделимости гуманитарной от технологической составляющей архитектуры ИИ-систем; обучение ИИ взаимодействию с человеком; обучение человека взаимодействию с ИИ. В свою очередь, объективируется и значение перевода гуманитарного знания в предметное поле цифровой гуманитаристики, что позволит решить проблему разработки и обучения «нравственным стандартам» ботов, которым необходима коммуникация с человеком.

Дальнейший рост взаимодействия человек-машина Web 4.0 связан с созданием непосредственно симбиотических отношений между людьми и машинами, что с необходимостью повышает значение проблематики сильного ИИ,

включая его нормативно-этический аспект. В настоящих условиях один из главных предметов такого поиска в реалиях Web 3.0 и Web 3.5 – этическая и этикетная проблематика новаций, связанных не только с взаимодействием человека с человеком, но и взаимодействие человека с ИИ.

Источники:

1. «Кодекс поведения в Интернет» // IT-Labs. URL: http://it-labs.narod.ru/part10.htm#a1 (дата обращения: 26.12.2021)

2. Web 3.0, the «official» definition. – Jason Calacanis. URL: http://calacanis.com/2007/10/03/web 3–0-the-officialdefinition/ (дата обращения: 21.12.2021)

3. Хветкевич А. Говорит и показывает Интернет или Web 3.0 в действии. URL: https://info.nic.ua/articles/article-opinion/govorit-i-pokazyivaet-internet-ili-web-3-0-v-d (дата обращения: 10.12.2021).

4. Мамина Р. И. Искусство самопрезентации в эпоху цифры. СПб.: ИД «Петрополис», 2020. 212 с.

5. Козлов С. Transformer – новая архитектура нейросетей для работы с последовательностями. URL: https://habr.com/ru/post/341240/ (дата обращения: 15.08.2021)

6. Симонов Н. Три волны ИИ URL: https://stimul.online/articles/science-and-technology/tri-volny-ii/. (дата обращения: 15.08.2021)

7. Добро пожаловать – Web 4.0 Leave a comment. URL: https://eveda.wordpress.com/2010/10/01/%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%BE (дата обращения: 15.08.2021)

8. Готовцев П. М. Зачем искусственному интеллекту этика? URL: https://etika.nplus1.ru/programmer/ai-ethics (дата обращения: 15.08.2021)

R. I. Mamina *(St. Petersburg state Electrotechnical University «LETI»);*
S. N. Pochebut *(St. Petersburg state Electrotechnical University «LETI»)*

DIGITAL ETIQUETTE IN THE WEB DYNAMICS

This article deals with such phenomenon of modern culture as digital etiquette in the process of its development. We focus our attention on the models of interaction between artificial intelligence, humans, and machines, where digital etiquette plays the role of the main regulator of such interactions. The normative and ethical aspect of AI in the context of global digitalization of the economy and society is analyzed in depth.

Digital Etiquette, Web 0.0, Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0, Web 4.0, Netiquette, AI

УДК: 002+004

Т. Б. Маркова (*Библиотека Российской академии наук*; e-mail: m.tanucha@-rambler.ru)

КНИГА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье показано, как информационные технологии и изменение социального контекста воздействуют на трансформацию книги. Интернет не замещает чтение. Он способствует его продвижению и развитию. Изменение восприятия информации влечет за собой преобразование характера и навыков чтения, использование разных форматов.

Книга, чтение, цифровизация, информационные технологии, электронная книга, контекст.

Внедрение информационных технологий и появление электронных книг предопределили трансформации книги и библиотеки как феноменов культуры. Утрата идеологической составляющей привела к тому, что библиотека теряет свою «неприкосновенность». Создание нового имиджа сопровождалось поиском других форм предоставления библиотечных услуг. Книга сохраняет свою нишу, распространяясь в электронном и печатном виде. Тем не менее ее значимость как источника информации снижается. К книге обращаются в процессе подготовки к экзаменам, написания научных работ, составления списков литературы.

Книга собирала и аккумулировала знания. Библиотека как вторичная форма также аккумулировала знания, предоставляла бесплатный доступ и формировала культурное пространство. Изменение социального контекста, системы ценностей привело к тому, что гуманистическая функция, заключавшаяся в просвещении, культурном обмене, сменилась развлекательной. Книга стала предметом потребления. Её не обсуждают, а рассматривают как произведение определенной эпохи. Просмотр фильма также не способствует обсуждению литературных произведений. Казалось бы, надо идти в библиотеку. Однако, став частью информационного пространства, библиотека утратила свою культуроформирующую функцию – сохранение знаний. Предпочтение отдается культурным мероприятиям и интерактивным средствам привлечения читателей. Традиционные формы обслуживания представлены в новых форматах: онлайн-путеводители, виртуальные книжные выставки, видеоролики, квесты, флешмобы, викторины и конкурсы.

Эволюция книги связана не только с изменением ее форм. Большую роль сыграли трансформации характера чтения, пристрастий, взглядов людей на ценность книги. Параллельно развивалась и изменялась читательская аудито-

рия. Создание письменности заложило основы развития цивилизации и современной культуры. Предоставив возможность фиксации и сохранения знаний, она стала средством самовыражения автора. В Древней Греции и Риме были популярны громкие чтения, на которых писатели читали свои произведения. Создание текста означало выход автора в публичное пространство и было одним из действенных способов утверждения индивидуальности, которое стало важным стимулом к созданию философских и научных трактатов, художественных произведений, к написанию мемуаров, ведению дневников [1, С. 6].

С историей письменности связана история науки. На каждом историческом этапе происходит суммирование знаний и прошлых достижений, результат которых становится неотъемлемой частью научного фонда. Сначала это были практические руководства, компилятивные сборники и энциклопедии. Затем появились труды, раскрывающие общие закономерности между явлениями и обобщающие результаты эмпирических исследований. Например, сочинения ученых 13-15 веков содержали большей частью не новые знания, а компиляции уже имеющихся сведений о книгах. Их работы основаны на средневековых методах исследования и только в трудах Галилея и Декарта представлено дальнейшее развитие положенной в основу идеи» [2, С. 6].

Экономичность, удобство использования кодекса обусловили возникновение новой организации мышления, вследствие чего люди могли не просто читать, но и делать пометки, листать книгу. Чтение про себя ускорило процесс чтения, позволило представить общую картину, абстрагировав от разнообразия связей между текстом, комментариями, указателями. За этим последовала трансформация в способе производства книг. Изобретение печатного станка, появление дешевой бумаги привело к унификации книги. Книга стала продуктом массового производства. Меняется ее социальная роль, вызвавшая перемены ее содержания. Выпускаются географические сочинения, словари, научные трактаты, книги по естествознанию, медицине, юриспруденции, художественная и общественно-политическая литература.

Перевод и издание Библии на народных языках способствовали ее ежедневному прочтению и обсуждению. То же самое произошло и с журналами. Появились люди, читающие и оценивающие их с точки зрения актуальности, интереса и своевременности. Обсуждение новинок литературы обусловило изменение роли творца, который, втягиваясь в рыночные отношения, становится производителем культурных ценностей. Те в свою очередь оцениваются публикой, которая оплачивает труд художника. Первоначально публику составляла небольшая часть образованных людей, состоящих в рыночных отношениях с писателями. Постепенно она расширялась и оказывала влияние на общественное мнение.

Появление карманных книг произвело настоящий переворот, поскольку книги в мягкой обложке были удобны для носки и читались для собственного удовольствия. В разных странах они назывались по-разному: paperback, taschenbuch, pocketbook. Их история восходит к миниатюрным изданиям

Альда Мануция и Эльзевиров [3]. В 16 веке не каждый мог приобрести книги в кожаном переплете. Возрастала потребность в дешевой и хорошо оформленной книге. Уменьшенный шрифт, небольшой формат и дешевизна способствовали ее распространению среди малообеспеченных людей. В настоящее время книги в мягкой обложке стали частью нашей повседневной жизни благодаря портативности, легкости и практичности использования.

Конец 20-го-начало 21 века ознаменовались появлением цифровой революции. Цифровизация преобразовала модель информационного поведения, в частности изменила восприятие ценности информации, сформировала новые читательские привычки, а также предъявила иные требования к созданию контента, размещению научных результатов, деятельности издательств, библиотек и музеев. Ниже представлены примеры воздействия цифровизации на издательское, книжное и библиотечное дело.

Первый пример – энциклопедия «Британника», представляющая собой общий справочник на английском языке. Первое ее издание было опубликовано в Шотландии в 1768 году. Затем последовали другие, все больше расширяющие, стремясь охватить весь объем имеющихся знаний. В печатном виде она выходила вплоть до 2010 года, когда было принято решение о переходе на цифровой формат [4]. В настоящее время это многопрофильная издательская компания, предлагающая пользователям различные информационные продукты. Второй пример – выпуск онлайновой литературы. На специальных веб-сайтах писатели размещали свои произведения (целиком или разбивали на сегменты). После оплаты за подписку читатели получали к ним доступ. Впоследствии этот культурный феномен получил название современного «самиздата». Ценность такой литературы, по мнению писателей, состоит в безграничности воображения. Она является своеобразной формой выражения чувств, переживаний [5]. Третий пример, выход в Интернет музеев и библиотек. Их информационное пространство библиотеки включает веб-сайт организации, электронный каталог, базы данных, подписные книжные и информационные ресурсы, а также представительство в социальных сетях. Четвертое, включение библиотек в систему управления производством знания, предполагающее освоение не только менеджмента исследовательских проектов, оцифровку и обработку данных, но и деятельный обмен результатами исследований, т. е. ту или иную форму онлайн-публикации [6].

В книжной культуре книга воспринималась как источник знания. Она была основным звеном образовательного процесса, религиозных практик и семейного чтения. Её отличают стабильность, структурированность, иерархичность, компактность и легкость использования. В современном мире книга претерпевает изменения, связанные с совершенствованием полиграфических технологий, сокращением тиражей и увеличением потребления онлайнового контента. Из источника информации она превращается в средство потребления. Функцию хранилища знаний выполняет национальная электронная биб-

лиотека. Она обеспечивает быстрый и удобный доступ к авторитетным источникам, благодаря экосистеме связанных между собой направлений и продуктов. Тематические коллекции и проекты сегментированы по интересам аудитории. Конвертация текстовых материалов в аудиоформат позволяет пользователям НЭБ не только прочитать, но и прослушать книгу, начиная с любого места [7].

На потребительский выбор книги влияют экономические, культурные, социальные факторы. Одни отдают предпочтение цифровому формату, другие продолжают покупать и читать бумажные книги. В эпоху пандемии бумажные книги стали популярнее цифровых. Эта тенденция отмечена почти во всех странах. По данным исследования Statista's Advertising & Media Outlook (2020) в США доля цифровых книг составила 22,7%, а бумажных – 44,5%. В Китае тем временем электронные книги приобрели чуть меньше четверти людей. Меньше всего цифровыми аналогами интересуются в Индии, Франции и Германии [8].

В России более половины россиян читают печатные книги (54%). Электронные книги предпочитают 30 %, а 15 % слушают аудиокниги. Любимыми поэтами среди опрошенных являются А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и С. А. Есенин; писателями – М. А. Булгаков, Ф. М. Достоевский, С. Кинг [9]. Среди электронных книг на ЛитРес наиболее скачиваемыми были «Непобедимое солнце» В. Пелевина, «Тревожные люди» Ф. Бакмана, «Отдаленные последствия» А. Марининой, «Внутри убийцы» М. Омера. В топ аудиокниг на ЛитРес лидируют «Непобедимое солнце» В. Пелевина и «Тревожные люди» Ф. Бакмана. В списке самых продаваемых книг находятся также произведения Д. Донцовой, Г. Яхиной, Е. Водолазкина, Ю. Несбё, А. Михаэлидиса [10]. Следует отметить, что в настоящий момент возрос интерес к приключенческой литературе и так называемым «добрым» книгам, поднимающим философские проблемы смысла жизни, добра и зла. Стимулирует интерес к книге ее экранизация. Например, фильм «Дюна» Дени Вильнёва подтолкнул к прочтению романа Ф. Герберта и прослушиванию одноименной аудиокниги. Другая тенденция – это популярность графических романов, которые продолжают выходить в печатном виде. Тогда как текстовые книги все больше уходят в электронный формат.

Изменение социального контекста обусловило трансформацию читательского поведения и образа мышления. Люди общаются, слушают музыку, читают и скачивают книги с помощью мобильных устройств. Чтение поляризуется и приобретает коллективные формы: читают в группах, в библиотеке, интернет-сообществах Класс читателей активно развивается благодаря взаимовлиянию чтения и Интернета [11]. Студенты обращаются к традиционным учебникам и электронным ресурсам в зависимости от цели и удобства использования. Исследователи используют информационные ресурсы для поиска научных работ и просмотра современных публикаций. Молодежь читает элек-

тронные издания, слушает подкасты и аудиокниги. Популярность аудиоконтента связана с изменением условий распространения информации. Увеличение объема, быстротечность информации, отсутствие свободного времени приводит к тому, что люди больше слушают, нежели читают.

Находясь внутри медиапространства, книга нуждается в поддержке. На смену книжным клубам приходят интернет-сервисы, предоставившие виртуальную платформу для живого общения. Активными пользователями социальных сетей являются библиотеки и библиотечные сообщества, с помощью которых они усиливают свое влияние в Интернете и расширяют диалог с читателями. Следовательно, Интернет не замещает чтение. Он способствует его продвижению и развитию. Интернет становится литературной средой, где пользователи могут скачать, прочитать и обсудить прочитанные ими книги, опубликовать свои сочинения и представить творческие проекты. Неограниченный доступ к большому числу текстов привел к утрате систематики, поскольку человек уже не в состоянии прочитать и охватить объем имеющихся книг. В то же время происходит хаотичное и бессистемное потребление информации, так как люди стараются как можно больше поглотить, не задумываясь о качестве усвоенного материала.

Обновление технологических средств, избыточность и постоянная актуализация информации ведут к трансформации читательских привычек, характера чтения, работы памяти. Наряду с прежней организацией знания появляется новая, совмещающая традиционные и инновационные способы функционирования. Ее дислокацией становится Интернет. Книга сохраняет свою нишу в цифровом пространстве благодаря не только эстетическим и тактильным преимуществам, но и стремлением пишущего к самовыражению и признанию.

Источники:

1. Лишаев С. А. Книжная культура в эпоху сетевой коммуникации (Об авторах, признании и о помощи трудностями) // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Вып. «Философия. Филология». 2010. № 1(7). С. 3–12.

2. Ольшки Л. История научной литературы на новых языках: Т. 1: Литература техники и прикладных наук от средних веков до эпохи Возрождения /пер. с нем. Ф. А. Коган Бернштейн и П. С. Юшкевича; предисл. С. Ф. Васильева. Москва-Ленинград: Гос. технико-теорет. изд-во, 1933. 303 с.

3. Шомракова И. А. Баренбаум И. Е. Всеобщая история книги / науч. ред. Г.В. Михеева. СПб.: Профессия, 2005. 308 с.

4. Британская энциклопедия // Википедия. [сайт]. URL: https://ru.wikichi.ru (дата обращения 16.12.21)

5. Баммель Й. От бумаги до цифровой платформы: издательское дело, интеллектуальная собственность и цифровая революция. WIPO, 2018. – 110 с. (Творческие отрасли № 9). URL: https://www.wipo.int /edocs/mdocs/mdocs/ru/wipo_hl_cr_yao_17/wipo_hl_cr_yao_17_presentation.pdf. (дата обращения 22.12.21)

6. Савицкая Т. Е. Научные библиотеки как цифровые издатели: зарубежный опыт // Науч. и техн. б-ки. 2021. № 4. С. 149–165.

7. Лушников П. Ю. Оцифрованное достояние // Библиотеки нового поколения. 2020. № 2. С. 37-42.

8. E-books still no Match for printed books // Гизмодо [сайт] URL: https://gizmodo.com/print-books-are-still-outselling-ebooks-study-finds-1846799855. (дата обращения 22.12.21)

9. Самые популярные книги россиян: опрос поискового сервиса Яндекс // РБК [сайт] URL: https://www.rbc.ru (дата обращения 22.12.21)

10. Ломыкина Н. Триумф детективов и немного хайпа: самые продаваемые художественные книги в 2021 году // Форбс [сайт] URL: https: forbes.ru (дата обращения 24.12.21)

11. Гринсфолд В. Чтение и класс читателей в XXI веке / В. Гринсволд, Т. Мак-Доннел, Н.Райт // Новое литературное обозрение. 2010. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/ (дата обращения 24.12.21)

T. B. Markova *(Library of Russian academy of sciences)*

BOOK IN DIGITAL SPACE

The article shows how information technology and changing social context affect the transformation of the book. The Internet does not replace reading. He contributes to its promotion and development. Changing the perception of information entails the transformation of character and reading skills, the use of different formats.

Book, reading, digitalization, information technology, e-book, context

УДК: 179.1

В. М.Михайлова (e-mail: victoria.mikhailova.work@gmail.com);
В. Ю. Перов *(Санкт-Петербургский государственный университет,* e-mail: vadimperov@gmail.com)

ЦИФРОВАЯ ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА И ЭТИЧЕСКАЯ НОРМАТИВНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

(РНФ №22–28-00379)

В статье проведён этический анализ некоторых норм, регулирующих коммуникации в социальных сетях: ВКонтакте, Facebook и Telegram. Анализ учитывает концепцию этического дискурса, предложенную Юргеном Хабермасом. Рассмотрены такие этические характеристики социальных сетей, как равенство позиций и доступа к коммуникациям, а также независимость коммуникаций от внешнего влияния.

Социальные сети, этическая нормативность, публичная сфера, этический дискурс, равенство, независимость, конфиденциальность

С возникновением социальных сетей у многих появилась надежда, что они способны обеспечить условия для открытия цифровой публичной сферы, отвечающей идеям этики дискурса Ю. Хабермаса. Это связано с представлениями о равенстве в соцсетях, включая доступ к ним, а также – о независимости коммуникаций в соцсетях от внешнего влияния [1, С. 143]. Согласно Хабермасу, нравственный тон коммуникаций должен задаваться непосредственно в их процессе, то есть сами участники коммуникаций формируют такие этические нормы, которые их устраивают [2, С. 82]. По мнению тех, кто разделяет обозначенную выше надежду, с развитием социальных сетей «стала возможна интернет-коммуникация, сравнимая по своим возможностям со свободной коммуникацией граждан в концепции хабермасовской гражданской публичной сферы» [3, С. 62]. Другие считают, что, «несмотря на широко рекламируемый интерактивный характер», интернет-коммуникации больше подходят «для навязывания точки зрения, чем для диалога»: «взаимозависимость равных участников идеального коммуникативного процесса (согласно концепции Хабермаса) в условиях виртуальной толпы остается иллюзией» [4, С. 83].

Чтобы составить представление о потенциале социальных сетей стать тем местом, где может развернуться нечто приближенное к этическому дискурсу Хабермаса, стоит провести анализ их этической нормативности. Для исследования выбраны три социальные сети: Facebook, ВКонтакте и Telegram. Первые выбраны как наиболее распространенные соцсети на территории России, а Telegram – как пример сочетания социальной сети и мессенджера.

Непосредственным регулятором социальных сетей является их администрация. Этический кодекс может отсутствовать, в таком случае этические нормы рассеяны в административных документах, регулирующих деятельность в соцсети, и соседствуют здесь с юридическими и иными нормами. Сразу хотелось бы отметить, что множество объёмных документов (исключение составляют Правила пользования Telegram, которые содержат всего шесть строчек [5]) могут создать определённые затруднения для добросовестного пользователя, желающего узнать правила социальной сети. Документы могут обновляться социальной сетью в одностороннем порядке. Facebook заранее уведомляет пользователей и даёт возможность ознакомиться с изменениями до того, как они вступят в силу, если изменения не требуются по закону [6, п. 4.1]. Telegram специально уведомляет именно о важных изменениях [7, п. 11]. ВКонтакте оставляет за собой право не уведомлять пользователя [8, п. 2.4].

Равный доступ. Одним из базовых правил ведения этического дискурса, согласно Хабермасу, является равенство позиций. В некоторой степени можно согласиться с тем, что социальные сети дали возможность участвовать в коммуникациях независимо от пространственного или социального положения. С другой стороны, подобное требование не является безусловным. Во всех трёх взятых для анализа соцсетях их администрация оставляет за собой право заблокировать аккаунт пользователя – временно или навсегда. ВКонтакте может в любое время без уведомления и без объяснения причин в одностороннем внесудебном порядке прекратить доступ к социальной сети, в том числе удалив аккаунт пользователя [9, п. 10.4; п. 10.5]. Facebook не допускает у себя присутствия организаций или людей, которые совершают насилие или провозглашают намерение его совершить [10], а также в случае других серьёзных нарушений. Telegram тоже может заблокировать аккаунт [11, п. 5.3], но здесь стоит принять во внимание возможность подключиться заново, используя другой номер телефона. Таким образом, можно сказать, что равенство доступа в Facebook и ВКонтакте (а частично – и в Telegram) обеспечено примерно равной возможностью быть лишённым его.

Независимость и конфиденциальность. В контексте данной темы важно влияние на пользователей при обработке их данных. Помимо того, что персональные данные становятся своеобразным товаром, в обмен на который люди получают возможность пользоваться социальными сетями, ещё одной темой для размышлений становится «цифровой тоталитаризм», который связан с использованием соцсетей для политического контроля. Современные технологии позволяют не только определять даже незаявленные открыто политические предпочтения [12, С. 1–4], но и прогнозировать результаты выборов [13, С. 23–28], а также влиять на популярность политической кампании или иной инициативы [14, С. 2].

Данные пользователей ВКонтакте могут обрабатываться соцсетью и передаваться третьим лицам в соответствии с российским законодательством

[8, п. 5.8]. ВКонтакте провозглашает принцип добросовестности при обработке персональных данных и обозначает, что цели обработки соответствуют «целям, заранее определенным и заявленным при сборе персональных данных, а также полномочиям Администрации Сайта» [15, п. 5.1].

Политика использования данных [16] Facebook отличается высокой детализацией. Facebook может использовать не только информацию о пользователе из социальной сети, но также обрабатывать изображения с камеры, информацию из телефонной книги (если пользователь открыл к ним доступ). Помимо этого, Facebook может обрабатывать информацию о действиях пользователя вне соцсети, которую предоставляют партнёры. Собранная информация используется для различных целей: улучшения продуктов, обеспечения безопасности, таргетированной рекламы, а также для проведения «исследований и внедрения инноваций для общественного блага» [16]. Facebook может передавать (но не продавать) данные партнёрам: рекламодателям, поставщикам товаров и услуг, партнёрам по измерениям, учёным, органам государственной власти – по официальному запросу или по иным веским причинам. При этом пользователь Facebook может в некоторой степени регулировать то, как обрабатываются его данные: с помощью настроек конфиденциальности в своём профиле.

В политике конфиденциальности Telegram обозначены два основных принципа: 1) Telegram не использует данные пользователей для показа рекламы и 2) хранит только те данные, которые необходимы ему для работы в качестве безопасной и многофункциональной службы обмена сообщениями [7, п. 1.1]. Помимо этого, в Telegram есть функция секретных чатов со сквозным шифрованием, содержание которых не хранится на серверах мессенджера и может быть доступно только на том устройстве, с которого пользователь вёл переписку, а также на устройстве получателя [7, п. 3.3.2]. Кроме того, сообщения в секретных чатах можно оснастить таймером самоуничтожения [7, п. 10.3]. Для защиты данных, не охваченных сквозным шифрованием, Telegram использует распределённую инфраструктуру, благодаря которой может гарантировать: «ни одно правительство или блок стран-единомышленников не могут посягать на частную жизнь людей и свободу выражения мнений. Telegram можно заставить отказаться от данных только в том случае, если проблема является серьезной и достаточно универсальной, чтобы пройти проверку нескольких различных правовых систем по всему миру. На сегодняшний день мы раскрыли 0 байтов пользовательских данных третьим сторонам, в том числе правительствам» [17].

Кажется, что Telegram обеспечивает некоторую свободу коммуникаций от влияния: не использует данные пользователей для рекламы и декларирует их высокую сохранность от третьих лиц. Хотя нужно отметить, что такие условия в Telegram вызывают немало этических сомнений и критики.

Регулирование коммуникаций. Деятельность в социальных сетях регулируется правилами, источником которых выступает сплетение законодательства, этических представлений администрации сети и, в особых случаях, представлений самих пользователей.

Некоторые аспекты регулирования у взятых для анализа соцсетей очень похожи. Так, во всех трёх социальных сетях запрещено, помимо прочего, способствовать насилию, нарушать права на интеллектуальную собственность, распространять вирусы или иное вредоносное программное обеспечение, рассылать спам, заниматься мошенничеством [5] [6, п. 3.2] [8, п. 6.3]. Все три социальные сети оснащены специальными функциями, которые позволяют пользователям сообщить о нарушениях.

Однако во многом подходы к регулированию разнятся. Например, Telegram запрещает незаконный контент именно в «публичных местах» – каналах, ботах, стикерах и так далее. Чаты Telegram являются закрытыми и запросы, связанными с ними, не обрабатываются [17]. Также Telegram отмечает свою несолидарность с местными ограничениями свободы слова. Например, если критика правительства является незаконной в какой-либо стране, Telegram «не будет частью такой политически мотивированной цензуры» [17].

ВКонтакте запрещает формировать и продвигать объединения, «которые распространяют идеологию вражды, насилия, преследования людей и вмешательства в чужую частную жизнь. Даже в виде закрытых групп» [18]. Также ВКонтакте запрещает «размещать любую информацию, которая, по личному мнению администрации, является нежелательной, не соответствует целям создания сайта ВКонтакте, ущемляет интересы пользователей или по другим причинам является нежелательной для размещения» [8, п. 6.3.15]. Пользователь обязан уведомлять администрацию ВКонтакте обо всех случаях совершения в социальной сети в отношении пользователя действий, которые могут быть расценены как оскорбительные, унижающие, дискредитирующие и тому подобные [9, п. 7.2.9]. ВКонтакте может по своему усмотрению изменять (модерировать), блокировать или удалять любой нарушающий запреты контент [8, п. 8.6]. При этом ВКонтакте не удаляет, а помечает некоторую информацию, которая может быть потенциально опасной: «Например, вы увидите предупреждение, если решите зайти в некоторые группы. Среди них те, где регулярно публикуются записи, отрицающие существование ВИЧ и СПИДа. На предупреждающем экране мы предложим прочитать материалы, основанные на позиции Всемирной организации здравоохранения» [19].

Facebook стремится ранжировать нарушающий правила контент по степени его вредности и применять соразмерные санкции, а в спорных ситуациях – уточнять контекст. Например, на Facebook запрещён в том числе контент, изображающий насилие над детьми. Хотя видео или фото, на которых изображены полицейские или военнослужащие, совершающие насилие над детьми, не связанное с действиями сексуального характера, разрешаются: к ним добав-

ляется экран с предупреждением о том, что контент может оказаться шокирующим, а также ограничивается возможность просмотра людьми, не достигшими 18 лет. В этот же раздел правил Facebook о насилии над детьми включено правило, в соответствии с которым «видео или фото насильственного погружения ребенка в воду в контексте религиозных обрядов» сопровождается экраном с предупреждением о том, что «увиденное может расстроить пользователей» [20].

В некоторых случаях Facebook разрешает публикацию контента, который в иных ситуациях считался бы нарушающим нормы. Например, когда считает его достойным публикации или представляющим общественный интерес [21]. Так, на Facebook разрешена конкретная фотография, на которой изображена обнажённая девочка, пострадавшая от напалма. Для регулирования таких случаев у Facebook есть специальный документ, посвящённый принципам отбора контента, достойного публикации [22].

Facebook не удаляет «фальшивые» новости, но значительно сокращает их распространение, показывая их ниже в ленте новостей [23], при этом стремится удалять отредактированные с целью манипуляции медиафайлы, наподобие deepfake [24].

В целом, если Facebook станет известно о нарушающем правила контенте, он может удалить контент, заблокировать или ограничить доступ к определенным функциям, отключить аккаунт или обратиться в правоохранительные органы (если считает, что существует реальный риск причинения физического вреда или прямая угроза общественной безопасности [25]), а также – предложить помощь [6, п.1].

Несмотря на существенные отличия в этическом подходе к регулированию коммуникаций, можно сделать вывод, что все три социальные сети поддерживают не просто процедурный, но – содержательный подход к регулированию.

Выводы. Вопросы о развитии цифровой публичной сферы в социальных сетях наталкиваются на существенные затруднения. Так, нравственный тон коммуникаций по большей части не формируется в их процессе, а задаётся извне. Коммуникации регулируются не только законодательными рамками, но и представлениями администрации соцсетей. Можно считать, что равенство позиций не обеспечено, так как равный доступ к коммуникациям ограничен возможностью администрации заблокировать любой аккаунт. Независимость коммуникаций вступает в противоречие с возможностью влиять на них извне, в том числе при обработке информации пользователей в коммерческих, политических и иных целях. Также можно сделать вывод, что коммуникации регулируются администраций с применением не просто процедурных, но и содержательных этических позиций. При этом подходы к регулированию у взятых для примера соцсетей разнятся. Кажется, что Telegram в большей мере обеспечивает равенство позиций и доступа к коммуникациям, а также в меньшей

мере стремится регулировать эти коммуникации. Однако важно отметить, что этический подход Telegram у многих вызывает сомнения и критику.

Если исходить из представленных выводов, можно сказать, что условия для развития цифровой публичной сферы в социальных сетях далеки от идеальных. Однако нельзя сказать, что такие условия делают развитие цифровой публичной сферы в принципе невозможным.

Источники:

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Изд-во «Наука», 2001.

2. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб: Изд-во «Наука», 2001.

3. Товмасян Н. Т. Публичная сфера: контуры теоретического образа // Идеи и идеалы. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2017. № 3 (33). С. 53–64.

4. Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // Полис. Политические исследования. Австрия: Инсбрукский университет, 2013. № 4. С.75-87.

5. Terms of Service // Telegram. URL: https://telegram.org/tos (дата обращения: 19.12.21)

6. Пользовательское соглашение // Facebook. URL: https://www.facebook.com/legal/terms (дата обращения: 19.12.21)

7. Telegram Privacy Policy // Telegram. URL: https://telegram.org/privacy (дата обращения: 19.12.21)

8. Правила пользования Сайтом ВКонтакте // ВКонтакте. URL: https://vk.com/terms (дата обращения: 19.12.21)

9. Лицензионное соглашение // ВКонтакте. URL: https://vk.com/licence (дата обращения: 19.12.21)

10. Опасные лица и организации // Нормы сообщества Facebook.

URL: https://telegram.org/privacy (19.12.21)

12. Barbera P. Less is URL: https://transparency.fb.com/ru-ru/policies/community-standards/dangerous-individuals-organizations/ (дата обращения:24.12.21)

11. Telegram Privacy Policy // Telegram. more? How demographic sample weights can improve public opinion estimates based on Twitter data // New York University: Center for Data Science. URL: http://pablobarbera.com/static/less-is-more.pdf (дата обращения: 11.01.22)

13. Ehsan ul Haq, Tristan Braud, Young D. Kwon, Pan Hui. A Survey on Computational Politics. URL: https://arxiv.org/abs/1908.06069 (дата обращения:11.01.22)

14. Margetts H. Understanding political turbulence // Proceedings of the 8th ACM Conference on Web Science – WebSci ’16. URL: https://sci-hub.se/10.1145/2908131.2908136 (дата обращения: 19.09.2021)

15. Правила защиты информации о пользователях сайта VK.com // ВКонтакте. URL: https://vk.com/privacy (дата обращения: 19.12.21)

16. Политика использования данных // Facebook. URL: https://www.facebook.com/about/privacy/ (дата обращения: 19.12.21)

17. Telegram FAQ // Telegram. URL: https://telegram.org/faq (19.12.21)

18. Нормы платформы // Центр безопасности ВКонтакте. URL: https://vk.com/safety?section=standards (дата обращения: 19.12.21)

19. Недостоверная информация Центр безопасности ВКонтакте. URL: https://vk.com/safety?section=misinformation (дата обращения: 19.12.21)

20. Сексуальная эксплуатация детей, насилие над детьми и изображение обнаженного детского тела // Нормы сообщества Facebook. URL: https://transparency.fb.com/ru-ru/policies/community-standards/child-sexual-exploitation-abuse-nudity/ (дата обращения: 19.12.21)

21. Нормы сообщества Facebook. URL: https://transparency.fb.com/ru-ru/policies/community-standards/ (дата обращения: 19.12.21)

22. Наш подход к контенту, достойному публикации // Facebook. URL: https://transparency.fb.com/ru-ru/features/approach-to-newsworthy-content/ (дата обращения: 19.12.21)

23. Фальшивые новости // Нормы сообщества Facebook. URL: https://transparency.fb.com/ru-ru/policies/community-standards/false-news/ (дата обращения: 19.12.21)

24. Контент, содержащий манипуляции // Нормы сообщества Facebook. URL: https://transparency.fb.com/ru-ru/policies/community-standards/manipulated-media/ (дата обращения: 19.12.21)

25. Насилие и подстрекательство // Нормы сообщества Facebook. URL: https://transparency.fb.com/ru-ru/policies/community-standards/violence-incitement/ (дата обращения: 19.12.21)

V. M. Mikhailova *(St. Petersburg State University);*
V. Y. Perov *(St. Petersburg State University)*

DIGITAL PUBLIC SPHERE AND ETHICAL NORMATIVITY IN SOCIAL MEDIA

The article provides an ethical analysis of some of the regulating standards in social media communication: VK, Facebook and Telegram. The Jurgen Habermas's concept of ethical discourse is taken into account. The article considered such ethical characteristics of social networks as equality of positions and access to communications, as well as independence of communications from external influences.

Social networks, ethical normativity, public sphere, ethical discourse, equality, independence, confidentiality

УДК 130.2

Л. С. Московчук (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: lsmoskovchuk@etu.ru)

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА В ПАРАДИГМЕ ДИДЖИМОДЕРНИЗМА

Рассмотрены особенности постпостмодернизма как актуального состояния культуры и философии, дан обзор концепции диджимодернизма, раскрывающей трансформацию человека и культуры под влиянием распространения цифровых технологий

Философская антропология, философия культуры, постпостмодернизм, диджимодернизм, цифровые технологии

За последнее десятилетие понятие постпостмодернизма прочно обосновалось в философском и культурологическом дискурсах. Среди российских исследований, посвящённых осмыслению и концептуализации этого феномена, стоит выделить работы Маньковской Н. Б. [1], Павлова А. В. [2; 3], Сафронова Э. Е. [4].

Несмотря на уже достаточно долгое существование термина, теоретико-методологическое осмысление постпостмодернизма представлено в научной литературе недостаточно (на русском языке можно особо отметить работу Павлова А. В., претендующую на системное изложение и критику теории постпостмодернизма [2]), что вполне естественно для ситуации, когда исследователи пытаются зафиксировать постоянно меняющуюся картину сиюминутной бытийности культуры. Постпостмодернизм, на настоящий момент – зонтичный термин, объединяющий в своем лице несколько различных течений и философских систем. В целом постпостмодернизм можно обозначить как критическую теорию, преодолевающую постмодерн, и концептуализирующую актуальное состояние общества, культуры и человека в контексте развития цифровых технологий.

В силу того, что постпостмодернизм объединяет в себе достаточно противоречивые теории, встает вопрос о допустимости их объединения и о возможности их классификации. А. В. Павлов делит постпостмодернисткие теории на три группы: теории, делающие акцент на анализе культуры (метамодернизм, гипермодернизм, альтермодернизм, реновализм, перформатизм), теории, делающие аспект на технико-коммуникативных трансформациях общества и культуры (автомодернизм, диджимодернизм), теории, анализирующие перспективы развития капитализма (капиталистический реализм Марка Фишера, пост-постмодернизм Джеффри Нилона) [5]. Если же говорить о том, что объединяет эти теории, то это однозначно критическое отношение к предшествующему периоду (попытка критики и отрицания постмодерна), признание цифровой реальности в качестве ведущей и сращение философского и культурологического дискурсов.

Среди оснований, на которых покоится постпостмодернизм, исследователи чаще всего называют виртуализацию, технообразы, разрушение границ между текстом и реальностью, глокализацию, транссентиментализм, самоиронию [1; 6]. Так же говорят о возврате к идеологичности и желанию сформулировать определенную аксиологическую систему [7]; о самопародии, саморефлексии и постановке глубоких философских и нравственных проблем [8].

Вопреки опасениям критиков постмодернизма, предполагавших тотальную дефрагментацию не только социума, но и человека, проблемы идентичности, личности, гуманизма и поисков человеческой природы не теряю свою актуальность, а получают новое прочтение в контексте постпостмодернистских теорий.

В качестве теории, негативно оценивающей изменения человеческой субъективности, культуры и эстетики под влиянием цифровых технологий, можно назвать концепцию Алана Кирби, в которой эпоха, сменяющая постмодернизм, называется псевдомодернизм или диджимодернизм («пальцетыкательный модернизм», по более удачному переводу российского художника Андрея Ханова [9]).

Алан Кирби в 2006 г. в статье «Смерть постмодернизма и то, что после» [10] фиксирует изменение культурной моды и призывает признать очевидность того, что постмодернистские произведения (как литературные, так и кинематографические) утратили актуальность и более не могут считаться современной культурой. Единственное место, где постмодернизм сохраняет свои позиции – это мультипликация («Шрек», «Суперсемейка»), в качестве дани родителям, взращенным на постулатах постмодернизма и сопровождающих своих детей на просмотрах. В качестве рубежа, разделяющего эпохи, он называет последнее десятилетие 20 века, когда появляются новые технологии, радикально изменяющие понимание человека в целом, автора, зрителя, текста и отношений между ними в частности. Происходит крайняя степень фетишизации получателя текста, которая может рассматриваться и в позитивных терминах демократизации культуры, и в негативных: «пессимисты укажут на мучительную пошлость и пустоту культурной продукции, создаваемой подобным образом» [10].

«Псевдомодернизм» или «диджимодернизм», по мнению Кирби, обладает следующими особенностями. Во-первых, это культура стриминговых сервисов и передач, в которых контент определяется зрителем и теряет свой смысл и актуальность в случае повтора. Кирби подчеркивает псевдоинтерактивность участия зрителей, так как в результате участия зрителя не происходит обмена: зритель пишет комментарий к новости, отправляет свой голос и возвращается к пассивной роли.

Во-вторых, псевдомодернизм или диджимодернизм это культура интернета, где центральным действием человека выступает щелканье мышью для серфинга страниц, в процессе которого возникают затейливые траектории взаимодействия с культурными и информационными объектами. Многие страницы требуют от пользователя определенных действий, привносящих жизнь в

продукт (прокладывание маршрутов, создание виртуальных коллекций, наполнение контентом и т. д.).

В-третьих, Кирби указывает на замещение кинематографа визуальными компьютерными спецэффектами и сращение его с компьютерными играми. Примитивизм сценария соседствует с технической изощренностью и зрелищностью. Не оспаривая роль компьютерной графики в современном кинематографе, тем не менее отметим, что камерные фильмы, рассказывающие искренние истории о людях сохраняют свою актуальность и тотального замещения кинематографа фильмами в стиле «Аватар» не произошло. В данном случае Кирби указал на один из органичных векторов развития кинематографа пост-постмодернизма, но не на единственно существующий.

В-четвертых, искусство утрачивает зрелищную, развлекательную функцию, поощряя активность и со-творчество зрителя: «зритель чувствует себя сильным и действительно нужным; зато автор – в традиционном понимании – либо принижается до статуса того, кто просто устанавливает параметры, с которыми работают зрители, либо становится совершенно незначительным, вынесенным за пределы процесса» [10]. Текст и контент оказывается составленным зрителем, если не в содержании, то в своей последовательности. В определенном смысле, теория Кирби обладает прогностической точностью, так как развитие современных соцмедиа показывает все возрастающую популярность среди пользователей «переделка» контента (вирусные липсинги, челленджи и т. д.), в результате которой авторство законодателя тренда теряется.

В-пятых, скоротечность и сиюминутность на всех уровнях и материальной, и духовной культуры (быстрая мода, ускользающие тренды видео-контента, стремительно устаревающая повестка дня и т. д.): «Культура, сформированная такими вещами, не может иметь памяти – нет того тяжкого ощущения предшествующего культурного наследия, которое испытывали модернизм и постмодернизм. Невоспроизводимый и мимолётный, псевдомодернизм страдает амнезией: есть только культурные акты настоящего, не связанные ни с будущим, ни с прошлым» [10].

Автор отмечает, что конечно, многие из названных им особенностей (вовлечение зрителей, технические эффекты, интенсификация новаций и т. д.) существовали и ранее, но они воспринимались, как варианты развития, а не как единственное условие и необходимость существования культуры.

Псевдомодернизм не ставит под сомнение реальность, как это делал постмодернизм, а определяет реальное, как субъекта, взаимодействующего с текстами: все, что делает, говорит и фиксирует субъект, превращается в канву реальности (стримы, истории, посты и т. д.). Результаты такой объективации субъективной реальности порождают чувство сопричастности и участия у зрителя через комментарии, тиражирование, репосты, повторение и т. д. Реальность диджимодернизма пугает Кирби своим технологизированным невежеством, которое приходит на смену изощренной ироничности и интертекстуальности, и неконтролируемостью. Человек псевдомодернизма поглащен

своей ведущей деятельностью и потребностью – щелканьем клавишами, свайпами экрана и серфингом ссылок: «Взамен невроза модернизма и постмодернистского нарциссизма, на месте упразднённого им мира псевдомодерн создает новую, невесомую пустоту безмолвного аутизма» [10].

Однако такое критическое отношение к цифровым трансформациям культуры и человека имеет своих критиков. Так, Маньковская, еще задолго до появления работ Кирби, специфической чертой постпостмодернизма назвала интерактивность и указала, что «превращение зрителя, читателя из наблюдателя в сотворца, влияющего на становление произведения и испытывающего при этом эффект обратной связи, формирует новый тип эстетического сознания» [1, С. 22]. Как и Кирби, Маньковская полагает, что именно новые технологии предопределят культурные сдвиги. Новая эстетика виртуальности не стремится пародийно копировать реальность классического искусства, а ставит перед собой цель – создать виртуальные артефакты или «иллюзорно-чувственную квазиреальность» [1, С. 23]. Наряду с личностной и волевой доминантой художественных экспериментов она отмечает и формирование новой телесности, так как «современные трансформации эстетического восприятия во многом связаны с его отелесниванием специфическим компьютерным телом (скафандр, очки, перчатки, датчики, вибромассажеры и т. д.) при отсутствии собственно телесных контактов» [1, С. 24–25]. Можно отметить, что Маньковская была одним из пионеров использования термина «постпостмодернизм» в 90-е гг. и для нее характерна нейтральная безоценочная позиция по отношению к трансформациям культуры.

В позитивных категориях сдвиги, связанные с развитием технологий, оцениваются и в автомодернизме, теоретиком которого выступает Роберт Сэмуэльс (например то, что у Кирби обозначается аутизмом, у Сэмуэльса оценивается как автономность). Сэмуэльс предлагает отказаться от жесткого противопоставления свободы человека технике, как фактору отчуждения: «современные люди обращаются к автоматизации, чтобы выразить свою автономию, и это объединение прежних противоположностей приводит к радикальной реструктуризации традиционных, современных и постмодернистских интеллектуальных парадигм» [11, P. 3]. Таким образом, диджимодернизм не является единственной парадигмой описания происходящих с человеком и культурой метаморфоз, хотя и обладает определенным эвристическим потенциалом, указывая на опасности развития «низовой» массовой культуры и формирование нового человека «диджи»-массы.

Источники:

1. Маньковская Н. Б. От модернизма к постпостмодернизму via постмодернизм // Коллаж-2. М.: ИФ РАН, 1999. С. 18–25.

2. Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Дело, 2019. 556 с.

3. Павлов А. В. Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ: дисс. ... д. филос. н.: 09.00.13; место защиты: Ин-т философии РАН. М., 2019. 447 с.

4. Сафронов Э. Е. Что будет вместо постмодерна? Диджимодернизм как культурная доминанта // Галактика медиа: журнал медиа исследований. 2019. № 1. С. 178–195.

5. Павлов А. В. Виды постпостмодернизма. URL: https://postnauka.ru/video/ 96268 (дата обращения: 15.01.2022).

6. Митрошенков О. А. Постпостмодернизм как предчувствие // Социально-гуманитарные знания. 2013. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postpostmodernizm-kak-predchuvstvie (дата обращения: 16.01.2022).

7. Гладилин Н. В. Характерные черты постпостмодернизма в современной массовой литературе Германии // Вестник ТГУ. 2011. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/harakternye-cherty-postpostmodernizma-v-sovremennoy-massovoy-literature-germanii (дата обращения: 15.01.2022)

8. Шамина В. Б. Постпостмодернистская саморефлексия в романе Пола Остера «Стеклянный город» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postpostmodernistskaya-samorefleksiya-v-romane-pola-ostera-steklyannyy-gorod (дата обращения: 15.01.2022)

9. Ханов А. Вскрытие и воскрешение «трупа» постмодернизма // Сиг.Ма электронный журнал. 2018. URL: http://philosophystorm.org/node/16157 (дата обращения: 15.01.2022)

10. Кирби А. Смерть постмодернизма и то, что после. URL: https://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism/ (дата обращения: 15.01.2022)

11. Samuels R. New media, cultural studies, and critical theory after postmodernism. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009. 256 p.

L. S. Moskovchuk *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

PERSON AND CULTURE IN THE PARADIGM DIGIMODERNISM

The features of postmodernism as an actual status of culture and philosophy are considered. The main theorie of digimodernism revealing the transformations of man and culture under the influence of digital technologies development is observed.

Philosophical anthropology, philosophy of culture, postpostmodernism, digimodernism, digital technologies

УДК 130.2

Е. И. Наумова (*Санкт-Петербургский государственный университет*, e-mail: naumova11@inbox.ru)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ КАПИТАЛИЗМ, ИЛИ ФИЛОСОФИЯ КОДА

Традиционно переход к технологической эре в развитии экономики и общества связан с тенденцией описания и осмысления мира через термин «сеть». На смену традиционным способам организации общественных отношений, основанным на иерархическом/вертикальном принципе, приходит принцип сети, который несет в себе горизонтальную логику выстраивания разного типа отношений, что реализует в себе демократические ценности равного доступа к ресурсам и распределению благ. В исследовании осмыслен переход к цифровой экономике через процесс создания языка программирования (Altair Basic)/кода и программы Linux, в качестве ключевого события, которое изменило мир. Изначально, язык программирования не продавался и никому не принадлежал. Создание кода стало началом для сети как принципа организации структуры общества и экономики, которая изначально строилась на логике открытого доступа к информации, кооперации и равенстве.

Цифровой капитализм, copyright, когнитивный капитализм, сеть, Linux, Altair Basic, Ричард Столлман, код, информация.

Состояние современного общества в глобальном смысле может быть охарактеризовано как стремительный переход к цифровой экономике, и Россия в этом процессе перехода задействована также как страны Европа, США и Азии. Новый этап в развитии капитализма чаще всего связывают с понятием сеть, как результатом развития цифровых технологий, которые изменили способы взаимодействия в обществе с иерархического типа (вертикального) на сетевой тип (горизонтальный), который репрезентирует демократические тенденции и по-новому решает проблему неравенства. В нашей статье мы проследим путь становления цифровой экономики в ее сетевом измерении и проследим как структура сети, характерная для цифрового капитализма, взаимодействует со структурой иерархии, свойственной традиционной экономической формации, и как постепенно эти две структуры становятся инклюзивны друг для друга, а также к каким это ведет последствиям в плане для распределения власти, капитала и информации в обществе. Наряду с иерархическим и сетевым подходами в актуальном анализе современного общества и экономики, мы рассмотрим «векторалистский» подход, который позволит иначе увидеть соотношение структур сети и иерархии.

Новое цифровое общество начинает свой отчет с того момента как в 1970-х гг. группой любителей начинают изготавливаться стационарные компьютеры, но не само изобретение и распространение машины («железо») меняет мир, а создание нового языка – языка программирования [1]. Именно язык, код руководит компьютером, а впоследствии и миром. Altair Basic [1, С. 1–27] – первый язык программирования, который распространялся на рулонах перфорированной бумаги по цене 200 долларов за штуку. И ключевым моментом для формирования цифрового капитализма явилась следующая тенденция: было замечено, что продажа языка стала отставать от продажи компьютеров. Пользователи – как новая антропологическая единица цифрового капитализма – бесплатно копировали и распространяли язык программирования. Люди буквально переписывали язык на перфорированную бумагу и делились друг с другом. Язык программирования положил начало новым формам взаимопомощи и сотрудничества и послужил отправной точкой для истории цифровой экономики [2].

Важным моментом здесь является то, что именно характер самого продукта – язык программирования, код – это то, что сломило привычную логику денежного обмена, нацеленного на выгоду. Цифровой товар – это информация, и самое важное здесь то, что в отличие от физических товаров и вещей, информация не приходит в негодность от многократного ее использования, и потому нет повода для человека, потребляющего эту информацию, препятствовать тому, чтобы ее потребил другой. Информация как цифровой товар задает иное измерение человеческих отношений – коллективный доступ, в основе которого лежит взаимопомощь и сотрудничество. Идея открытого доступа к информации положила начало новому типу самоорганизации людей, который определяется понятием сеть. В 1985 году Ричард Столлман основал движение за бесплатное программное обеспечение и разработал Linux – операционную систему с открытым кодом, которая появилась благодаря совместной, неоплачиваемой, творческой работе энтузиастов-программистов. Linux – это такая программа, которой никто не может завладеть и заработать на ней, в основе ее лежит принцип «открытого исходного кода» [3, С. 25–93]. В 2001 году появляется Википедия, построенная на деценрализованной деятельности индивидов, которые работают, опираясь на кооперативные и добровольные формы организации, где деньги не являются основной мерой стоимости. Пример Википедии показывает, что в цифровом капитализме не столько информация, но именно знания становятся единственный ресурсом для производства новых форм взаимодействия и сотрудничества.

Понятие общественный интеллект, введение Марксом в его работе «Экономические рукописи 1857–1859 гг.» [4], становится необычайно актуальным в условиях современности. Именно общественный интеллект является новой производительной силой в сетевой и цифровой экономике. При этом даже новые формы кооперации людей, выстроенные сетевым способом, порождают

конфликты. Язык, код, информация, знания – оказываются тем, чем хотят владеть. В свое время Билл Гейтс решил проблему владения языком программирования, разработав Windows как стандартную операционную систему для ПК, что позволило ему стать монополистом в области цифровой экономики и заработать миллиардное состояние. Как отмечает исследователь коммуникативного капитализма Д. Дин: «Владельцы IT-компаний быстро превратились в миллиардеров благодаря дешевой рабочей силе, аутсорсингу значительной части задач внешним субподрядчикам, бесплатному труду пользователей, налоговым льготам, предоставляемым городами в тщетной надежде создать дополнительные рабочие места, а также благодаря укреплению своей монополии на рынке» [5, С. 92]. Так основной проблемой цифрового общества становится конфликт между сетевым способом организации отношений и информационных потоков и иерархическими структурами, которые создают узловые точки концентрации власти и капитала. Так сетевой способ организации общества, свойственный цифровому капитализму не устраняет полностью принцип иерархической организации экономических отношений, который был характерен для предшествующего периода развития общества. С одной стороны, у нас оказываются системы самоорганизующихся сетевых сообществ, выступающих за идею открытого кода, открытый доступ к информации, анонимность, коллективность, своего рода репрезентирует цифровой коммунизм. С другой стороны, мы видим растущие цифровые монополии, которые захватывают рынок, устанавливают свои правила, задают цены на доступ к информации и управляют капиталами. Так господствующими брендами в информационном мире, которые стремятся быть не конкурентными, а единственными на рынке, становятся Apple, Google, Amazon, Microsoft, Facebook. При этом рыночная стоимость данных крупных IT- компаний превышает объем экономики некоторых стран мира. It-гиганты становятся своего рода технологическими государствами внутри реальных государств: «в переговорах с ними города стремятся предложить привлекательные условия сотрудничества и в результате принимают условия корпораций» [5, С. 89]. Способ функционирования данных корпораций репрезентирует проявление такой экономической тенденции как капитализм платформ [6, С. 41], они оказываются успешными благодаря активности пользователей, а более конкретно, тем базам данных, которые формируются в результате их активности и взаимодействия на платформах. Феноменом, позволяющим говорить о инклюзивном существовании сети и иерархии является платформа, именно данное технологическое изобретение демонстрирует процесс усложнения сетевых структур через включение в них иерархического элемента, выраженного в неизбежной тенденции монополизации платформ [6, С. 46]. Сети – информационные, коммуникативные, цифровые – в современном мире являются сложными, комплексными, так как внутри них заключен принцип иерархии. В основе функционирования таких сетей лежат рост, предпочтительное присоединение и свобода выбора. В сетевых структурах действует принцип «рейтинга»: люди в сетях выбирают, на первый

взгляд, то, что им нравится, однако, на самом деле, они выбирают то, что нравится другим. Большей популярностью будет пользоваться товар, у которого выше «рейтинг», тот, который набрал больше «лайков», тот, на который больше ссылок, больше соединений с предпочтением людей и т. п. Такого рода система носит название «степенного распределения» [7] предпочтений и по структуре воспроизводит пищевую цепочку, тот, кто находится на вершине рейтингов (популярен) является востребованным, тот, кто внизу пирамиды получает лишь крохи. Таким образом структура сложных сетей основывается на принципе «включения», чем больше акторов в ней участвуют, тем выше рейтинги. Именно поэтому мы наблюдаем тотальное погружение людей в сетевые структуры, где они осуществляют постоянную активность, воспроизводя логику предпочтений через иллюзию собственного выбора или предлагая свой продукт разной степени успешности. В сетевых структурах работает принцип конкуренции за внимание и деньги, то есть за место под солнцем. Становится очевидным, что в современном мире результатом свободного выбора и преференциальной привязанности является включение в иерархию: верхние слои общества получают гораздо больше, чем нижние. «Другой способ выразить ту же точку зрения: иерархия имманентна сетям. Она не навязывается извне. Преодоление иерархии, борьба с ней требуют внешнего вмешательства, разрыва, который отсечет голову гидры, нарушив работу системы, производящей неравенство. Другими словами, ликвидация имманентных иерархий требует политики» [6, С. 106]. Очевидным результатом принципа имманентности сети и иерархии является проблема неравенства, которая традиционно затушевывается и сглаживается через концепт «сети» как способа организации жизни, лишенного иерархии и претендующего на демократическое распределение благ в обществе.

Источники:

1. Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем. 2016.

2. Kelty C. Two bits. The cultural significance of free software. USA: Duke University Press. 2008.

3. Coleman G. Coding freedom. The ethics and aesthetics of hacking. Pr & Ox: Prinston University Press. 2013.

4. Маркс К. и Энгельс Ф. «Экономические рукописи 1857-1859 годов». Т. 46. Ч. 2. М.: Политическая литература. 1969

5. Дин Д. Коммунизм или неофеодализм? Логос. Т. 29. № 6. 2019. С. 85–116

6. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: ИД ВШЭ, 2019.

7. Barabasi A.-L. Linked. How everything is connected to Everything Else and What It Means for Business, Science, and Every Day Life. N.-Y.: Plume Books. 2003.

E. I. Naumova *(St. Petersburg State University)*

INFORMATIONAL CAPITALISM, OR PHILOSOPHY OF CODE

Traditionally, the transition to a technological era in the development of the economy and society is associated with the tendency to describe and comprehend the world through the term "network". The traditional ways of organizing social relations based on the hierarchical/vertical principle are being replaced by the network principle, which carries the horizontal logic of building different types of relations, which implements the democratic values of equal access to resources and the distribution of benefits. The study makes sense of the transition to a digital economy through the process of creating a programming language (Altair Basic) / code and a Linux program, as a key event that changed the world. Initially, the programming language was not for sale and did not belong to anyone. The creation of the code was the beginning for the network as a principle of organizing the structure of society and the economy, which was originally built on the logic of open access to information, cooperation and equality.

Digital capitalism, copyright, cognitive capitalism, web, Linux, Altair Basic, Richard Stallman, code, information.

УДК 343.2/7

И. Н. Нужнов (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»; ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия им. Н.Г.Кузнецова»*, e-mail: inuzhnov@yandex.ru)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Исследуется правовое сознание военнослужащих как сфера общественного, группового и индивидуального сознания и его специфика; рассматриваются виды деформации правосознания военнослужащих и их влияние на обеспечение законности и правопорядка в военных организациях.

Правосознание, военнослужащий, деформация, правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовое воспитание.

Перемены, происходящие в последние десятилетия в России, в ее геополитическом положении, оказывают существенное влияние на такой традиционный институт государства, как военная служба, которая выполняет важную функцию по обеспечению суверенитета и территориальной целостности, была и остается важнейшей составной частью обороны и безопасности государства. В настоящее время военная служба переживает период серьезных качественных и количественных преобразований, важным фактором которых является правосознание военнослужащих, в значительной степени определяющее содержание и уровень их правовой культуры и выступающее своеобразной доминантой в механизме профессионального поведения.

Объективная необходимость формирования правосознания военнослужащих, как справедливо отмечают авторы 3-х томной монографии по военному праву, обусловлена тем, что установленные правом в целом и военным правом в частности правила поведения субъектов общественных отношений, складывающихся в сфере обороны и военной безопасности государства, смогут активно и эффективно влиять на эти самые общественные отношения только в том случае, если они будут позитивно восприняты военнослужащими, воплотятся в их умы и сердца, в их практическую повседневную деятельность [1].

Феномену правосознания военнослужащих уделяли внимание многие отечественные ученые, правоведы. Нельзя не отметить серьезный вклад в познание сущности, содержания и особенностей правосознания граждан в условиях военной организации, внесенный известным русским философом И.А. Ильиным. «Армия как элемент государственного бытия, – отмечал он, – есть организованное множество людей, систематически воспитывающих себя к победе и ради нее – к смерти, к убиению во имя государственной цели…. Армия может существовать только в ту меру, в какую ее одушевляет государственно-

патриотическое правосознание. Такое правосознание остается всегда волею к государственной цели; а эта воля порождает и готовность к государственному служению. Поэтому служение в армии должно быть проникнуто живым вдохновением государственности» [2].

Вооруженные Силы Российской Федерации являются важнейшим институтом государства и общества, и военнослужащие, выполняя возложенные на них задачи по защите Отечества, поддержании стабильности в обществе, должны обладать правосознанием, к уровню которого предъявляются особые требования. Правовые и нравственные идеи и взгляды, чувства и настроения через осмысление воинских отношений как справедливых или несправедливых играют доминирующую роль в сознании военнослужащих. Их сплав обеспечивает целостность сознания воинов, придает ему определенную социальную и военно-профессиональную направленность. Правовое сознание, таким образом, выступает специфическим проявлением сознания воинов, выражающим определенный уровень духовных возможностей воинов успешно выполнять обязанности воинского долга.

Правосознание военнослужащих рассматривается как интегративное социально-правовое образование, представляющее собой специфическую форму, фундаментальную основу которой составляют правовые знания, взгляды, представления, установки, чувства и другие духовные проявления, отражающие отношение военнослужащего к праву, закону, иным правовым явлениям, оказывающие активное воздействие на его поведение как субъекта государственной оборонной функции, реализуемой в ходе военно-профессиональной деятельности [3].

Таким образом, мы можем определить правосознание воинов армии и флота как систему знаний, эмоционально-чувственных и волевых состояний, а также ценностных ориентаций, которые отражают состояние правовой жизни общества и Вооруженных Сил и выражают отношение военнослужащих к действующему праву, законодательно закрепленным требованиям и предписаниям их служебно-боевой и общегражданской деятельности.

Спецификой правового сознания является правовое опосредование социальных явлений, соотношение их с правовыми требованиями, с представлениями о необходимости или недопустимости правового регулирования, с правовыми оценками и отношениями. При этом правосознание выступает в качестве самостоятельной сферы сознания, не отождествляемой с другими сферами – политической, нравственной.

Особенности правосознания военнослужащих определяются прежде всего спецификой их профессии, связанной с исполнением ими функций по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории, а также поддержание мира и спокойствия в составе миротворческих контингентов при возникновении локальных вооруженных конфликтов как на территории России, так

и на территории других государств, что в нормативном отношении определяется военным законодательством [4]. И хотя эта деятельность, как правило, не имеет чисто юридической направленности, однако она тесно связана со сферой действия права.

Специфика правосознания военнослужащих проявляется в том, что оно, будучи подчинено закономерностям взаимодействия группового и общественного сознания, формируясь под влиянием общественного правосознания, имеет свои индивидуально-неповторимые свойства, обусловленные взаимодействием с определенной социальной общностью – объединенной по социальному признаку корпоративной группой людей, имеющих особую военно-профессиональную подготовку, характеризующуюся единством общих целей, социальных задач, методов и форм профессиональной деятельности, закрепленных в военном законодательстве.

Право является действенным регулятором отношений, возникающих в процессе военного строительства в России. И специфика правосознания военнослужащих определяется также тем, что отношения, связанные с поддержанием на должном уровне оборонного могущества России и боевой готовности ее вооруженных сил, их боевой и повседневной деятельности, жизни и быта военнослужащих, процесса их обучения и воспитания были всегда наиболее детально регламентированы законами и иными нормативными актами. Это позволяет обеспечивать необходимую организованность и единство действий военнослужащих, мобилизовывать их на безупречное несение военной службы, успешное выполнение ими воинского долга.

Право служит эффективным средством обеспечения боеспособности армии и флота, установленного воинского правопорядка, способствует четкой регламентированной иерархии в воинском коллективе. Установление запретов совершать действия, причиняющие ущерб интересам обороноспособности страны, введение личной ответственности за нарушение правовых предписаний создает необходимые условия для предупреждения дисциплинарных проступков и преступлений, причинения материального ущерба государству, способствует укреплению воинской дисциплины и правопорядка в воинских частях и подразделениях. Выражая в нормах права идеи и принципы в области военного строительства и обеспечивая их реализацию, государство влияет тем самым на правосознание военнослужащих, воспитывая у них внутреннюю убеждённость в справедливости и целесообразности проводимой работы по защите Отечества.

В содержании правосознания обычно выделяют два уровня: обыденный, практический, и теоретико-идеологический. Степень развитости правосознания как практического, так и теоретического является одним из важнейших показателей общего правового состояния общества, военной организации государства, правовой культуры.

В содержании правосознания обычно выделяют интеллектуальную, эмоциональную и волевую сферы, что позволяет определить основные функции

правосознания - познавательную, оценочную и регулятивную. В соответствии с ними определяются основные функциональные компоненты правосознания. Познавательной функции соответствует когнитивный компонент, включающий знание законов, созданных на их основе нормативных правовых актов, должностных инструкций и профессиональных понятий, усвоенных и применяемых военнослужащим в соответствующих областях исполнения служебных обязанностей. Оценочная функция правосознания позволяет выделить оценочный компонент, регулирующий служебную деятельность, отношение военнослужащего к праву, законности, различным правовым ситуациям. Регулятивная функция позволяет обнаружить действенно-практический компонент – владение военнослужащим военно-профессиональной деятельностью в области военной защиты Отечества и способность выполнения служебных обязанностей на достаточно высоком уровне.

В научной литературе дается анализ также издержек в формировании правосознания военнослужащих, которые получили название «деформации и дефекты правосознания», формирующиеся под воздействием ряда негативных факторов окружающей среды и личностных качеств. По мнению А. В. Грошева, дефекты правосознания следует различать в широком и узком смысле слова. В широком смысле к дефектам правосознания он предлагает отнести содержащиеся в массовом правосознании любые статистически значимые отклонения от идей научно-теоретического правосознания, изложенных в государственно-правовой доктрине, законодательстве и правовой науке. В узком смысле дефектами правосознания, по его мнению, являются функциональные нарушения (дисфункции) в структуре общественного, группового и индивидуального правосознания, выражающиеся в несформированности, искаженности или неустойчивости основных его структурных элементов и оказывающие криминогенное влияние на поведение личности, социальных групп в юридически значимых ситуациях [5].

Следует отметить, сама военная служба нередко содержит элементы неблагоприятного воздействия на военнослужащего (в этом ее особая специфичность). Такие факторы, как повышенная ответственность, психические и физические перегрузки, корпоративность в работе, удаленность мест дислокации военнослужащих также могут способствовать появлению дефектов и деформации правового сознания. К основным формам проявления деформаций и дефектов правосознания военнослужащих относят следующие:

правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой идеализм и «перерождение» правосознания [6].

Правовой инфантилизм выражается в несформированности и пробельности правосознания, является показателем недостаточной правовой социализации военнослужащего, т. е. неполного усвоения им правовых норм, ценностей и образцов поведения в правовой сфере. Проявления правового инфантилизма могут быть разнообразными: военнослужащий либо не знает о существовании определенных правовых норм и полагает, что конкретный жизненный случай,

конкретная служебная ситуация безразличны для права, либо искаженно представляет себе содержание правовых норм, пределы их действия и практику применения, либо не умеет учитывать их требования в конкретной ситуации, имеющей правовое значение [7]. По мнению юристов, правовой инфантилизм – это первая и наименее опасная стадия деформации правосознания. Вместе с тем правовой инфантилизм является серьезной предпосылкой дальнейшей деформации правосознания, возникновения общего неуважения к праву вообще и к военному праву в частности, т. е. правового нигилизма.

Под правовым нигилизмом военные юристы понимают психологически отрицательное (негативное) отношение к праву со стороны военнослужащих, воинских должностных лиц, органов военного управления, а также фактические правонарушающие действия указанных субъектов [8]. Он выражается «в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку» [6], в неприятии права, неверии в его возможности, игнорировании требований закона, исключая преступный умысел. Некоторые правоведы выделяют в структуре правового нигилизма две его крайние формы: правовая индифферентность (равнодушие к праву) и правовой негативизм (отрицание права) [7].

Правовой нигилизм считается одной из наиболее опасных форм проявления дефектов правосознания военнослужащих по своим негативным последствиям. Свое проявление он находит в:

– несоблюдении значительным числом военнослужащих требований и предписаний военного законодательства, прямом и сознательном нарушении действующих законов и иных нормативных правовых актов;

– произволе, своеволии, игнорировании правовых норм отдельных воинских должностных лиц;

– распространении правовой индифферентности, недоверия военнослужащих к политике государства в военной сфере;

– издании противоречивых, параллельных или даже взаимоисключающих правовых актов в сфере обороны и военной безопасности государства;

– подмене законности политической, идеологической или прагматической целесообразностью;

– многочисленных нарушениях прав и свобод человека в условиях Вооруженных Сил.

Наиболее уродливым и опасным следствием правового нигилизма значительной части военнослужащих является распространение коррупции в воинской среде. При этом в качестве одной из причин данного явления выступает относительно невысокий жизненный уровень значительной части семей военнослужащих. Одной из основных причин неуважительного отношения многих граждан, включая военнослужащих, к закону являются сохраняющиеся кризисные явления в развитии общества: криминальная действительность, социальная неудовлетворенность, экономические проблемы, люмпенизация значи-

тельной части военнослужащих, злоупотребление свободой без границ и многое другое воспроизводят правовой нигилизм. Вместе с тем, одновременно отмечается и другая крайность: в ментальность значительного числа военнослужащих заложен синдром терпимости к бесправию, покорности судьбе, неумения постоять за себя, за свои интересы.

Правовой идеализм (этатизм), как дефект правосознания, выражается в преувеличении некоторыми военнослужащими роли и значения правовой регуляции в решении сложнейших проблем повседневной жизнедеятельности военной организации государства [6].

Самой тяжкой и опасной формой деформации правосознания является его перерождение в преступную форму. В его основании лежит сознательное отрицание права по мотивам корысти, жестокости и выражается в совершении преступлений. Перерожденное правосознание проявляется в различных формах, особенно в виде умышленных, открытых и циничных нарушений нормативных правовых предписаний военнослужащими.

Внутренняя противоречивость правосознания воинов, указанные деформации его содержания являются одним из источников неправомерного поведения и многочисленных девиаций военнослужащих российской армии и флота. Своевременное выявление и устранение имеющихся деформаций правосознания, формирование позитивного правового сознания военнослужащих – непременное условие установления режима законности и правопорядка в военных организациях, повышения престижа военнослужащих в обществе. А это возможно при условии, что наряду с общим ростом благосостояния граждан, в том числе военнослужащих, одновременно, как писал еще И. А. Ильин, сделать все, «чтобы приблизить право к народу, чтобы укрепить массовое правосознание, чтобы народ понимал, знал и ценил свои законы, чтобы он добровольно соблюдал свои обязанности и запретности и лояльно пользовался своими полномочиями. Право должно стать фактором жизни, мерою реального поведения, силою народной души» [2].

Достичь указанной цели в условиях Вооруженных Сил можно только через организацию систематического, регулярного влияния на сознание и чувства военнослужащих, т. е. правового воспитания.

С точки зрения содержания и практического осуществления правовое воспитание включает три неразрывно связанные между собой составные части:

– во-первых, это систематическое, планомерное воздействие на личность в целях доведения до ее сознания требований права;

– во-вторых, обеспечение благоприятного влияния социальной среды, создание надлежащих условий для интенсивного усвоения личностью общественного правосознания и правовых норм;

– в-третьих, включение личного состава в практическую деятельность, содействующую формированию у него потребности в правовых знаниях и воспитанию привычки соблюдать требования законов, иных нормативных правовых актов.

Источники:

1. Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. –Т. I: История и теория военного права (с предисловием). – М: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 325

2. Ильин И. А. О сущности правосознания. – М., 1994.

3. Митрахович В. А., Кобяков А. В. Сущность правосознания военнослужащих Федеральной службы охраны Российской Федерации // Уч. зап. Орловского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3(76). С. 260–265.

4. Федеральный закон от 31 мая 1996г. № 61-ФЗ «Об обороне»; Федеральный закон от 27 мая 1998г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»; Федеральный закон от 28 марта 1998г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»

5. Грошев А. В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования: Дисс. докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 140–141.

6. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм: Курс лекций // Теория государства и права / Под ред. Н. И. Матузова, А.В. Малько. –М., 1997.

7. Мороз Р. В. О правовом инфантилизме и правовом нигилизме военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 4.

8. Корякин В. М. Введение в теорию военного права (монография). – М.: За права военнослужащих, 2007, Вып. 73. – С. 11-119

I. N. Nuzhnov *(St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI", VUNC of the Navy "N.G.Kuznetsov Naval Academy")*

FEATURES OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF SERVICEMEN OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS

Abstract: The legal consciousness of military personnel as a sphere of social, group and individual consciousness and its specificity is investigated; the types of deformation of the legal consciousness of military personnel and their impact on ensuring law and order in military organizations are considered.

Keywords: legal awareness, military man, deformation, legal infantilism, legal nihilism, legal education.

УДК 174.7

Д. С. Перова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: daschaperowa@yandex.ru)

ЭТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИНФОЦЫГАНСТВА

В 21 веке Instagram переполнен курсами от блогеров, начиная курсами женственности и заканчивая курсами по smm. В данной работе будет уточнено понятие «инфоцыганства», рассмотрены приемы, которые используют «инфоцыгане» для продажи своих курсов, а также будет дана этическая оценка этих приемов. «Инфоцыгане» манипулируют своими подписчиками, рассказывая трогательные истории о своей жизни, давят на проблемы аудитории, создают искусственный ажиотаж. В итоге «инфоцыгане» думают только о том, как заработать на своей аудитории, они не стремятся обучить чему-то людей. Именно поэтому продажа таких курсов неэтична.

Инфоцыганство, блогеры, инфобизнес, онлайн-образование, этика онлайн-образования, этика блогерства

«Инфоцыганство» – достаточно новое явление, поэтому следует начать с определения его терминологических границ. Согласно статье vs.ru «Инфоцыгане. Опасная секта успешного успеха» инфоцыгане – это люди (чаще всего блогеры), которые продают курсы, тренинги, книги и другие обучающие материалы, не несущие никакой реальной ценности [1]. Об этом важно говорить, так как онлайн-образование развивается в России с каждым годом. По данным исследования Интерфакс Академии, объем рынка онлайн-образования в России растет на 20–25% в год [2]. Средний чек россиян за онлайн-курсы, тренинги и мастер-классы увеличился за прошедший год примерно на 20%, сообщает новое исследование «Яндекс.Кассы» и «Нетологии». Как оказалось, только 8% опрошенных имеют опыт обучения через интернет, но 40% допускают мысль, что они начнут учиться в онлайн-режиме [3]. Из этого следует, что с развитием онлайн-образования, развивается и инфоцыганство. Что ведет к другой проблеме: становится все сложнее отличить реально полезный онлайн-курс от «продажи воздуха».

Благодаря используемым технологиям вовлечения (например, блогеры рассказывают о том, что у них ничего раньше не было, что у них не было работы, денег) они добиваются эмоциональной близости с подписчиками, которые начинают их воспринимать как значимых и близких друзей. Пользуясь полученным доверием, они обманывают свою аудиторию, чтобы обогатиться, так как никакого значимого эффекта их курсы, тренинги и обещания не производят.

Чтобы более широко рассмотреть тему инфоцыганства я обращусь к статье Камитдинова Н. специального корреспондента Inc. В конце 2018 года блогер Михаил Карацюпа (YouTube-канал «Пограничник») опубликовал запись мастер-класса для будущих бизнес-тренеров, где бизнес-тренер Андрей Парабеллум (позиционирует себя как отец российского инфобизнеса) говорит слушателям следующее: «Наша задача – продавая со сцены, „отманипулировать“ максимальное количество людей в светлое будущее, забрав у них всё, что у них есть, и даже больше, загнать их в долг, заставить их продать свои жилые квартиры. Это цинично – но это установка, которая помогает» [4]. В этой цитате видно отношение инфоцыган к их аудитории, для них подписчики – это просто способ заработать. Они не думают о пользе курса, о том, как они могут помочь людям. Инфоцыгане думают только о том, как увеличить свой заработок. в Instagram у инфоцыган все классно: они живут богатой жизнью, путешествуют, покупают дорогие машины. Вы практически не увидите в их аккаунтах постов, связанных с негативом в жизни.

Согласно статье Роскачество «Кто такие инфоцыгане и как их определить.», всех представителей инфоцыганства объединяют:

1. Методы саморекламы и обещания – громкие, вульгарные, написанные так, чтобы задеть болевые точки аудитории;

2. Механизмы приманки – обычно людей заманивают через соц. сети, приманивают их бесплатным курсом или вебинаром, после чего начинают обрабатывать, и дальше им придется уже вкладывать свои средства;

3. Результат – кроме обогащения самих «коучей», никакого значимого эффекта их курсы, тренинги и обещания не производят [5].

Далее я хочу разобрать характерные черты инфоцыганства и оценить их с точки зрения этики. Разбирать данные признаки я буду на примере двух курсов: марафон «Я выбираю себя» от Надин Серовски и курс Виктории Бони «Женщина на миллион».

Начнем с того, что у большинства блогеров нет должного образования. Продавать курсы без образования – максимально неэтично по отношению к своей аудитории. Можно назвать два условия, которые снижают качество онлайн-курса, его содержательность и полезность для аудитории: автором курса выступает человек, не имеющий подтвержденной экспертами квалификации и профильного образования, а материалы курса не проверяется специалистами в этой сфере. Такие обучающие программы могут даже нанести вред слушателям. Например, Надин Серовски окончила ИвГУ по профилю «бухгалтерский учёт и аудит». На ее курсе «Я выбираю себя» мы можем встретить практику, которая поможет улучшить отношения с родителями и практику, которая научит любить себя [6]. Но образования психолога у Надин нет, кроме того, отношения с родителями и принятие себя – это темы, которые разбираются с человеком индивидуально, а не в группе из 3 тыс. человек, где Надин дает всем универсальные советы. Если у блогера нет собственного практического опыта,

подтвержденного измеримыми результатами, то его курс можно смело относить к инфоцыганству.

Следующий признак, который я хочу разобрать – трогательные истории о самом бизнес-тренере. В статье Роскачество «Кто такие инфоцыгане и как их определить» дают следующее объяснение: для того, чтобы повысить ценность продукта и, как следствие, увеличить его продажи, блогеры рассказывают о том, как им было трудно раньше. Вплоть до рассказа, как нынешний миллионер разгружал вагоны, доставлял еду, работал в такси и прочее [5]. Так, например, в курсе Виктории Бони «Женщина на миллион» Виктория рассказывает о своем нелегком пути: «Когда-то я приехала из Краснокаменска покорять Москву, у меня не было ничего, кроме большого желания жить той жизнью, о которой я мечтала!» [7]. Здесь используется одна из самых распространённых фраз – «у меня не было ничего». Такая фраза часто используется инфоцыганами, чтобы показать своей аудитории, что им пришлось пройти через много трудностей. Но чаще всего подобные истории – это просто вымысел PR-специалистов. С этической точки зрения, придумывание трогательных историй о своем прошлом, это грязный метод, который используется для привлечения внимания аудитории и для повышения лояльности и доверия к блогеру.

Также я хочу разобрать такой признак инфоцыганства, как давление на проблемы аудитории. Это самый популярный способ блогеров, который помогает привлечь внимание аудитории к курсу или марафону. В большинстве случаев блогеры давят на следующие боли аудитории: мало денег, неуверенность в себе, не нравится работа, муж не любит. Курс блогера поможет решить все эти проблемы, как волшебная таблетка. Вернемся к курсу Надин Серовски «Я выбираю себя». Надин использует следующие фразы, чтобы надавить на аудиторию: «Этот марафон для тебя, если: ты потеряла себя и не понимаешь, что тебе делать дальше; считаешь себя недостаточно хорошей и недостойной счастливой жизни; думаешь, что большие деньги и роскошная жизнь это не про тебя; мечтаешь об идеальных отношениях, но кажется, что ты никому не нужна.» [6]. Аудитория начинает думать следующее: «Ага! Это точно про меня!». Человек годами не мог решить проблему, а блогер нашел быстрое и простое решение. Ну разве не здорово? Кроме того, можно заметить, что блогеры используют очень абстрактные фразы, которые не несут конкретики. Это делается для того, чтобы большее количество людей могли идентифицировать себя с такими фразами. Данный способ нарушает все нормы морали и этики, так как инфоцыгане просто наживаются на проблемах людей, не помогая ничего решить.

Так мы плавно подходим к следующему признаку – невыполненные обещания. Они могут быть конкретными: «пройдите обучение и начните зарабатывать по 100 000 руб.», «после курса вы откроете свой бизнес». Также они могут быть более абстрактными: «после курса вы забудете о работе и полюбите себя». Для примера возьмем курс Виктории Бони «Женщина на миллион». Виктория дает абстрактные обещания, что после курса жизнь станет

изобильнее и благополучнее, появится уверенность в себе и в любой ситуации [7]. Абстрактные обещания проще использовать для курсов, потому что сложнее проверить осуществились они или нет. А если они и не осуществились, то у инфоцыган есть отличная отговорка: вы просто невнимательно и плохо смотрели курс. Все эти фразы подселяют в аудиторию веру, что после курса все изменится. Но на самом деле никто не может дать абсолютную гарантию, что жизнь поменяется.

Еще один признак, который ярко характеризует инфоцыгансво – создать ажиотаж. Инфоцыгане говорят, что осталась всего пара мест, что вы увидите этот пост в ленте только один раз, что это последний поток и последняя возможность изменить жизнь. Но это все пустые слова, чтобы подогреть аудиторию. Например, Надин Серовски запускала курс «Я выбираю себя» летом и говорила, что будет один поток, что больше шанса купить не будет. Но я зашла 10.11.21 на сайт курса и его до сих пор можно приобрести. Кроме того, ажиотаж создается, когда блогеры начинают выкладывать бесчисленное количество восторженных отзывов о курсе. Как показывает практика, отзывы накручиваются или блогер в своем курсе выставляет домашнее задание, которое состоит из того, что нужно написать эмоциональный отзыв на марафон. Данный тезис можно подтвердить отзывами с курса Надин Серовски «Я выбираю себя»: «Он сделал мне предложение!»; «решилась уволиться с нелюбимой работы»; «я полюбила себя в 3 раза больше.» Из этого можно сделать вывод, что весь ажиотаж создается только ради продаж. Люди видят восторженные отзывы, видят, что поток закроется и срабатывает эффект толпы. Если оценивать данный поступок с точки зрения этики, то это просто способ достичь желаемого, которое прикрыто благородными аргументами.

Хочется отметить, что инфоцыгане не продают что-то конкретное. Чаще всего это что-то абстрактное. Например, Виктория Боня в своем курсе «Женщина на миллион» продавала жизнь на максимум, лучший момент – сейчас, окружение звезд. Почему же инфоцыгане так делают? Просто легче продавать навыки, которые сложно оценить. Названия курсов, которые несут в себе пользу и навыки звучат более сдержано и конкретно: «Обучение ZeroBlock на Tilda».

В заключении хочу напомнить о том, какие признаки инфоцыганства мы разобрали в данной работе: трогательные истории блогеров о своем прошлом, давление на проблемы аудитории, создание искусственного ажиотажа, не выполнение обещаний. Курсы инфоцыган нарушают этику, так как блогеры осознанно наживаются на людях, не помогая аудитории ничего решить. Инфоцыгане думают только о том, как привлечь больше аудитории, они не ставят цель помочь своим подписчикам. Чтобы снизить масштабы распространения инфоцыганства и уменьшить их негативное влияние на общество, можно предложить введение сертификации онлайн-курсов, активное внедрение этических кодексов блогеров и проведение этической экспертизы блогерства. Такие шаги

помогут избежать «продажи воздуха», будут способствовать более этичному и ответственному отношению блогеров к своим образовательным продуктам.

Источники:

1. VC.RU Инфоцыгане. Опасная секта успешного успеха [Электронный ресурс] URL: https://vc.ru/flood/206214-infocygane-opasnaya-sekta-uspeshnogo-uspeha (дата обращения 01.11.21)

2. Интерфакс Образование [Электронный ресурс] URL: https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4257/ (дата обращения 10.11.21)

3. Sostav.ru «Яндекс.Касса»: средний чек россиян на онлайн-курсы и мастер-классы вырос на 20% [Электронный ресурс] URL: https://www.sostav.ru/publication/yandeks-kassa-srednij-chek-rossiyan-na-onlajn-kursy-i-master-klassy-vyros-na-20-39600.html (дата обращения 14.11.21)

4. Камитдинов Н. Ненавижу, *****, инфоцыган! [Электронный ресурс] /Inc. URL: https://incrussia.ru/understand/infotsygane/ (дата обращения 28.10.21)

5. РОСКАЧЕСТВО Кто такие инфоцыгане и как их определить [Электронный ресурс] URL: https://rskrf.ru/tips/eksperty-obyasnyayut/nekachestvennye-znaniya/ (дата обращения 12.11.21)

6. Курс Надин Серовски «Я выбираю себя» [Электронный ресурс] URL: https://bebitch.ru/ (дата обращения10.11.21)

7. Курс Виктории Бони «Женщина на миллион» [Электронный ресурс] URL: https://v-bonya.ru/womanclass (дата обращения 30.10.21)

D. S. Perova *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

ETHICAL ASSESSMENT OF INFOCYGANISM

In the 21st century, Instagram is overflowing with courses from bloggers, starting with courses on femininity and ending with courses on smm. In this paper, we will consider the signs that «infocyganism» use to sell their courses. «Infocyganism» manipulate their subscribers by telling touching stories about their lives, put pressure on the problems of the audience, create artificial excitement. As a result, «infocyganism» think only about how to make money on their audience, they do not seek to teach people something. That is why the sale of info courses is unethical.

Infocyganism, bloggers, infobusiness, online education, ethics of online education, ethics of blogging

УДК 81`1

Г. К. Петренко (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: komrad-georgy2010@yandex.ru)
А. А. Шумков (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: noizen@mail.ru)

СИСТЕМЫ МУЗЫКИ И ЯЗЫКА: СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ

Рассматриваются сходства и различия систем музыки и языка в плане семантики. При сопоставлении музыковедческих и лингвистических понятий устанавливается, что в музыкальной системе основной единицей является интервал, а в языковой системе – семифинитив, глагольный или субстантивный. Семифинитив, в отличие от интервала, содержит в себе лексическое значение. Высказано предположение, что движущей силой, превращающей музыкальную систему в музыку и языковую систему в речь, является интонация.

Язык и речь, лексическая семантика, семифинитив, интонация, музыкальный интервал

Базовые понятия элементарной теории музыки, такие как звук, тембр, звукоряд, тон, полутон, интервал, аккорд и многие другие способствуют лучшему пониманию сути «живого» звучания, исполняемого произведения, но что является его основной единицей?

Особое внимание при ответе на этот вопрос, пожалуй, следует уделить понятию интервала. Уже посредством двух звуков, двузвучия, можно задать мотив – наименьшую часть музыкального построения. Мотив является основой музыкальной фразы, развивающейся в музыкальное предложение. Даже такой интервал как чистая прима может явиться своего рода намеком мотива, поскольку она представляет собой точное повторение одного и того же звука, т. е. двузвучие, но не отдельный звук. Кроме того, объем мотива (полтакта или такт) вполне достаточен для выражения фрагмента музыкальной мысли, в этом объеме заключена, если можно так выразиться, семантика музыкального звука.

Понятие интервала весьма близко понятию интонации. Извлечение двух звуков дает возможность наполнить музыкальный отрезок, находящийся между ними, множеством динамических оттенков, а равно и сделать мелодический ход нисходящим, восходящим или, при одновременном извлечении звуков, «застывшим». В последнем случае интонация может быть применена весьма ограниченно. С известным ограничением интонация применяется и в случае чистой примы. На сегодняшний день в крайне противоречивом и мно-

гогранном явлении музыкальной интонации ученые усматривают три различных аспекта. Интонация определяется как высотная организация (соотнесенность и связь) музыкальных тонов, как манера (строй, тонус) музыкального высказывания или как комплекс характерных особенностей музыкальной формы и, наконец, как семантическая единица в музыке. Семантика интонации, разумеется, далека от семантики лексической. Впрочем, интервал – минимальная интонационная единица в музыкальной системе – может звучать как своего рода эмоционально окрашенное междометие, слово-сигнал.

Также многие музыковеды и композиторы прямо указывают на родство музыкальной и речевой интонации. Более того, Б. В. Асафьев и другие исследователи считают, что своего рода переходным звеном от речи к музыке стали интервалы [1].

Действительно, музыкальные интервалы выделяются учеными в речи человека с известным постоянством, в самых разных точках мира и с применением самых различных методов исследования. Интервал сопутствует звуку, и неспроста говорят, что речь отличается известной музыкальностью.

В отечественной лингвистике на именно интервальный характер русской интонации обратил пристальное внимание С. В. Кодзасов в коллективной работе «Просодический строй русской речи», опубликованной ИРЯ РАН в 1996 году. В разделе «Уровни и интервалы» ученый, ссылаясь на О.Ф. Кривнову, отмечает, что в речи всегда присутствует основной тон, находящийся на определенной акустической частоте и использующийся для большинства высказываний. Однако в конце высказывания и, особенно, в эмоционально окрашенных высказываниях происходят переходы на более высокие или низкие уровни, которые отличаются от соседних на 1/3 октавы [2]. Впрочем, несмотря на то, что С.В. Кодзасов основывал свои предположения на собранном речевом материале и проводившихся инструментальных исследованиях интонации, непосредственно вопрос интервалики русского языка окончательно прояснен не был и во многом остается открытым сегодня.

Зарубежные лингвисты в 2000-е годы также неоднократно высказывали мнение о наличии музыкальных интервалов в речи. Языковед из университета Пенсильвании М. Либерман отмечает, что идея наличия мелодических интервалов и своеобразных мелодических контуров, характерных для музыки, в речи, не нова и обнаруживалась еще у Панини [3]. Ученый также обращает внимание и на то, что до недавнего времени работа по поиску этих контуров велась лишь с опорой на слух. М. Либерман упоминает работу Дж. Стила, который еще в 1775 году обобщил результат огромного слухового труда: он пытался обнаружить тональные контуры речи, удалив со своей виолы да гамба лады и имитируя на этом инструменте рисунок движения голоса, и далее записывая результат [4]. Работа Дж. Стила явилась удачной попыткой отстоять идею мелодичности английской речи (и речи на других современных ему языках), которую коллеги по цеху считали монотонной и значительно уступавшей в этом отношении классическим языкам [5].

Из числа более современных работ, в которых предпринимались попытки выявления музыкальных интервалов в речи, следует упомянуть «Речь в минорном и мажорном ладах» группы ученых из Нидерландов [6]. Несмотря на мнение М. Либермана, что это исследование небезгрешно с методологической точки зрения, использованный подход и полученные результаты достойны внимания. Ученые анализировали аудиоотрывки из перевода книги А. Милна «Винни-пух», записанные учителями нидерландских начальных школ. Отрывки выбирались из речи Тигры (энергичного и счастливого персонажа) и Иа (грустного и недоверчивого). Затем отрывки дробились на сегменты по 10 мс и обрабатывались с помощью программы PRAAT. Получившийся из сегментов контур подвергался анализу по кластерам, т. е. значения высоты тона округлялись к ближайшему из полутонов, и далее ученые выясняли, какие частоты встречались чаще всего. Тем самым они отталкиваются от предположения о наличии нескольких (1–3) пиковых частот, т. е. наиболее «популярных» в речи дикторов. Расстояния между пиками рассматривались учеными как определяющие лад. Если они соответствовали малой терции, лад рассматривался как минорный, если большой – как мажорный. Выяснилось, что в большинстве записей речь Тигры оказывается в мажорном ладу, а речь Иа – в минорном, то есть явным образом выявляется интервальное стремление к большим и малым терциям соответственно [6]. Результаты исследования, проведенного Т. Кертис и Дж. Бхаруча [7] с использованием аналогичных методов на материале английского языка, показывают, что в речи нисходящая малая терция выражает грусть, а нисходящая малая секунда – грусть и злобу. Однако, С. Папст и М. Нойхолд задаются вопросом, насколько данное явление универсально, и не ограничивается ли его действие рамками европейской культуры [8].

Достаточно убедительный ответ на этот вопрос дан в работе ученых из Университета Дьюка (США) Д. Росса, Дж. Чойя и Д. Пёрвза. Они пишут: «На протяжении истории, в различных культурах люди создавали музыку, используя интервалы, разделяющие октаву на 12 звуков хроматизма. Однако, почему именно этим интервалам отдается предпочтение, неизвестно» [9]. Они выдвигают гипотезу, согласно которой интервалы «зашиты» в речь, и, тем самым, незаметно подсказывают человеку выбор интервалов и в музыке. Изначально авторы интуитивно искали музыкальные интервалы в мелодике речи. Однако анализ записей речи не дал им доказательств наличия в них таких интервалов. Поэтому ученые предприняли попытку обнаружить интервалы хроматической гаммы в спектральных отношениях внутри звуковых стимулов речи, а именно, в соотношениях формант (полос частот, усиленных за счет резонанса в голосовом тракте).

Ученые проанализировали записи отдельных слов и небольших монологов на английском и мандаринском китайском языках. Для компьютерного анализа использовалась уже упоминавшаяся выше программа PRAAT. Выяснилось, что соотношение формант в английском языке в 60% произнесений у

мужчин и в 75% – у женщин представляло собой один из хроматических интервалов. Результаты для китайского, как ни странно, мало отличались от результатов для английского языка, и все возможные интервалы оказались представленными в речи на обоих языках. Наиболее распространены в обоих языках октава, квинта, малая септима, большая секунда, кварта. Отметим, однако, что частотность всех интервалов в двух языках неравнозначна [9].

В 2011 году Д. Пёрвз вместе с новой группой ученых провел еще одно исследование, которое развивало и углубляло вышеописанные наработки [10]. Ученые выдвинули гипотезу, что размер интервалов в музыке разных культур и способ их использования культурно специфичны из-за связи между тоновыми характеристиками музыки данной культуры и ее речи. В исследовании сравнивались интервалы в традиционной музыке трех культур, обладающих тоническими языками, (китайской, тайской и вьетнамской) и трех культур, обладающих атональными языками (американской, французской и немецкой) – с тоновыми интервалами между вокализованными сегментами речи. По результатам эксперимента выяснилось, что изменения направления тона более частотны и сами тоновые интервалы шире в музыке – и в речи культур, обладающих тоническим языком, чем в обладающих атональным языком. «Эти наблюдения предполагают, что различия в тоновых предпочтениях разных культур тесно связаны с различиями в тоновых характеристиках звучащей речи» [10].

Все это дает нам основания полагать, что интервал являет собой единицу, обобщающую музыку и речь при непосредственном участии интонации. Более того, будучи минимальной интонационной единицей, он может быть признан основной единицей в музыкальной системе, и, соответственно, в музыке. Разумеется, весьма интересно определить основную единицу в системе языка и, соответственно, в речи. Такой единицей, на наш взгляд, является семифинитив.

Понятие семифинитива, введенное в лингвистику И. И. Ревзиным несколько десятилетий тому назад, оказалось весьма продуктивным для развития идеи двухчастности, высказанной в 1993 году в СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

Согласно этой идее, любой член предложения, построенный на глагольной или субстантивной единице, представляет собой двухчастную структуру и состоит из семифинитива и уточнителя (прауточнителя). Уточнитель отвечает за преобразование семифинитива в глагольную или субстантивную финитную форму – сказуемое или подлежащее [11].

У нас есть основания полагать, что семифинитив является в системе языка первичной единицей. Изначально существовал семифинитивный уровень, и из него развились уровни языковой и словарный. Языковой уровень отличается от семифинитивного наличием синтаксиса предложения, т.е. встроенностью во внешние время и пространство, искривленные или неискривленные. Семифинитивный уровень отличается от словарного наличием синтаксиса словосочетания, т.е. встроенностью во внутренние время и пространство. Се-

мифинитивный уровень понижается до словарного посредством сложных когнитивных процедур, и словарная форма является, поэтому, вторичной. Словосочетание, по аналогии, следует признать первичным, а предложение – вторичным. Языковая система развивается от семифинитивного уровня к языковому, от словосочетания к предложению.

Весьма гипотетически можно предположить, что интервал в системе музыки также являет собой первичную единицу. Изначально существовал интервальный уровень, и из него развились уровни музыкального текста и отдельного звука. Уровень музыкального текста отличается от интервального наличием синтаксиса музыкальной фразы (или предложения). Уровень интервала отличается от уровня отдельного звука наличием синтаксиса мотива. Интервальный уровень понижается до уровня отдельного звука посредством несложных когнитивных процедур и отдельный звук является, поэтому, вторичным. Мотив, по аналогии, следует признать первичным, а музыкальную фразу (предложение) – вторичной. Музыкальная система развивается от интервального уровня к уровню музыкального текста, от мотива к музыкальной фразе (предложению).

Синтаксис музыкальной фразы и мотива обусловлен встроенностью музыкального текста и интервала в пространственно-временной континуум, вероятно, не разделенный на внешнюю и внутреннюю части соответственно.

Мы осмелимся предположить также, что субстантивный семифинитив схож с интервалом, развивающимся во фрагмент мелодии, т.е. с мелодическим интервалом; глагольный же семифинитив схож с интервалом, развивающимся во фрагмент гармонии, т.е. с гармоническим интервалом. Это сходство видится нам, прежде всего, в количестве структур, в которых могут быть представлены семифинитивы и интервалы – субстантивная единица возводится в субстантивный семифинитив неограниченным числом способов, а число способов возведения глагольной единицы в глагольный семифинитив ограничено; звук возводится в мелодический интервал неограниченным числом способов, а число способов возведения звука в гармонический интервал ограничено.

Фиксация субстантивного и глагольного семифинитивов во внешних пространстве и времени соответственно приводит к образованию подлежащего и сказуемого, вступающих друг с другом в предикативную связь.

Соединение мелодического и гармонического интервала приводит к образованию цельного, неразрывно связанного фрагмента музыкальной фразы.

Фрагмент музыкальной фразы может заключать в себе восходящее или нисходящее движение, равно как и подлежащно-сказуемостная пара может заключать в себе повествование или вопрос соответственно в движении от слабых уточнителей к сверхсильным или от сверхсильных к слабым соответственно. Взаимоотношения тональных функций – доминанты, тоники и субдоминанты наводят на мысль о их сходстве с залогами. Известно, что тоника тяготеет в доминанту, а субдоминанта – в тонику [12], что сопоставимо, на

наш взгляд, с действительным и страдательным залогами соответственно (эти предположения требуют самой серьезной проверки).

Музыкальная система превращается в «живое» звучание, в музыку, посредством интонации; языковая система превращается в речь также посредством интонации. Сближение языковой и музыкальной систем обеспечивается не только вышеуказанным сходством семифинитива и интервала, но и воздействием на эти системы интонации. Не исключено, что, если бы языковой системы (языка) не существовало, речь не стала бы речью, а оставалась бы пением без слов, была бы музыкой. Это может быть выражено метафизической формулой «музыка = речь – язык». Музыка и речь, как мы полагаем, объединены интонацией, и единственно, что их разобщает – это язык. Музыка и речь объединяются интервалом, а разобщаются семифинитивом; и интервал, и семифинитив имеют сходную физическую природу с той разницей, что интервал генерируется на уровне классической физики, без разделения пространственно-временного континуума на внешнюю и внутреннюю части, а семифинитив – на уровне квантовой физики, относящемся к внутренней части (преобразование семифинитивов может происходить и на уровне классической физики). Неопределенность массы и пространства, энергии и времени, сокрытая в неравенствах Гейзенберга, наделяет, соответственно, субстантивный или глагольный семифинитив лексическим значением. В этой связи не приходится говорить о лексико-семантическом характере музыки – лексические значения в ней отсутствуют, а присутствуют лишь в речи. Семантика оказывается прерогативой квантового мира, недоступного для музыкальной системы. Интервал может быть использован для создания мелодических и гармонических фигур, но в этих фигурах не будет лексического значения, а подобие некой организации возникает лишь на уровне музыкального текста. Здесь снова работает классическая физика, различая для нас устойчивые и неустойчивые ступени лада и завершая последнюю музыкальную фразу в периоде, как правило, на тонике. Семифинитив же используется для создания субстантивных и глагольных морфологических фигур, в них присутствуют лексические значения, а на уровне предложения возникает синтаксическая организация. Классическая физика работает и на уровне предложения, и, пожалуй, на уровне текста, хотя последнее не столь очевидно. Чрезвычайно перспективным для разработки физической теории текста могло бы явиться сопоставление подлежащно-сказуемостных пар с фрагментами музыкальной фразы. Тогда особенности организации языкового текста получили бы более точное объяснение, и, возможно, могли бы быть формализованы в алгоритмических моделях.

Нам представляется, что музыкальная система и музыка, языковая система и речь в их соотношениях с интонацией и лексическим значением могут быть изображены следующей схемой:

```
музыкальная система              музыка
                  \       /
                  интервал → интонация
/ \
язык(овая система) речь
\          /
семифинитив → лексическое значение
музыкальная система                  музыка
                            \              /
                              интервал → интонация
                            /              \
  язык(овая система)                    речь
                            \              /
```

Интонация, присущая речи, имеет музыкальную природу – музыкальная система, генерируя интервал, делает возможным сопряжение самой себя и языковой системы с интонацией. Лексическое значение, также присущее речи, имеет языковую природу – языковая система, генерируя семифинитив, сопрягает сама себя с лексическим значением. По сути, речевая интонация (а равно, и музыкальная) являются своего рода значениями, но относящимися к семантике эмоций. Интонация может содержать в себе некие эмотивные значения и даже некий смысл, но эти значения и смысл будут очень далеки от лексических. Легко видеть, что без языка (языковой системы), в отсутствие семифинитивов, речь обслуживалась бы только интервалами и ничем не отличалась бы от музыки.

Говоря же о знаке и значении в музыке, следует признать, что интервал проигрывает семифинитиву своей причастностью лишь классическому уровню; интервальный знак создается интонацией.

Семифинитивный знак, благодаря причастности семифинитива квантово-механическому уровню, создается лексическим значением.

Будучи лишенным лексической семантики, интервальный знак стремится встроиться в единственно возможную для него классическую систему, подчиниться схеме построения звукоряда, следовать тональным или модальным принципам. Семифинитивный знак, обладая лексической семантикой, априори встроен в квантово-механическую систему, и его встроенность в классическую систему хоть и имеет место в большинстве случаев, но не является жизненно необходимой. Впрочем, как мы говорили выше, принцип организации музыкального текста может оказаться сходным принципу организации языкового текста.

Музыка организована взаимоотношением мелодических и гармонических фигур, актуализируемых только интонацией; речь – взаимоотношением фигур морфологических – субстантивных и глагольных, которые актуализируются, в первую очередь, лексическим значением, и, во вторую – интонацией.

Возможно, жесткий интервальный строй музыки необходим потому, что в ней совершенно отсутствует семифинитивный строй. Интервальный строй речи, в которой обязательно присутствует семифинитивный строй, является, поэтому, довольно мягким. Можно даже предположить, что внедрение семифинитивного строя в музыку ослабляет ее интервальный строй и превращает ее в речь. Речь, разумеется, основана на языковой системе, равно как и музыка основана на системе музыкальной.

В этом и обнаруживаются, на наш взгляд, точки соприкосновения речи и музыки. Языковая система при помощи музыкальной системы рождает речь, а музыка рождается лишь музыкальной системой. Интервал роднит музыкальную систему с языком и музыку с речью. Семифинитив же старается это родство разрушить.

Источники:

1. Асафьев Б. А. Музыкальная форма как процесс. Книга вторая. Интонация // Избранные труды, т. 5. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1957. – С. 163–276

2. Просодический строй русской речи / Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф., Кодзасов С. В., Кузнецов В. Б., Щигель Е. В., Князев С. В., Заппок К.; отв. ред. Николаева Т. М. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1996.

3. Liberman M. Poem in the key of what [Электронный ресурс] / URL: http://itre.cis.upenn.edu/~myl/languagelog/archives/003651.html (дата обращения: 25.12.21)

4. Liberman M. More on pitch and time intervals in speech / URL: http://itre.cis.upenn.edu/~myl/languagelog/archives/003677.html (дата обращения: 25.12.21)

5. Steele J. Prosodia Rationalis or An Essay Towards Establishing the Melody and Measure of Speech, to be Expressed and Perpetuated by Peculiar Symbols. / URL: https://archive.org/details/prosodiarationa00steegoog/mode/2up (дата обращения: 25.12.21)

6. Schreuder M., van Eerten L., Dicky Gilbers Speaking in minor and major keys [Электронный ресурс] / URL: https://www.academia.edu/5221527/SPEAKING_IN_MINOR_AND_MAJOR_KEYS (дата обращения: 25.12.21)

7. Curtis M. E., Bharucha J. J. The Minor Third Communicates Sadness in Speech, Mirroring Its Use in Music. [Электронный ресурс]: Emotion – American Psychological Association. 2010. Том 10, № 3. С. 335–348. URL: http://ww.curtis-lab.info/uploads/3/4/1/2/34122340/curtis_bharucha2010emotion.pdf (дата обращения: 10.01.22)

8. Papst S., Neuhold M. Sadness and happiness in speech and music [Электронный ресурс] / URL: https://www.slideshare.net/mediconatural/neuhold-papst-sadness (дата обращения: 10.01.22)

9. Ross D., Choi J., and Purves D. Musical intervals in speech [Электронный ресурс]: Proceedings of the National Academy of Sciences of United States of America – PNAS. 2007. № 104(23). С. 9852-9857. URL: http://dericbownds.net/uploaded_images/Choi_purves.pdf (дата обращения: 10.01.22)

10. Han S., Sundararajan J., Bowling D. L., Lake J., Purves D. Co-Variation of Tonality in the Music and Speech of Different Cultures [Электронный ресурс] / URL: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0020160 (дата обращения: 11.01.22)

11. Степаненко И. С., Шумков А. А. К вопросу о физическом устройстве системы языка. // Наука и образование: технология успеха: сб. докл. Международной научной конференции. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2016. - С. 200–204.

12. Мазель Л. А. Строение музыкальных произведений. М.: Музыка, 1979.

A. A. Shumkov *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);*
G. K. Petrenko *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

MUSIC AND LANGUAGE SYSTEMS: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

The similarities and differences between the systems of music and language in terms of semantics are considered. When comparing musicological and linguistic concepts, it is established that in the musical system the basic unit is the interval, and in the language system – the semifinitive, verbal or substantive one. The semifinitive, unlike the interval, contains a lexical meaning. It is suggested that the driving force that turns the musical system into music and the language system into speech is intonation.

Language and speech, lexical semantics, semifinitive, intonation, musical interval

УДК 174.4

Е. В. Пирайнен (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: evpirainen@gmail.com)

ЦИФРОВАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Рассматривается специфика цифрового пространства для обеспечения эффективной деловой коммуникации. Как цифровая самопрезентация посредством культуры поведения делового общения в социальных сетях влияет на и цифровую репутацию и способствует росту социального капитала и снижению трансакционных издержек.

Цифровая самопрезентация, деловая коммуникация, социальный капитал, трансакционные издержки, социальные сети, цифровая репутация

Социальные сети являются неотъемлемой частью нашей жизни. Практически каждый, в том числе и компании имеют профиль в Инстаграм, ВК и т. п., который является визитной карточкой. Для того чтобы эта визитная карточка эффективно работала, важно уметь правильно пользоваться социальными сетями, потому что социальные сети, наряду с социальными нормами являются составной частью социального капитала. Они способствуют координации и кооперации усилий для получения взаимной выгоды. Благодаря социальному капиталу мобилизуются дополнительные ресурсы отношений на базе взаимного доверия между людьми [1, P. 629]. Основными характеристиками социального капитала является не столько наличие многочисленных связей, сколько качество этих связей, а именно уровень доверия между участниками взаимоотношений.

Пьер Бурдьё говорил о взаимозависимости объема социального капитала и процесса деловой коммуникации. Ученый отмечал, что чем больше социальный капитал, тем меньше формализация делового общения, за счет чего снижаются так называемые трансакционные издержки [2]. Понятие трансакционных издержек ввел Р. Коуз в работе «Природа фирмы». Так он назвал те дополнительные затраты, которые возникают в процессе деловых сделок (трансакция – сделка). К ним ученый относит, например, расходы на проведение переговоров, юридическое обеспечение сделок, затраты на сбор информации о конкурентах и предпочтениях потребителей и т. д. [3. С. 72].

В современном мире в развитии социального капитала немаловажную роль играет развитие социальных сетей. Социальные сети мультифункциональны: это и интеграция общих интересов, и организация совместной деятельности, и поиск информации, связанной с людьми и компаниями. В деловой коммуникации большое значение имеет информация о персональных

брендах сотрудников компании и ее топ-менеджеров, потому что сегодня бренд компании – это репутации и самой компании, и ее сотрудников, т. е. бренд компании теперь напрямую зависит от каждого отдельно взятого сотрудника и его деловой репутации [4, С. 150].

Бренд – это не продукт, не компания или организация, – это форма представлений полезности в восприятии мира. За брендом закрепляются не только дифференцирующая и нормативно-оценочная функции, но и аксиологическая функция, которая реализует себя как нематериальные активы компании. Самые успешные и известные бренды ассоциируются в общественном сознании с такими ценностями, как качество, исключительность, забота о людях, социальная ответственность, инновации. Бренд – это, прежде всего репутация, а значит – доверие, гарантия, надежность [5, С.127].

Персональный бренд – это набор личностных и деловых качеств, свидетельствующий о полезности и интересности человека, а также это сложившийся в сознании других людей образ, в котором выражаются их опыт и ожидаемые выгоды от взаимодействия с ним [6, С. 128]. Для эффективного продвижения личного бренда необходимо в том числе и активное ведение аккаунтов в социальных сетях - цифровая самопрезентация, которая сегодня стала настоящим инструментом самореализации и обеспечения конкурентоспособности в условиях современной цифровой экономики.

Самопрезентация является важнейшей составной частью социального взаимодействия, в значительной степени влияющей на успешность взаимодействия. Цифровая самопрезентация обладает всеми свойствами, характеризующими Интернет-коммуникацию в условиях нового Web 3.0 и, в частности – это функции самоконтроля и самоуправления, расширение транслирующей и интерактивной функций. Сегодня специалисты называют владение презентационным навыком – «ключевым навыком XXI века» [7].

Социальные сети самая удобная площадка для цифровой самопрезентации. Аккаунты в соцсетях могут стать мощнейшим инструментом при создании и поддержании личного бренда.

Возможности цифровой среды позволяют сконструировать такой пофиль в соцсетях, чтобы создать определенный имидж: фото, комментарии, посты и сторис, сообщества, подписки и даже список. Социальные сети дают пользователям возможность подчеркнуть одни особенности и скрыть другие. Многие люди пользуются этой возможностью и осуществляют избирательную позитивную самопрезентацию. Самопрезентация в социальных сетях связана с самооценкой: чем меньше уверенности в себе, тем чаще пользователи редактируют свой профиль для подтверждения позитивности и демонстрации своих достоинств. Позитивная самопрезентация не только позволяет человеку обрести уверенность в себе, но и оказывает влияние на оценку окружающих, потому что психологически хочется давать более высокую оценку пользователю, который размещает сообщения о своих успехах и описывает себя с помощью позитивных терминов.

В исследовании П. В. Смирновой и А. А. Цыплакова приведена классификация социальных сетей, среди которых авторы выделяют универсальные, деловые и профильные социальные сети. По мнению авторов, именно деловые социальные сети обладают важным свойством, отличающим их от общего числа социальных сетей: преобладающими в них связями, являются отношения, направленные на реализацию профессиональных компетенций (сотрудничество, профессиональные коммуникации и т. д.). Деловые социальные сети предназначены для поиска и установления деловых контактов [8. С. 3–4].

Сегодня много компаний стараются разработать для своих сотрудников стандарты поведения в цифровой среде. Как правило такие кодексы направлены на регуляцию как внутренней, так и внешней коммуникации. Корпоративные регламенты по деловой переписке, как правило, требуют: вести переписку с почтового ящика на корпоративном домене; не использовать корпоративную почту для личных переписок; оформлять автоматическую подпись к письму в корпоративном стиле; отвечать на письма оперативно и вежливо. Корпоративные правила поведения в социальных сетях направлены на сохранность конфиденциальной информации; а также рекомендации ничего не комментировать от имени организации, чтобы эти комментарии не воспринимались как официальная позиция компании.

Страницы в социальных сетях – часть деловой репутации. По данным кадрового агентства Superjob, треть работодателей проверяют страницы соискателей. Работодатели изучают профессиональный опыт и личные качества потенциальных кандидатов именно через их профили в социальных сетя: контингент общения, подписки, комментарии и т. д. Специалисты советуют, что для создания доверия к цифровой деловой репутации нужно избегать нарушения чужих цифровых границ: не навязывать дружбу в социальных сетях людям, с которыми вас связывают только деловые отношения, не добавлять коллег и партнёров в группы без их разрешения, не отмечать их на фотографиях, не публиковать посты на их стенах и т. п. Самопрезентация в соцсетях важная составляющая социального капитал, который сегодня выполняет две функции связующую и вспомогательную. Связующий социальный капитал показывает, насколько сильны доверительные связи внутри сообщества, что может помочь противостоять внешним угрозам. Вспомогательный социальный капитал характеризует взаимоотношения вовне, с другими группами. Высокий вспомогательный социальный капитал упрощает и ускоряет совместные проекты между разными группами, потому что там, где сформировано доверие, многие процессы становятся проще и быстрее.

Источники:

1. Paldam, Martin. Social Capital: One or Many? Definition and Measurement // Journal of Economic Surveys, 2000, Vol. 14, Issue 5, pp. 629–654

2. Bourdieu, P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kaputal, in: Kreckel, Reinhard (ed.) Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2).

Güttingen: Otto Schwartz & Co., 1983. P. 183–198. Richardson, John (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. –NY, Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258. Экономическая социология. Том 6. № 3. Май 2005. С. 60–74. Перевод: М. С. Добрякова. Научное редактирование: В. В. Радаев. // [Электронная публикация]: Центр гуманитарных технологий. 18.09.2009. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/2601

3. Манукян М. М., Борзых Л. В. Трансакционные издержки: сущность и динамика в российской экономике // Вестник СамГУ. 2014. № 8 (119) с.71-74

4. Линн Л., Ситкинс П. Личный бренд. Позаботьтесь о вашей репутации прежде, чем это сделают другие. – М.: Азбука Бизнес, Азбука Атикус, 2014. – 224 с.

5. Мамина Р. И., Пирайнен Е. В. Цифровые деловые коммуникации. СПб.: ИД «Петрополис», 2021. –254 с.

6. Данилова В. Г. Self-брендинг, или Маркетинг индивидуальности. – Ростов н/Д: Феникс, 2014.

7. Мамина Р. И. Искусство самопрезентаци в эпоху цифры. СПб.: ИД «Петрополис», 2020. –212 с.

8. Смирнова П. В., Цыплакова А. А. Самопрезентация в формировании социального капитала в деловых социальных сетях. // Интернет-журнал «Науковедение» Том 8, №6 (2016) [Электронный ресурс]: URL: http://naukovedenie.ru/PDF/66EVN616.pdf

E. V. Pirainen *(St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI")*

DIGITAL SELF-PRESENTATION AS A TOOL FOR FORMING SOCIAL CAPITAL

The specificity of the digital space is considered to ensure effective business communication. How digital self-presentation through the culture of business communication behavior in social networks affects digital reputation and contributes to the growth of social capital and lower transaction costs.

Digital self-presentation, business communication, social capital, transaction costs, social networks, authentic personal brand, digital reputation

УДК 1:316

Д. В. Прокофьева (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: Janis-maverick@yandex.ru)

ЧЕЛОВЕК В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются происходящие в обществе изменения, ставшие следствием внезапно охватившей мир пандемии, социально-политической напряжённости, и связанной с ними тревожностью, а также отражение этих изменений в экзистенциальном измерении жизни людей.

Отчуждение, экзистенциальное отчуждение, пандемия, изоляция, одиночество, вовлечение.

Реальность, в который мы сегодня живём, предстаёт перед нами как изменчивая и подчас мало предсказуемая. Это обусловлено внезапной пандемией, изменившей уклад жизни многих людей, социально-политической нестабильностью, кроме того постоянные информационные поводы для беспокойства добавляют средства массовой информации. Человек, оказавшийся в этом круговороте, может ощущать себя находящимся в состоянии турбулентности, то есть в нестабильном и периодически выбивающем почву из-под ног. Мы ставим перед собой цель найти в этом связь с проблемой отчуждения человека, над которой на протяжении столетий размышляют философы, и которая не теряет своей остроты.

Мы предлагаем обратить внимание на экзистенциальные моменты, проявляющиеся в этой нестабильности. В их основе лежит чувство тревоги, неуверенности в завтрашнем дне и, хотя, в понимании Ж.-П. Сартра [1, С. 331], оно является спутником человека в его повседневности, поскольку представляет собой обратную сторону свободы, но мы должны признать, что такая социальная турбулентность усиливает его. Это выливается в неспособность воспринимать жизнь как бытие «здесь и сейчас», в постоянное ожидание событий завтрашнего дня, а затем и в осознание несоответствия ожиданий и действительности, зачастую и в неспособность действовать в непредсказуемой, нестандартной ситуации. Вместе с тем, худшаются экономические условия жизни людей, и, как указывает в своей статье Гаранина О. Д., «причин тому много, в том числе – международная экономическая и, отчасти, политическая изоляция России, а также не всегда последовательная внутренняя политика государства, в том числе, регулярное повышение цен на услуги ЖКХ, увеличение пенсионного возраста и др.» [2, С. 29]. Это определённым образом влияет на самоопределение человека, вполне резонно здесь могут возникнуть вопросы о правильности сделанного выбора, например, в профессиональной

сфере, о верности выбранного пути в целом и дальнейших перспективах, возможно и чувство отчуждения от своей сущности, разлад с самим собой, потерянность, одиночество и даже ощущение отсутствия смысла.

Личность стремится сохранять свою уникальность, и при этом создавать и поддерживать социальные связи, которые во многом помогают ей осознавать себя в этом мире, что в ситуации нестабильности или даже кризиса становится проблематичным. Если обратиться к последствиям пандемии, то очевидно, что в период вынужденной изоляции обострилась проблема одиночества человека, ведь мы оказались ограничены в своих непосредственных социальных контактах вынужденной сферой общения. Согласно опросам и исследованиям, изоляционные меры спровоцировали рост числа людей, которые ощущали себя одинокими [3, С. 908]. По большому счёту, это помогает обратить внимание на два важных момента. Первый связан с виртуальностью и свидетельствует о том, что живое общение не может быть полноценно заменено виртуальными суррогатами. Индивид как существо биосоциальное нуждается в непосредственном человеческом общении, происходящем не через сеть интернет. Конечно, в постиндустриальном, информационном обществе, черты которого приобретает и современная Россия, многим людям стали доступны самые различные инструменты, с помощью которых осуществляется коммуникация: социальные сети, средства видеосвязи, электронная почта, многочисленные сервисы передачи сообщений, виртуальные дневники и многое другое. Однако попытка подмены реального общения виртуальным оказывается неполноценной, ведь иначе не возникало бы это острое чувство одиночества, нехватки живой непосредственной коммуникации.

Второй момент заключается в том, что общество имеет уникальную возможность пережить опыт людей, постоянно (или практически постоянно) находящихся в некоторой вынужденной изоляции – инвалидов, многих возрастных, особенно одиноких, пенсионеров, и других социально уязвимых категорий граждан. Конечно, технологический прогресс в определённом смысле сделал общение людей проще и доступнее, теперь совершенно необязательно видеться с человеком или даже звонить ему для того, чтобы узнать, как у него дела. В целом, можно не вступать даже в письменную коммуникацию, достаточно просто следить за обновлениями в социальных сетях, каким-то образом реагируя на них, что, впрочем, тоже не является обязательным. Те же новости распространяются по сети Интернет мгновенно по всему миру, и теперь не обязательно ждать срочного выпуска теленовостей. В Интернете можно найти ответ практически на любой интересующий вопрос на различные заданные темы, а полученную информацию возможно обсудить с помощью мессенджеров, в социальных сетях, в блоге и так далее. В свою очередь пандемия продвинула всевозможные сервисы доставки, возможности удалённой работы и обучения. Следующим шагом будет более активное включение в использование этих возможностей указанных выше социальных слоёв, в том числе и в

экономическом и технологическом планах и, возможно, вынужденные изоляция и отчуждение людей послужат стимулом к осознанию этого явления как социальной проблемы, пусть и не столь заметной и широко обсуждаемой. Таким образом, этот опыт может стать возможностью для преодоления определённого вида отчуждения, заключающего в себе одновременно и экзистенциальные и социальные аспекты, то есть для вовлечения определённых групп людей.

Ещё одним ярким феноменом стала стигматизация людей, ставших жертвами коронавируса и их родных [4], а также врачей и медицинского персонала. Это нашло своё выражение в отторжении заболевших или даже переболевших, в агрессивном к ним отношении, критических замечаниях и тому подобных негативных выплесках. Здесь мы наблюдаем взаимную зависимость стигматизации и уже отмеченных выше изоляции и чувств одиночества и беспомощности. Люди могут становиться жертвами агрессии как при непосредственном или опосредованном контакте (к примеру, подброшенные под дверь записки резко негативного содержания), так и в интернете, множество примеров которых приводят исследователи этого феномена [4, С. 17–18]. Страх, паника и предубеждения, низкий уровень информированности о заболевании, его быстрое распространение и выявление всё новых штаммов, рост числа заболевших и летальных случаев, недоказанная эффективность и принудительность вакцинации приводят именно к такого рода последствиям, разобщают общество, в каком-то роде заставляя людей остро и эмоционально реагировать на новости и происходящие события. Мы рассматриваем такого рода конфликтные моменты именно как экзистенциальный феномен, поскольку отчуждение человека от других (вынужденное, как это случается с жертвами стигматизации, или добровольное, как это происходит с их обвинителями) усиливает разобщённость и одиночество, превращая людей в своего рода изолированно существующие социальные атомы.

В такого рода острых ситуациях человек, осознавая это или нет, делает выбор, занимая определённую позицию по отношению и к самой ситуации и к другим членам общества. Любопытно следующее наблюдение: «Среди людей также выделились две основные группы: одни остались и стали бороться, организовывая волонтеров и помогая нуждающимся, другие, например, москвичи, имеющие возможность выехать из города, сразу уехали на дачи» [5, С. 35]. Противоположные принципиальные позиции людей по вопросам вируса, вакцинации и прочим связанным с ними темам, нежелание слышать собеседника, зачастую резкость высказываний ещё больше усугубляют это разделение в обществе.

Неуверенность и страх проявляются там, где человек сталкивается с неизвестностью и непредсказуемостью или с тем, что не удаётся контролировать, а в случае с пандемии COVID-19, равно как и в ситуациях социально-политической неопределённости или нестабильности, мы имеем и то и другое.

Новости о волнениях в Европе или соседней Республике Казахстан подпитывают эти чувства неуверенности и различного рода опасения людей. В результате, защитными реакциями становятся агрессия и изоляция (равно как и самоизоляция) как попытки обезопасить себя от враждебного внешнего мира. Но вместе с этим человек теряет и возможность качественной межличностной коммуникации, которая составляет важную часть не только социализации личности, но и просто гармоничного существования. Конечно, попытки преодоления такого вида отчуждения должны выражаться в системном подходе, который будет охватывать если не все, то основные сферы жизни – нравственную, экономическую, политическую. Это и нацеленность правительства на проведение грамотной информационной политики, социальная поддержка населения и повышение уровня грамотности. Но попытки снять напряжение должны предприниматься и самими гражданами, и цель их – не разъединение, а на сплочение, желание уважать и поддержать другого, и таким образом диалектично преодолевать не только нарастающее отчуждение в обществе, но и своё собственное.

Источники:

1. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ.ред. А. А. Яковлева: Перевод. – М.: Политиздат, 1990. – 398 с.

2. Гаранина О. Д. Российские реалии в контексте пандемии. – “CHRONOS” ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ, Том 6 №1 (21), 2021. – С. 28–31.

3. Иоселиани А. Д., Анисимов Е. С. Одиночество в пандемии COVID-19 // Манускрипт. 2021. Том 14. Выпуск 5. – С. 908–911.

4. Туркулец С. Е., Туркулец А. В., Листопадова Е. В., Сокольская М. В. – Социальная стигматизация в период пандемии // Социодинамика. 2020. – № 5. Режим доступа: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32945 (дата обращения: 20.01.2022)

5. Цветкова Г. А. Изменилось ли поведение россиян в условиях пандемии? // Интерактивная наука. 1(56), 2021. – С. 34–36.

D. V. Prokofyeva *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

PERSON IN THE PERIOD OF SOCIAL TURBULENCE: EXISTENTIAL ASPECTS

In the article, the author examines the changes that have arisen in society as a result of the sudden covid-19 pandemic and the general socio-political tension, and as a result, the anxiety associated with them. It is important to reflect these changes in the existential dimension of people's lives.

Alienation, estrangement, existential alienation, pandemic, isolation, loneliness, engagement.

УДК 811.111-26

О. В. Рамантова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: ms.ramantova@mail.ru)

ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАКОНТЕНТЕ

В статье рассматривается актуальная проблема распространения научного знания в англоязычном медиапространстве. В связи с этим исследуются языковые особенности наиболее популярных интернет-источников, выявляются тенденции в модификации формата репрезентации академической мысли, анализируются факторы многообразия медиаконтента. Делается вывод о неоднозначном языковом характере научно-популярных интернет-ресурсов и особой роли языковой картины мира, присущей каждому отдельному источнику.

Аналоги Ted talks, научный текст, научный стиль, научно-популярный медиа контент, популяризация науки, просветительские медиа, языковая картина мира

Современная ситуация в англоязычном (и не только) интернет-пространстве такова, что интернет-ресурсы давно стали основным источником информации, в том числе и в узкоспециальных областях знания. Распространение знаний из области науки, техники, естественных наук, искусства, естественных наук происходит во многом благодаря онлайн-пространству. Таким образом, СМИ играют важнейшую роль в формировании современной научной картины мира.

Разнообразие научно-популярного контента быстро приобретает внушительные информационные масштабы, что, безусловно, не может не влиять на развитие и эффективность просветительской функции этого сегмента научно-популярных продуктов, которая актуализируется в том числе через разнообразие медиа форматов. Среди наиболее распространенных инструментов популяризации науки стоит отметить сайты, youtube-каналы и интернет-сообщества. Говоря о национальных научно-популярных медийных ресурсах, важно отметить и особую роль таких инструментов в становлении национального самосознания и понимания значимости национальной науки. Что касается медийного контента на английском языке, он открывает многонациональной аудитории еще больший доступ к тем научным событиям, которые не всегда освещаются в национальной прессе.

Наиболее авторитетным медиа контентом англоязычного интернет-пространства является, как известно, платформа Ted talks (www.tedtalks.com), содержание которой постоянно пополняется весьма увлекательными и информативными выступлениями, в первую очередь, деятелей науки. Особую популярность данная платформа получила в связи с образовательным потенциалом контента, всевозможными способами используемым на занятиях по иностранному языку [1; 2]. Однако, внимания заслуживают и другие гиганты научно-популярного знания, составляющие достойную конкуренцию американской платформе. Речь идет о следующих платформах научно-технического профиля: IdeaCity (www.ideacity.ca), PopTech (www.poptech.org), Talks at Google (talksat.withgoogle.com), Big Think (bigthink.com).

Исследования специфики научно-популярных интернет-ресурсов показало, что в целях реализации функционально-целевого назначения просветительские медиа используют “комбинированные формы, позволяющие решать просветительские и рекреационные задачи” [3]. В общем говоря, данное утверждение можно отнести для всех современных ресурсов, популяризирующих достижения человечества.

Назначение просвящающих интернет-ресурсов, к которым относятся вышеупомянутые источники, целесообразно сформулировать как следующие общие для всех установки:

– распространение научных идей
– обмен научным опытом
– информирование о текущей ситуации в научном мире
– обсуждение актуальных проблем в науке
– распространение и разделение с аудиторией нравственных ценностей
– вклад во всестороннее развитие мировой общественности
– вклад в формирование индивидуального мнения

Вышеупомянутые платформы транслируют знания с помощью текстового формата и видеоматериалов. Интересно отметить, что все ресурсы предоставляют пользователям аудиоматериалы, но текстовые и видеоформаты, безусловно, имеют наибольшую методологическую ценность с точки зрения применимости в обучении иностранному языку и формированию навыков профессиональной коммуникации.

Время появления видеоформата IdeaCity, PopTech, Talks at Google и Big Think в основном совпадают (2006–2007 гг.). На этот период, как очевидно, пришелся всплеск появления медийных ресурсов, по своему наполнению, и по задачам достаточно неоднородных, несмотря на то что все они в равной степени позиционируют себя как мотивирующий научно-популярный медиаконтент. Основным фактором, вероятно, стала конкуренция и очевидный успех подобного медиа контента. Тем не менее, данные ресурсы все же различаются.

В данном докладе представляется важным проанализировать некоторые аспекты оформления научной новости на авторитетных медиа платформах. Вполне очевидно, что языковая репрезентация научно-популярного контента

подразумевает не только адаптацию научного знания для широкой аудитории, но и инкорпорирование последнего в индивидуальную картину мира, и зависит такая адаптация сегодня прежде всего от интернет-ресурсов, направленность каждого при этом отличается от направленности и задач других.

Во-первых, вышеупомянутые платформы позиционируют свой потенциал по-разному, что отчетливо прослеживается в их девизах:

1) IdeaCity: a world of possibilities await [4]

2) PopTech: a world-class imaginarium; a curator of what's next; a cynicism evaporator; the starting point of all achievement is desire – examine, challenge and inspire [5]

3) Talks at Google: where great minds meet [6]

4) Big Think: Get smarter, faster with the world's greatest minds [7].

Таким образом, медиа контент IdeaCity постулирует для аудитории множество возможностей; ресурс PopTech называет главной движущей силой 2022 года стремление и желание осваивать новые горизонты; лекции Google сейчас, как и прежде, определяют место встречи настоящих интеллектуалов и больших умов; что касается Big Think, данный ресурс заявляет в некотором роде наставническую миссию. Сообразно этим девизам ресурсы

Отдельное внимание заслуживает языковое оформление тематических указателей сайтов:

Big Think Sections: Neuropsych, Thinking, Leadership, Smart Skills, High Culture, The Past, The Present, The Future, Life, Health, Hard Science [7].

Talks at Google Sections: Art & Culture, Authors, Business & Entrepreneurs, Chefs and Food, Economics, Entertainment, Environment, Fitness & Sports, Health & Wellbeing, History, Leaders, Politics, Science, Technology [6].

IdeaCity: Animals, Art & Design, Business & Entrepreneurship, Cultural Studies, Entertainment, Environment, Finance, Food & Nutrition, Foreign Affairs, Health & Longevity, Politics & Activism, Quirks & Rarities, Religion & Spirituality, Science & Technology, Sex & Gender, Space, Sports & Adventure [4].

PopTech (youtube-канал): Ritual, Tradition & Science, PopTech Social Innovation, PopTech Nuclear Threats Innovation, Future of Food, Ecomaterials, PopTech Art, PopTech Music, Gender & Climate, The Changing World of Work, etc. [5].

Как следует из перечисленного, англоязычные научно-популярные медиа ресурсы не только стараются креативно, а отчасти и вынужденно смешать сферы интересов аудитории и таким образом обозначить открытые к обсуждению наиболее актуальные проблемы, но и задают новые тренды в знании о мире, одновременно с этим отвечая и на социальный запрос общества. На это указывают, например, номинация Ritual, Tradition & Science. Гендерный фактор задействован разными контентами в двух тематических блоках – Sex & Gender и Gender & Climate – так интернет-источники вновь обозначают наиболее важные в их понимании пересечения проблем - именно их пересечения, а не их разделение. Наука и технологии не всегда идут одним блоком, что также отражено

в языке сайтов и в какой-то степени как будто детализирует научную картину мира в глазах широкой и не только аудитории. Контент Bit Think нестандартно номинирует “научный блок” как Hard Science, хотя сообщает не только новости из мира фундаментальных научных исследований, но и предлагает решения достаточно злободневных земных проблем. Интересно отметить, что ни в одном из обсуждаемых ресурсов нет отдельной рубрики Medicine возможно в силу того, что научно-популярные контенты, хотя и сообщая новости научного мира, сегодня не столько адаптируют интерпретацию события, сколько фокусируют внимание именно на определенной стороне, аспекте жизни (в случае с номинацией Health), а не на разделе научного знания, что также влияет на восприятие специальной информации. Обзор контента ютюб-канала PopTech показал избирательность редактора канала в выборе из множества заслуживающих внимания вопросов в качестве ключевой темы обсуждение спорных последствий развития и применения ядерных технологий. Очевидно, что данная рубрика будет регулярно пополняться актуальными видео.

Другими словами, выбор способа номинации рубрикатора научно-популярных материалов в определенном смысле уже на начальном этапе формирует языковую картину мира и, как следствие, определяет внедрение порой сугубо научных вещей в повседневное представление и знание о жизни. Иначе говоря, научное в каком-то смысле перестает быть научным. Из вышесказанного следует, что в настоящий период времени применительно к универсальным медийным научно-популярным платформам можно говорить о миксе научного и околонаучного знания.

Настоящей мировой сенсацией стала новость 2022 года о пересадке сердца свиньи человеку, однако далеко не все медийные ресурсы поторопились заявить о своем видении этого громкого события. Так, например, источник Big Think опубликовал доклад в аудиоверсии “The journey to a pig-heart transplant began over half a century ago” [7], в котором рассказывает не о деталях операции и медицинской технологии, а о предыстории столь значимого события для людей, обреченных на строгое лечение и множественные осложнения после хирургических вмешательств. Таким образом, данный медийный контент дает аудитории пищу для размышления и осмысления тех факторов, которые необходимы для правильной интерпретации события. Вместе с тем, рядом с подобными материалами ресурс размещает и более подробные в техническом описании доклады, хотя и номинируемые в более доступной форме, как например в случае с материалом об инновационной технологии своевременного обнаружения кариеса “Tooth decay: Mouthwash turns your teeth blue when it’s time to go to the dentist” [7], сопровождаемым ссылкой на оригинальную статью и содержащим оригинальные фотоматериалы, что, в свою очередь, не может не повышать научность публикации.

Материалы из рубрики Space лекций Google включают в себя 30 лекций, в названии которых преобладают значения Mars, Martian, expedition, а спикеры делятся реальным опытом космических экспедиций, тогда как контент Big

Think тоже дает доступ к видео лекциям по теме Space, но они относятся к самым разным рубрикам – Hard Science, The Future, The Present, Starts with a Bang – количество которых еще внушительнее на youtube-канале. В этом смысле картина мира одного ресурса в большей степени многопланова по сравнению с картиной знания в другом контенте, и языковые средства направляют аудиторию, иначе говоря, категоризуют научную информацию и таким способом тоже.

Каким образом одно и тоже событие освещается научно-популярными СМИ в англоязычном интернет-пространстве? Очень неоднозначно. При сравнении языкового стиля популярных видеолекций о получении первого в мире изображения черной дыры в интерпретации известного астрофизика и признанного во всем мире астронома Мишель Таллер на платформе Big Think [7] и инженера Кэтрин Бауман на платформе TED talks [8] следует отметить максимально простой синтаксис речи Мишель Таллер, тогда как в репликах Кэти Бауман много герундиальных и причастных оборотов, несколько отягощающих восприятие информации, но влияющих на полноту передачи фактов. Определенным барометром качества лекций являются и комментарии активных пользователей сайтов.

Обобщая проведенный небольшой и весьма субъективный обзор важно выделить в транслировании научной новости особую роль именно языковых факторов, которые определяют категоризацию научной информации, полноту ее изложения и степень важности для аудитории.

Источники:

1. Harkova E., Bashkirova K. Speech skills formation using the TED platform at the advance stage of training // ICERI2021 Proceedings, pp. 1890–1896, 2021.

2. Khanbalaeva S., Antonova E. Using TED talks in teaching English at university level // INTED2021 Proceedings, pp. 9031-9036, 2021.

3. Чередниченко Л. В., Лапко А. В. Формы представления контента в просветительских медиа (на примере просветительского медиапроекта arzamas) Retrieved from URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formy-predstavleniya-kontenta-v-prosvetitelskih-media-na-primere-prosvetitelskogo-mediaproekta-arzamas (дата обращения 08.01.21)

4. IdeaCity Retrieved from URL: http//: ideacity.ca (дата обращения 10.01.21)

5. PopTech Retrieved from URL: http//: poptech.org (дата обращения 10.01.21)

6.Talks at Google Retrieved from URL: http//: talksat.withgoogle.com (дата обращения 07.01.2021)

7. Big Think retrieved from URL: http//: bigthink.com (дата обращения 12.01.21)

8. TED retrieved from URL: http//: tedtalks.com (дата обращения 15.01.21)

O. V. Ramantova *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

VARIABILITY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE EXPRESSION IN SCIENCE-POPULAR ENGLISH LANGUAGE MEDIA CONTENT

The paper describes the present situation of scientific knowledge representation in the English-language media space. In this respect the author investigates the linguistic features of the popular internet resources, reveal the tendencies of modification of academic ideas expression format, analyze the factors defining the diversity of science-popular media content. It is concluded that every single science-popular media resource has its own mixed language style which creates a specific linguistic view of the world.

Linguistic view of the world, popularizing media, science-popular media content, scientific style, scientific text, science popularization, Ted talks analogues

УДК 37:004

G. Rozhkov (*Science & Education Center of Foreign Languages & Cross Cultural Communication, St Petersburg State Chemical-Pharmaceutical University*, e-mail: grigory.rozhkov@pharminnotech.com)

APPLICATION OF "INTERATIONALIZATION AT HOME" CONCEPT WITHIN VUCA PRIME MODEL AS A WAY TO ADRESS MULTICULTURAL ONLINE WORLD CHALLENGES

The author is focused on how "Internationalization at Home" concept can be applied to facilitate Higher Education Internationalization in the modern pandemic world, when closed country borders and limited students'/professors' mobility hinder cross-cultural understanding. The recent trends and development prospects in education at the time of society digital transformation, discussed at the International Scientific Conference that took place Russia in December 2021, have been analyzed in the current paper. The author shares his expertise on developing major intercultural communication skills with pharmaceutical students in the course of extra curriculum activities to meet challenges of digital education.

VUCA, VUCA PRIME concept, Internationalization of Education, Internationalization at Home, extra curriculum activities

We begin with some key definitions. Traditional acronym for VUCA is Volatility – Uncertainty- Complexity – Ambiguity. It describes modern world's main features in four words. The VUCA concept has appeared in 1990 with American military to characterize military activities in various changing, unstable and unpredictable satiations. Later, after 2009 global economic crises the term VUCA began to be used to describe the unstable back then business environment.

Sadly, in our pandemic times of closed borders, vaccines wars, ethnic conflict and geopolitical tension the original VUCA concept is still true to life.

Today we all have to unite efforts to survive and solve many urgent issues and most of them are indeed international, matter to all countries.

We need to find some positive features and approaches to describe modern world to help each other see the "light at the end of the tunnel".

A very optimistic way to describe modern life suggested by R. Jahansen in 2007 is one of such approaches, and it is worth to be considered. In his book R. Jahansen has developed four elements framework called VUCA PRIME model to combat original VUCA concept risks and threats.

According to R. Jahanse's VUCA PRIME Model acronym VUCA means:

V-VISION (Paint together a picture of the future you want)

U-UNDERSTANDING (Understand interconnections; Embrace and exploit behaviors and reactions, make them transparent).

C-CLARITY (Simplicity. Focus on what counts and what it's really about).

A-AGILITY (Flexibility. Promote a consistent culture for making decisions and accountability for mistakes) [1]

In other words to compare VUCA and VUCA PRIME models one can see:

– Vision vs volatility

– Understanding vs uncertainty

– Clarity vs complexity

– Agility vs Ambiguity

It should be mentioned that VUCA PRIME model was originally created and used by B. Johansen for successful business management. We do agree that VUCA PRIME is one of many possible approaches, but being highly positive this model could be used as a guideline to move forward, jointly address different issues, change and improve situation in different sectors of economy, including education systems, for better.

VUCA PRIME concept and Education system. Many researchers have agreed that new theoretical and practical approaches to digital education need to be developed; trends and development prospects of modern education in multicultural world are to be defined [3, 5].

These are precisely the problems VUCA Prime model helps to solve by shifting the focus from the search of universal solutions to freeing up space for a new vision and adopting new strategies. The idea is that for each VUCA element there is a corresponding VUCA PRIME stabilizing force, which allows it to resist turbulence. In other words we could say that the forces of VUCA and VUCA PRIME are in dynamic balance, and the challenges for leaders and education systems managers are to balance theses energies and determine how they complement each other.

We sure had to agree that modern scientific researchers in education sectors in many ways have to follow the work of practical educators in different countries. To use all the advantages of online learning, educators are to concentrate efforts to create a new structure, replacing in-class/lecture by video capabilities and use a whole range of collaboration tools and engagement methods to promote inclusion, personalization and intelligence. All four elements of the VUCA PRIME model such as Vision, Understanding, Clarity and Agility can be successfully applied to modern education systems to improve various aspects of education system.

“Internationalization of Education” and “Internationalization at Home” concept today. Clearly, “Internationalization of Education” approach is essential today more than ever before to help people in different countries unite their efforts to overcome pandemic disaster. Using “Internationalization at Home” concept, one of the aspects of “Internationalization of Education”, will allow educators to apply all four elements of VUCA PRIME model: vision, understanding, clarity and agility into the good teaching practice.

The term “Internationalization at Home” was first introduced in 2001 and has been defined as “…the purposeful integration of international and intercultural dimensions into the formal and informal curriculum for all students within domestic learning environments” [2].

E.Jones and T. Reiffernrath underline that the “Internationalization at Home” approach offers students global perspectives within their program of study, involves developing of international and intercultural perspectives, is supported by informal extra curriculum activities, and can include virtual mobility via online working with partner universities [3].

Among various approaches and tools applied to foster competences the High Education Institution’s arrangements such as curricular activities, extra curricular activities, in-class physical-presence tools/practices and virtual/online classroom tools/practices are worth to be mentioned here [4].

At the recent International Scientific Conference “Contemporary issues regarding the Digital Transformation of the Economy, Education and Governance”, arranged under the auspices of SIETAR RUSSIA at Dagestan State University, participants from the Russian Academy of Sciences, Russian, Finnish, Bulgarian and Austrian Universities have discussed the results of the researches, aimed to solve relevant problems of the digital shift of modern society. The Conference speakers have presented reports on how different elements of the VUCA PRIME model could be used in practical implementation of the “Internationalization at Home” concept in education process.

Conference participants were very much interested to learn of the Global Case Study Challenge (GCSC) Project presented by Austrian University. This Collaborative Online International Learning (COIL) Project has clearly demonstrated how “Internationalization at Home” approach could be used to arrange virtual student mobility via online working with partner universities [5].

GCSC Project is a real intercultural and virtual experience, which provides the participants with invaluable experience. Professors and lecturers from 22 universities across the globe with more than 400 students took part in this Project in 2021. Students were gathered in global virtual teams, where each team was assigned to work on case studies and different tasks during a period of 8 weeks. While being part of international business teams, students gained knowledge in various practical cases and experienced working online with people from different cultures.

Yet, another interesting online approach was presented at the Conference by S. Crawford from JAMK University, Finland [6]. In his report "Student Teams Working in Pandemic Conditions” prof. S.Crawford has indicated that due to Covid-19 situation in Finland, students, both domestic and international, made a rather easy transition moving from in-class to online teaching and learning. As it was stated in the report, JAMK University was able to organize effective Cross-Cultural Management (CCM) courses in spring and autumn 2020, when lessons were launched in the classroom and then transferred to online format due to COVID-19 pandemic lock-

downs. Said S.Crawford:- “Finally, teachers providing students with options regarding their course work and other adjustments can help alleviate students’ feelings of loss of control (particularly prevalent during COVID lockdowns), and improve motivation and decision-making processes”.

Speaking at the Conference we presented various forms of extra curriculum activities arranged by SPCPU Linguistic & Cross Cultural Center at the pandemic period. From the very beginning of the pandemic, students have become more actively involved in various international competitions, held online or in the mixed format. Examples include the “ENGLISH SPEACKING UNION Speech Competition”, “International Mother Language Day” Creative Competition, “Parliamentary Diplomacy: Recognized Traditions and Modern Models” Essay Competition, International Foreign Language Olympiads, the annual Conference “Leaders of a New World: the Skills, Vision and Mindset of Change", etc.

The interest in participating in international educational projects expressed by the students pushed the SPCPU L&CC Center to create additional online educational programs in foreign languages [7, P. 54].

Conclusion. The education reality and practice during the last two pandemic years have proved that all four elements of VUCA PRIME models: Vision, Understanding, Clarity, Agility have demonstrated a very positive approach, and VUCA PRIME model could be used to address many issues the education systems in all countries are facing today.

As it turned out, the pandemic conditions “forced” people from different countries to quickly share positive experiences in order to successfully interact and help each other. There have been global changes in the structure of intercultural interaction, which has accelerated the process of internationalization of education and brought education systems in different countries to a new level.

Источники:

1. Bob Johansen, VUCA Positive Prime [Электронный ресурс]: международный проект. URL: https://www.vuca-world.org/

2. Jos Beelen, Redefining Internationalization at Home / Jos Beelen, Elspeth Jones // The European Higher Education Area. Springer – 2015. – C.59–72

3. Elspeth Jones, Internationalization at home in practice / Elspeth Jones, Tanja Reiffenrath [Электронный ресурс] // European Association for International Education (EAIE) URL: https://www.eaie.org/blog/internationalisation-home-past-present-future.html (дата обращения 03.01.2022)

4. Maura Di Mauro and Daniela Bolzani, “Neighbourness” competences: A literature Review // WeLearn Incultural Output 1 – April, 2020

5. Dr. Barbara Covarrubias, FH-Prof. Dr. Eithne Knappitsch, Dr. Anna Zinenko, Dr. Svetlana Buko, Проект Global Case Study Challenge [Электронный ресурс]: международный проект. URL: https://www.globalcasestudychallenge.com (дата обращения: 10.01.2022)

6. S. Crawford, Student Teams Working in Pandemic Conditions / S. Crawford // Современные проблемы цифровой трансформации экономики, образования и государственного управления. Коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции. – Махачкала: АЛЕФ, 2022. – 312 с.

7. Рожков Г. А., Опыт формирования межкультурных компетенций у студентов фармацевтического вуза в условиях цифровой трансформации образования / Рожков Г. А., Туманова А. П. // Современные проблемы цифровой трансформации экономики, образования и государственного управления. Коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции. – Махачкала: АЛЕФ, 2022. – 312 с.

Г. А. Рожков *(Научно-образовательный центр иностранных языков и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет)*

ПРИМЕНЕНИЕ ПОДХОДА «ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДОМА» В РАМКАХ МОДЕЛИ VUCA PRIME КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОНЛАЙН МИРА

В статье анализируется возможность использования основных положений концепции «Интернационализация дома» ("Internationalization at Home") для содействия процессу интернационализации высшего образования в современном пандемическом мире, когда закрытые границы стран и ограниченная мобильность студентов/преподавателей препятствуют межкультурному взаимопониманию. В статье проанализированы современные тенденции и перспективы развития образования в период цифровой трансформации общества, обсуждавшиеся на Международной научно-практической конференции, прошедшей под эгидой SIETAR RUSSIA, в России в декабре 2021 года. Представлен опыт формирования основных компетенций межкультурного общения у студентов-фармацевтов в ходе внеаудиторной деятельности в условиях цифровизации образования.

Концепции VUCA и VUCA PRIME, Интернационализация образования, Интернационализация дома, внеаудиторная работа

УДК 94(47).081+323.1

А. А. Рубцов (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: rubtsov334@gmail.com)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК, НИГИЛИСТЫ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1860-Х ГОДОВ

В статье рассматривается реакция российского общества на покушение на императора Александра II, произошедшее 4 апреля 1866 года. В течение 10 дней следствие не раскрывало подробностей. Молчание официальных властей привело к росту слухов и домыслов, относительно обстоятельств свершившегося преступного деяние. На протяжении 10 дней общество посредством стихийных выступлений, телеграмм императору и заявлений в газетах выражало не только верноподданнические чувства, но и старалось самостоятельно воспроизвести приемлемые интерпретации этого события. В итоге в стихийном патриотическом порыве проявились представления общества о политическом порядке и возможные угрозах.

Российская империя, Александр II, покушение Каракозова, нигилисты, террористы, национализм

Во вторник 5 апреля 1866 года практически во всех вышедших в этот день газетах Российской империи было помещено сообщение, аналогичное тому, которое находилось на первой странице официальной газеты министерства внутренних дел: «Санкт-Петербург. 4 апреля. Сегодня, в четвертом часу по полудни, в то время, когда Государь император, кончив свою прогулку в Летнем саду, изволил садиться в коляску, неизвестный выстрелил в Его Величество из пистолета. Божие Провидение предохранило драгоценные дни Августейшего нашего Государя. Преступник задержан. Расследование производиться» [1, С. 1].

Событие для Российской империи абсолютно резонансное. Никогда прежде публично на государя не совершалось покушений при большом стечении народа. Как отмечают в одной из вступительных статей редакторы журнала Ab Imperio, специфика империй «становилась чрезвычайно заметной в моменты кризиса, особенно на фоне роста массовой политики в XIX веке» [2, С. 18]. Именно таким кризисным моментом стало случившееся 4 апреля 1866 года покушение. Выстрел в императора моментально поставил под вопрос весь господствующий политический порядок, который, казалось, мог мгновенно рухнуть, если бы пуля попала в цель. Подданным империи нужно было восстановить порядок, но не физический, который контролировался гос-

ударством, а дискурсивный. В связи с этим разные общественные группы стремительно занялись производством смыслов, которые должны были описать произошедшее и вернуть мир в устойчивые формы общественного знания.

В первые 10 дней после выстрела пока официальное следствие выясняло личность преступника, общественное мнение, в условиях отсутствия официальной информации, производило различные слухи и домыслы относительно того, кто мог совершить покушения на государя.

Судя по верноподданническим адресах и телеграммам [3], поступавшим из провинции, провинциальное общество не стремилось политизировать свое мнение о преступнике, до того момента пока не появились официальные трактовки произошедшего события. В телеграммах из провинции наиболее распространенной формой описания преступника и преступления были выражения «злодей» и «злодейское покушение». Достаточно категоричные по своей моральной окраске, эти выражения выглядели нейтрально в плане осмысления политического значения свершившегося покушения.

Впрочем, если обратиться к словарю В. И. Даля, то можно расширить вроде бы нейтральный смысл этих понятий. Согласно статье из словаря «злодей» это тот, «кто делает, творит зло; […] недруг, предавшийся злу, ожесточенный преступник, закоснелый противник божеских и людских законов» [4, С.707]. «Противниками божеских и людских порядков» в представлении российского общества 1860-х годов были и «революционеры», что уже создает некоторое смысловое сходство между словами «злодей», «нигилист», «революционер», поэтому использование слова «злодей» могло быть высказыванием определенного отношения к случившемуся. Тем не менее, оно выглядело на фоне других возможных определений достаточно расплывчатым, поэтому эти понятия наиболее распространены в адресах и телеграммах, отправленных в столицу от различных провинциальных обществ. В 426 просмотренных адресах из «Полного сборника известий, адресов, телеграмм…» слово «злодей» встретилось 55 раз, а выражение «злодейское покушение» 50 раз, в то время как более четкие политические характеристики встречаются гораздо реже. Понятие «враг» или «враги России» было использовано 9 раз, а слово «заговорщики» лишь однажды. Частота употребления более нейтральных в политическом смысле слов свидетельствует о том, что в первые дни после покушения провинциальное общество, ожидая официальной трактовки событий, в публичном поле не стремились придать событию какой-то определенный политический смысл.

При этом общества Санкт-Петербурга и Москвы были более активны в выражении своего мнения и производили политические трактовки произошедшего покушения. Конечно, в условиях автократического режима и цензурных правил общество не могло выражать открыто свое мнение, поэтому часто оно проявлялось в завуалированной форме.

Одной из центральных проблем в осмыслении образа преступника стала его национальность. В печати и в телеграммах подданных напрямую практически не говорилось, кого в обществе подозревают в подготовке покушения, но при этом в прессе появлялось большое количество намеков. Прежде всего в прессе, независимо от политической ориентации редакторов, приводились сомнения общества относительно того, что преступник может быть русский. В ряде газет было перепечатано известие, первоначально появившееся в «Московских Ведомостях», в котором сообщалось, «что во время молебствия, бывшего в Москве, по случаю избавления жизни Государя от опасности, громче и чаще всего слышалось в народе восклицание: “Он не русский, он не может быть русский”» [5, С. 2]. В «Русских ведомостях» отмечали, что 5 апреля собравшаяся на молебен в Москве у Чудова монастыря большая толпа хотела «узнать подробности этого покушения, и никто не хотел верить, чтобы на такое бесчестное дело покусился русский» [6, С. 3].

После покушения стало распространяться сообщение, что преступник дал показание, и «что он сын крестьянина одной из южных губерний, 24х лет от роду и православного исповедания, зовут его Алексеем Петровым» [7, С. 2]. Это известие встретило публичное негодование, появившееся на страницах ряда изданий. «Грустно нам будет, если он окажется действительно русским человеком; только враги русского народа могут желать, чтобы преступник оказался русским!» - писали в передовице «Русского инвалида» [8, С. 1].

Не только в печати обсуждалась национальная принадлежность «злодея». Кого общественное мнение считает виновным в покушении на государя выразила театральная публика в первые дни после покушения. В эти несколько дней наиболее популярной стала опера «Жизнь за Царя» М. И. Глинки, где рассказывалось о подвиге костромского крестьянина Ивана Сусанина. Сюжет оперы очень хорошо вписывался в систему представлений общества о сути свершившегося покушения. Газеты пестрили следующими описаниями происшествий, происходивших во время спектаклей: «В Большом театре, в среду, при представлении оперы Жизнь за Царя публика еще горячее, нежели пятого апреля, выразила свое полное сочувствие ко всем патриотическим местам этой оперы. Зрительная зала имела тот же торжественный вид. Народный гимн, исполненный много раз, постоянно вызывал тот же восторг публики. Появление поляков встречались с тем же неодобрением, и второй акт опять должен был быть заменен народным гимном» [9, С. 1]. Обращение к событиям Смутного времени стимулировало и то обстоятельство, что толкнувший Д. В. Каракозова крестьянин О. И. Комиссаров был уроженцем Костромской губернии, то есть тех же мест, откуда происходил Иван Сусанин.

Многое в риторике газет и различных публичных выступлений указывало на то, что в обществе подозревают поляков, хотя напрямую в организации покушения их никто и не обвинял. Стоит учитывать, что в это время в обществе еще были сильны антипольские настроения. большинство населения России в

целом достаточно негативно отнеслось к восстанию 1863 года, считая его проявлением польского национализма и сепаратизма. Поляки начинали восприниматься крайне негативно большей частью населения, и формированию «образа врага» в лице поляков в немалой степени способствовали статьи, рассказывающие о действиях повстанцев. Сформировавшиеся в то время стереотипы продолжали определять политические представления российского общества, становясь актуальными в такие кризисные моменты как покушения на императора.

Тем более, что в ходе восстания польские мятежники активно практиковали террористические акты, схожесть в способе действия могла быть еще одной чертой указывающий обществу на «польский след» в покушении. Например, «в мае 1863 г. наместник с негодованием сообщал императору о повстанческом терроризме: «На прошлой неделе опять зарезали в Варшаве одного полицейского агента, и отрезанное ухо его послали при записке к маркизу! Просто не верится, чтоб мы жили в XIX столетии!» [10, С. 142].

Поэтому, представление о причастности к этому покушению поляков очень прочно укоренилось в общественном мнении. Причем если газеты не обвиняли прямо поляков, а лишь косвенно указывали на определённый вектор общественных настроений, то в дневниках того времени можно найти более откровенные суждения. В дневнике помещика Г. Потулова, было воспроизведено несколько слухов о польском следе в этом покушении: «В момент, когда раздался выстрел, на другом конце Летнего сада генерал Тотлебен гулял с женой и видит человека бледного, с подозрительным лицом, бежавшего вон из сада. Тотлебен бросился к нему и схватил его за ворот. Это был поляк…» [11, С. 233].

О том, что сам преступник польского происхождения многие считали до 13 апреля, пока не стало известно, что его настоящие имя Дмитрий Владимирович Каракозов бывший студент, придерживавшийся «идеи самого крайнего социализма» [12, С. 1]. С этого момента образ «поляка-террориста» был вытеснен образом «террориста-нигилиста».

Чем же в эти 10 дней было российское общество? Было ли оно русским, верноподданническим, националистическим или каким-то еще? Разыгрывавшийся на протяжении 10 дней во всех уголках империи патриотический спектакль демонстрировал очень схожие элементы общественного дискурса.

Из приведенных примеров можно сделать заключение, что, употребляя слово «русский», акторы, участвовавшие в формировании общественного дискурса, подразумевали в первую очередь понятие «верноподданничество». Последнее не ограничивалось только проявлением лояльности царю и имперской власти, но и проявлялось в занятии определенной активной общественно-политической позиции. Для описания такого всплеска верноподданнических чувств в это время можно провести аналогию с событиями начала Первой мировой войны, которые Э. Лор описывает понятием «war nationalism» [13], то

есть национализм, возникающий как реакция на чрезвычайную ситуацию. Покушение 4 апреля 1866 году как раз стало тем событием, которое потребовало мобилизации националистических чувств подданных, необходимых для утверждения стабильности государственного строя в сложных политических условиях.

Российское общество пытаясь восстановить господствующий дискурсивный порядок оно в то же время переформатировало его, внося новые элементы. Оказывалось, что общество не пассивная опора царского режима, а активный источник его легитимности. А. Каппелер считает, что самодержавный строй Российской империи являлся препятствием становлению наций и национальных движений, потому что условиями появления национализма является возможность массового политического участие и наличие гражданских свобод [14]. Однако, в условиях российской самодержавной монархии у населения тоже присутствовали варианты массовой политической мобилизации. В целом даже в имперском обществе невозможна была политическая жизнь без массовой политической мобилизации, примером которой стала реакция общества на покушение Каракозова в 1866 году.

Источники:

1. Северная почта. 1866. 5 апреля.

2. От Редакции: Механизм Производства Смысла // Ab Imperio. 2020. №1. С. 17 – 26.

3. 4-е апреля. Полный сборник известий, адресов, телеграмм и стихотворений по случаю чудесного спасения жизни Государя Императора Александра II. СПб.: Изд. А.П. Симченко, 1866. 226 с.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Изд. М.О. Вольф, 1880. Т. 1. 723 с.

5. Московские ведомости. 1866. 8 апреля.

6. Русские ведомости. 1866. 7 апреля.

7. Сын отечества. 1866. 7 апреля.

8. Русский инвалид. 1866. 7 апреля.

9. Русские ведомости. 1866. 9 апреля.

10. Долбилов М. Полонофобия и русификация Северо-Западного края (1860-е гг.). Метаморфозы этностереотипов // Образ врага. М.: ОГИ, 2005. С. 127–174.

11. Покушение Д. В. Каракозова. (Из дневника современника) // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 232 – 237.

12. Голос. 1866. 13 апреля.

13. Lohr E. War Nationalism // The Empire and Nationalism at War. Bloomington, Indiana, 2014. pp. 91–108.

14. Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. М.: Новое издательство, 2005. С. 395–435.

A. A. Rubtcov *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI)*

POLITICAL ORDER, NIHILISM AND NATIONALIST RHETORIC IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 1860S

The paper discusses the reaction of Russian society to the assassination attempt on Emperor Alexander II, which took place on April 4, 1866. For 10 days, the investigation did not disclose the details of the crime. The silence of the official authorities led to the growth of rumors and conjectures regarding the circumstances of the criminal act. For 10 days, the society, through spontaneous speeches, telegrams to the Emperor and statements in newspapers, expressed not only loyal feelings, but also tried to independently reproduce acceptable interpretations of this event. As a result, in a spontaneous patriotic impulse, society's ideas about the political order and possible threats appeared.

Russian Empire, Alexander II, assassination of Karakozov, nihilists, terrorists, nationalism

УДК 037

А. М. Склярова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: tm.sklyarova@gmail.com)

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «БЫТИЯ» – ОТ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО НИГИЛИЗМА К РЕЛЯТИВИЗМУ, ГЕДОНИЗМУ И ОБЩЕСТВУ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Рассмотрены историко-философские истоки появления и развития онтологического нигилизма и его негативные последствия для современного общества. Проанализированы особенности современного морального релятивизма и гедонизма, выявлены механизмы вырождения в аморализм. Показана связь гедонистической модели образования и воспитания с обществом потребления. Духовность рассматривается как подлинная альтернатива формирования нравственной личности.

Бытие, Абсолют, онтологический нигилизм, ценности, релятивизм, гедонизм, духовность, общество потребления.

Современное общество, ориентированное на гедонизм инфантилизм и потребительскую психологию молодежи вызывает все большее опасение. Размышляя о судьбах России и будущих поколениях, приходится осмысливать эту проблему и признать, что отказ от фундаментальных, традиционных, национальных ценностей приводит не просто к скатыванию в либерализм в худшем смысле этого слова, а ведет к ультра либерализму, когда стираются четкие нормы и границы дозволенного и недопустимого. Свобода превращается в произвол. Общество лишается права ограничивать безнравственность и эгоцентризм. Механизмы самоконтроля социума блокируются. Дегуманизация человека приводит к тотальной вседозволенности. Истоки этих процессов имеют глубинные философско-этические причины. Главная из них - прежде всего отказ от фундаментальных ценностей с их вечными смыслами гуманистического отношения к личности. Уступая место погружению в локальный социокультурный или исторический контекст, мы приходим к торжеству релятивизма. Это приводит к разорванности морально-культурного пространства и требует «точки сбора». Выход – в обращении к классическим образцам истинных ценностей. Необходимо понять, что формирование фундаментальных духовных и нравственных ценностей опирается на культурно-историческую традицию. Забвение этого приводит к катастрофическим последствиям не только в мировоззрении, но и в жизни общества во всех его проявлениях. Нравственный кризис современной цивилизации становится во главу угла глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество. Если не произойдет

осмысление этой ситуации, то кризис будет углубляться. Каковы же его истоки? Первый кризис традиционных ценностей возникает в 5–4 веке до н.э. как потеря веры в традиционных Богов Олимпа. Мифология стала рассматриваться как вымысел. Тем самым рушились основы и нормы мира, главной реальностью которого были Боги и традиция. Мир и Вселенная уже не являются прочными и надежными: все становится шатким и нестабильным; человек теряет жизненную опору. Назревает необходимость найти надежную опору для человека и общества. Эту задачу решает Парменид. Он на место власти Богов ставит власть мысли, разума, но не субъективной, обычной, повседневной, а абсолютной (ее впоследствии философы назовут «чистой», имея в виду, что ее содержание не связано с эмпирическим, чувственным опытом людей, а отражает космический Логос). По Пармениду, сила Абсолютной мысли удерживает мир от опрокидывания в хаос, обеспечивает обществу стабильность и надежность. Человек начинает верить в то, что все будет подчинено определенному порядку. Для обозначения этого гаранта порядка и справедливости Парменид ввел понятие «бытие»; оно включает Истину, Добро, Свет. По Пармениду, истина бытия открывается человеку непосредственно, без рефлексии как необходимость перед высшим могуществом. В этой ситуации всякая гордыня становится неуместной.

Софисты и киники были оппонентами Парменида и считали, что человек – место обнаружения бытия, поэтому «человек – мера всех вещей». Тем самым заложили морально-философскую основу релятивизма.

Выдающийся философ XX века М. Хайдеггер 40 лет посвятивший проблеме бытия, утверждал, что вопрос о бытии и его решение Парменидом предрешил судьбу западного мира: в культуру было введено представление о существовании за пределами видимых вещей мира совершенного и гармоничного, где есть Благо, Истина, Добро. Западный мир развил эту идею в понятии «трансцендентного» бытия. Оно является подлинным. Земное же бытие как неподлинное нуждается в совершенствовании, приближающем его к идеалу. Социальные утопии в истории Запада есть не что иное, как мировоззренческие устремления к подлинному бытию. Выдвигались два пути переустройства мира: первый – предметно-практического воздействия – это путь бунтов и революций; второй – преобразование не внешнего мира, а духовно-нравственное совершенствование самих себя. В христианстве – это святые. Однако, необходимо отметить, что бытие Парменида – это не христианский Бог, а трансцендентная реальность, Абсолют. И эту традицию продолжает философия Нового времени. Методы метафизического (умозрительного) познания не включали в себя чувственный опыт, они ограничивались рассуждениями в пространстве чистой мысли. Строили модели иерархического упорядочения вещей мира, критерием которого выступала степень их свободы от материи, то есть степень их близости к подлинному нематериальному бытию.

Средневековая традиция в лице номинализма делает еще один шаг отрыва человеческого мышления от подлинного бытия: уму непосредственно дан

только сам ум через рефлексию. Разум рассматривается как направленность на реальность, а не сама реальность. Истина ставится в зависимость от субъективных познавательных способностей человека. Еще больше усиливает эту тенденцию И. Кант. Разум, по И. Канту, ограничен в своих познавательных способностях, ибо Бог творит не по разуму, а по воле. Вводя понятие «вещь в себе» и антиномии Кант ставит границы науки и познающему субъекту. Таким образом, утверждается точка зрения, согласно которой непосредственно нам дано только содержание нашего сознания, мышление. Мир воспринимается как самовыражение сознания, содержание которого открывается с помощью рефлексии. Возникает новый вид метафизики, где бытие есть сознание. Таким образом, бытие утратило прежнее понимание: оно стало субъективным. А человек в статусе субъекта познания стал центральной фигурой картины мироздания и мировоззрения. Произошел разрыв с Абсолютом, который многие философы 20 века назвали роковым. Этот онтологический нигилизм означает отказ от признания существования такого бытия, а в пределе – отказ от Бога. В процесс отказа от Абсолюта (Бога) включены многие народы Европы. Основным компонентом мировоззрения Нового времени является потеря ощущения того, что есть подлинное существование. Человек оказывается замкнутым в своем субъективном мире. Он может уповать только на себя. Деятельность, не ориентированная на высшее Благо, Истину, Красоту превращается либо во внешне-полезную (следование корыстным интересам); либо во внешне развлекательную (искусственное заполнение свободного времени забавами и развлечениями). О духовном развитии речи не идет. Появляется слово «изобретение» вместо прежнего «обретения», потому что, по словам П. Флоренского, «изобретение» признает человека главным творцом всего созданного. Человек стал творить от себя, забыв, что он лишь посредник Бога. Обретение – нечто иное, этим словом люди выражали уверенность в том, все созданное = это не результат субъективных усилий человека, а лишь проявление с его помощью объективно сущего. Поэтому в Средние века перед каждым актом творчества и любого деяния люди молили Бога о помощи и благодарили в конце за нее [1, С. 341–350]. Таким образом, человек, его сознание, его потребности, его жизнь стали восприниматься как единственное несомненное и подлинное бытие. У Р. Декарта «Cogito ergo sum».

Философия Нового времени четко фиксирует связь проблемы бытия с человеческим познанием. Философия жизни делает еще шаг вперед. Аксиология объявляет ценности предельным основанием мира. Философская антропология рассматривает бытие как способность человека выходить за свои собственные пределы и тем обосновывать все сущее. Эмпириокритицизм видит единственную бытийную реальность в человеческих ощущениях. Экзистенциализм прямо заявляет, что человек и только он один есть подлинное предельное бытие. Вопрос о бытии – это вопрос о смысле, а смысл всегда задает сам человек. Марксизм отождествляет бытие с объективной реальностью.

Ослабление идеи существования, Абсолюта, Бога сопровождается переоценкой времени: никто уже не думает о вечности. Время человеческого существования рассыпается: здесь и теперь, там и тогда. Точки, мгновения, как интервал не в состоянии вместить в себя всю полноту мыслей и чувств человека, связанных с переживанием вечности. Ее вместимость ограничивается набором сиюминутных потребностей и наслаждений, удовольствий «Я», которое воспринимает себя как нечто исключительное и абсолютное. Человек перестает искать вечные смыслы, он сводит их к удовлетворению своих земных (слишком человеческих, по Ф. Ницше) потребностей. Суетная жажда устроить жизнь здесь и сейчас, насытиться дополна перед смертью, за которой пустота и тлен – такова одна из мировоззренческих установок новой парадигмы бытия. Формируется цивилизация «молодых», по Федорову. Она характеризуется забвением долга перед отцами и предками, возвеличиванием поколения молодых сынов, которые в своей гордыне пренебрегают ценностями отцов и дедов, формируя собственные. В этой ситуации Дон Кихот, живущий по законам рыцарской чести, не знающий тяги к накопительству, исповедующий культ Прекрасной Дамы и возвышенной лирики воспринимается как недоразумение и нелепость. Бескорыстие, лежащее в основе морали, «испаряется» в такой мировоззренческой парадигме [2, С. 9–16].

Уверовав в силу разума, люди поверили в свои способности изменять мир, который превратился в поле конструктивной деятельности человека. Онтологический нигилизм, задав своеобразный вектор европейской истории, привел к господству материализма. Материальные потребности стали ведущими. Таким образом, мировоззрение Нового времени строилось на уверенности человека в своей автономии, на убеждении, что он сам формирует свою духовность. В современном варианте: студенты говорят: «У каждого своя мораль». Абсолют оказался ненужным. А это привело к усилению роли инстинктов, воли к власти, потребительскому обществу. Эту ситуацию Ф. Ницше выразил в афоризме: «Бог умер». Человек теперь сам устанавливает нормы существования, смыслы и цели бытия. Его мировоззрение стало нерелигиозным. Философия лишь выразила дух эпохи, а не сформулировала его. Хайдеггер выразил то же самое: «Бытие… стало субъективностью», «теперь горизонт уже не светится сам собой. Теперь он лишь точка зрения человека, который к тому же сам и творит ее» [3, С. 86–102].

Русская религиозная философия выступила с резкой критикой не рационализации понимания бытия, но и сведения его к человеческим формам познания и существования. По мнению Н. А. Бердяева, вера в Абсолют заменяется верой в человека и его неограниченные возможности окончательного социального переустройства. Это будет общество, где все будут счастливы и все их потребности будут удовлетворены. Люди впадают в соблазн считать себя творцами мира, создателями земного рая. Одновременно, надо сказать, что русские философы связывали решение проблемы бытия со спецификой мировоззрения, мироощущения и ценностей народа, его культурой. По их мнению,

декартовская трактовка бытия сделала восприятие мира будничным, лишенного благоговейного трепета. Это привело к роковому разрыву с Абсолютом. Но ведь безумие думать, что бытие может зависеть от познания, что , вне суждения не может быть и речи о бытии, - пишет Н. А. Бердяев [4, гл. 5]. Н. Ф. Федоров продолжил эту идею: «Познай самого себя, говорит демон Сократа; «Мыслю, следовательно, существую» – отвечает Р. Декарт. Фихте поясняет: «Я познающее и есть существующее». Штирнер отвечает: «Возлюби себя всей душою твоею, всем сердцем твоим». Ницше вторит: «Найди в себе себя, будь единственным, ничего кроме себя не признавай». Иначе говоря, точка зрения русских философов базируется на понимании, что бытие (мое бытие) принадлежи бытию всеобщему, укореняется в нем. Оно дано нам не внешне, а присутствует внутри нас, чувство глубинного нашего бытия, которое одновременно объективно, составляет суть типичного русского онтологизма. То есть для русского человека существование бытия в его трансцендентности является очевидным и наполненным жизненным смыслом. Непосредственное переживание связывает нас с бытием глубже, чем рассудочное познание. Ф. М. Достоевский углубляет эту идею: спасение человека – в погружении в божественное бытие. Таким образом, религиозные философы осудили разрыв с Абсолютом, подвергли критике европейского человека, который слишком возгордился своей автономностью и возжелал быть Богом на земле.

XX век продолжил поиски предельных основ существования мира и человека. Особая роль в этом принадлежит экзистенциализму. Им вводится в структуру бытия априорная (ни откуда не выводимая, данная до всякого опыта) основа безусловного и внутреннего стремления к нему. Зов к вечному, Абсолютному. Фундаментальная предрасположенность человека к безусловному и абсолютному заставляет его испытывать тоску, смятение, беспокойство, если отсутствует возможность реализовать данное желание. Это стремление к трансцендентному – попытка найти опору, которая помогает человеку преодолеть трудности и невзгоды. Такой опорой является Бог. В отличие от античности, где бытие объективно, в XX веке Абсолют стал зависеть от априорной внутренней установки на поиски безусловной опоры. Поход против разума и Абсолюта приводит к тому, что человек в XX веке остался один на один со своим телом. Начинается культ тела, сменивший культ духа и разума. Гедонизм в своем худшем проявлении (в отличие от Эпикура, который говорил о том, что высшее наслаждение – это занятие философией). Эротика, порнография, стриптизм, массовые оргии, блуд и прелюбодеяние становятся рядовыми, чуть ли не нормальными событиями жизни. О динамике развития гедонизма никто не задумывается. Но важно помнить, что если в своей классической формулировке гедонизм провозглашает, что счастье – это наслаждение. И для этого надо обладать умением приспосабливаться к любым обстоятельствам, не теряя при этом своей независимости. Гедонист наслаждается жизнью, минуя какие бы то ни было предрассудки, включая нравственные. Основ-

ные положения гедонизма сливаются с релятивизмом в области этики: они отражают лишь душевное состояние субъекта. Ощущения подразделяются на легкие (удовольствия) и бурные (неудовольствия). Удовольствие есть благо, то, к чему надо стремиться (созвучно современности: получай от жизни все, что можно для себя любимого). Неудовольствие, страдание есть зло. Его надо избегать. А как же катарсис, очищение через страдание, путь к эмпатии – состраданию? Отсутствие удовольствия или страдания не является ни благом, ни злом. Удовольствие не следует смешивать со счастьем. К частным наслаждениям следует стремиться ради них самих, а к счастью – не ради него самого, а ради наслаждений. Знания полезны лишь в том смысле, что благодаря им мы можем более полно наслаждаться. Подлинными удовольствиями являются лишь телесные, они имеют преимущество перед духовными. Удовольствие относится к настоящему: воспоминание о благе или ожидание его не есть удовольствие – одно забылось, другого еще нет. Гедонизм в учении Аристиппа проникнут утверждением, что жизнь человека в многообразии его чувственных проявлений является высшей моральной ценностью. Недостаток данного подхода – в натурализации человека и его духовных проявлений, отсутствии чувства меры. Конечно, человек может и должен наслаждаться жизнью, уметь радоваться, но, как говорил И. Кант, все чувства являются нравственными, если они поставлены под контроль долга. В противном случае они перерастают в аморализм, равным образом, как и релятивизм, приходит к тому же. В современном мире, когда законы и моральные принципы ослаблены, гедонизм перерождается не просто в аморализм, но становится преступным. Наслаждение порождает пресыщение, а последнее ведет к извращениям. А извращение – к преступлениям. Оперативные сводки пестрят циничными преступлениями в этой сфере, особенно против детей. Учитывая количество часов, проводимых детьми в интернете, где часто сайты, на которых работают любители наслаждений, опасность гедонистической модели жизни особенно опасна. Ведь личность формирует социально-значимый и полезный труд.

Ортега-и-Гассет описывает современного человека как избалованного ребенка, с присущим ему беспрепятственным ростом жизненных запросов и, следовательно, безудержной экспансией собственной натуры. Потребительское общество подогревает эту тенденцию. Вот что об этом пишет известный современный философ, писатель и гуманист Дарио Салас Соммэр: «Маркетинг использует эти аппетиты, предлагая людям искусственный рай, комфорт, роскошь, путешествия и приключения. Натиск рекламы настолько силен, что люди начинают ждать от жизни непрерывного наслаждения, а когда обнаруживают, что в действительности это не так, впадают в депрессию, аргументируя это тем, что жизнь потеряла для них смысл… Материальные удовольствия опустошают людей, иссушают их души, делая их бесплодными, и такова неизбежная судьба каждого, кто состоит во всемирной армии потребителей» [5, С. .67]. К нему присоединяется известный исследователь общества потребления Жан Бодрийяр в своей работе «Общество потребления» он пишет:

«Люди в обществе изобилия окружены не столько людьми, сколько объектами потребления. Их повседневное общение состоит не в общении с себе подобными, а в получении благ и посланий и в манипуляции с ними, начиная с очень сложного домашнего хозяйства и десятков его технических рабов вплоть до посланий, исходящих из СМИ, заполненных бессмысленным кишением гаджетов с символическими психодрамами, которые предлагают ночные темы, преследующие нас даже в наших мечтаниях» [6]. Обществу потребления и гедонизму можно противопоставить духовность, которой так не хватает в современном мире. Мораль – это форма духовности. Духовность – это индивидуальная работа по достижению саморазвития и нравственности. Если бы современная молодежь связывала духовность с высшими фундаментальными ценностями, то можно было бы быть спокойными за будущее мира. Нигилизм – это следствие разложения морали. И в его основе всегда лежит духовный и культурный кризис. И когда глобализм наступает на национальные ценности, насаждается культ насилия, потребления, наслаждения, мы должны противопоставить этому духовно-нравственное воспитание.

Источники:

1. Флоренский П. А. Итоги // Соч. в 2т., т.2 М, 1990.
2. Постмодернизм и культура. Материалы круглого стола // Вопросы философии 1993, №3.
3. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге М.,1991.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы М., 1989.
5. Дарио Сала Соммэр Мораль XXI века М.: ИД «Кодекс» 2017.
6. https://www.rulit.me/books/obshchestvo-potrebleniy-read-88332-1.html

A. M. Sklyarova *(Saint-Petersburg Electrotechnical University "LETI", St. Petersburg, Russia)*

PHILOSOPHICAL AND ETHICAL EVOLUTION OF THE CONCEPT OF "BEING" – FROM ONTOLOGICAL NIHILISM TO RELATIVISM, HEDONISM AND CONSUMER SOCIETY

The historical and philosophical origins of the emergence and development of ontological nihilism and its negative consequences for modern society are considered. The features of modern moral relativism and hedonism are analyzed, the mechanisms of degeneration into amoralism are revealed. The connection between the hedonistic model of education and upbringing and the consumer society is shown. Spirituality is seen as a genuine alternative to the formation of a moral personality.

Being, Absolute, ontological nihilism, values, relativism, hedonism, spirituality, consumer society.

УДК 94.083:329.71

Д. И. Стогов (*С.-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: bel-grigorij@yandex.ru)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ, НАПРАВЛЕННАЯ НА БОРЬБУ С ПЬЯНСТВОМ (1914–1916 гг.)

В статье впервые в историографии рассматривается деятельность дореволюционной Московской городской думы, направленная на утверждение трезвости. Делается вывод о том, что Московская дума активно включилась в борьбу за полное воспрещение оборота крепких напитков. Московские думцы натолкнулись на активное сопротивление антиалкогольным мерам со стороны представителей винокуренных заводов, виноделов и рестораторов. В итоге полного запрета продажи алкоголя так и не последовало. Осознавая важность трезвенного просвещения, московские парламентарии, выступая за борьбу со школьным алкоголизмом, ревностно поддерживали Кружок деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом, считали важным выработать единый план по борьбе с пьянством.

Российская империя, Государственная дума, Московская городская дума, трезвость, пьянство, правительство, алкоголизм, Церковь

Проблема пьянства остается по-прежнему весьма актуальной. И, хотя по сравнению с 1990-ми годами потребление гражданами России алкоголя несколько снизилось, тем не менее, оно остается весьма высоким, и поэтому необходим комплекс мер по борьбе с чрезмерным употреблением алкоголя.

В последнее время этой проблемой озаботились властные структуры – как светские, так и церковные. 29 октября 2021 г. в Москве состоялось выездное заседание Комитета по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений Государственной Думы, который провел круглый стол «Трезвость – основа здорового гражданского общества». На мероприятии, в котором приняли участие известные политики и ученые, принято решение сформировать в Госдуме Межфракционную комиссию по обсуждаемым вопросам, а из ученых и известных практиков создать при Госдуме Экспертный совет по теме трезвости и здоровья [1].

В этой связи особый интерес, в том числе и практический, представляет обращение к дореволюционному опыту трезвости, в частности к трезвенническим инициативам российских парламентариев начала XX в. В настоящей статье рассмотрим деятельность дореволюционной Московской городской думы, направленную на утверждение трезвости. Хронологические рамки нашей ра-

боты ограничиваются 1914–1916 годами, т. е. периодом начала Первой мировой войны, когда в августе 1914 г. царское правительство ввело в России ограничительные меры, направленные на запрет алкоголя [2; 3].

Основным источником, которым мы пользуемся, изучая проблему борьбы с пьянством в Московской городской думе, служат сведения, содержащиеся в книге «Московская городская дума. 1913–1916», изданной в 1916 году «Комитетом группы прогрессивных гласных» [4]. В ней отмечается, что в августе 1914 г., когда были введены антиалкогольные меры, совершилось «чудо […] на наших глазах» [4, С. 82].

Отметим, что московские думцы были далеко не единственными, столь ревностно поддерживавшими правительственные меры. Архивные документы Департамента полиции МВД (материалы перлюстрации) свидетельствуют об этом же. Так, известный государственный деятель, впоследствии министр внутренних и иностранных дел, председатель Совета министров России Б. В. Штюрмер писал из Рыбинска государственному деятелю, поэту, историку, драматургу, редактору И. Я. Гурлянду в Петроград: «Крестьяне согласны на какой угодно налог, чтобы только избежать открытия казенок. Хулиганство исчезло, храмовые праздники проходят мирно, складывается дисциплинированность молодежи, общее настроение серьезное, сосредоточенное; о смутах и помину нет» [5, Л. 1348].

Профессор Н. Коломийцев в своей статье «Ни водки, ни пива» из либеральной газеты «Утро России» указывал: «Конечно, существуют группы лиц, заинтересованных материально в продаже водки и пива. Но для нас, для всей России, важны не эти частные интересы, а общее благо всего государства, всего населения. Сила и мощь России – в полном отрезвлении…» [6, С. 1].

Авторы книги, посвященной деятельности Московской думы, не скрывают своего восхищения принятыми мерами, направленными против пьянства: «Народ добровольно отказался от зелья, веками отравлявшего его душу и тело. Чудо совершилось, и ничто не погибло. Напротив того, Россия нашла новые силы на великую борьбу» [4, С. 82].

Далее в книге говорится о том, что 19 августа 1914 г. на заседании Московской городской думы в составе 113 человек единогласно было принято следующее решение: «Возбудить ходатайство о полном прекращении продажи водки, пива, виноградных вин и вообще всех видов спиртных и крепких напитков из всех заведений, торгующих ими на все время войны» [4, С. 82].

10 октября того же года дума Москвы «единогласно постановила послать Его Императорскому Величеству Государю Императору телеграмму с выражением верноподданнических чувств радости по поводу принятия Высочайшего решения о воспрещении продажи водки» [4, С. 82].

На основании высочайше утвержденного 13 октября 1914 г. постановления Совета министров о полном прекращении продажи спиртного по ходатайству городских дум распоряжением градоначальника с 1 ноября 1914 г. была воспрещена продажа всех видов спиртных и крепких напитков [4, С. 82–83].

Вскоре, однако, в Московскую думу стали поступать от учреждений, обществ, частных лиц заявления о необходимости пересмотреть постановление городского представительного органа власти о воспрещении продажи виноградных вин и пива. После этого некоторые гласные стали настаивать на созыве экстренного заседания думы для пересмотра ранее принятого единогласно решения. Вместе с тем, сторонники полного запрета продажи алкоголя, в том числе «длинный ряд учреждений и обществ, приветствовавших думу по поводу принятого ею решения», «умоляли думу остаться при принятом решении» [4, С. 83].

Вопрос о пересмотре постановления Московской думы от 19 августа 1914 г. был передан в две думские комиссии – финансовую и в комиссию о пользах и нуждах общества. 4 декабря 1914 г. они представили думе доклад за № 491, в котором предлагалось разрешить продажу виноградных вин. Предложение комиссий, однако, было отвергнуто городским парламентом большинством в 82 против 26 голосов, и в итоге дума осталась при своем решении.

В дальнейшем дума несколько раз возвращалась к вопросу о водке, вине и пиве. В книге, посвященной ее деятельности, подчеркивается, что наблюдалось «множество нарушений законодательства по запрещению продажи алкоголя» [4, С. 83]. Некоторые думские гласные (А. Д. Алферов, С. В. Бахрушин и А. Г. Лист и др.) указывали, что «для успешной борьбы с пьянством было бы необходимо привлечь городские санитарные попечительства и срочно развить дело организации народных домов, деятельность коих могла бы иметь первенствующее значение в борьбе с пьянством» [4, С. 83]. Отметим, что в эти же годы в Москве успешно работал Народный дом Попечительства о народной трезвости в Москве [7, С. 327].

Решение Московской городской думы по полному запрету реализации алкоголя было положительно воспринято многими городскими думами по всей России.

Естественно, лоббисты производства и продажи алкоголя попытались обойти решение Московской думы и обратиться в правительственные структуры с целью добиться «отмены прав городских управлений запрещать продажу крепких напитков» [4, С. 84].

В связи с этим в Петрограде в марте 1915 г. под председательством товарища министра торговли и промышленности В. В. Прилежаева было созвано совещание по вопросу о разрешении продажи спиртных напитков, виноградных вин и пива. Подавляющее большинство в собрании, помимо ведомственных представителей, составляли делегаты винокуренных и пивоваренных заводов, виноделов и рестораторов, то есть заинтересованные напрямую в продаже алкоголя лица. От московского и петроградского городских управлений на совещании присутствовало по одному человеку. Единственным, поднявшим голос против разрешения продажи виноградных вин и пива в этом собрании, был представитель Московского городского управления гласный думы А. А. Титов. Таким образом, отмечается в книге, посвященной деятельности

Московской думы, вопрос казался предрешенным. Однако 21 марта 1915 г. московский городской голова послал телеграмму императору, ходатайствуя о сохранении в силе прав городских общественных управлений, дарованных высочайше утвержденным 13 октября 1914 г. положением Совета министров о запрещении продажи крепких напитков. В итоге на заседании 31 марта 1915 г. дума Москвы единогласно высказалась за повторение ходатайства о запрете алкоголя, а вслед за ней целый ряд городских дум крупнейших городов России вынес подобные постановления.

Московская дума не ограничивалась написанием ходатайств в правительственные структуры о полном запрещении оборота алкоголя. Так, наряду с различными мерами, связанными с заботой об учащихся школ и других учебных заведений, она ассигновала 1 500 р. Кружку деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом, предложив при этом городской Управе ускорить выработку плана борьбы с алкоголизмом [4, С. 153].

Подведем итоги. Московская городская дума активно включилась в борьбу за воспрещение оборота крепких напитков; что же касается оборота виноградного вина и пива, то здесь мнение думцев разделилось (впрочем, большинство выступило за полный запрет и этих напитков). Вместе с тем, московские думцы натолкнулись на сопротивление антиалкогольным мерам со стороны представителей винокуренных заводов, виноделов и рестораторов. В итоге полного запрета продажи алкоголя так и не последовало. Также московские парламентарии, выступая за борьбу со школьным алкоголизмом, считали важным выработать единый план по борьбе с пьянством.

Источники:

1. За здоровый трезвый образ жизни. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2021/11/02/za_zdorovyi_trezvyi_obraz_zhizni (дата обращения 02.11.2021)

2. Стогов Д. И. Антиалкогольная политика царского правительства в годы Первой мировой войны // Межвуз. науч. конф. «Россия в Первой мировой войне: проблемы истории и историографии». 28 ноября 2014 г. Сб. докладов. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014. С. 150–157.

3. Стогов Д. И. Борьба с пьянством в России в 1914–1916 гг. (по материалам Департамента полиции) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XV Междунар. науч. конф. 23–24 марта 2016 г. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2016. Ч. 2. С. 634–640.

4. Московская городская дума. 1913–1916. М.: Городская типография, 1916. 194 с.

5. Б. В. Штюрмер, Рыбинск, – И. Я. Гурлянду, Петроград, 24 августа 1914 г. // ГАРФ. Ф.102. ОО. Ф. 265. Д. 994. Л. 1348.

6. Коломийцев Н. Ни водки, ни пива // Утро России. 1914. 11 октября. № 247. С. 1.

7. Стогов Д. И. История возникновения и развития народных домов в России и перспективы их возрождения в современных условиях. Информация – Коммуникация – Общество (ИКО-2018): Труды XV Всеросс. науч. конф. / Санкт-Петербург, 18–19 января 2018 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2018. С. 327–333.

D. I. Stogov *(Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»)*

ACTIVITIES OF THE MOSCOW CITY DUMA AIMED AT COMBATING DRUNKENNESS (1914–1916)

The article for the first time in historiography discusses the activities of the pre-revolutionary Moscow City Duma aimed at establishing of sobriety. It is concluded that the Moscow Duma has actively joined the fight for the complete prohibition of the turnover of spirits. Moscow Duma members came across active resistance to anti-alcohol measures from representatives of distilleries, winemakers and restaurateurs. As a result, a complete ban on the sale of alcohol did not follow. Realizing the importance of sober education, Moscow parliamentarians, speaking for the fight against school alcoholism, zealously supported the Group of activists on combating school alcoholism, considered it important to develop a unified plan to combat drunkenness.

Russian Empire, State Duma, Moscow City Duma, sobriety, drunkenness, government, alcoholism, Church

УДК 14

В. В. Танич (*Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации*, e-mail: vltanich12@mail.ru);
К. Н. Дегтярёв (*Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации*, e-mail: vltanich12@mail.ru)

СУЩНОСТЬ ДЕГУМАНИЗАЦИИ В НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМЕ

В работе авторы анализируют сущность дегуманизации. В ходе исследования рассмотрены биологические, культурные и метафизические аспекты данного процесса. Авторы приходят к выводу, что дегуманизацию нельзя сводить только лишь к биологизму, следует учитывать роль идеологии в контексте национал-социализма, сущность дегуманизации можно понять, только если принимать во внимание ее идеологический аспект.

Дегуманизация, человек, национал-социализм, геноцид, недочеловек, идеология

Каков идеологический механизм дегуманизации, который характеризует политическую антропологию национал-социализма? Дегуманизация зиждется на разделении внутри самого человечества. Разделительная линия между человеком в натуралистическом смысле, с одной стороны, и человеком в метафизическом смысле, с другой, создает фундаментальное различие. По мнению нацистских мыслителей, только некоторые группы людей соответствуют метафизическому критерию принадлежности к людям. Члены этих групп считаются по существу и, следовательно, полностью людьми. Однако другие группы людей сводятся к биологическому восприятию человека. У них просто отсутствует метафизическая сущность человека, и поэтому они характеризуются как простые человеческие животные. Эти существа – люди только с натуралистической точки зрения, но не человек с метафизической точки зрения. Таким образом, они считаются недочеловеками, которые не являются полностью людьми [1].

Эта антропологическая структура и ее дегуманизирующий механизм являются важной особенностью нацистской идеологии и формируют ее расизм. Однако, нацистские идеологи, также использовали и другие расистские и антисемитские мотивы в своих произведениях. Большинство нацистских сочинений были предназначены для мобилизации как можно большего числа людей, и поэтому они провозглашали гибкую доктрину. Нацистские философы, которые хотели теоретически оправдать национал-социализм, должны были

учитывать и политические требования. Если принять во внимание политическую функцию и общую структуру нацистской идеологии, удивительно, что анализ ее антропологической составляющей вообще выявил последовательную линию мысли [2].

Обращает внимание, что критический анализ нацистской идеологии приводит к другой модели дегуманизации, чем это предлагается в психологической литературе. Например, модель дегуманизации Дэвида Ливингстона Смита. Смит обычно концентрируется на случаях, в которых другие люди воспринимаются как недочеловеческие существа, и настаивает на буквальном значении этого вида дегуманизации. Таким образом, дегуманизация евреев нацистами – один из ярких его примеров. Смит утверждает, что любой случай буквальной анималистической дегуманизации опирается на психологические процессы, которые можно отличить от содержания дегуманизации. Эта форма дегуманизации устанавливается нашим психологическим эссенциализмом. Согласно Смиту, мы интуитивно различаем сущность и внешний вид вещи. Эта интуиция также направляет наше восприятие людей. Если мы думаем о ком-то как о человеческом существе, мы приписываем этому человеку человеческую сущность [3]. Это воображаемое «нечто» является общим для всех людей и равнозначно тому, что делает их людьми. Если мы дегуманизируем кого-то, мы думаем, что он или она лишены этой сущности. Эти существа – люди только внешне, но не по сути. Мы приписываем им нечеловеческую сущность и поэтому воображаем их недочеловеческими животными.

Некоторые авторы утверждали, что идея полной дегуманизации, выдвигаемая такими подходами, как подход Смита, недостаточно подкрепляется конкретными примерами. Критики подчеркивают определенную амбивалентность либо в поведении дегуманизаторов по отношению к своим жертвам, либо в оценке их ими. Хотя преступники используют бесчеловечные методы, они обращаются со своими жертвами таким образом, который подразумевает признание человечности жертвы. Например, что гитлеровская «Майн кампф» приписывает евреям черты, которыми могут обладать только люди, например, «бесстыдство и расчетливость», то же самое, что мы можем сказать и о «Мифе» Розенберга [4]. Смит отвечает на этот вызов небольшим изменением своей теории. Он считает, что противоречие между появлением существа как человека и приписыванием ему субчеловеческой сущности не может быть легко устранено. Смит вводит психологическое объяснение этого сопротивления дегуманизации, он утверждает, что люди гиперсоциальны и, следовательно, склонны классифицировать существ, похожих на людей, как людей. Таким образом, дегуманизированные люди считаются одновременно людьми из-за их внешнего вида и недочеловеками из-за их предполагаемой сущности. Смит рассматривает эту амбивалентность как непреднамеренное следствие процесса дегуманизации и подчеркивает его психологический эффект, из-за нарушения онтологических границ.

Смит представляет усовершенствованный взгляд на дегуманизацию, в котором отражены многие особенности этого сложного явления. Однако мы можем сомневаться, действительно ли его теория отвечает взглядам таких деятелей нацизма, как Гитлер или Розенберг, которые приписывают евреям черты, предполагающие не только внешний вид человека, но и биологическую и психологическую природу человека. Евреи изображаются умными лжецами, жадными эгоистами и бессовестными мошенниками. Более того, описания их предполагаемого бесчеловечного поведения часто характеризуются моральным возмущением, которое не имело бы особого смысла, если бы они были лишены каких-либо человеческих качеств [5].

Дегуманизация равносильна низведению некоторых людей до животной природы человека и, следовательно, никогда не бывает полной. Эта модель позволяет приписывать жертвам дегуманизации основные человеческие качества. Якобы «бесстыдство» евреев является хорошим примером этого, поскольку стыд рассматривается как продукт человеческой культуры. Нацистская антропология допускала существование существ, частично являющихся людьми, поскольку полная человечность достигается только путем осознания духовной сущности, недоступной для всех людей. Это промежуточное положение недочеловеков легко объясняет моральное негодование по поводу их существования: человеческие животные считаются позором, потому что они являются частично людьми. Таким образом, нацистская модель объясняет «геноцид моральных допущений», и показывает, что на евреев клеветали и нападали только за то, что они есть, а не за то, что они сделали.

Как предлагает Смит, недостаточно просто изучить исторический случай дегуманизации только с психологической точки зрения. Чтобы понять процесс дегуманизации, необходимо принимать во внимание идеологическое содержание. История человечества породила множество представлений о человечестве. Наши представления о человечности формируются современным интеллектуальным и культурным контекстом [6]. Таким образом, исследования дегуманизации должны быть дополнены тщательным анализом реальных антропологических теорий, которые обосновывают каждый исторический случай дегуманизации.

Источники:

1. Клейн Л. Расизм и «психология народов» // Развитие личности. – 2009. – № 4. – С. 57–89.

2. Виноградов А. В. Трансформация политической философии Платона в национал-социализм / А. В. Виноградов, Н. Н. Зайцев, Д. В. Левченко // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 8(159). – С. 470–471.

3. David Livingstone Smith Paradoxes of Dehumanization // Social Theory and Practice. – Vol. 42. – 2016. – P. 416–443. – DOI:10.5840/soctheorpract201642222.

4. Rosenberg A. Der Mythus des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. Hoheneichen, München 1930. 670 S.

5. Зайцев Н. Н. Распространение идеологии национал-социализма в Германии / Н. Н. Зайцев, Е. В. Байгузин, М. П. Ивашкин, М. А. Музыра // Заметки ученого. – 2021. – № 10. – С. 282–284.

6. Хусаенова Л. А. Постчеловеческая философия: сверхчеловеческие возможности или дегуманизация? // Информация–Коммуникация–Общество. – 2021. – Т. 1. – С. 112–116.

V. V. Tanich *(Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation);*
K. N. Degtyarev *(Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation)*

ESSENCE OF DEGUMANIZATION IN NATIONAL SOCIALISM

In this work, the authors analyze the essence of dehumanization. The study examined the biological, cultural and metaphysical aspects of this process. The authors come to the conclusion that dehumanization cannot be reduced only to biologism, the role of ideology in the context of National Socialism should be taken into account, the essence of dehumanization can be understood only if its ideological aspect is taken into account.

Dehumanization, human, national socialism, genocide, subhuman, ideology

УДК 001.4

Е. Ш. Ташлинская (*Ульяновский государственный технический университет*, e-mail: elesha73@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается язык научно-технической коммуникации, его специфика, выражающаяся в правилах, законах, формах и способах передачи мысли. Проблема динамики языкового пространства и трансформации коммуникативной практики находит отражение в соотношении старого и нового, субъективного и объективного. Переосмысление современного научного дискурса осуществляется на основе диалектики традиций и новаций в работе с текстом, синтеза науки и искусства. Тенденции, присущие научно-технической коммуникации: сциентификация, гуманизация, интеграция, социализация. Язык научно-технической деятельности, существуя в пространстве ситуативной неопределенности, полифункциональности, принципиальной неустойчивости, плюрализма, многомерности, текучести, стремится к стандартизации, однозначности, четкости, нормативизму, лаконичности, фундаментальности, формализации. Разрешение противоречия возможно, исходя из опоры на системный и комплексный подходы, междисциплинарность и трансдисциплинарность.

Язык, коммуникация, научно-техническая деятельность, заимствования, неологизмы, активизм, конструктивизм, методологичность

An analysis of the linguistic means used in scientific and technical activity makes it possible to clarify the issue of scientific criteria, the problem of the relationship between truth and knowledge, philosophy and science, philosophy and art, the place and role of scientific and technical activity as a sphere of social life and the basis of the technosphere. Language as a form of reflection of consciousness and connection with reality is the most important topic in philosophy.

Technology has a noticeable impact on all branches of social production and consciousness, and therefore close attention can also be focused on the engineer as a native speaker of the technical language. This is the ideological component of the engineering community as a trend and claim to leadership in modern social processes.

Attention is drawn to the fact that, on the one hand, technology is being developed as a tool for storing, broadcasting and encoding information, and on the other hand, a special type of language and means arise with the help of which technical achievements are recorded (design documentation, patents, technical instructions). etc.). Thus, the language becomes the most important component of scientific and

technical activity, a means, a condition, a basis and a way of organizing a special sign-symbolic space [1].

The language tools used in scientific and technical activities are not just a tool, but something without which all intellectual, research, and human life in general would be impossible: “Language is the house of being. Man lives in the dwelling of language. Thinkers and poets are the guardians of this dwelling. Their guard is the realization of the openness of being, to the extent that they give it a word in their speech, thereby preserving it in the language” [2, P. 192].

The language in scientific and technical activity has clarity, conciseness, strictness of wording and limited schemes for expressing and transmitting information, clarity, symbolism and figurativeness.

Language is a relatively independently developing complex system with its own laws of formation, development and functioning of its individual elements and subsystems. The language becomes, develops and is carried out only in society and thanks to labor skills, behavioral reactions, creative impulses, therefore, it is influenced by socio-economic, political, ideological, historical, technical, artistic laws of the development of society. The autonomy of the language is relative, since enrichment and "feeding" occurs due to factors of an objective and subjective nature, through various channels.

In this context, we are talking about dynamism and the growth of scientific knowledge, the question of the relationship between old and new, neologisms and borrowings. Science needs new words to designate newly discovered phenomena, introduced ideas, invented devices, and descriptions of regular connections. Borrowings (more often from English) of various technical, economic, philosophical, and other terms penetrate into our language. Often there is a translation adequate to the Russian version, preference is given to "tracing", or transcription. The number of foreign words that distort and obscure the true lexical meaning of the Word is increasing.

It is important to cultivate an attentive attitude to the native language, to develop linguistic sensitivity, observation, to learn to admire the syntactic features of the language, stylistic richness, lexical diversity, the desire to express oneself; develop a sense of proportion and conformity, a sense of rhythm and harmony; to teach to observe, understand, reflect through thoughtful reading, the ability to peer closely into the text.

The impression of what is read, seen or heard will be holistic if the unity of content and form is evaluated. Maintaining a commitment to book learning as a cultural phenomenon is an expression of tradition and is a significant function of scientific and technical activity. Today, screen culture, information and computer technology is also one of the sources and means of transmitting, storing and creating information. These various forms coexist, being in mutual conjugation in society. Multifaceted work with a text (language, word) brings up concentration, attentiveness, thoughtfulness, the habit of systematizing knowledge, observations, feelings,

creates a holistic picture of reality; involves understanding, analysis, transformation of the text, generation of new texts, interpretation.

The process is two-way: 1) borrowings are made in the necessary way, science enriches the language as a whole and everyday word usage; 2) English terms (mainly from the field of information and communication technologies) burden the language, make senseless the use of similar words in the native language (for example, creativity, communication, innovation, project, success, career, charisma, tolerance, mercy, efficiency, competence, ambition, transgression, posthuman, etc.) There is also the problem of conveying meaning when translating a text (technical, in particular).

Scientific and technical communication has its own rules, laws, forms and methods of transmission. In addition to common features coming from the specifics of the nature and methodology of sciences (natural, technical, humanitarian) and generally accepted genres and methods of scientific communication (articles, monographs, reports, textbooks), there are also specific features inherent in technical language: graphs, diagrams, tables, drawings , drawings, modeling, project, formulas, methodological guidelines, standards, codes of practice, norms, registration of patents, applications, registration of technical specifications.

The specificity of the language in technology and engineering research is based on the scientific style, which consists in the following features: educational and scientific; b) the content and goals of scientific communication; logical sequence of presentation, accuracy, unambiguity of expression; saturation with terms (including international ones), the use of abstract vocabulary; own phraseological units (right angle, point of intersection, point of no return) cliche (consists of, represents, consists in .., is used for .. etc.) [3, P. 11–12].

Rosenthal draws attention to the fact that “the language of science and technology is also characterized by a number of grammatical features. In the field of morphology, this is the use of shorter variant forms, which corresponds to the principle of “saving” language means. So in technical literature, shorter forms of the masculine gender are preferred (for example, cuff - cuffs, component - component, etc.) A specific noun is used in a collective sense, real and abstract nouns can be used in the plural form: low temperatures, noise in a radio receiver, reflected signals, alloy steels, etc. In the scientific In the literature, concepts are used more than the meanings of actions, therefore we meet more nouns and fewer verbs.We use verb-nominal constructions: new equipment is being tested, calculating devices are being used, followed by a list of signs: there is an increase in temperature; there is an increase (decrease) , required pr Recalculate the calculations [3, P. 13].

Various types of complex sentences are common in the scientific literature. As well as compound subordinating conjunctions, such as: due to the fact that, due to the fact that, while, due to the fact that, etc. To combine parts of the text, words of the type are used: therefore, thus, at the same time, in conclusion, therefore, etc. As well as means of connecting parts of the text, introductory words are used: on the one hand, firstly, finally, etc. [3, P. 14]. Participial and participial phrases are used,

especially in impersonal sentences: Summing up the results of the work, one can note undoubted progress in solving a number of complex problems. Acceptable, accepted in science and fixed, frequently used abbreviations are used in technical communication.

Science is based on the principle of objectivity, the data is processed in such a way as to prevent distortion of the results or adding "from oneself", based on taste preferences. The terminology is distinguished by conciseness, accuracy of wording, categoricalness (however, approximate calculations are allowed, based on the principle of simplicity and economy). Achieving understanding and objectives of communication is important context and debatable nature, openness. Some researchers pay attention to such logical methods, techniques and procedures as generalization and restriction [1].

The introduction of new concepts into scientific circulation (the everyday life of scientific speech) occurs on the basis of the application of methods - nomination, analogy; use of negative particles. In the technical language there are many definitions (concepts) that have a complex composition, in particular, a combination of two roots in a word is common. This is especially true for the names of profiles and directions. This is due to the fact that many industries have an interdisciplinary basis of origin.

In technical communication, special vocabulary is used, which has a terminological character, as well as jargon and argotism [3, P. 59–60]. Terminology in technical sciences is associated with the mathematical, with natural science, with general scientific and general technical vocabulary. There is also specific scientific vocabulary, for example, in radio engineering (electromagnetic wave, radar, etc.).

Grammatical constructions are distinguished by the presence and use of subordinate clauses (turnovers). The speech is as close as possible to the book. In the technical language (as well as in the general scientific language), impersonal constructions are mainly used, or the narration is predominantly in the 3rd person. Grammatical constructions express themselves in different forms of the same words. which may be in opposition to each other or contrast. Grammatical categories are resolved in morphology and syntax respectively [4, P. 126].

Language is determined by socio-cultural, economic prerequisites. With the help of language, connections are established not only of a logical order, but also of a psychological format. The language reflects the character, mentality and social activities of the people who use it [4, P. 5]. Using foreign words when reading as new texts and repeating them as one who expounds and interprets is an unsuccessful and sometimes difficult to reproduce practice [4, P. 170].

There is a process of accommodation [5, P. 42]; the essence of variations in the language is not random or meaningless, it is a vital set of social aspects that reflect the characteristics of the demographic, geographical, sociological, educational and religious characteristics of the individual [5, P. 43]. Language is characterized by planning [5, C. 66–67], standardization, normativism, which determines the lan-

guage status (at the local, regional, national, religious level or depending on practice). This is especially noticeable in the public arena, in the media, education, legislative institutions, politics, government [5, P. 69]. English for a number of reasons has become the international scientific language of communication (what is imperialism or hegemony?) [5, P. 76–77]. Many experts and government officials from the leading countries of the Western world associate this with the processes of modernization and globalization; processes of growth and introduction of new technologies, economic progress and internationalization influence.

Social stratification gives rise to professional slang and the emergence of solidarity [5, P. 35]. This is the main factor of language and this is the social force that is understood as a unifying group bond, membership, a sense of belonging to a group. Slang constantly transgresses other social norms, making it free to use taboo expressions [5, P. 36]. Slang also uses its own norms, the norms of the group. It performs social functions, marking the boundaries between groups, identifying friends and foes (for example, stress and declension).

There is an ideological perspective of discourse [6, C. 38–40]. Style has indicators, modality, there are formal signs of style (syntax), which shows how the word is controlled, there is coherence, consistency and analytical reason (a way of organizing and controlling space) [6, P. 39].

Habermas J. demonstrates methodological and theoretical pluralism [7, C. 76], a version of integration based on Lukman T. and Weber M. (empirical descriptions), a hermeneutical approach. Pragmatism as a view of practical verification reveals the relationship between democracy and science. This process is socially and institutionally organized [7, P. 80], the epistemological future is associated with self-reflection, as the creation and transformation of conditions for the practical verification of evidence and interpretations (Foucault and Derrida) [7, P. 89]. The fundamental position in the theory of communicative action is occupied by the paradigm of mutual understanding; reconstruction of the Hegelian concept (dilemma) into the ethical context of life [7, P. 91].

The question of the birth of a word, of the names of objects, is not trivial. Mamardashvili, referring to Descartes, calls it intellectual memory and the basis here is reflection itself, that is, the consciousness of consciousness; Consciousness itself is the ability of conception [1, P. 269–271]. It turns out that "singularity, as in artistic reality, is meaningfully loaded." In the scientific and technical language, the general and the particular are extremely useful and exist precisely as typology and classifications, in which there is a place for the singular. They are related as a genus-species relationship.

Sharafutdinova N. S. notes the phenomenon of polysemy in the scientific and technical language. In the 20th century, it was believed that ambiguity had to be fought. In scientific and technical terminology, cases of categorical ambiguity are widespread. The content of the concept is made up of features belonging simultaneously to several logical categories. Most often, this is observed when the following

are interconnected: a property and a value, a process and a value, a phenomenon and a value, a process and a phenomenon, an action and the result of an action [8].

Moreover, in the scientific and technical language there is a metaphor. Metaphorical transfer is based on comparison or juxtaposition. “To be able to compare means half to understand, and the dual essence of the term lies precisely in expressing general linguistic and professional scientific knowledge” [1, P. 60]. Metaphor terms are created on the basis of associative links between special and commonly used concepts by the similarity of form, function, location and property. Metonymic transfer is also used. In technical terminology, such polysemy is inevitable in some cases (for example, a process, an action is the result of an action) [8].

The scientific worldview and language are connected with art and mythology: "In Racine's tragedy, the true universality of language declares itself. The language here in some kind of ecstasy absorbs all the functions usually assigned to other forms of behavior; I even want to call this language polytechnical. This language is an organ of perception , it can replace sight, as if the ear had become sighted; this language is a feeling, for to love, to suffer, to die - all this here means to speak, and nothing more; this language is a substance, it protects (to be in turmoil means to stop talking , means to be revealed); this language is order, it allows the hero to justify his aggressions or his defeats and extract from this the illusion of agreement with the world; this language is morality, it allows you to turn personal passion into law "[9, P. 108]. The past, present and future are connected synthetically.

The principle of historicism and continuity is inherent in the present stage of development of technical science. The languages of art and science are brought together by harmony, simplicity, grace, plasticity and internal tension of the text. The solidity and fundamental nature of science is similar to art: "The service of the muses does not tolerate fuss, the beautiful should be majestic." Technical science is aimed at achieving a previously known result, solving a technical problem by known methods, but the effect can also be unexpected - a new result and tragic consequences of the application. The fatefulness of decisions, the mystery of election, redemption and purification by creativity, faith and hope. The subjective factor is associated with personality psychology, which affects the construction of language structures. Duty, honor, valor or posturing and changing masks - the choice is up to the person.

Methodologism consists in creating a conceptual framework. The study of reality (in particular, the technosphere) leads to the use of categories of dialectics - development, essence and phenomenon, form and content, part and whole, element and system, which are applied, developed, concretized by private sciences. Thus, we found out that the trends inherent in the current stage in the evolution of technical knowledge: scientification, humanization, integration, socialization; methodological approaches are systematic, complex, interdisciplinarity, transdisciplinarity [10].

The language of modern scientific and technical activity lives in the space of situational uncertainty, polyfunctionality, fundamental non-static nature, instability, pluralism, multidimensionality, fluidity. And at the same time, it strives for stand-

ardization, unambiguity, clarity, normativism, conciseness, fundamentality, formalization. This contradiction can be resolved only in the conditions of activity. The foundation of vitality is an ideal construction, a model is acquired during application, implementation.

The situation of uncertainty, change of paradigms and discourses leads to a proposal to move away from objectivity and a call to listen to the world, build a dialogue with it and with oneself, the idea of self-improvement, the unity of the psyche and the body. We believe that this should be a kind of synthesis, reaching out to solve not only theoretical issues, but also applied aspects, discussing and resolving issues of the social status of a researcher, and changing educational practice. Philosophers can decisively contribute to the program of moving away from scientism and technocracy, they must not and cannot withdraw themselves, since the formation of a “new sociality” [11] is a vital issue, it is a question of the future state of mankind.

Источники:

1. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. – М.: Издательская группа "Прогресс"; " Культура", 1993. – 352с.

2. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем . – М.: Республика, 1993 . – 447 с. – (Мыслители XX в.).

3. Розенталь Д. Э. Русский язык на отлично. Стилистика и культура речи / Д. Э. Розенталь. – М.: ООО "Издательство Оникс": ООО "Издательство "Мир и Образование", 2009. – 272с.

4. Berezin F.M. Lectures on linguistics. – Moscow: Higer school publishing house, 1969.

5. Bernard Spolsky. Sociolinguistics. Oxford University press, New York, 2010. 128p.

6. Peter Verdonk. Stylistics. - Oxford University press, New York, 2003. 124p.

7. Habermas: a critical reader / edited by Peter Dews. p. cm. - (Blackwell critical readers). - Blackwell Publishers Ltd. 1999. - 348p.

8. Шарафутдинова Н. С. Многоногозначные термины в немецкой авиационной терминосистеме: основные способы и источники их формирования. URL:https://www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/55.html (дата обращения: 19.07.2021).

9. Барт Р. Логос и Праскис. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm#_Toc34616996 (дата обращения: 02.01.2021).

10. Paul J.Thibault. Agency and Conciousness in Discourse. Self-other dynamics as a complex system. Continuum International Publishing Group/ - London, New York. 2006.

11. Розин В. М. Леонардо да Винчи и Галилей: два пути развития инженерного творчества. URL: http://vinci.ru/images/top.jpg (дата обращения: 15.10.2021).

E. Sh. Tashlinskaya *(Ulyanovsk State Technical University)*

FEATURES OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL COMMUNICATION

The language of scientific and technical communication is considered, its specificity, expressed in rules, laws, forms and methods of thought transmission. The problem of the dynamics of the language space and the transformation of communicative practice is reflected in the relationship between old and new, subjective and objective. The rethinking of modern scientific discourse is carried out on the basis of the dialectic of traditions and innovations in working with text, the synthesis of science and art. Trends inherent in scientific and technical communication: scientification, humanization, integration, socialization. The language of scientific and technical activity, existing in the space of situational uncertainty, polyfunctionality, fundamental instability, pluralism, multidimensionality, fluidity, tends to standardization, unambiguity, clarity, normativism, conciseness, fundamentality, formalization. The resolution of the contradiction is possible based on the reliance on systematic and integrated approaches, interdisciplinarity and transdisciplinarity.

Language, communication, scientific and technical activity, borrowings, neologisms, activism, constructivism, methodologism

УДК 659; 378.141; 316.776.34

А. Г. Трубникова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: 9954370@mail.ru);
А. А. Чугунова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: aachugunova@etu.ru)

ВНУТРИУНИВЕРСИТЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

Представлен обзор опыта Кафедры «Связей с общественностью» СПбГЭТУ в проведении опроса первокурсников 2021 года. Основной целью исследования было определение основных источников информации и факторов, влияющих на выбор абитуриентами высшего учебного заведения. В работе даны характеристики исследования в онлайн формате. На основании результатов опроса сформулированы основные выводы и области применения.

Опросы, исследование, онлайн формат, студенты, реклама и связи с общественностью, Гугл формы, высшее учебное заведение.

Учитывая возрастающие требования к качеству образования, адаптивности студентов в вузовской среде, необходимо ежегодно анализировать эффективность коммуникаций вузов/кафедр со своими студентами, не ограничиваясь проведением обязательных занятий и тестированием знаний по профильным дисциплинам. «Первым принципом менеджмента качества, положенным в основу стандартов ИСО 9000 – 2000 (так же как и в TQM), является ориентация на потребителя» [1].

Пандемийные 2020-21 годы заставили высшие учебные заведения внести существенные корректировки во все стадии образовательного процесса, а также в работу по привлечению абитуриентов. В условиях усиления процесса цифровизации все компании вынуждены обратить особое внимание на продвижение в сети Интернет, онлайн взаимодействие со студентами.

Н. И. Никифорова в своей статье выделяет ряд преимуществ продвижения образовательной услуги при помощи онлайн коммуникаций, такие как:

– «кумулятивный эффект длительного и интенсивного присутствия вуза в Интернете, что увеличивает количество обращений со стороны потенциальных потребителей образовательной услуги;

– использование потенциальным потребителем поиска увеличивает видимость вуза, что повышает его авторитетность в глазах целевой аудитории» [2];

– доступность, актуальность, оперативность, географический охват, экономию временных и финансовых затрат.

Что касается репутации, специалисты выделяют в качестве отдельного понятия онлайн репутацию - «комплекс оценочных представлений целевых

аудиторий о предприятии и его деятельности, сформированных в сети Интернет на основе объективно-субъективной информации» [3, С. 93].

Особо хотелось бы отметить большие возможности и высокую эффективность двусторонней коммуникации с целевой аудиторией с помощью сети Интернет. Ключевой задачей в рамках стратегии развития вуза можно назвать привлечение максимально большего количества перспективных студентов, поэтому они являются ключевой целевой аудиторией образовательной организации. Важно отметить и то, что современные абитуриенты являются представителями поколения Z или, что более применимо к заявленной теме коммуникаций, «цифровых аборигенов» (от англ. digital natives). Зумеры не представляют свою жизнь без смартфона, социальных сетей и интернета в целом, они великолепно владеют навыками поиска и верификации информации [4].

Кафедра «Связей с общественностью» СПбГЭТУ ввела систему сбора внутренней информации, проводя опросы студентов разных курсов. В данной работе рассматривается опыт проведения онлайн опроса студентов профиля «Реклама и связи с общественностью в коммерческой сфере» 2021 года поступления. Первокурсники опрашиваются в первые дни обучения в вузе, т.к. собирается информация, которая была для них актуальна в период их выбора вуза в статусе абитуриентов.

Цели исследования:

– проанализировать источники информации, которыми пользуются абитуриенты для принятия решения о выборе вуза;

– выявить факторы, влияющие на выбор вуза и кафедры абитуриентами;

– проанализировать цели обучения, которые ставят перед собою первокурсники.

Было принято решение проводить опрос в онлайн формате, т.к. это упрощает проведение количественных исследований, позволяет сократить временные и материальные затраты на организацию исследования и обработку данных [5, С. 13].

Из всех вариантов онлайн сервисов для прохождения тестов и опросов были выбраны Гугл формы (Google Forms). Данный ресурс автоматически структурирует ответы, сводит результаты опроса в диаграммы и таблицы. Сервис позволяет сгенерировать настройки и провести онлайн опрос с разными типами вариантов ответов, выбором одного или нескольких вариантов ответа из списка, или ввод своего ответа [6].

Доступ к Google форме опроса рассылался на адрес электронной почты первокурсников.

Основные характеристики исследования:

Сроки проведения опроса: 15 – 21 сентября 2021 года.

Вид опроса: обезличенное онлайн анкетирование.

Генеральная совокупность (ГС): 192 студента – общее количество поступивших в 2021 году для обучения по профилю «Реклама и связи с общественностью в коммерческой сфере».

Респонденты: в опросе приняло участие 164 студента 1 курса 2021 года обучения бакалавриата Кафедры СО СПбГЭТУ (85% из ГС).

Логически опрос разделен на пять частей.

Первая часть опроса направлена на сбор общей информации о респондентах. Приведены параметры и основные результаты опроса:

Гендерные характеристики респондентов: 82% студенток и 17% студентов.

Форма обучения: 79% – дневная форма обучения, 21% – вечерняя форма обучения.

До поступления: 90% респондентов окончили школу/лицей/гимназию, 6% перешли из других вузов, 3% окончили колледж/техникум, 1% работали.

Географические характеристики проживания респондентов: 50% из Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 41% студентов из федеральных округов РФ, 9% из других стран, включая СНГ.

Вторая часть опроса была направлена на сбор информации о подходах в выборе специальности. Выбирать можно было несколько вариантов ответа на вопросы.

На вопрос «Почему Кафедра «Связи с общественностью» ЛЭТИ?» большинство ответов были связаны с положительными рекомендациями, отзывами и рейтингами кафедр и вуза:

– 45% первокурсников ответили, что у вуза хороший рейтинг, среди других учебных заведений;

– по 38% получили ответы о хороших отзывах о кафедре в интернете и рекомендациях друзей и знакомых;

– 34% ответили, что ЛЭТИ подошел по проходному баллу и набору дисциплин ЕГ;

– 21% отметили умеренную плату за хорошее образование.

При сборе информации о причинах выбора коммуникационной специальности, на первых местах стояли ответы о том, что образование дает возможность интересной творческой работы (73%), что появится возможность работать по широкому спектру профессий (60%).

В третьей части опроса собиралась информация о каналах коммуникации вуза и кафедры, которые использовали респонденты, когда находились в статусе абитуриентов.

При сборе первичной информации о вузе и кафедре среди поисковых ресурсов на первом месте для первокурсников были Google (77%) и Yandex (32%).

Из социальных сетей наиболее популярным источником был ВКонтакте (33%). YouTube набрал 10% ответов студентов, а Instagram – 9%. Другие социальные сети и месенджеры не превысили 5% показатель.

При анализе специализированных порталов для абитуриентов на первом месте по популярности был выделен ресурс vuzopedia.ru (45%). Также студентами использовались такие специализированные сайты как: spb.postupi.online

(30%) и tabiturient.ru (28%). Для анализа также важным моментом являлся тот факт, что 25% респондентов не пользовались специализированными интернет ресурсами для абитуриентов.

Четвертый блок вопросов касался степени важности различной информации о кафедре, ее выпускниках, системе и стоимости обучения для принятия решения о выборе вуза и кафедры. Студентам предлагалось определить значимость информации по пятибалльной шкале.

При принятии решения, для большинства первокурсников (69%) было важно, какие предметы они будут изучать.

Также большинству респондентов (81%) были важны отзывы студентов и выпускников о процессе обучения и полученных знаниях.

Информация о нагрузке, системе и сложности обучения, как и условия обучения и оснащение аудиторий не была первичной при выборе для абитуриентов. Внеучебная студенческая жизнь, на этапе выбора вуза, также не была на первых позициях.

Зато респонденты проявляли высокий интерес к наличию стажировок, практик в западных вузах (70%), а также партнерских программ с потенциальными работодателями (70%). Для 57% респондентов высокую степень важности представляла информация о том, где работают выпускники кафедры.

Для внебюджетных студентов была актуальна информация о стоимости обучения.

В рамках опроса также была проанализирована полезность информации для абитуриентов, размещенной кафедрой на своих страничках и на официальном портале вуза.

Наибольшим спросом пользовались разделы «Чему здесь учат» (59,5%), «Международная деятельность и проекты» (53%), «Выпускники» (32%), «Партнеры» (29%), «Руководство и состав кафедры» (25%), «Новости» (23%).

Материально-техническое оснащение абитуриентов интересовало в меньшей степени.

Также в рамках опроса была проанализирована эффективность других онлайн ресурсов кафедры. На первом месте по популярности стояла страничка кафедры ВКонтакте (48%).

В пятой, последней части опроса была собрана информация о востребованности у абитуриентов общевузовских офлайн мероприятий.

Только 21% респондентов посещали «Дни открытых дверей» вуза. При этом большинство из тех, кто посетил, были довольны эффективностью мероприятия.

16% респондентов принимали участия во встречах с представителями вуза в своих учебных заведениях, при этом степень удовлетворенности от этих встреч была на среднем уровне.

14% первокурсников принимали участие в выставках образования в Санкт-Петербурге в других городах. 39% из них оценили это участие как низко эффективное, и столько же поставили оценки четыре и пять.

В заключении была собрана информация о том, чего не хватало бывшим абитуриентам в предшествующие поступлению годы.

Основные пожелания респондентов касались мероприятий, которые повышали бы их степень информированности о коммуникационной профессии.

В частности, еще до вуза многие из них хотели проходить практики (39%) или получать онлайн консультации (39%) в области рекламы и связей с общественностью. 33% респондентов хотели стать слушателями онлайн лекций по выбранному профилю.

Данные исследования позволили проанализировать эффективность каналов коммуникаций, использующихся кафедрой для информирования абитуриентов о своей деятельности, проектах, системе обучения. Во многом полученная информация коррелирует с более масштабными исследованиями. Например, с данными опроса студентов бакалавриата и магистратуры 19 российских вузов, полученными в ходе исследования «Рождение российской магистратуры» [7].

На основании результатов опроса с учетом потребностей абитуриентов была скорректирована информация, размещенная на ресурсах кафедры.

Также в рамках опроса были проанализированы поведенческие и психографические характеристики респондентов, а также их первоначальный уровень знаний о дисциплине и профессии коммуникатора.

Информация, полученная в ходе исследования, направлена в структурные подразделения вуза, специализирующиеся на разработке программ с абитуриентами. «Такая оценка необходима для корректировки действий в образовательных процессах вуза и внесения изменений в управление организацией, образовательные программы и технологии обучения» [1].

Важной составляющей опроса явилось и то, что первокурсники с первого дня обучения почувствовали, что их мнение является важным для кафедры и вуза, что кафедра стремится повышать эффективность коммуникаций с ними.

Ввиду актуальности данного исследования, планируется проводить его ежегодно с новыми поколениями первокурсников.

Таким образом, высококонкурентный и динамично разивающийся рынок образовательных услуг, испытывающий сильное влияние технологического прогресса, с одной стороны, и вынужденный трансформироваться под воздействием новых реалий пандемийного периода, с другой, требует постоянной подстройки к ожиданиям целевой аудитории. Абитуриенты как потенциальные потребители образовательных услуг и как представители поколения Z задают особый формат двусторонней коммуникации. Находясь в контакте с недавними абитуриентами – студентами первого курса, вуз может получить бесценную информацию, способствующую корректировке коммуникационных стратегий Кафедры «Связей с общественностью» и СПбГЭТУ «ЛЭТИ» в целом.

Источники:

1. Ворожцова Л. А., Крылов А. С., Кудряшов Ю. В., Рудюк Е. В., Шестаков Л. Н. Анкетирование как механизм мониторинга удовлетворенности внутренних потребителей образовательного процесса // Государственное управление. – 2012. – №32.

2. Никифорова Н. И. Особенности интернет-коммуникаций в привлечении потребителей услуг вуза. Международный научно-исследовательский журнал. 2019. №3 (81). С. 111–113. DOI: https://doi.org/10.23670/IRJ.2019.81.3.020.

3. Реверчук Н. И., Дзямулич Е. С. Маркетинговое управление онлайн-репутацией предприятий // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. – 2014. – №34.

4. Андреева А. Разница поколений: какие они – Generation Z и идущие следом «альфы»? // РБК, 19.04.2021 – URL: https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5dfcabbf9a7947a532b7f9a5 (дата обращения: 15.01.2021).

5. Груздев И. А. Использование онлайн-опросов в университете / журнал ВШЭ Universitas. 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 11-22. – URL: https://universitas.hse.ru/data/2013/01/21/1305646924/universitas%201.1%20Груздев.pdf (дата обращения: 15.12.2021)

6. Сидорова Е. Б. Вводный опрос студентов первого курса // Молодой ученый. – 2017. – №19 (153). – С. 329–334. – URL: https://moluch.ru/archive/153/43357/ (дата обращения: 16.12.2021).

7. Щеглова Д. Что такое поколение Z и как оно видит свое образование // РБК, 30.09.2020. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/5ef1ddbc9a794733b37dcfff (дата обращения: 15.01.2021).

A. G. Trubnikova *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);*
A. A. Chugunova *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

INTERNAL UNIVERSITY RESEARCH FOR THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATION STRATEGIES

An overview of the SPbGETU Public Relations Department's experience in conducting a survey of first-year students in the year 2021 is presented. The main purpose of the study was to identify the main sources of information and factors influencing the choice of applicants of a higher educational institution. The paper presents the characteristics of the study in online format. Based on the survey results, the main conclusions and applications are formulated.

Surveys; research; online format; first-year students; advertising and public relations; Google forms; higher educational institution.

УДК: 316.317

В. В. Тузов (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: tuzov_1950@mail.ru);

РОЛЬ НРАВСТВЕННОГО АСПЕКТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ФИЛОСОФИИ АВГУСТИНА АВРЕЛИЯ

Рассматривается роль нравственного аспекта в поведении людей и его влияние на обеспечение устойчивости социальной системы на материале работы Августина Аврелия «О граде божием». Отмечается влияние нравственности как на внутреннюю стабильность социальной системы, так и на способность ее противостоять внешним воздействиям.

Августин Аврелий, «О граде божием», устойчивость, социальная система, нравственность

Августин Аврелий по прозвищу «Блаженный», большое внимание уделял нравственным аспектам в жизни человека и общества. В работе «О граде Божием» Августин, защищая христианство от обвинения в том, что оно повинно в бедах Рима, в захвате его готами из-за запрета культа богов, косвенно затрагивает тему устойчивости социума к внутренним и внешним воздействиям.

Проблемы Рима, а к ним относится, во-первых, неспособность противостоять нашествию готов, и, во-вторых, внутренние раздоры по самым разным причинам, по мнению Августина связаны не с запретом культа богов и не с христианством, как утверждают противники христианства, с теми изменениями, которые претерпели граждане Рима в силу определенных обстоятельств.

Главную причину, из-за которой римское общество потеряло устойчивость Августин видит в падении нравов. Последнее, по его мнению, связано с неправильными ценностями римских граждан. Так рассматривая разграбление Рима готами он удивляется жалобам римлян о потере имуществ.

«Потеряли они все, что имели? Неужто и веру? Неужто и благочестие? Неужто и благо внутреннего человека, богатого перед Богом (1 Пет.3,4)? Все это – богатства христианина, обладающий которыми апостол говорил: «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть, и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1 Тим.6,6–10) [1, гл. 10].

Здесь же объясняется отношение к богатству того, у кого его нет и того, у кого оно есть. « Ибо, когда апостол говорил: «А желающие обогащаться впадают в искушение и т. д.» (1 Тим. 6,9), то осуждал, конечно, пристрастие к богатству, а не само богатство, потому что в другом месте он дает такое повеление: «Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живого, дающего нам все обильно для наслаждения: чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни» (1 Тим.6, 17–19) [1, гл. 10].

В этих цитатах Августин показывает ценности христианина, которые выражаются в служении Богу, в безропотном преодолении житейских трудностей. Такое поведение не должно расшатывать государственные устои и проявлять недовольство тяготами жизни.

На стабильность социальной структуры работает и следующее рассуждение Августина по поводу того, что от нашествия чужеземцев пострадали и хорошие и плохие люди. В главе 9 читаем: «Итак, я вижу в этом достаточную причину того, почему вместе со злыми подвергаются бедствиям и добрые, когда Богу бывает угодно поразить временными казнями развращенные нравы. Подвергаются наказаниям вместе не потому, что совместно вели дурную жизнь, а потому, что совместно (хотя и неравномерно, но, однако же, совместно) любили жизнь временную, которую добрые должны были бы презирать, чтобы дурные, будучи обличены и исправлены, наследовали жизнь вечную…» [1, гл. 9].

Христианство укрепляло существующее государственное устройство несмотря на его несправедливость тем, что призывало верующих думать о жизни вечной, а не временной. И все рассуждения автора направлены на обличение безнравственности граждан Рима и на призывы к своим единоверцам жить в соответствии с христианской верой.

Падение нравов также связано, по мнению Августина, с беспечностью и отсутствием страха перед сильным и опасным соседом. «А Сципион тот, ваш великий первосвященник, муж, по мнению целого сената, самый достойный, … не хотел, чтобы был разрушен Карфаген, тогдашний соперник римского государства, …ибо опасался беспечности, этого извечного врага слабых душ, полагая при этом, что страх так же необходим для граждан, как опекун для сирот. И мнение его оказалось верным: история показала, что он говорил правду. Ибо, когда Карфаген был разрушен, т. е. когда великая гроза римского государства была рассеяна и уничтожена, то за этим немедленно последовало столько возникших из благополучия зол, что сперва жестокими и кровавыми мятежами, потом сплетением несчастных обстоятельств и даже междоусобными войнами было произведено столько убийств, пролито столько крови, порождено столько жестокой жадности к конфискации имуществ и грабежам, что те самые римляне, которые страшились при неиспорченной жизни зла от врагов, с утратою этой не испорченности потерпели от сограждан зло гораздо худшее. И сама та страсть господствовать, которая более других пороков человеческого рода присуща была всему

римскому народу, одержав победу в лице немногих сильнейших, придавила игом рабства и остальных, изнемогших от усилий и изнурения» [1, гл. 30].

Из этой цитаты видно, падение нравов у Римских граждан привело к потере устойчивости социальной системы из-за мятежей, междоусобных войн, грабежей и конфискаций имущества. Стремление господствовать, жадность власть имущих раскололи общество. Августин отмечает, что развращенность нравов, разрушает государство изнутри, делает граждан неспособными его защищать.

«…почему, будучи угнетаемы несчастьями, жалуетесь вы на христианские времена, как не потому, что желали бы спокойно наслаждаться своею роскошью и предаваться распущенности развращенных нравов, не тревожась ничем неприятным? Ведь не для того же желаете вы сохранения мира и изобилия богатств всякого рода, чтобы этими благами пользоваться честно, т. е. скромно, трезво, умеренно и благочестиво, а для того, чтобы изведать бесконечное разнообразие наслаждений ценою безумной расточительности, из-за чего в нравах ваших среди благополучия возникло бы такое зло, которое было бы гораздо хуже самых свирепых врагов» [1, гл. 30].

Эту же мысль автор развивает и в главе 31. «С какою постепенностью развращения возрастала в римлянах страсть к господствованию.

Разве эта страсть успокаивалась когда-нибудь в душах в высшей степени гордых, пока непрерывным рядом почестей не достигала царской власти?.. Честолюбие же перевешивает только в народе, испорченном сребролюбием и роскошью» [1, гл. 31]. Если бы, как утверждает Августин, сохранялась внешняя опасность в лице Карфагена «…чтобы похоть обуздывалась страхом, и, обузданная, не развивала роскоши, и с устранением роскоши не появлялось сребролюбия; при устранении этих пороков процветала бы и возрастала полезная для государства добродетель и существовала бы сообразная с добродетелью свобода» [1, гл. 31].

В Главе 33 «О пороках римлян, которых не исправило разорение отечества», Августин восклицает: «Умы безумные! Что же это за такое, не заблуждение, а сумасбродство, что вы в то время, как восточные народы, как мы слышали, оплакивают ваше бедствие, и величайшие города отдаленнейших стран налагают на себя публичный траур, – вы заняты театрами, ходите в них и предаетесь гораздо большему безумию, чем прежде? Этой-то душевной язвы и заразы, этой-то потери в вас совести и чести и боялся Сципион, когда запрещал строить театры, когда думал, что благополучие легко может испортить и развратить вас, когда не хотел, чтобы вы были безопасны от врагов … Сципион хотел держать вас в страхе перед врагом, чтобы вы не предались распущенности; а вы, и сокрушенные врагом, не обуздали себя. Вам бедствие не принесло пользы; вы сделались и самыми несчастными, и, в то же время, остались и самыми дурными» [1, гл. 33].

Августин, отвечая на обвинения в том, что запрет со стороны христианства отправлять культ языческим богам является причиной падения Рима, указывает на то, что это не соответствует действительности. Сами римляне не уважали

своих богов, устраивая в их честь театральные представления. Эти представления оскорбляли богов и развращали людей. Поведение богов не способствовало росту нравственности, наоборот, являлось дурным примером.

«Неужели, Сципион, ты хвалишь римлян за то, что они воспретили поэтам свободу поражать насмешкой кого-либо из граждан, когда видишь, что с их стороны не было пощады никому из ваших богов? Неужели, по твоему мнению, больше следует уважать вашу курию, чем Капитолий, один Рим, чем целое небо, так что граждане твои защищены от злословия поэтов законами, а твоих богов поэты спокойно осыпают оскорблениями: и ни один сенатор, ни один цензор, ни один сановник, ни один понтифик не воспрещает им этого!

Плавту или Невию злословить Публия и Гнея Сципиона, или Цецилию – Марка Катона было неприлично, а вашему Теренцию подстрекать юношей к распутству описанием злодеяний всеблагого и верховного Юпитера – прилично [2, гл. 12]?

Таким образом, боги римлян нисколько не заботились о том, чтобы отвратить от своих поклонников душевное зло, зло жизни и нравов.

Этот краткий анализ работы Августина Аврелия «О граде божием» показывает, что рассуждая о нравственных аспектах жизни римского общества периода захвата его готами автор приходит к выводам о том, что главной причиной неспособности противостоять внешней угрозе со стороны Рима является падение нравов его граждан. Раздор внутренний между знатью и основной массой народа, привел к потере устойчивости общества. Стремление к богатству и развлечениям, беспечность из-за отсутствия внешней угрозы со стороны Карфагена, который был повержен, разъединили граждан. В результате они оказались неспособными к объединению для защиты себя от нашествия новых врагов в лице готов.

Источники:

1. Августин А. «О граде божием» книга 1
2. Августин А. «О граде божием» книга 2.

V. V. Tuzov *(Saint Petersburg Elektrotechnical University «LETI»)*

HE ROLE OF THE MORAL ASPECT IN ENSURING THE STABILITY OF THE SOCIAL SYSTEM IN THE PHILOSOPHY OF AUGUSTINE AURELIUS

The role of the moral aspect in the behavior of people and its influence on ensuring the stability of the social system is considered on the material of the work of Augustine Aurelius "On the City of God." There is an influence of morality both on the internal stability of the social system and on its ability to withstand external influences.

Augustine Aurelius, "On the City of God", stability, social system, morality

УДК 007

Г. Л. Тульчинский (*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге,* e-mail: gtul@mail.ru)

ЦИФРОВАЯ НАУКОМЕТРИЯ И НАУЧНЫЙ ЭТОС: ВЕКТОРЫ РАСХОЖДЕНИЯ И СХОЖДЕНИЯ

Рассматриваются вызовы, с которыми сталкивается современная наука как социально-культурная практика. Главный вызов связан с акцентированной ролью цифровой наукометрии в оценке и планировании научной деятельности. Эта практика извращает суть научной деятельности, мотивацию исследователей и этос научных сообществ. Вместе с тем, цифровые информационно-коммуникативные технологии могут стать полезным инструментом в преодолении бездумной цифровизованной бюрократии. ей с использованием самой цифровизации.

Блокчейн, наука, наукометрия, научный этос, цифровизация

Накапливание научного знания реализуется в форме статей, публикуемых в научных журналах, а также научных монографиях, на которых специализируются некоторые издательства. При этом каждая научная школа, направление, определяемые спецификой тематики, используемых методов, авторитетом ведущих специалистов стремятся сформировать и закрепить за собой собственную публикационную площадку. Чем и занимаются редколлегии и редсоветы, борющиеся за «чистоту рядов», проводя экспертизу поступающих материалов, руководствуясь сложившимися представлениями о научных стандартах в своей области науки. Поэтому так трудно бывает пробиться междисциплинарным исследованиям, не укладывающимся в сложившиеся стереотипы.

Такая система все более дробного «огораживания» с ее весьма «субъективной объективностью» и порождает проблемы, с которыми сталкиваются организаторы и управленцы научной деятельности. При планировании и распределении ресурсов, грантов, кадровых конкурсов среди научных работников необходимы внятные критерии оценок заявок, проектов, программ исследований, ясность и прозрачность в принятии решений, в контроле их выполнения.

Поэтому, конечно же, легко поддаться искушению якобы объективной «количественной» оценки количества публикаций, их цитируемости, рейтинга публикаторов. Что и вылилось в экспансию показателей наиболее очевидной метрики научной периодики: цитируемость, индекс Хирша, статус журналов по квартилям и импакт-фактору. В чем-то облегчив работу управленческой

бюрократии, она поставила ученых в весьма неоднозначное положение. Главной задачей исследователей стало не получение нового знания, а публикация в высокоимпактном журнале.

В такой ситуации науки ради наукометрии собственно наука обессмысливается. Измеряется не контент, не решение реальной проблемы, перспективный результат, а, фактически, популярность исследований и «уважаемых» исследователей. Между тем, вся история науки есть история преодоления популярных и даже доминирующих представлений, история ценности представлений непопулярных.

Трагикомична ситуация для гуманитариев. В математике, физике, химии, даже биологии открытия и научный вклад часто совершаются до 30-35 лет и могут быть опубликованы в научной статье. Научный вклад философа, историка, искусствоведа вызревает позже – как результат обстоятельного аналитического обобщения в формате монографии. Поэтому абсолютизация наукометрии, ориентированной на точные науки и естествознание, извращает суть гуманитарного профессионализма.

Более того, создан широкий массив «братских могил» никем не читаемых публикаций ради публикаций в «мусорных» индексируемых журналах и сомнительного бизнеса вокруг этих журналов. Наука дискредитируется, если уже не дискредитирована.

Ситуация становится все более неоднозначной. Научные организации покупают базы данных, заключают договоры с научными издательствами вроде Elsevier, Routledge, SAGE, Springer, Taylor & Francis, Wiley. В результате, занятие наукой стало весьма затратным делом не только в плане затрат на проведение исследование или платы за чтение публикациями коллег, но и за собственные публикации.

Имеются ли какие-то возможности выхода из сложившейся ситуации? Бороться с наукометрией и цифровизацией – дело абсолютно бессмысленное. Важным и полезным представляется бороться с бездумной (если не безумной) цифровизованной бюрократией посредством самой цифровизации.

Согласно известной идее М.М.Бахтина, осмысление действительности представляет собой длящийся осмысляющий диалог, в котором участвуют носители частных знаний – в современной терминологии этот процесс можно уподобить построению блокчейна общечеловеческого знания. Думается, что это более, чем метафора – именно технология блокчейна может представлять интерес для решения указанных выше проблем.

Блокчейн – концепт и технология распределенного реестра (DLT, distributed ledger technology) – пережил пик популярности в 2017–2019 годы, в связи с криптовалютами, а затем в связи с возможностями использования технологии в банковском деле, юриспруденции, экспертизе, избирательных кампаниях и т.п. Сейчас «хайп» спал, но сама технология и ее возможности остались. Распределенный реестр – способ коллективного хранения информации, блоков данных, в котором изменение содержания одного блока невозможно

без нарушения целостности всей базы, которая копируется в компьютерах всех участников. Успех блокчейна с криптовалютами обусловлен эффективной интеграцией достижения консенсуса при недоверии пользователей друг к другу и вознаграждения за поддержание работы сети (майнинг). Это сближает блокчейн и науку, которая также децентрализована, развиваясь благодаря сетям доверия и договоренностям внутри сообщества (см. средневековое opinio communis doctorum, нынешнее peer review). Научное знание, с точки зрения его предъявления, хранения и трансляции суть «…большой, динамичный корпус информации, которая коллективно (коллаборативно) создается, изменяется, используется и обменивается – что идеально совмещается с технологией блокчейна» [2, P. 8].

За рубежом интерес к блокчейну в науке интенсивно нарастает. Этой темой активно занимаются исследовательские центры в Берлине, Вене, Амстердаме, Лозанне, швейцарской «криптодолине» кантона Цуг, специалисты в Соединенном Королевстве, США, Республике Корея. IBM разработала и получила патент на платформу по сбору и анализу научных данных с помощью блокчейна [3; 1, С.391–392].

Технология блокчейна дает пример системной цифровой презентации и позиционирования результатов научной деятельности в форме децентрализованных автономных организаций на базе смарт-контрактов и взаимодействия посредством токенов. Смарт-контракты – компьютерные алгоритмы, содержащие информацию об обязательствах сторон, санкциях за их нарушение, а главное – сами автоматически обеспечивающие выполнение этих условий. Токены – единицы учета (записи) в блокчейне. В отличие от криптовалюты, здесь токены – не денежные единицы, а технологически защищенные единицы ценности (знания, осмысленная информация). Это позволяет избежать дублирования контента, верифицировать происхождение материалов и их достоверность, фиксировать приоритет открытия, фиксировать и учитывать дополнительные показатели по каждой научной работе, включая количество ее просмотров, загрузок, цитируемость.

Элементы такой системы уже используются некоторыми журналами, издателями в моделях издательского процесса (open access), способах оценки качества научной продукции (Altmetrics, Snowball Metrics), в практиках рецензирования (open peer review, collaborative peer review). То, что институты науки подошли к практике блокчейна вслед за финансами, правом и экспертизой, по-своему показательно. Реализация этих идей воплощает давние идеалы организации науки как общего дела в духе «республики науки», строящейся в соответствии с принципами прозрачности, неиерахически организованной критики, партисипативности и приоритета в сочетании с коммунитарностью, когда члены сообщества делают вклад, влияющий на жизнь всего сообщества и т.д. Блокчейн дает им возможность не только «собраться с мыслями», но и открыться социуму: блокчейн дает посторонним (не посвященным) возможность пользоваться, но не изменять массив знаний.

Тем не менее, при обсуждении этой темы возникает ряд сомнений. Прежде всего, блокчейн – технология весьма энергозатратная и трудоемкая.

Неоднозначна и идея «токенизации», предстающая серьезным вызовом научному этосу, в котором в качестве основополагающей декларируется бескорыстное стремление к истине. Токен в науке, выступая бонусом доверия, репутации, авторитета, может восприниматься как стимул тщеславия.

Внедрение блокчейна технологически решает проблему плагиата. Отпадает и пресловутый антиплагиат. Это легче сделать в математических, естественно-научных дисциплинах, где относительно просто говорить о приращении теоретического и эмпирического знания, объяснений. Правда, возникает вопрос учета знания, получаемого в случае принципиально новых подходов, концепций («парадигм»). И вопрос на порядки усложняется в случае гуманитарного знания – не только объясняющего, но и «понимающего», нарративного, интерпретационного, в котором важны толкования, уточнения и пересмотры целей анализа. Серьезным вопросом является и проблема языка: блокчейн – только для англоязычно выраженных знаний или можно говорить о разных языковых блокчейнах?

В силу энергозатратности блокчейна, применить его на нужды науки можно только консолидировав серьезные ресурсы. Получается, что провести это можно только сверху, с помощью некоей организационно-административной воли. Акторами такой воли могут выступать органы государственного управления и организованная научная общественность.

В первом случае появляется поле рационального применения административного ресурса, который, похоже, в КНР уже активируется, а в России возникает опасность получения в результате еще большего закручивания гаек бюрократизации, когда некие внешние по отношению к науке администраторы и управленцы, не имеющие репутации в науке, сделают для нее нечто с помощью технологии (не ими придуманной и разработанной). Во втором случае речь идет о научных ассоциациях и редколлегиях научных журналов. И такой путь представляется более удачным и естественным, позволяющим, при взвешенном подходе, использовать и административные ресурсы.

Возможным решением может быть консолидация журнальных пулов на платформе блокчейна, что потребует проявления взаимной «доброй воли» по созданию действенной экосистемы для нескольких журналов, притирки интересов учредителей и редколлегий по разработке правил такой системы. В принципе, возможна и даже замена журналов на блокчейны дисциплин, которые могут вести профессиональные сообщества (ассоциации). Поэтому особенно важным, ключевым становится обсуждение этой темы самой научной общественностью.

Однако, пока ученые раздумывают и сомневаются, крупнейшие игроки рынка научных публикаций уже начинают пользоваться блокчейном. Так, связанная с Springer Nature компания Digital Science и разработчик Katalysis

(katalysis.io) начали проект Blockchain for Peer Review, в котором уже участвуют, помимо Springer Nature, также Taylor & Francis, Cambridge University Press, а также провайдер цифровых идентификаторов исследователей ORCID. Пока речь идет о разработке протокола распределенного реестра общей базы данных о рецензентах и качестве их работы. И это решения, усиливающие монополизацию.

Целью данной работы является не только предложить с опорой на международный опыт модели управления наукой и самоорганизации ученых, но и вызвать их обсуждение в российском научном сообществе, чтобы выявить наиболее существенные перспективы развития отечественной науки.

Источники:

1. Космарский А. А. Блокчейн для науки: революционные возможности, перспективы внедрения, потенциальные проблемы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 388–409.

2. Rossum J. van. Blockchain for Research. Perspectives on a New Paradigm for Scholarly Communication. // Digital Science Report. November 2017. – 18 p.

3. Wattenhofe R. Blockchain Science: Distributed Ledger Technology. Scotts Valley (CA), CreateSpace Independent Publishing, 2019. – 123 p.

G. L. Tulchinskii *(National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg)*

THE DIGITAL SCIENTOMETRICS AND SCIENTIFIC ETHIC: VECTORS OF DIVERGENCE AND CONVERGENCE

The challenges faced by modern science as a socio-cultural practice are considered. The main challenge is associated with the emphasized role of digital scientometrics in the assessment and planning of scientific activities. This practice distorts the essence of science, the motivation of researchers, and the ethos of scientific communities. At the same time, digital information and communication technologies can become a useful tool in overcoming mindless digitalized bureaucracy by using digitalization itself.

Blockchain, science, scientometrics, scientific ethos, digitalization

УДК 316.37

А. С. Удалов (*Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации*, e-mail: podyavilov2001@mail.ru)

К ПРОБЛЕМЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В работе автором рассмотрены проблемы самоидентификации личности, что является неотделимой составляющей нашего внутреннего самоопределения, определяющего нашу идентичность. В работе автор приходит к выводу, что идентичность никогда не устанавливаются полностью и окончательно, она всегда находится в процессе, всегда в относительном состоянии формирования, под влиянием социальной среды и других факторов. Самоидентификацию не следует интерпретировать как моментальный снимок в заданном времени и пространстве.

Самоидентификация, личность, процесс идентификации, этническая идентичность, религиозная идентичность

У России долгие, сложные и порой противоречивые отношения с исламом и мусульманами. Ислам классифицируется как одна из «традиционных» религий наряду с христианством, иудаизмом и буддизмом. На протяжении вековой истории России попытки государства и мусульман урегулировать свои отношения приводили к противоречивым результатам.

Тот, кто говорит, что он принадлежит к определенной религиозной традиции, не обязательно может участвовать в ее ритуалах или таинствах или быть членом одной из ее общин. Тем не менее, сам факт притязания человеком этой идентичность говорит кое-что важное о его моральном, культурном и политическом мировоззрении. Даже если человек признает свою связь с исторической верой, это автоматически не влечет за собой чувство религиозного долга. Самоидентификация мусульман среди представителей традиционно мусульманских народов России сильно различается. В Российской Федерации имеются республики с мусульманским большинством: Адыгея, Башкортостан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Татарстан, Дагестан, Чечня, Ингушетия [1]. Ислам и мусульмане в России – очень разнородная группа, которая довольно сильно различается по своей культуре и религиозным практикам.

Понятие религиозной самоидентификации очень важно в России оно часто связано с этнической принадлежностью. Таким образом, этнические адыги, аварцы, азербайджанцы, балкарцы, башкиры, чеченцы, черкесы, даргинцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, казахи, кумыки, лакцы, лезгины, табасараны, татары и многие другие идентифицируют себя как мусульман. По

переписи 2010 г. эти группы, вместе взятые, составили около 14 миллионов человек [2].

Теоретической отправной точкой для самоидентификации мусульман является социологическая концепция идентичности, согласно которой идентичность постоянно формируются и трансформируются в зависимости от того, как нас представляют или к нам обращаются в культурных системах, которые нас окружают [3]. С этой точки зрения идентичности – это истории, которые мы рассказываем себе и другим о том, кто есть мы и кто другие люди. Эти рассказы часто связаны с нашим собственным или другим восприятием принадлежности к коллективу (классовому, национальному, этническому или религиозному). Эти истории могут меняться, сдвигаться и оспариваться, и часто неоднократно.

Самоидентификация – это процессы «становления», а не «бытия». Согласно проведенным исследованиям этнической идентичности выделяются два основных направления. Первый – психологическое понятие о личности, согласно которому личность состоит из четко идентифицируемых статических качеств, без которых члены этнических групп, которые не могут быть идентифицированы. Этот подход предполагает, что сильная, надежная этническая идентичность вносит положительный вклад в психологическое благополучие этнической группы.

Следовательно, исследователи этой традиции используют термин «этническая идентичность» в понимании этнической принадлежности, предполагается, что этническая идентичность помещена в иерархию категорий идентичности. Этническая принадлежность согласно этой точке зрения, является результатом сильных общественных связей. Эта исследовательская традиция не в состоянии изучить взаимосвязь различных компонентов и то, как они влияют друг на друга.

Согласно этому пониманию этнической принадлежности, этническая принадлежность может быть определена с точки зрения наследственности, происхождения культуры или культур родителей, бабушек и дедушек. Основная проблема с этой точки зрения, заключается в том, что мы должны говорить о процессе идентификации, а не идентичности как фиксированной сущности, так как идентификация никогда не является оконченной, она всегда находится в процессе. Идентичность не может быть фиксированной сущностью, как если бы она оставалась неизменной вне истории и культуры [4]. Идентичность не дается раз и навсегда чем-то, переданным в генах.

Втором теоретическим направлением в этой области является то, что идентичность социально сконструирована, множественна, потенциально противоречива и ситуативно изменчива.

Во-первых, относителен характер любой идентичности. Идентичность индивида приобретает смысл и значение только в связи по отношению к другим идентичностям. Другие не просто воспринимают нашу идентичность, они активно ее конституируют. Идентичность никогда не бывает односторонней,

то, что другие люди вокруг меня думают обо мне, не менее важно, чем то, что я думаю о них.

Во-вторых, люди структурно расположены в иерархических экономических, политических, социальных и культурных системах. Эти структурные позиции формируют жизненные возможности человека, помещая его в определенные сети властных отношений с различными ресурсами. Когда общество разделено классовыми, гендерными и этическими различиями, индивиды уже находятся в дискурсивном поле, которое не доступно полностью по их собственному выбору. Они переживают свои меняющиеся и пересекающиеся позиции через доминирующие дискурсы, которые, как правило, отражают конфигурацию властных отношений в данный исторический момент в конкретном обществе.

В-третьих, и в связи с предыдущим пунктом, логика категоризации и классификации населения государственными и гражданскими институтами имеет решающее значение и может иметь серьезные последствия для этнических групп. Статистические отчеты, подготовленные, государственными органами разделяют население на различные этнические группы. В определенных социальных контекстах, идентичность жестоко навязывается людям, разделяя население на «своих» и «чужих», как например, нацистской Германии в 1933-1945 годах [5].

В-четвертых, идентичности никогда не устанавливаются полностью, а, скорее, всегда находятся в процессе и в состоянии формирования. Другими словами, нарративы идентичности не фиксированы, они могут меняться, сдвигаться и оспариваться. Старые ценности, взгляды и религия подвержены постоянным изменениям, приспосабливаясь к новой среде. Следовательно, их самоидентификация является нестабильной.

В соответствии с этими теоретическими рамками, самоидентификация, которую люди выбирают, может меняться с течением времени и в определенных условиях, в зависимости от пространственного контекста (в республике с этническим большинством или другом субъекте Федерации), от того, что происходит в определенное время в обществе и окружающей среде – социального климата.

Источники:

1. Оцаев А. Х. Нахские народы Северного Кавказа / А. Х. Оцаев, Н. Н. Зайцев // Россия и мир: история и современность: тезисы IX всероссийской конференции студентов и молодых учёных. – Сургут: РИО БУ СурГПУ, 2021. – С. 16–17.

2. Бочкарев К. С. Этнический состав народов Северного Кавказа / К. С. Бочкарев, Е. А. Пахолков, Н. Н. Зайцев // Наука. Технологии. Инновации: Сборник научных трудов. В 9-ти частях / Под редакцией А. В. Гадюкиной. – Новосибирск: НГТУ, 2020. – С. 7–11.

3. Харланов М. В. Проблема культурной самоидентификации общества в Отечественной философской традиции // Заметки ученого. – 2021. – № 3–2. – С. 169–173.

4. Шахбанова М. М. Этническая идентичность городского населения Дагестана в структуре социальной идентичности и индикаторы ее воспроизводства / М. М. Шахбанова, З. М. Муртузова, Д. С. Шихалиева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2020. – № 1(254). – С. 136–148.

5. Виноградов А. В. Трансформация политической философии Платона в национал-социализм / А. В. Виноградов, Н.Н. Зайцев, Д. В. Левченко // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 8(159). – С. 470–471.

A.S. Udalov *(Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation, e-mail: podyavilov2001@mail.ru)*

TO THE PROBLEM OF PERSONAL SELF-IDENTIFICATION

In the work, the author examines the problems of personality self-identification, which is an inseparable component of our inner self-determination, which determines our identity. In the work, the author comes to the conclusion that identity is never fully and finally established, it is always in the process, always in a relative state of formation, under the influence of the social environment and other factors. Self-identification should not be interpreted as a snapshot in a given time and space.

Self-identification, personality, identification process, ethnic identity, religious identity

УДК 001(09):94(470)

Е. В. Умова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail:evum@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

В статье рассматриваются особенности развития различных отраслей советской науки в годы Великой Отечественной войны, выделяются её основные направления, цели и достижения. Отдельное внимание уделяется развитию науки в блокадном Ленинграде.

Наука, изобретения, технологии, медицина, блокада, история, пропаганда.

2021 год – год 80-летия с начала Великой Отечественной войны, ставшей величайшим испытанием для советского народа. Исход противостояния врагу фашизма зависел в значительной степени от научно-технического потенциала страны. В 1941–1945 гг. политика государства в области науки имела два основных направления: мобилизация её для помощи фронту и поддержание научного потенциала страны. Война усилила партийно-государственное руководство научными исследованиями, в мае 1942 г. был создан специальный Отдел науки ЦК ВКП(б), в руководство госкомитетов и главков были введены многие ученые. Для решения конкретных проблем ученых различных специальностей объединяли в межотраслевые комиссии, формировали особые комитеты и бригады для оказания научно-технической помощи производству.

В кратчайшие сроки были пересмотрены как тематика, так и методы исследовательских работ, и основные усилия ученых были перенаправлены на выполнение заданий, имевших важное значение для обороны страны. Годы войны стали временем смелых и оригинальных технических решений, подъема творческой мысли ученых, инженеров, конструкторов. Базой для успехов научно-технических работ оборонного значения стали фундаментальные исследования довоенных лет. Огромное значение имели работы по исследованию природных ресурсов страны, которые велись Советом по изучению производительных сил (СОПС) и созданными при нём Комиссией по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны (1941) и Комиссией по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья (1942). Ими были обнаружены и освоены новые месторождения руд и цветных металлов, нефти и газа, что помогло в кратчайшие сроки развернуть в регионах крупные военные производства.

Благодаря труду советских ученых и конструкторов был сделан мощный рывок в области создания военной техники. Танки Т-34 и КВ превзошли лучшие немецкие образцы, а реактивная система залпового огня «Катюша» не

только была мощнее немецких минометов, но и стала одним из самых узнаваемых символов II мировой войны. Значительную роль в организации массового производства танков и артиллерии сыграли новые технологии изготовления высококачественных сортов стали, созданные коллективом ученых во главе с академиком И. П. Бардиным и разработки Института электросварки во главе с академиком Е. О. Патоном. Укреплению оборонного потенциала страны способствовали разработки авиаконструкторов – Н. Н. Поликарпова, А. Н. Туполева, А. С. Яковлева, С. А. Лавочкина, С. В. Ильюшина. Разработке и выпуску новых образцов боевых самолетов способствовали теоретические исследования в области аэродинамики, проводимые М. В. Келдышем и С. А. Чаплыгиным. Учеными Б. А. Гаевым и А. Р. Регелем была успешно решена проблема противоминной защиты кораблей. Результатом напряженной работы ученых и конструкторов Физико-технического института во главе с академиком А. Ф. Иоффе, стало создание и усовершенствование отечественных радиолокаторов и радиоуловителя самолетов (РУС-2), которые помогли в т. ч. уберечь от значительных разрушений блокадный Ленинград [1, С. 9-13]. В число ученых, участвовавших в разработке военных технологий, вошла и группа сотрудников лаборатории по применению токов высокой частоты профессора ЛЭТИ В. П. Вологдина. Обработка деталей токами высокой частоты позволила в 1,5 раза увеличить бронезащиту советских танков. В лаборатории техники высоких напряжений ЛЭТИ доцента Н. П. Богородицкого были разработаны новые изоляционные материалы (в т. ч. радиофарфор), различные типы керамических конденсаторов и технология их производства.

Занимались советские ученые и частными вопросами, от решения которых зачастую зависела жизнь целых городов. Так, для организации работы «Дороги жизни» сотрудники Физтеха на основе исследования плотности ледяного покрова разработали правила движения по льду Ладожского озера, спасшие жизни сотен людей. Ученые института активно работали и на станциях по размагничиванию боевых кораблей, конструировали траловые устройства для вылавливания мин в море. Немыслимыми для военного времени темпами решалась ключевая для блокадников продовольственная проблема. На основе многолетних исследований профессор Ленинградской лесотехнической академии В. И. Шарков с коллегами за одни сутки разработал технологию выработки пищевой целлюлозы, использованную при выпечке хлеба в период блокады. Им же создана технология получения на основе древесного сырья белковых дрожжей, служивших питательной основой для производства самых разнообразных блюд. В условиях дефицита материалов ленинградскими учеными были разработаны уникальные технологии. Известный физик А. Б. Вериго организовал в Радиевом институте производство светящихся составов для многочисленных приборов, необходимых зенитчикам, артиллеристам, морякам. Был быстро налажен выпуск химической грелки для обогрева солдат и раненных. К концу 1941 г. в научном списке институтов города было

более 200 тем военно-технического и оборонного характера, а штаб Ленинградского фронта принял к реализации 422 рационализаторских предложения и изобретения.

Узнав о работах по созданию ядерного оружия в Германии и США, руководство СССР возобновило исследования в области атомного ядра, начатые в 1940 г. по инициативе В. И. Вернадского. ГКО было принято решение «Об организации научно-исследовательских работ по использованию атомной энергии» (февраль 1943) и создана Теплотехническая лаборатория № 2 во главе с И. В. Курчатовым, приступившая к разработкам по расщеплению урана. Вконце войны благодаря работам С. П. Королева и М. К. Янгеля закладываются основы развития ракетной техники.

Огромная работа по излечению и возвращению в строй раненых советских воинов велась Институтом физиологии и медицинскими научно-исследовательскими институтами. По всей стране активно решался вопрос о повышении квалификации медицинских кадров. Только на основе Кавминводской госпитальной базы за первое полугодие 1942 г. было проведено 10 межгоспитальных и 318 внутригоспитальных медицинских и научно-технических конференций, в рамках которых шел обмен опытом по лечению всех контингентов военнослужащих. К началу 1942 г. только в Кисловодске было создано 9 баз по переквалификации в хирургов врачей других специальностей [2, С. 45]. Недостаток продуктов и витаминов, распространение в связи с этим массовых заболеваний, в первую очередь дистрофии [3, С. 248], поставили особые задачи перед учеными блокадного Ленинграда. Для защиты военных и населения от цинги, сотрудники Всесоюзного НИИ витаминной промышленности разработали упрощенный метод получения витамина С из хвои. Основываясь на методе окисления никотина, уже в 1942 г. ученые института (В. М. Иосикова, П. Д. Улитина) разработали новый препарат (азотнокислую соль никотиновой кислоты) для лечения пеллагры, случаи заболевания которой участились в Ленинграде на фоне авитаминозов витаминов группы А, В, С и РР. Интересно, что этот способ применяется и в современной медицине.

Свой вклад в победу внесли представители общественных наук – историки, юристы, философы. Их быстрая переориентация на пропаганду патриотизма стала мощным средством мобилизации духовных сил советского народа на борьбу с врагом. Особенно наглядно проявилось воспитательное значение исторической науки, что привело к коренной перестройке всей работы Института истории АН СССР. В связи с преобладанием до середины 1943 г. в деятельности историков пропагандистских аспектов возникла необходимость пересмотреть отношение к прошлому русского народа, его героям, к вопросам развития военного искусства. Популярность биографического жанра способствовала появлению монографий о жизни и деятельности А. Невского, Петра I, А. Суворова. Одобренная Сталиным, за годы войны трижды издавалась книга Р. Ю. Виннера об Иване Грозном.

В связи с историческими юбилеями – 700-летием Ледового побоища, 130-й годовщиной Бородинского сражения и 25-летием Октябрьской революции – в 1942 г. в разных городах Советского Союза были проведены тематические научные сессии и публичные лекции, выставки и беседы в воинских частях и госпиталях, на предприятиях и в рабочих клубах. Активнее стала изучалась военная история, исследовались вопросы организации Красной Армии и партизанского движения в годы Гражданской войны, борьбы с иностранной интервенцией (И. М. Разгон, Е. Н. Городецкий, И. И. Минц). Результатом повышенного интереса к вопросам военной истории стала подготовка Институтом истории к изданию сборников «История русского флота» и «История русской армии и военного искусства». Научная трактовка вопросов, связанных с этапами развития военного и военно-морского искусства сочеталась в них с доступностью изложения.

Перед правительством также стояла задача поддержания общего научного потенциала страны. Война внесла серьезные коррективы в деятельность всех научных учреждений. Уже в первые месяцы быстрое отступление советских войск поставило под угрозу сохранение потенциала крупных научных центров в западных районах СССР. Специально созданный Совет при СНК СССР начал работу по эвакуации научных учреждений из этих районов, но вывезти все имущество и людей было невозможно. Уже в сентябре 1941 г. была прервана эвакуация не только музейных коллекций, но и научных институтов Ленинграда. Около трети научных сотрудников ленинградских академических учреждений не пережили блокадных лет. Кроме того, представители науки массовым порядком уходили на фронт. Отправились защищать родину свыше 2 тысяч работников АН СССР и более 2500 представителей Ленинградского университета.

Эвакуация привела к распылению научных кадров. К началу 1942 г. 85 научных учреждений, около 4 тысяч научных сотрудников, вывезенных из западных областей страны, были размещены в 45 пунктах. Однако уже с 1943 г. на базе эвакуированных научных учреждений на востоке страны началась работа по созданию филиалов и баз Академии наук. В Новосибирске был открыт Западно-Сибирский филиал, в Свердловске – Уральский, появились Казанский и Башкирский филиалы. Несмотря на трудности военного времени были образованы республиканские академии наук в Азербайджане, Армении и Узбекистане. Всего за годы войны было открыто около 200 научных центров.

После перелома в военных действиях возвращались к плановым исследованиям советские историки, быстрыми темпами расширялась проблемная тематика отечественной историографии. Изменение в ходе войны религиозной политики государства стало основой для изучения истории РПЦ. Союзнические отношения в рамках антигитлеровской коалиции дали толчок для исследования истории международных отношений. Активно шло формирование новых форм интеграции российских историков с учеными союзных республик. В военные годы были подготовлены и частично изданы «История Казахской

ССР с древнейших времен до наших дней» и «История народов Узбекистана». Комиссией по истории Великой Отечественной войны, созданной при АН СССР в 1942 г., к концу войны было собрано более 5 тысяч документов, воспоминаний, листовок, стенограмм, рукописей, дневников и других материалов. Была продолжена работа над многими темами, обозначенными еще в довоенных планах Института истории. Не прекратилась подготовка научных исторических кадров из числа его аспирантов и докторантов. За время войны ими было защищено 220 диссертаций.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что несмотря на тяжелые, порой невыносимые условия работы представителей научной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны, гибель сотен ученых и исследователей, советская наука смогла совершить значительный прорыв в самых различных направлениях, в первую очередь непосредственно связанных с ходом войны, а также сохранить и преумножить достижения, накопленные в довоенный период развития.

Источники:

1. Барышников Н. И. Отечественная радиолокация на защите Ленинграда 1941–1945 гг. // ж. «Управленческое консультирование», №1, 2005.

2. Линец С. И. «Деятельность госпитальной базы городов Кавказских Минеральных Вод в годы Великой Отечественной войны. // ж. «Научная мысль Кавказа», спецвыпуск, 2008.

3. «Ленинград в осаде» // Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб, 1995.

E.V. Umova *(St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI")*

SPECIFIC ASPECTS OF THE SOVIET SCIENCE DEVELOPMENT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

This article discusses the specific aspects of the development of various branches of science in the USSR during the Great Patriotic War, primary trends, goals and achievements of the science are highlighted. Special attention is paid to the development of science in the besieged Leningrad.

Science, inventions, technology, medicine, siege, history, propaganda.

УДК 94(73)"1865/1901"

А. Е. Филимонов (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: arte-filimonov@yandex.ru)

ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА 1876 ГОДА: СВЯЗЬ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭКСПОЗИЦИИ

В работе рассматривается роль Всемирной промышленной выставки 1876 года в трансляции представлений о сущности американской нации. При проведении исследования были использованы документы, созданные при подготовке выставки, и печатные материалы, предназначенные для публики. Во-первых, выставка придавала легитимность американской элите как руководящему слою американского общества. Во-вторых, она взывала к патриотизму аудитории. В-третьих, она создавала обезличенный, лишенный проблем и противоречий образ американской истории с помощью материальных предметов и текста.

Всемирная выставка 1876 года, нация, Соединенные Штаты Америки, патриотизм, экспозиция, аудитория, национальная идентичность, национализм

Рассмотрение проблемы формирования американской национальной идентичности в музейной среде в контексте Всемирной выставки 1876 года в Филадельфии обосновано ролью всемирных промышленных выставок XIX века в формировании основных паттернов идентичности в государствах эпохи модерна и развитии музейного дела того времени. Упомянутая выше выставка, приуроченная к столетнему юбилею независимости Соединенных Штатов, может служить маркером состояния представлений американцев о самих себе и перехода этих представлений в музейное дело через экспозиционные концепции и практики.

Идеологическая функция всемирных выставок хорошо освещена в музеологической и исторической литературе. Так, в работе Элфи Рэмбольд четко озвучено часто встречающееся в современной научной литературе теоретическое положение: всемирные промышленные выставки были местом соревнования саморепрезентации участвовавших в них стран [1, С. 222]. Много написано и о Всемирной выставке 1876 года. Бен Райлтон в своей монографии об американской литературе во времена Позолоченного века отмечал, что выставка показывала прогресс средств производства вне исторического контекста, предлагала считать его самоценным [2, С. 1]. Бруно Гилберти в своей специальной монографии о выставке 1876 года сосредоточил внимание не на содержании, а на метаязыке выставки, ее основных коммуникативных приемах. По его мнению, организаторы претендовали на составление из предметов

четко выверенного текста, создающего впечатление всеобъемлющей научной систематизации мира [3, С. 17].

Большое значение выставки для музейного дела в Америке также признавали многие авторы. Еще Вудро Вильсон, историк и президент США, в своем многотомном историческом труде «История американского народа» охарактеризовал выставку как событие, всколыхнувшее интерес американского народа к искусству [4, С. 122]. С другой стороны, это подтвердил глава Американской ассоциации музеев Лоуренс Коулмен, отметив в своем обобщающем труде об истории американского музейного дела с его зарождения до конца 30х годов XX века, что выставка 1876 года развернула музеи лицом к публике [5, С. 17].

Подготовка и проведение выставки отражены в ряде разнообразных по своему характеру источников, в число которых входят материалы, предназначенные для широкой публики, такие как путеводители по выставке и публицистические статьи, касающиеся данного события. Также существует большой массив документальных материалов, созданный в результате работы общественных и государственных организаций, участвовавших в организации выставки. Исследование этих источников проведено в рамках семиотического и коммуникационного подходов, которые были адаптированы для исследования музейного пространства известным музеологом Тони Беннетом: выставка – это, с одной стороны, созданный с помощью предметов текст с четко оформленным смысловым посылом для публики [6, С. 61]. Здесь рассматривается соотношение предметов между собой в рамках выставки, причем соотношение как пространственное, так и смысловое. С другой стороны, выставка состояла не только из предметов, но и из относящегося к ним текста, созданного вербальным языком: документов, относящихся к подготовке выставки и текстов, созданных для посетителей. Рассмотрение представлений об американской национальной идентичности, которые несла эта выставка, было проведено в контексте соотношения и взаимодействия двух этих знаковых систем. Из нашего поля зрения не ускользнули и другие важные идеологические моменты, которые сосуществовали с национальными в рамках выставочного пространства.

Особую важность для нас представляет идеологическая составляющая в процессе подготовки выставки. О многом говорит краткая информация о главе выставочного комитета Д. Р. Харви: «губернатор, член Конгресса, солдат в армии Союза» [7, С. 4]. Таким образом, уже состав руководителей позволяет делать выводы об идеологическом и политическом значении подобных экспозиционных мероприятий. Конечно, здесь стоит учитывать и практический аспект такого назначения – люди из сферы политики, которая сопряжена с управлением сложными процессами и ведением переговоров, должны иметь достаточную квалификацию для проведения подобных мероприятий. Но также такое крупное событие могло служить делу легитимации высокого положения, за-

нимаемого политической элитой в американском обществе. Право на осуществление власти распространяется через конкретных организаторов, на всю социальную страту, к которой они принадлежат.

Показательно и усиленное внимание к выставке со стороны федерального правительства. Конгресс объявил организацию выставки задачей национального значения, и на ее проведение ассигновались средства в размере 3 миллионов долларов, что составило половину от общей суммы затрат [8, С. 3]. Также необходимо отметить, что специальным актом Конгресса закреплялась идейная задача выставки: продемонстрировать, в какой мере молодая республика «приносит пользу человечеству» [9, С. 2] по сравнению со старшими нациями. На наш взгляд, здесь прямым текстом заявляется о необходимости повышения национального престижа на международном уровне и распространения представлений о культурной, научной, производительной мощи нации внутри страны.

Соответствующим образом организаторы видели и аудиторию выставки. Несмотря на то, что она была, международной, они рассчитывали, в первую очередь, на активное участие соотечественников в ее работе [10, С. 65]. При этом расчёт был не только на активность в посещении, но и в подготовке выставки, и в качестве мотивации рассматривалась сила американского патриотизма [11, С. 3]. Реальные причины участия американцев в выставке могли быть самыми разнообразными, но здесь важно то, что организаторы, по крайней мере, хотя бы формально, ссылались на патриотизм и чувство национальной гордости. Такие формулы, на наш взгляд, были сами собой разумеющимися как для организаторов, так и для публики, и общественный имидж выставки как акта американского патриотизма был необходим для ее успешной реализации.

Организация выставки, которая была приурочена к столетию объявления независимости, сопровождалась размышлениями об американской истории, ее смысле для самих США и мира и текущем состоянии страны. В брошюре «Почему Филадельфия не может, а Нью-Йорк может сделать выставку успешной» ее авторы упирали не только на материальные факторы, вроде размера потенциальной аудитории и удобства инфраструктуры, но и на то, что Нью-Йорк имеет такое же право претендовать на память об Американской революции, как и Филадельфия [12, С. 7]. Также важным было создать образ США спустя 100 лет после объявления независимости: нация, достигшая прогресса во всех сферах и сделавшая большой вклад в развитие человечества. Особенно много внимания уделялось инновационной на тот момент электротехнике [13, С. 5]. Сам нарратив американской истории, созданный организаторами выставки, кажется очень тенденциозным: от великой революции через индустриальный прогресс к благоденствию сегодняшнего дня [13, С. 5]. О недавно прошедшей разрушительной Гражданской войне и о том, что в некоторых южных штатах на момент подготовки и проведения выставки все еще сохранялся режим во-

енной оккупации, организаторы никак не упомянули. Также остались без внимания рабство в США и его преодоление. Из низов общества упоминания удостоились лишь неопределенные индустриальные классы, воспитанию чувств и ума которых должна была способствовать выставка [10, С. 151]. Здесь видно декларативное стремление организаторов выставки к эстетическому и профессиональному образованию масс.

Перейдем к предметной части выставки. В рамках художественной зоны было обеспечено доминирование картин американских художников, пусть не качественное, но количественное [10, С. 17]. Историческое содержание многих картин полностью соотносится с официальным видением американской истории организаторами выставки: значительная их часть в том числе написанная и иностранными мастерами, посвящена сюжетам, непосредственно связанным с Революцией и Войной за независимость [10, С. 16].

Интересно и оформление художественного павильона. Особое внимание было уделено материалам для строительства: гранит, стекло и железо [14, С. 5]. Это упоминалось, в том числе, и в проспектах для посетителей. Уже сам набор строительных материалов иллюстрировал собой возможности американской промышленности и инженерного дела. Достаточно тенденциозно было организовано и символическое пространство павильона: в модерное индустриальное обрамление вписаны гербы всех штатов и территорий, а в центре главного фриза – герб Соединенных Штатов. Также в оформлении здания использовалась статуя Колумбии (женской персонификации Соединенных Штатов) [14, С. 5]. Символическое единство Союза и пространственное доминирование общенационального символа должны были создать нужный организаторам образ страны.

Это отражалось в организации и других частей выставки. В ее рамках была создана зона, в которой были представлены отдельные штаты. Организаторы просили у штатов прислать следующие предметы: образцы ресурсов, жилища, а также как можно больше фотографий и карт местности [10, С. 152]. В отличие от колониальных музейных собраний в интерпретации Бенедикта Андерсона, создававших иерархию и служивших господству колонизаторов, здесь видно стремление к созданию ощущения единства равных субъектов в рамках единого федеративного государства.

Идеологические схемы проникли и в индустриальную часть выставки. Ее основная часть была организована по отраслевому принципу, и внутри каждой отрасли хозяйства показывалась цепочка «ресурс-производство-результат», и в этой части выставки в одинаковых условиях были представлены все страны [9, С. 2]. При этом в экспозицию был встроен дополнительный элемент – американские изделия 18 века [9, С. 16]. Следовательно, если иностранные гости демонстрировали свои изделия вне исторического контекста, то США представили цельную картину национального прогресса.

Таким образом, изначальные цели организаторов выставки, приуроченной к столетию независимости США, и их концептуальные представления об американской истории сильно повлияли на ее предметно-пространственную организацию. В рамках выставки четко оформился линейный, обезличенный, лишенный субъекта нарратив, в рамках которого историческое бытие страны разделялось на 3 этапа: героическая Революция, экономический прогресс после нее и благоденствие в единстве на момент празднования юбилея. Этот логически несвязный, но при этом крайне тенденциозный способ создания образа США как страны даже вызвал у таких историков как Бен Рэлтон мнение о том, что выставка была неисторичной. Такая точка зрения кажется радикальной, но причины ее появления в научной среде ясны: несвязность, отсутствие в повествовании субъекта, и ориентированность на неживые предметы в целом несвойственны политике формирования идентичности, характерной для XIX века.

Источники:

1. Rembold E. Expositions and National Identity // National Identities. 1999. Vol. 1. № 3.

2. Railton B. American Literature Realism and Naturalism: Contesting the Past, Reconstructing the Nation. American Literature and Culture in the Gilded Age, 1876 – 1893. Tuscaloosa: University Alabama Press, 2011.

3. Gilberty B. Designing the Centennial. A History of the 1876 International Exhibition in Philadelphia. Lexington: The University Press of Kentucky, 2002.

4. Wilson W. A History of the American People. In 5 vols. Vol. 5. New York: Wm. H. Wise and Co, 1931.

5. Coleman L. V. The Museum in America. In 3 vols. Vol. 1. Washington: The American Association of Museums, 1939.

6. Bennett T. The Birth of Museum: History, Theory, Politics. London; N. Y.: Routlege, 1995.

7. What is the Centennial and how to See It? Philadelphia: Press of Thos. S. Dando, 1876.

8. Hawley J. R. Speech of Honorable Joseph R. Hawley, of Connecticut, in House of Representatives, May 7, 1874. Washington: Government Printing Office, 1874.

9. International Exhibition, Philadelphia, 1876. System of Classification. Philadelphia, 1876.

10. The National Celebration of the Centennial Anniversary of the Independence of the US by an International Universal Exhibition, to be held in Philadelphia in the year 1876. Washington: Government Printing Office, 1873.

11. Meeting of the Executive Committee of the US Centennial Commission. Philadelphia, 1872.

12. The World's Fair of 1876. Practical Reasons why Philadelphia is Incompetent and New York Competent to Make the Exhibition a Grand Success. Washington: McGill and Witherhow, 1871.

13. What is the Centennial and how to See It? Philadelphia: Press of Thos. S. Dando, 1876.

14. United States Centennial Commission. International Exhibition, Philadelphia. Art Gallery. Philadelphia, 1876.

A. E. Filimonov *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

CENTENNIAL INTERNATIONAL EXHIBITION OF 1876: THE LINK BETWEEN THE AMERICAN NATIONAL IDENTITY AND THE EXPOSITION

The paper examines the role of the Centennial International Exhibition of 1876 in broadcasting ideas about the essence of the American nation. The study used documents created during the preparation of the exhibition and printed materials intended for the public. First, the exhibition gave legitimacy to the American elite as the ruling stratum of American society. Second, it appealed to the audience's patriotism. Third, it created an impersonalized image of American history, devoid of problems and contradictions, with the help of material objects and text.

Centennial International Exhibition, nation, the United States of America, patriotism, exposition, audience, national identity, nationalism

УДК 811.161.1

О. А. Чиковани (*Санкт-Петербургский государственный университет*, e-mail: oashe@mail.ru)

МЕТАМОРФОЗЫ РОССИЙСКОЙ КИНОКРИТИКИ И ИЗМЕНЕНИЕ ПОЗИЦИИ АВТОРА В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

В статье рассматриваются процессы языковой трансформации современных СМИ. Приводятся основные характеристики постмодернистских текстов и делается сравнительный анализ двух кинорецензий 1991 и 2021 года. Делается вывод, что текст 1991 года можно отнести к классической рецензии, а текст 2021 года обнаруживает существенные изменения, которые можно трактовать как реализацию постмодернистских тенденций и, одновременно, как демонстрацию специфического изменения позиции автора.

Языковая трансформация, постмодернизм, интертекст, «смерть автора», язык современных СМИ.

Трансформация языка современных СМИ сейчас находится под пристальным наблюдением исследователей языка и культуры. Происходящие изменения традиционно связывают с распространением сети интернет и возрастанием количества продуцируемых текстов как на уровне интернет-изданий, так и на уровне блогерства. Развитие блогерства, его информативная наполненность и манипулятивность читательской аудиторией подталкивает язык СМИ к всё более радикальным изменениям. Необходимость конкуренции, борьба за читателя актуализирует и делает ещё более очевидными яркие проявления культуры постмодерна, некогда указанные Р.Бартом [1], Ж. Бодрийяром [2], Ф.Лиотаром [3] и другими исследователями. Игровое начало, цитирование и ироничность, рассмотренные в работах теоретиков постмодерна, вполне реализованы в современных медиатекстах.

Но насколько можно утверждать, что мы живём в ситуации постмодерна? Исследователи современной культуры предлагают новое понятие – метамодернизм, которое включает в себя характеристики реальности постпостиндустриального, информационного общества и, разумеется, его жизненного пространства, искусства и текстов [4].

Нет сомнения в том, что техногенная, цифровая реальность изменила культурные коды и сформировала иной стиль мышления, а, значит, и стиль письма. Эти новые культурные процессы акттивно осмысливаются гуманитарными науками. Однако, можно утверждать, что основные черты постмодернистских текстов не только актуальны, но проявляются по-прежнему ярко. Например, ироничность по-прежнему является доминирующей чертой совре-

менного текста. Через ироничность реализуется склеивание его частей (пастиш), интертекстуальность и определяется финал. Как будет показано ниже, в современных интернет-текстах ироничность может проявляться с помощью смысловой игры, а в лингвистическом плане – с помощью англицизмов, просторечий и, зачастую, сниженной лексики.

Такой же важной чертой, практически «собирающий» текст, сообщающей ему парадоксальный, ироничный характер, остаётся интертекстуальность. Интертекстуальность - свойство, согласно которому «в пространстве того или иного текста перекрещиваются и нейтрализуют друг друга несколько высказываний, взятых из других текстов, выстаивая, таим образом, трансповествование» [5, С. 136]. При этом, под цитируемыми текстами следует понимать не только вербальные или печатные высказывания, но также явления культуры, значимые культурные или политические события, аллюзии и ассоциации, которые понятны (или просто интересны – прозрачность намёков не является самоцелью автора, а наоборот – уничтожает интригу) определённому кругу лиц.

Значительно сложнее в данном случае выглядит устранение фигуры автора, его превращение в скриптора. По словам Р. Барта, современный текст – «многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [6, С. 234]. Исходя из этого, читатель приглашается к соавторству, к интерпретации, а фигура автора меркнет и отходит на второй план.

Но остаётся вопрос – насколько свободной может быть читательская интерпретация в современной культуре? Напомним, что классическая формула понимания предполагает изучение биографии автора, его личностного опыта, культурно-исторической ситуации написания текста и т.д., т.е восстановление, реставрацию текста в культурно-историческом контексте. Но как показывают недавние трактовки классических произведений (например, оперные и драматические постановки, выглядящие более чем неожиданно для классического прочтения), свобода интерпретации практически ничем не ограничена, кроме фантазии читателя, постановщика (или уже скажем – со-автора).

Для рассмотрения трансформации языка современных СМИ и прицельно – для определения позиции автора в текстах разных культурно-исторических периодов, обратимся к рецензиям кинокритиков двух изданий 1991 и 2021 гг.

С архивом "Искусство Кино" за 1991 год можно ознакомиться в интернете в открытом доступе [7]. Отправной точкой нашего анализа будет статья В. Притуленко «Вместо молитвы» 1991 года, напечатанная в этом журнале.

В. Притуленко анализирует новый фильм «Катафалк». Очевидно, что свою задачу автор мыслит как высказывание собственного мнения о фильме, обращённое к самому широкому кругу читателей. Отсюда доверительный тон и простота изложения. Статья начинается: «Фильм «Катафалк» я смотрела дважды. В первый раз, признаюсь, не сначала - где-то со второй части. Помню странное и какое-то смутное ощущение некоей «нездешности», возникшее на

первом просмотре» [8, С. 48]. Автор делится своими чувствами, подчёркивая крайнюю субъективность своих суждений употреблением местоимения «я» и его производных, таким способом сокращая дистанцию с читателем. Однако текст от этого не становится менее категоричным, безапелляционным и менее серьёзным. «Не возьмусь судить о том, какой католичкой была О'Коннор. Но и без конфессиональных уточнений очевидно: она была убежденной христианкой» - пишет рецензент о личности автора произведения, по которому снят фильм [8, С. 48], сопоставляя влияние религиозности писателя на его творчество. Здесь автор откликается на современные ему социокультурные установки 90-х и религиозный ренессанс в годы заката советской империи, актуализируя смысловое наполнение фильма.

Далее – однозначные оценки актёрской игры, трактовки поведения персонажей в сопоставлении с современной жизнью [8, С. 49-51] и поучительный вывод: «Когда герои О'Коннор поднимают голову к небу, они видят в нем Бога и – пророчествуют, или богохульствуют, или молятся. Мы, поднимая глаза, видим пустое небо и воем. Потому что не умеем молиться. Вот что, на мой взгляд, сказано (а может быть – сказалось) в «Катафалке». Но драматизм я нахожу именно в этом» [8, С. 51].

Таким образом, текст В. Притуленко представляется замкнутым монологом: автор предлагает заключительную трактовку рецензируемого произведения, которая уже изначально просматривается в названии статьи – «Вместо молитвы» - и содержится во всей рецензии. Текст предельно серьёзен, идеологичен и использует языковые приёмы, которые нацелены на расширение охвата аудитории. В целом, его можно отнести к классической рецензии: он содержит введение, актуальность, анализ содержания в социокультурном контексте, описание игры актёров, личные впечатления и общий вывод.

Следующий текст 2021 года – З. Пронченко «Спонсор вашей мизогинии: «Медея» Александра Зельдовича» [9]. Название статьи провокационно, демонстрирует интеллектуализм автора и указывает, что текст не рассчитан на широкий круг читателей. Тем не менее, несмотря на то, что все тексты З. Пронченко перегружены метафорами, цитатами, отсылками к разным текстам и лицам, далеко не всегда известным читателям, она является на данный момент одним из самых популярных кинокритиков и блогеров, освещающих культурную и светскую жизнь столицы.

«Реактуализация классики за последние пару лет превратилась в дело похвальное... Заново прочитывая Шекспира, Русалочку или Джеймса Бонда, авторы исправляют многолетнюю несправедливость – расовую, классовую, гендерную» – так начинает рецензию З. Пронченко [9]. Здесь «дело похвальное», смешение несопоставимых по культурной значимости вещей – Шекспира, Русалочки и Джеймса Бонда – подчёркивает ироничный характер. Одновременно автор отсылает к последним экранизациям и расширяет круг обсуждаемых проблем – от конкретного фильма до общекультурных и социальных (расовых, классовых, гендерных).

«Однако Александр Зельдович родился, творчески развился и закостенел в другом полушарии» – продолжает автор. «Закостенел» намекает на конечную точку творческого развития и негативное отношение критика к режиссёру. «В другом полушарии» – здесь, возможно, игра на неоднозначности слова «полушарие» – это планета Земля или полушарие головного мозга? В процессе восприятия текста эти два понятия сталкиваются и доносят мысль критика об ограниченности творческого и интеллектуального потенциала режиссёра. «Прогресс ему не указ, и поэтому, обращаясь чуть ли не к самому известному мифу народов Древней Греции, он намертво укореняет его в прошлом. Ну и заодно отечественных зрителей, которых хлебом не корми дай предаться мизогинии в спертом воздухе кинотеатров». «Закостенел» перекликается с «прогресс...намертво укореняет в прошлом», «спёртый воздух», «мезогония» и проч. наполняют текст пессимистическим настроением и подчёркивают его мрачность.

Далее автор поддерживает выбранную линию, весь текст практически переполнен аллюзиями, иронией, сарказмом и негативизмом. Заключение следующее: «Актуальное в глазах живущего, красота в глазах смотрящего, порнография в глазах вуайериста, перелистнувшего календарь, а там опять 2006 год, год питчинга «Дау», и, кажется, это время до нашей эры, причем сильно до рождества Еврипида». Общий смысловой посыл – абсурд и бессмыслица, которая снова передаётся смешением несопоставимых понятий с использованием цитат и намёков. Читателю понятно мнение критика о фильме, несмотря на то, что оно не было высказано открыто и на наличие очевидных сложностей текста. Автор не приглашает к дискуссии и интерпретации: он выносит своё суждение иносказательно, но оно также безапелляционно, как в первом тексте. Само настроение текста составляет интертекст, который содержит ответ для читателя - смотреть фильм или нет.

На примере второго текста видно, что при постмодернистских чертах популярных интернет-текстов, таких как ироничность, интертекстуальность, цитатность и проч. фигура автора современных текстов СМИ не только не теряет своей значимости и стабильности, но приобретает ещё большее значение. При общем игровом настрое и парадоксальном строении интертекста, в эту игру не попадает сам автор. Его фигура остаётся уникальной, стабильной и отстранённой от описываемых явлений. Автор наблюдатель, но он ярко проявляет и транслирует свою индивидуальную позицию.

Источники:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. –616 с.

2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Перевод с французского и вступительная статья О. А. Печенкиной. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.

3. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 2013. – 160 с.

4. Тимотеус Вермюлен, Робин ван ден Аккер. Заметки о метамодернизме. Перевод: Андрей Есипенко. Российский эл. журнал «Metamodern». / [Электронный ресурс] URL: http://metamodemizm.r u/notes-on-metamodemism/ (дата обращения: 10.01.2022).

5. Кристева Ю. К82 Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с.

6. Барт Р. Смерть автора /Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, С. 233–236.

7. Архив журнала "Искусство Кино" за 1991 год. URL: https://www.sites.google.com/site/zurnalysssr/home/iskusstvo-kino/-iskusstvo-kino-za-1991-god (дата обращения: 06.01.2022).

8. Притуленко В. Вместо молитвы // Искусство кино. – М., 1990, №2. С.– 48–51.

9. Пронченко З. Спонсор вашей мизогинии: «Медея» Александра Зельдовича. Журнал «Афиша» URL: https://daily.afisha.ru/cinema/21735-sponsor-vashey-mizoginii-medeya-aleksandra-zeldovicha/ (дата обращения: 01.09.2021г.).

O. A. Chikovani *(Saint Petersburg State University)*

METAMORPHOSIS OF RUSSIAN FILM CRITICS AND CHANGE IN THE POSITION OF THE AUTHOR IN THE TEXTS OF THE MODERN MEDIA

The article deals with the processes of linguistic transformation of modern media. The main characteristics of postmodernist texts are given and a comparative analysis of two film reviews of 1991 and 2021 is made. It is concluded that the text of 1991 can be attributed to the classic review, and the text of 2021 reveals significant changes that can be interpreted as the implementation of postmodern tendencies and, at the same time, as a demonstration of a specific change in the position of the author.

Language transformation, postmodernism, intertext, "author's death", modern media language.

УДК 174.4; 316.4; 316.77

Л. В. Шарахина (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: lvsharakhina@etu.ru)
К. А. Тиханкина (*индивидуальный предприниматель*)
Т. В. Татаренко (*2Be.Consulting, индивидуальный предприниматель*)
А. А. Кузнецов (*креативное брендинговое агентство Kuznets*)
Л. Э. Шепетова (*ООО «Энерджистар»*)

ПРОФЕССИЯ КОММУНИКАТОР: SOFT SKILLS В ЖЁСТКОЙ КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЕ

Технологическое развитие общества обусловило современную ситуацию, когда происходит стремительная трансформация рынка труда, социально-экономической системы в целом и коммуникационных профессий, в частности. Профессиональные коммуникаторы являются частью преобразований VUCA-мира, оказывая значительное влияние на современный образ жизни, они уже конкурируют с технологиями искусственного интеллекта на рынке труда. В сложившейся ситуации актуализируется дискуссия о балансе hard и soft skills в профессиограмме коммуникатора и их развитии. В условиях жёсткой конкурентной борьбы петербургское коммуникационное сообщество #PRSPB разрабатывает неофициальный стандарт профессии, включая навыки и миссию, и работает над определением ее будущего.

Коммуникатор, искусственный интеллект, связи с общественностью, soft skills, #PRSPB

Благодаря развитию цифровых технологий мы имеем сложившуюся новую коммуникационную и культурную ситуацию, о которой писал Маршалл Маклюэн в своих работах «Галактика Гутенберга» [1] и «Понимая Медиа» [2]. Введя в научный оборот термин «глобальная деревня», М. Маклюэн отмечал, что интернет дарит возможность всеобщей вовлеченности людей в дела друг друга через упрощённое онлайн взаимодействие и ускорение процессов коммуникации. Развитие сети Интернет дарило человечеству иллюзии о всеобщей доступности информации самого разного свойства. Но исследователь также предупреждал о неизбежной смене социально-политической структуры общества, обусловленной новыми средствами коммуникации, новым информационным пространством.

Так или иначе, современное информационное общество обусловило развитие и трансформацию рынка труда [3, 4, 5, 6, 7], в том числе и сферы коммуникаций, на котором представляется возможным выделить следующие направления: журналистика, медиакоммуникации, реклама, связи с обще-

ственностью, маркетинговые коммуникации и другие. Сегодня всё чаще звучит термин, объединяющий все направления – профессиональный коммуникатор.

Как мы помним из истории, внедрение автоматизации на производства привели к сокращению числа наёмных рабочих и, как следствие, к увеличению уровня безработицы, усилению социальной напряженности. Включение интернет-технологий в систему современной экономики ещё больше снизил потребность в «рабочих руках»: Интернет и обусловленные им коммуникационные платформы позволили очень ограниченному числу людей получать сверхприбыли, нанимая при этом очень маленькое количество людей [8].

Развитие и внедрение систем искусственного интеллекта в производственную деятельность человека продолжает усугублять указанную ситуацию, происходит цифровизация экономики.

В условиях стремительного развития цифровых технологий знание инновационных инструментов и методик, используемых профессиональными коммуникаторами (hard skills), становится их конкурентным преимуществом на рынке труда. Тем не менее, динамика таких технологических изменений стремительно нарастает, формируется концепция VUCA-мира, информационное поле перенасыщено шумами, а уровень развития систем искусственного интеллекта уже сегодня таков, что уже начался процесс замены труда специалистов по коммуникации их компьютерными «коллегами» [9]. То есть сегодня профессиональный коммуникатор конкурирует на рынке труда как друг с другом, так и с технологическими разработками, способными заменить человека при реализации его задач с применением hard skills.

Но, размышляя о профессионализме коммуникаторов, исследователи отмечают такие, как приоритет служения обществу и социальной ответственности над личными интересами [10, С. 76-77], честность, способность выслушивать все мнения, использование стратегического подхода к своей деятельности [11]. В то же время исследователи обращают внимание на целый ряд вызовов, которые оказывают влияние на личность в VUCA-мире, таких как социальные трансформации, происходящие под влиянием информационно-коммуникационных технологий, распространение сетевых структур, необходимость осуществлять трудовую деятельность в условиях многозадачности [12].

Таким образом, стратегия развития soft skills в целях повышения конкурентоспособности профессионального коммуникатора представляется более перспективной.

Под soft skills мы понимаем широкий набор навыков, компетенций, поведенческих практик, отношений и личных качеств, способствующих эффективному и успешному взаимодействию с окружающими, в том числе в рамках выполнения трудовых функций, а также достижению личных целей [13].

Необходимость развития soft skills будущего профессионального коммуникатора ещё со студенческой скамьи даёт основания для актуализации кон-

структивной педагогики, «представляющей собой направление, обеспечивающее интенсификацию процесса обучения, с применением активных методов и средств, а также педагогическое творчество в общении с обучающимися» [14, С. 5]. Бахтинская гетерглоссия лежит в основе такого подхода, что способствует формированию большей профессиональной и личностной зрелости. В зависимости от приятия или неприятия предлагаемых учебных, а позже и профессиональных задач, способности анализа взаимосвязей своих прагматических интересов и ценностных ориентаций в общесоциальном контексте гражданских интересов, понимания влияния своей профессиональной деятельности на государство в целом и отдельных его граждан, можно говорить о векторе развития гражданской позиции молодого человека. В результате данного осмысления социальный дискурс становится «внутренне убедительным дискурсом» [15].

Бахтинское представление о диалогичности бытия также согласуется с качественной характеристикой гражданской культуры будущего профессионального коммуникатора. Как мы уже говорили, исследуемый специалист осуществляет свою деятельность, прежде всего, в интересах своих стейкхолдеров и общества в целом. На наш взгляд, лишь состоявшийся и самодостаточный эксперт сферы социальных коммуникаций с высоким уровнем развития гражданской культуры способен реализовывать свои профессиональные задачи на основах гетерглосии, которая «представляет собой бесперебойную борьбу между порядком и дезорганизацией, рассматриваемыми как центробежная и центростремительная силы» [16].

Именно диалогическая модель коммуникации, гетерглоссия позволяют достигать качественного эффекта в освоении и принятии продуцируемых и транслируемых текстов.

В ходе диалогического общения происходит пересечение «Я» и «Другого», но другой воспринимается профессиональным коммуникатором не как личность, а как некий социальный агент: «Согласно М.М. Бахтину, высказывание протекает не внутри коммуникативных сетей, культуры и общества, а существует на границе между «Я» и «Другим», включая в себя и интенции «Я», и интенции «Другого», в которых (для «Я») и представлено «общество»» [17].

Профессиональный коммуникатор по сути своей профессии является социальным агентом, коммуникации неизбежно имеют субъективную окраску, поэтому интенции «Я» приобретают особую важность, так как влияют на формирование субъектности «Другого». Психологи отмечают, что каждый человеческий индивид «не рождается, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов своей активности» [18, С. 61].

Таким образом, совокупность soft skills коммуникатора демонстрирует уровень его профессионализма и находит отражение в гуманитарной культуре его личности [19].

Понимая сложившуюся ситуацию, петербургским коммуникационным сообществом #PRSPB (сообщество насчитывает более 5000 профессионалов

сфер PR, рекламы, а также смежных профессий) 2 марта 2019 года в Санкт-Петербурге была проведена полноформатная форсайт-сессия, в задачи которой входило определение будущего профессии «Связи с общественностью» с перспективой от 10 до 20 лет.

По итогам форсайт-сессии, в которой приняли участие более 50 ведущих специалистов коммуникационной сферы, был сделан вывод о том, что грани профессий «журналист», «специалист по рекламе», «специалист по связям с общественностью» будут продолжать стираться; сервисная функция современных профессиональных коммуникаторов будет отодвигаться на второй план и постепенно вытесняться с рынка развитыми технологическими системами поиска, обработки, анализа и продуцирования информации. Тем не менее, системы искусственного интеллекта в рассматриваемой временной перспективе вряд ли будут способны вырабатывать смыслы самостоятельно и, что еще более важно, создавать ценности.

Иными словами, ключевой «миссией» профессионального коммуникатора будущего является способность выстраивать системные взаимосвязи, умение слушать и понимать своего адресата, формировать новые смыслы и транслировать ценности. Были сформулировано основное содержание профессии коммуникатор: «инженер смыслов» и «амбассадор ценностей». То есть успешный профессиональный коммуникатор в ходе получения образования и в течение всей своей профессиональной деятельности должен развивать, в первую очередь, свои soft skills.

Подобные навыки не могут быть получены единожды в стенах образовательного учреждения: они динамически изменяются в течение всей жизни. И поэтому целенаправленное их развитие с каждым реализованным проектом, с каждым пройденным тренингом, с каждым благополучно разрешённым конфликтом считаем возможным рассматривать как непрерывное обучение.

Но какие же soft skills являются ключевыми для профессионального коммуникатора?

Мы провели пилотный опрос практикующих специалистов сферы коммуникаций, состоящих в сообществе #prspb (Санкт-Петербург, N=57), которые выделили следующие soft skills в качестве ключевых:

– креативность
– эмпатия
– эмоциональный интеллект
– умение слушать собеседника
– коммуникативные навыки (общительность, вежливость, навыки ассертивного поведения)
– критическое мышление
– стратегическое видение
– умение работать в команде
– умение решать конфликты

Но, пожалуй, ключевой характеристикой профессионального коммуникатора будущего как «амбассадора ценностей», когда современные носители информации позволяют легко её модифицировать, коллеги называют его ответственность перед обществом в целом и адресатом и заказчиком, в частности.

Проведённый анализ теоретической литературы, а также эмпирические исследования показали, что в условиях развития цифровых технологий, нестабильности и роста опосредованных медиа коммуникационных взаимодействий социальных субъектов, повышается уровня влияния коммуникативных профессий на все сферы общественной жизни.

На уровне hard skills формируется конкурентная ситуация как с профессиональными коммуникаторами, так и с технологиями и инструментами, основанными на разработках в области искусственного интеллекта. Тем не менее, системы искусственного интеллекта, используемые для обработки и продуцирования информации, в рассматриваемой временной перспективы вряд ли будут способны самостоятельно создавать смыслы и ценности. В связи с этим основным содержанием профессии коммуникатор становится «инженер смыслов» и «амбассадор ценностей», а развитие soft skills профессиональных коммуникаторов уже со студенческой скамьи приобретают стратегическое значение.

Конструктивная педагогика и развитие гуманитарной культуры личности при получении высшего профессионального образования будут способствовать развитию soft skills, выделенных специалистами сферы коммуникации, состоящих в сообществе #prspb в качестве ключевых:

Перечитайте «1984» Дж. Оруэлла, и тогда основная цель формирования профессионализма коммуникатора станет очевидной, как для тех, кто стремится к созданию антиутопии в реальности, так и для тех, кто не приемлет подобного результата общественного развития.

Источники:

1. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2011.

2. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Berkeley: GINGKO Press Inc., 2013.

3. Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books, Inc., 2001.

4. Robertson D.S. The information revolution // Communication research. N.Y., 1990. Vol. 17, № 2. – P. 235–254;

5. Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Иностранная литература, 1958.

6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

7. Эко У. От Интернета к Гутенбергу. Перевод с итальянского Е. Костюкович // НЛО. Независимый филологический журнал, 1998. № 32. // http://www.nlo.magazine.ru/ (дата обращения: 26.11.2019)

8. Hawking S. This is the most dangerous time for our planet // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/dec/01/ stephen-hawking-dangerous-time-planet-inequality (дата обращения: 20.12.2021)

9. Johnson L. Saatchi LA Trained IBM Watson to Write Thousands of Ads for Toyota. ADWEEK, 2017. May, 17. Retrieved from https://www.adweek.com/digital/saatchi-la-trained-ibm-watson-to-write-thousands-of-ads-for-toyota/ (дата обращения: 26.11.2019)

10. Катлип С. М., Сентер А. Х., Брум Г. М. Паблик рилейшнз. Теория и практика, 8-е изд.: Пер. с англ.: Уч. пос. М.: Издательский дом «Вильямс», 2000.

11. Murray J. 6 Key Characteristics Of The Professional Communicator // URL: https://www.linkedin.com/pulse/6-key-characteristics-professional-communicator-jim-murray (дата обращения: 20.12.2021)

12. Лысак И. В., Максимов А. В. Личность в информационном обществе: проблемы и перспективы исследования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20289 (дата обращения: 23.10.2019).

13. Ryberg R. Soft skills: What’s all the hype about? 04.08.2015 // URL: https://www.childtrends.org/soft-skills-whats-all-the-hype-about (дата обращения: 26.11.2019)

14. Трайнев И. В. Конструктивная педагогика. – М.: Сфера, 2004.

15. Волошинов В. Н. Фрейдизм. – Москва: Лабиринт, 1993. (Бахтин под маской; Маска первая).

16. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // URL: http://www.litmir.co/br/?b=128842 (дата обращения: 26.11.2019)

17. Редкозубова Т.М., Кудряшов И.А. Диалогическая теория М.М. Бахтина и её методологическая действенность для современных методов обучения. // Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», 2014 URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw4/redkozubova_kudryashov.html (дата обращения: 20.12.2021)

18. Брушлинский А. В. Психология субъекта / отв. ред. В. В. Знаков. М., 2003.

19. Азарова, Л. В., Виноградова, К. Е., Клюев, Ю. В., Кудрявцева, М. Е., Шарахина, Л. В. Стратегии развития гуманитарной культуры личности профессиональных коммуникаторов / под ред. Ю. В. Клюева. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2016.

L. V. Sharakhina *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*
K. A. Tikhankina *(sole entrepreneur)*
T. V. Tatarenkov *(2Be.Consulting, sole entrepreneur)*
A. A. Kuznetsov *(creative branding agency Kuznets)*
L. E. Shepetova *(OOO Enegrystar)*

COMMUNICATION EXPERT: SOFT SKILLS FOR STIFF COMPETITION

Digital technologies influenced modern society global transformation, including economics and labour market. Communication experts are the elements of this VUCA-world transformational shift as they influence greatly the modern life patterns. Artificial intelligence technologies are beginning to compete with them on a labour market.

The situation evokes a discussion of hard and soft skills balance in professional communicator professiogram and their development. Self-organizing communication society #PRSPB understands social and labour marketing challenges is working on profession present and future design to outline key soft skills and the mission and content of the profession.

Communication expert, artificial intelligence, Public Relations, soft skills, #PRSPB

УДК 304.9

Н. В. Шашкова (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail:nv.shashkova@gmail.com)

НОВАЯ ЭТИКА КАК ИДЕОЛОГИЯ РЕКЛАМНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ VUCA-МИРА

В статье рассматривается рекламный контент 2021 года, представленный на профессиональных международных и национальных конкурсных площадках. Рекламный контент исследуется на предмет выявления в нем основных идеологем «новой этики», появившихся как этическая реакция в обществе в условиях VUCA-мира. Ими стали такие важнейшие для новой этики идеологемы, как инклюзия, экология и цифровизация.

Неопределенность, новая этика, коммуникации, реклама, инклюзия, экология, цифровизация

Важнейшими идеологемами современности становятся неопределенность, нестабильность, неоднозначность и сложность окружающей действительности. То есть все то, что укладывается и соотносится с понятием «турбулентное пространство» и концепцией «VUCA-мира». В этом смысле серьезной трансформации подвергаются основные точки опоры уходящего классического мира, с устойчивыми представлениями и четкими ориентирами, однозначными и приемлемыми для большинства категориями. Все это справедливо и по отношению к морально-нравственным ориентирам в социуме.

Концепция VUCA-мира явилась теоретическим результатом фиксирования кризисного состояния окружающей человека действительности. Во многом корень зла стали видеть в классическом дуализме. В этическом аспекте, например, это получило свое воплощение в дихотомии добра/зла, хорошо/плохо и т. д. В гуманитарном знании XX века впервые дуалистический кризис в интересующем нас аспекте наиболее четко был обозначен Э.Нойманном в его известной теории. Основной же вопрос о возможностях преодоления классического дуализма оставался открытым.

С одной стороны, мировоззренческий и методологический кризис, с другой – уровень коммуникационного и технологического развития общества обусловил интенсивные поиски этической парадигмы существования социума. СМИ и цифровые технологии внесли существенный вклад в изучаемый нами вопрос. В конце XX – начале XXI вв. под влиянием цифровизации появилась безграничная возможность не только коллективного (посредством СМИ), но и индивидуального высказывания (особенно в социальных сетях). Скорость сообщений и колоссальный охват аудитории, множество и легкодоступность информацион-

ных источников породила и мозаичность единого смыслового (в том числе и этического) пространства. Применительно к нашему дискурсу это будет означать, что общие некогда этические установки «для всех» сменяются этикой относительных социокультурных практик, требующих равнозначного права на существование. На основании такого этического релятивизма вырастает идеология толерантности – краеугольного камня новой этики.

Понятие толерантности существовало и ранее. Однако именно в новой этике оно приобрело иные дополнительные и очень важные, различительные смыслы. Толерантность, понимаемая как терпимое отношение к Другому, способность сосуществовать с иными, отличающимися от тебя субъектами, соответствует классическому традиционному подходу. Этот подход допускает проявление инаковости (отклонения от нормы, традиции, общепринятых принципов существования) как возможности ее преодоления (исправления). Классическая толерантность, в принципе, допускает критическое отношение к человеку. Отсюда и возможность поучения, замечания, возврата «на путь истинный» (ибо истина одна) и т. п. В более радикальном виде – преследование, притеснение, гонение Другого.

Толерантность же новой этики содержит иной смысл. Она соотносится с признанием и допустимости всего опыта, уважительным отношением ко всей социальной практике. В том числе и той, которая для традиционного мира выглядит недопустимой, неприличной, невозможной или ложной (однополые браки, религиозное сектантство и т. п.). Толерантность новой этики связана с проявлением нравственной формы отношений между людьми, которые могут обнаруживать диаметрально противоположные точки зрения. И при этом придерживаются уважительного отношения, «которое специально направлено на индивида именно по причине того, что тот делает, по его мнению, нечто ошибочное, неправильное… Толерантность – адекватный способ публичного поведения в ситуации религиозного, этнического, расового, культурного многообразия общественного организма… Этот процесс продолжается, приобретая актуальность и особую остроту в связи с интенсификацией межкультурных контактов, расширением миграционных потоков, легализацией нетрадиционных практик и других современных вызовов» [1].

Все описываемые выше процессы не могли не отразиться и в пространстве общественных коммуникаций, в том числе рекламных. В данной статье в качестве эмпирического объекта исследования мы выбрали топовый рекламный контент 2021 года, представленный на профессиональных международных и национальных конкурсах. Поскольку именно здесь обозначаются реалии не только настоящего момента, но намечаются контуры основных направлений развития рекламы, в том числе и ее идеологической платформы. Обозначенный нами контент мы рассмотрим на предмет присутствия в нем идеологем новой этики.

Одним из наиболее представленных трендов в новой этике стала инклюзия. Под инклюзией понимается процесс широкого включения, вовлечения граждан в социальную жизнь. И, если не так давно это понятие соотносилось, прежде

всего, с людьми, имеющими какие-либо физические ограничения, то новая этика поставила несколько иной акцент. Инклюзия соотносится с презентацией многообразия, обозначением плюрализма, элиминированием любых ограничений. Основа для подобного акцентирования обусловливается идеей справедливости. Подчеркнем, что обращение к этической категории справедливости, ее осмысление приобретает особую актуальность именно в эпоху глобальных изменений и неопределенности, т.е. того, что мы сегодня и называем «VUCA-миром», когда создают условия, заставляющие или дающие возможность создать мир более совершенный, чем существующий. В этом отношении размышления Ж.Дерриды оказались удивительно востребованными: «Справедливость – это невозможный объект опыта»… Тем не менее, стремление к невозможному предполагает структурный «зазор», который объясняет, как «цветок справедливости прорастает в расщелине закона» [2]. Справедливость является своего рода импульсом к созидающей деятельности. В этом смысле само обращение к идее справедливости новой этики может рассматриваться как созидательное порождение VUCA-мира.

Быть включенным в огромное разнообразие жизни для любого человека с ограничениями – справедливо. Отсюда важнейший запрос новой этики на справедливость как отказ или преодоление всевозможных ограничений. Не только физических (например, инклюзия инвалидов), но и культурных, социальных (например, традиций, стереотипов или установок). Именно подобный рекламный контент по своей идеологической направленности занимает топовые места на профессиональных конкурсах в 2021 году. Обратимся для примера к проекту «Моя изнанка» бренда Levi’s в России (КА «Friend's Moscow»), получившей Золотую награду международного фестиваля Red Apple.

Бренд предоставил пространство своих коммуникаций для борьбы с гендерными стереотипами, за социальную справедливость и право женщины «быть разной каждый день!». Стереотипы, навязанные обществом, культурой, семьей, – это «девушка – слабый пол», «девушка должна создавать уют», «девушка должна молчать». А «бренд Levi’s, – утверждает Кирилл Бондаренко, старший директор бренд-активаций, – предлагает начать говорить» [3]. Levi’s совместно с Ириной Горбачевой, Ирина Мягковой, группой «Кис-Кис» и еще сотней девушек, которых удалось привлечь к проекту с помощью механики UGC, создают коммуникационную модель социальной инклюзии.

Однако толерантность новой этики связана не только с поиском форм нравственности по отношению к человеку, но и по отношению к миру «без человека» или «вне человека». Традиционно с этими понятиями соотносится, прежде всего, мир природы. И, конечно, забота об окружающей среде была важным моментом классической этики. Вопрос о бережном отношении к природе обсуждался в ее рамках. Однако прагматика решения этого вопроса выглядит уже не столь оптимистично (проблема мусорных отходов человеческой деятельности существует, безусловно). В коммуникационном же смысле идея внимательного отношения к окружающей среде оказалась выхолощенной настолько, что смысл ее редуцировался до уже не оказывающих никакого эффекта призывов «Береги природу!».

Новая этика моделирует парадигму нравственного отношения к природе как субъекту. Это дало возможность ее исследователям говорить об отрицании антропоцентричности морали, ее направленности только на человека [4]. Отношение к природе как к субъекту морали привело к значительному пересмотру идеологии рекламного контента. Наибольшую чуткость здесь обнаруживают коммуникации именно тех компаний или бизнесов, которые испытали максимальное давление со стороны общества в плане экологичности своей деятельности. Например, сфера косметики, индустрия красоты с их опытами тестирования продукции на животных и т. п.

Между тем «эко-френдли» как тренд становится одним из ведущих посылов коммуникационной практики компаний, представляющих иные сферы коммерческой деятельности. Так, ритейлер ИКЕА запустил проект «Добро пожаловать на другую планету» (KA Instinct), который привлекает внимание на экологическом образ жизни дома, где носят многоразовые сумки, пьют из многоразовых бутылок, сортируют мусор. РА «Восход» для своего партнера-девелопера «Брусника» представило промо «Потому что красотой нужно делиться». Торговая сеть «Пятёрочка» запустила эко-сериал, посвященный проблеме переработки пластика. Все это позволяет выделить экологический тренд в качестве одного из ведущего идеологических направлений в рекламном контексте. Что, в свою очередь, обусловлено влиянием тех этических трансформаций, которые рождены в проблемном поле новой этики в период VUCA-мира.

Колоссальные технологические изменения в обществе создали еще один «мир без человека» – цифровой. И новое искусственное пространство тут же обнаружило актуальнейшую проблему – этику взаимодействия в ней. Нетика и сегодня представляет собой еще только формирующийся процесс, поскольку основные правила поведения в цифровом пространстве находятся в своем становлении. Однако проблема этичности в мире цифры не сводится к нетике. Мощное развитие ИИ ознаменовало своеобразный рубикон. Произошла массовая автоматизация того, что ранее считалось «святая святых» человека, –творчества. За последний год значительного количества премий был удостоен проект «Николай Иронов» – искусственный дизайнерский интеллект, разработанный в студии Артемия Лебедева. За 2021 год им было успешно выполнено свыше двадцати коммерческих проектов по разработке логотипов компаний и их айдентики.

Проблема взаимодействия человека и ИИ также представляет важнейшую проблему новой этики. Поиски ее решения еще достаточно далеки от своего завершения. Анализируя рекламный контекст 2021 года, можно выделить тренд «дружественности» ИИ. Однако при этом стоит подчеркнуть, что реклама реализует узко прагматические задачи, решение рисков ИИ не может рассматриваться в пространстве этой сферы деятельности. Рекламный контекст лишь фиксирует тренд новой этики и VUCA-мира, связанный с ИИ.

Итак, неопределенность как качественная категория описания современной действительности, с одной стороны, рассматривается как кризисный фактор.

С другой, – придает дополнительный импульс к дальнейшему развитию общества. Мораль является одной из наиболее чувствительных его сфер. Поэтому именно этическая реакция на происходящие изменения и потрясения стала одной из первых в социальной сфере. Этот запрос получает свое научное оформление в виде теории новой этики, а в ежедневной социальной практике – новые формы нравственных отношений в обществе. Подобные процессы не могли не найти свое отражение в сфере социальных коммуникаций. Рекламные сообщения, являясь органичной их частью, конечно, обнаруживают на себе влияние новой этики. Обратившись к изучению рекламного контента, мы выделили и проанализировали несколько направлений. В 2021 году ими стали такие важнейшие для новой этики идеологемы, как инклюзия, экология и цифровизация.

Источники:

1. Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. Выпуск 58. //URL: https:www.tyuiu.ru/wp-content/uploads/2021/08/58-s.91106-A.A.Gusejnov.pdf (дата обращения 13.01.2022).

2. Азарова Ю. А. Деррида и философия права: деконструкция между законом и справедливостью// URL: https:mgimo.ru/upload/iblock/b6b/b6b345737bd0a478a7ca43cc29978bfb.pdf с.33 (дата обращения 15.01.2022).

3. Проект для женщин Моя изнанка – о борьбе со стереотипами. // URL: https:www.youtube.com/watch?v=gwzs6ub9uSI&t=11s (дата обращения 12.01.2022).

4. Карпович В. Н. Существует ли новая этика? // URL: https:www.sbras.info/public-reception/question/sushchestvuet-li-novaya-etika (дата обращения 08.01.2022).

N. V. Shashkova *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

NEW ETHICS AS ADVERTISING IDEOLOGY COMMUNICATION IN VUCA WORLD

The article discusses the advertising content of 2021, presented at professional international and national competition sites. Advertising content is being studied to identify the main ideologemes of the "new ethics" that appeared as an ethical reaction in society in the conditions of the VUCA world. Inclusion, ecology and digitalization have become the most important ideologemes for advertising content.

Uncertainty, new ethics, communications, advertising, inclusion, ecology, digitalization

УДК 800.92:519.682

А. С. Шиляева (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: ann-shilyaeva@yandex.ru);
С. В. Курапов (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: ksv--1@mail.ru)

ДИАГНОСТИКА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ. ПРЕДПОСЫЛКИ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ-ВЕЧЕРНИКОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА)

Рассматривается явление социального капитала в различных концепциях отечественных и зарубежных социологов. Обосновывается применение диагностики социального капитала студенческой молодежи. Представлен результат диагностики и даны рекомендации по совершенствованию преподавательской деятельности в исследуемой социальной группе.

Диагностика, корреляционный анализ, преподавательская деятельность, социальный капитал, студенческая молодежь, университетская среда, ценностная сеть, ценности

В последнее время в поле социологического знания возросло количество работ по социальному капиталу и его диагностике, актуальность которого в преподавательской деятельности вызвана современными реалиями на рынке образовательных услуг. Для становления студента в конкурентоспособного специалиста, необходима его нацеленность на профессиональный успех, во многом формируемый в процессе обучения, который, в свою очередь, зависит от уровня развития коммуникативных навыков и социального капитала. В том числе, поддержка гражданской и социальной активности зависит от умения выстраивать межличностные и межгрупповые доверительные отношения [1, С. 65].

В результате нарастания противоречия между значительным расширением возможностей для реализации социального капитала и уровнем востребованности этих возможностей, происходит социальная замкнутость студентов, которая в свою очередь вызывает отрицательные результаты успеваемости. Именно поэтому формирование социального капитала является важным для студенческой молодежи, которая находится на пути личностного и профессионального становления.

Определяя социальный капитал, как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств и признаний» [2, С. 60–75], П. Бурдье анализировал его ключевые характеристики и опирался

на «полезность» ресурсов, которые индивид образовывает или не образовывает от участия в группе.

Социальный капитал, как ресурс, произведенный через особые социальные структуры, рассматривает и Г. Беккер. Эти структуры (социальные группы) поддерживают складывающиеся социальные отношения и оказывают взаимные ответные воздействия акторов друг на друга. Изменение социальных отношений в этих структурах будет производным изменению социального капитала у каждого субъекта (индивидуального или коллективного) [3, С. 412].

Социальный капитал по Дж. Коулману носит качественный характер, не количественный и имеет особую значимость качественное наполнение социальных связей [4, С. 122–139]. В этом смысле, социальный капитал наиболее высок в тех группах, где индивиды в большей степени склонны к доверию, взаимопомощи и поддержке. Как справедливо подчеркивает О.В. Рогач, для обеспечения социальных норм требуется прикладывать определенные усилия и со стороны институциональных структур, и со стороны участников социального взаимодействия в целях консолидации социального капитала [5, С. 27].

По мнению Ф. Фукуямы, именно доверие представляет собой стержень, на котором держится социальный капитал, олицетворяя ожидание представителей социальных групп по соблюдению «честных правил игры», предсказуемости поведения друг друга, внимательному отношению к нуждам членов социальных взаимосвязей. Подобные положения рассматриваются как общие нормы, которые должны стать фундаментом справедливого общества [6, С. 129].

Доверие освобождает и мобилизует человеческую субъектность, высвобождает творческие, свободные, новаторские действия [7, С. 387].

А. Этциони, М. Кастельс, Р. Инглегарт определяют социальный капитал, как результат деятельности сетевых структур, основанных на принципах коммунитаризма и ориентированных на воспроизводство социальных добродетелей [8, С. 5], трансформирующие социальную жизнь и производящие новые формы социального взаимодействия и коммуникаций.

Ресурсный подход к исследованию социального капитала молодежи предлагает В. В. Радаев, опираясь на объем и структуру ресурсов, которые индивид может эффективно мобилизовать для достижения определенных жизненных целей. В. В. Радаев предлагает рассматривать социальный капитал как зависящий от количества и характера социальных связей в контексте возможности конвертации в экономический капитал, который является интегральным показателем состояния молодежи в российском обществе [9, С. 20–32].

В процессе преподавания учебной дисциплины «Социология» для студентов-вечерников технического факультета были произведены некоторые измерения социального капитала. В предложенной студентам анкете были выделены четыре группы ценностей: личные ценности, социальные ценности, ценности своей социальной группы и особенности деятельности университета. Соответственно потенциальный социальный капитал студенческой молодежи будет усматриваться при высоких показателях всех перечисленных ценностей.

Для каждой ценности был определен противоположный индикатор, который позволяет осуществлять выбор между важным и не важным в диапазоне 5-ти бальной шкалы. Пять баллов проставляется в случае полного принятия ценности, четыре балла - при частичном согласии с данной ценностью, три балла – при неопределенном выборе, два балла - при частичном согласии с противоположной ценностью, один балл – в случае с полным принятием противоположной ценности.

Полученный результат подвергается корреляционному анализу и позволяет говорить о потенциале их ценностной сети, о положительных и отрицательных связях в этой сети.

Проведенная диагностика показала наиболее сильные отрицательные связи во внутригрупповых коммуникациях студентов (–0,226). Это означает, что внутригрупповые связи в университете для них фактически не являются ценными, не воспринимаются ими как ресурс для построения социального капитала. Уровень доверия между участниками социального взаимодействия здесь довольно низок (–0,198).

Несмотря на это, ориентация на профессиональную сферу связана с некоторой традиционностью, уверенностью в кругу единомышленников (+0,360). Предположительно это может объясняться особенностью рассматриваемой группы студентов-вечерников. Большинство из них имеют более тесные социальные связи в рабочей среде, которая воспринимается ими как более ликвидный ресурс для построения социального капитала. Однако, приверженность к самой группе профессионального сообщества, ее некоторая закрытость и самобытность, студентами считается важной ценностью (+0,393). Фактически, выбор профессии в данном университете имеет положительную корреляцию с перспективами будущего, хоть и совсем небольшую (+0,206).

Предпринимательские ценности студенты не считают перспективными для формирования своего будущего (–0,168). Также профессиональная сфера и предпринимательство, по результатам анализа, почти не связаны (–0, 089).

Отрицательная связь между участием в международных форумах на благо Родине и перспективой будущего (–0,142), а также довольно слабые показатели семейных, патриотических ценностей в некоторой степени подтверждают тезис о противоречии между возможностями и их реализацией в современном российском обществе.

В диагностируемой группе студентов-вечерников отчетливо виден недостаток внутригрупповых коммуникаций, где каждый сам за себя. Для повышения показателей социального капитала рекомендуется проводить командообразующие тренинги, или включать данные методики в структуру преподавания. Данные методики уже были опробованы в финале исследования, и после корректировки преподавательского процесса дали положительные результаты.

Низкая взаимосвязь ценностных индикаторов с предпринимательством повторяет общий тренд среди российской молодежи, иными словами, боязнь риска-ответственности. Рекомендуется включать в структуру образования примеры,

или возможность реального общения с предпринимателями, представителями IT-индустрии, ведущими свое дело на территории РФ.

Проблема низкого уровня социального капитала является комплексной, свойственной многим группам молодежи. Однако, включение в систему преподавания воспитательного аспекта, работы по формированию у студентов конструкта из государствообразующих ценностей, способно повысить уровень всего социального капитала российской молодежи и сделать экономически целесообразным обучение молодых людей.

Источники:

1. Кошкин А. П., Новиков А. В. Социальный капитал студентов и преподавателей как ресурс повышения качества образования. Современное образование. № 1. 2017. С. 65–86.

2. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002 № 5. С. 60–75.

3. Becker G. The Human Capital. Chicago: University of Chicago 412

4. Дж. Коулман. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

5. Рогач О. В. Социальный капитал: новые возможности развития местных сообществ // Социодинамика. 2019. № 9. С. 25–39. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.9.30550 URL: https://nbpublish.com/library_read _article.php?id=30550

6. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 121–139.

7. Luhmann N. Trust and Power. New York. 1979. p. 420.

8. Кротов Д. В. Социальный капитал российской молодежи // Автореферат на соик. уч. степени к.с.н 22.00.04. Ростов-на-Дону

9. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. № 4. С. 20–32.

A. S. Shilyaeva *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);*
S. V. Kurapov *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

DIAGNOSTICS OF SOCIAL CAPITAL OF STUDENT YOUTH. PREREQUISITES FOR IMPROVEMENT OF TEACHING ACTIVITIES (BY THE EXAMPLE OF STUDENTS PARTY DAYS OF TECHNICAL FACULTY)

The phenomenon of social capital in various concepts of domestic and foreign sociologists is considered. The application of diagnostics of the social capital of student youth is substantiated. The result of diagnostics is presented and recommendations are given for improving teaching activities in the studied social group.

Diagnostics, correlation analysis, teaching activity, social capital, student youth, university environment, value network, values

УДК 316.42

А. В. Щербина (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: ashcherbina@list.ru)

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ИСТОРИЧЕСКОМ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Культурно-политическая доминанта социального капитала определяется как баланс личных, групповых и общественных интересов. Социальный капитал возникает и растет на всех уровнях практической включенности личности в сети горизонтальных отношений, доверие в которых обеспечено разделяемыми убеждениями и нормами. Культурно-цивилизационное измерение личности определяется условиями «первоначального накопления» персонального капитала, характером ее дальнейшей социализации, и, как результат, скоростью и масштабом наращивания социального капитала. В социальном государстве (и западном, и советском), горизонтальные связи были ступенями роста личности, а при ультра-глобализации они – условия аренды личностного потенциала сетевыми компаниями. Личность и ее общительность коммерциализируются.

Социальный капитал, человеческий капитал, личность, общительность, группа, социальные сети, горизонтальные связи

Концепт социальный капитал (далее СК) вошел в социо-гуманитарный дискурс с начала 80-ых гг. и вызвал оживленные дискуссии о его теоретическом содержании и эвристическом потенциале. Мы имеем дело с приращением научного знания о современном обществе, или – с идеологической конструкцией, своего рода прикрытием, хитростью капитализма, который в очередной раз нейтрализовал критические аргументы в свой адрес и приспособился к социальным изменениям. Отмечается двусмысленность концепта: если акцентируется «социальность», – избыточен «капитал» (как его взять в кредит, какова процентная ставка, как его вывести в офшор?), если «капитал», – избыточна «социальность», так как капитал и есть социальное отношение (эксплуатации, управления). Популярность этого концепта (наряду с человеческим, культурным капиталом) – признание того, что в общительности («людям свойственна недоброжелательная общительность», – И. Кант) обнаружен потенциал создания и накопления ресурса, который может становится действенной силой, обретать субъектность.

Концепт СК ориентирует внимание на кооперативные, синергийные эффекты общительности. Его эвристический потенциал проявился в обсуждении природы социальных взаимодействий, в построении их типологий, в том числе

уровневых, в создании моделей, сопрягающих индивидуализацию и социализацию, деловитость и социальную ответственность, организацию и креативность. Терминологически обновленные концепции социальной солидарности (типичные примеры: Дж. Коулман, Ф. Фукуяма, Р. Флориди) опираются на объясняющие модели классической социологии (Г. Тарда, Э. Дюркгейма, П. Сорокина, Т. Парсонса и мн. др.), а концепт СК восполняет абстракцию «экономического человека», – рационально действующего индивида, стремящегося к личной выгоде, и позволяет моделировать поведение социальных агентов с учетом многообразия типов его рациональности (П. Бурдье, Дж. Стиглиц, Р. Акофф).

Согласно П. Бурдье СК – полнота действительных и потенциальных ресурсов, включенных в сетевые или институциональные отношения, основанные на признании взаимных обязательств. Действительная или потенциальная возможность получения выгоды от членства в группе – базис возможной солидарности. СК дает доступ к ресурсам группы. Качество СК определяется качеством этих ресурсов. Деньги входа в группу – «верительные грамоты», – сертификаты, дипломы, знаки принадлежности. СК инструментален, основан на пользе, накапливаемой, пока сохраняется членство в группе.

Сходная интерпретация СК, разделяемая и нами, сложилась в отечественной социологии (В. Радаев, Н. Тихонова): «социальный капитал понимается не столько как наличие основанных на доверии отношений или включенность в неформальные сети взаимоотношений или добровольческие ассоциации, сколько как одна из форм находящегося в распоряжении акторов капитала, различные формы которого (экономический, властный, культурный и т. д.) способны самовоспроизводиться и накапливаться, имеют ликвидность и доступный для измерения объем, конвертируются одна в другую и, самое главное, обеспечивают самовозрастание совокупного капитала – качество, принципиально отличающее капитал в любой его форме от "просто" ресурса» [1]

СК исследуется как наименее осязаемый, в сравнении с физическим (здания, оборудование) и человеческим (знания, умения, навыки) капиталом. В качестве индикаторов СК в национально-государственном измерении рассматриваются индекс доверия, членство в общественных организациях, количество добровольных ассоциаций. Рост СК – важнейший фактор развитости экономики и конкурентоспособности нации-государства, демократии и политической активности, психологического здоровья и благополучия сообщества, группы, личности. Эмпирические исследования СК в его национально-государственном измерении в 90-ые гг. носили тенденциозный характер (Ф. Фукуяма – яркий пример): выводы из сравнения СК постсоветских, посткоммунистических стран, особенно РФ, с западными демократическими странами с рыночной экономикой были предрешены. Но неутешительные данные были получены и в исследованиях западного общества: они свидетельствовали о сокращении участия американцев в добровольных ассоциациях, об уменьшении

времени, затрачиваемого на неформальное общение и деятельность в общественных организациях, о снижении индекса доверия [2].

Парадоксально, но при истощении национального СК наблюдается тенденция роста роли и значения репутационного, информационного, социального капитала в структуре, размерах и стоимости бизнеса. На фоне падения веса «традиционных» экономических показателей значение брендов и «гудвилл» только возрастает. В последние десятилетия с этими тенденциями коррелирует возрастание объема сетевых коммуникаций. В качестве зримых воплощений СК сегодня рассматриваются нетворкинг – расширение сети знакомств для заработка и карьеры (и широко обсуждается, как не растерять их и приумножить дистанционно), краудфандинговые площадки, позволяющие привлекать средства на реализацию бизнес-идей и социально-значимых программ, монетизация аудитории независимых блогеров

СК – это взаимодействие, имеющее внешние эффекты на групповом и индивидуальном уровнях. По своей структуре СК – сеть горизонтальных отношений, доверие в которых обеспечено разделяемыми убеждениями и нормами. Границы СК размыты. Обладание им не накладывает четких формальных обязательств. Механизмы производства социального капитала: взаимные ожидания, групповое усиление норм, привилегированный доступ к информации. Социальные сети не даны изначально, они конструируется через формализацию групповых взаимодействий. «Реально же капиталом ресурс сетей можно считать лишь в том случае, если можно установить отчетливую связь между наличием этого ресурса и возрастанием других видов капитала, прежде всего экономического» [1].

Самый ценный ресурс, формирующий СК – время. Оно вкладывается во все отношения, включая отдых. За финансовым и экономическим капиталом лежит «свой» труд. СК определяется эффективностью использования связей, т.е. средств и достижений «чужого» труда. Деятельностный аспект СК означает, что его накопление возможно только через его потребление и использование, он возникает и растет на всех уровнях практической включенности личности во взаимодействии участников. Культурно-политическая доминанта (ядро) СК – баланс личных, групповых и общественных интересов.

Наиболее благоприятные условия для роста СК складываются в социальном государстве. Расходы на медицину, образование, поддержку семей обеспечивают первоначальное накопление и возможность для индивида инвестировать в СК, как форму и способ развития человеческого капитала. В свою очередь равенство возможностей и жизненных шансов – обязательное условие эффективности СК. Социальное государство формирует средний класс, представители которого и являются субъектами СК. В эпоху НТР, атома и космоса необходимыми формами развития личности полагались дополнительное (непрерывное) образование, научно-техническое творчество, искусство, физкультура, туризм и т.п. Создавая доступную инфраструктуру, государство управляет свободным временем взрослой личности. В эпоху пандемий, зеленой

энергетики, ИИ, социальных сетей значение «первоначального накопления», т.е. этапа формирования личности, резко меняется. Анализируя современные формы СК, мы не должны забывать, что за ним всегда стоит личность. Условия формирования личности задают способы и направления использования СК. Личность не растворяется в СК, она всегда больше его, даже если растет в нем. Чем мощнее платформа (становление личности), тем больше скорость оборота СК. От других видов капитала он отличается тем, что его «постоянная» и основная часть есть сама личность в ее предшествующем опыте совместного формирования и становления с родителями в семье, с друзьями, учителями и наставниками в школе, вузе, армии. В этом смысле горизонтальные связи вторичны для формирования личности. Напротив, ортогональные связи (с предшествующими поколениями и с будущими) первичны. Личность развивается в социальных связях, благодаря и вопреки им, но никогда в них не растворяется. СК – проявление и актуализация накопленного потенциала.

Культурно-цивилизационное измерение личности определяется условиями «первоначального накопления» персонального капитала, характером ее дальнейшей социализации, и, как результат, скоростью и масштабом наращивания СК. Вне полноты народно-хозяйственного комплекса неизбежны монополизация и деградация социальных лифтов, ротационных коридоров личностного роста. Чем в большей степени личность укоренена в значимых для страны сферах разделения труда, чем в более конкурентной среде существует – тем в большей степени формируемый ею СК национален. Для РФ очевидна приоритетность науки и образования, энергетики (добыча, переработка, упаковка и доставка), с/х и пищевого производства, ВПК, транспорта (в т.ч. воздушного, водного и космического). Состояние этих сфер сегодня не только задает стандарт социального государства, но и определяет его геополитическую проекцию.

Если личность не развивается, ее СК не наращивается. Одно дело – взаимодействие в сферах, значимых для страны и определяющих ее место в международном разделении труда, другое – становление и участие персонального капитала в заранее обреченных на периферийность сферах бытового, коммунального и цифрового обслуживания. Связи и отношения личности замыкают ее в движение по кругу, обрекают на повторение, сегрегацию, т.к. сфера коммуникации становится имитацией включенности и не работает на развитие личного человеческого капитала. Роль СК как оборотного капитала становится здесь очевидной. Если личный капитал не развивается, – социальный сам по себе может увести только в сферу формирования, комментирования и обслуживания кумиров. Личность и ее общительность коммерциализируются. Человеческий и социальный капиталы становятся своего рода сырьем для экспорта в другие страны. Иначе говоря, в социальном государстве (и западном, и советском), горизонтальные связи были ступенями роста личности, а теперь они становятся условиями аренды личностного потенциала сетевыми компа-

ниями. Независимо от региона рождения и воспитания, языка общения, гражданства в условиях ультра-глобализации сетевые сообщества становятся космополитическими («четвертый мир»), а их общительность – товаром.

Наконец, вопрос о монополии и собственнике СК – не только теоретический. Это предмет борьбы и конкуренции. Контроль и регулирование общительности, осуществляемые с помощью социального рейтинга (КНР) и политических правил (Запад), имеют здесь подчиненное значение социальных приоритетов поведения, режимов социальной дисциплины.

Источники:

1. Тихонова Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. №4. URL: https://naukarus.com/sotsialnyy-kapital-kak-faktor-neravenstva). (дата обращения: 15.12.21).

2. Putnam R. D. Bowling alone: the collapse and revival of American community / Robert D. Putnam. – N. Y.: Simon & Schuster, 2000.

A. V. Shcherbina *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

THE SOCIAL CAPITAL IN HISTORICAL AND GEOPOLITICAL DIMENSION

The social capital's cultural and political basis is defined as a balance of interests of an individual, group, society. Social capital arises and grows at all levels of practical involvement of the individual in a network of horizontal relations, in which trust is provided by shared beliefs and norms. The cultural and civilizational dimension of an individual is determined by the conditions of the "initial accumulation" of personal capital, the nature of its further socialization, and, as a result, the speed and scale of the accumulation of social capital. In the social state (both Western and Soviet), horizontal ties were the stages of personality growth, and in ultra-globalization, they were the conditions for leasing personal potential by network companies. The personality and its sociability are commercialized

Social capital, human capital, personality, community, group, social networks, horizontal relations

УДК 316.752

Юй Ян (*Санкт-Петербургский государственный университет*, e-mail: yuyangprozidise911@gmail.com)

ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ СЕТЕВОГО ПОДХОДА

(При поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19)

В статье представлено определение, важность и необходимость сетевого подхода к исследованиям ценностей в социологии. Автор рассматривает ключевые понятия «определение ценности», «типы ценностей», «формы ценностей» и достоинства «сетевых методов измерения ценностей».

Ценность, интерпретация понятия «ценность», система ценностей, методы измерения ценностей, шкалы ценностей, методология исследования

Ценности являются очень сложным объектом научного анализа, как теоретического, так и эмпирического. Это обусловлено тем, что ценности не только являются сложным понятием, включающим в себя множество дисциплин и отражающим глубинные психологические характеристики людей, которые могут объяснить индивидуальные поведенческие различия и влияние культурных факторов, но и сами ценности являются сложным понятием со сложной структурной системой.

Ценности были впервые определены исследователем Клайдом Клакхоном (Clyde. Kluckhohn) как неявное или явное представление о том, "что является ценным", которое влияет на выбор индивидом "способов, средств и целей" и является характеристикой отдельных людей и групп [1].

Исходя из этого, все большее число ученых начинают определять ценности как имеющие следующие основные компоненты.

Она является психологическим компонентом или убеждением.

Она может служить ориентиром для критериев оценки и нормативных рекомендаций для поведения и отношения индивидов.

Это психологическое предпочтение или психологическая тенденция познания, эмоций и намерений индивида; это оценка индивидом объективных вещей, сопровождаемая собственными эмоциями и регулирующая поведенческие тенденции индивида.

Ценности могут меняться в зависимости от изменений в социальной культуре и идеологии.

Изучение ценностей заключается не только в анализе их понятий и коннотаций, но и в постоянном обогащении теоретической структуры и уровней исследования ценностей. По мнению китайского социолога Цзинь Шэньхуа, изучение ценностей можно разделить на три исследовательские перспективы

[2]: во-первых, ценности с точки зрения культуры связывают давно сложившуюся историю и культуру наций и народов, и на их основе можно обобщить ценности с национальной и этнической точки зрения. Вторая – это ценности с социальной точки зрения. Эта перспектива имеет ярко выраженную сценическую окраску и представляет собой ценности отдельных людей и групп в определенный социально-исторический период. Она в основном изучает изменения в ценностях, вызванные изменениями времени, политики и институтов, и выявляет влияние различных времен и условий, политики и институтов на ценности. В-третьих, изучение ценностей с точки зрения личности фокусируется на влиянии и механизме действия индивидуального познания, мотивации и потребностей на ценности.

В 1970-х годах Рокич разработал определение ценностей как устойчивых убеждений, специфического способа поведения или конечного состояния души [3]. Его теория систем ценностей предполагает, что ценности связаны между собой в определенном логическом смысле и что они существуют в определенной структурной иерархии или системе ценностей, которая представляет собой последовательность уровней вдоль континуума степеней важности ценностей. Для измерения ценностей он разработал знаменитый ценностный опросник Рокича. Это исследование включало два типа ценностей, каждый из которых состоял из 18 конкретных пунктов. Первый тип называется конечными ценностями и относится к идеальному конечному состоянию бытия. Это цель, которую человек стремится достичь в течение своей жизни. Второй тип становится инструментальными ценностями и относится к морали или компетентности, предпочитаемому индивидом способу поведения или средствам достижения конечной ценности.

Шалом Х. Шварц (Shalom H. Schwartz) предложил свое собственное определение ценностей, которые он рассматривал как руководящие принципы в жизни человека или в другом социальном бытии. С 1992 года он работает над «Таблицей ценностей Шварца», которая определяет десять мотивирующих ценностей и далее описывает динамические отношения между ними [5].

В исследованиях ценностей используются и иные подходы. В частности:

– как когнитивные, моральные, экономические, политические, эстетические и религиозные ценности - Перри (Perry);

– как теоретические, экономические, эстетические, социальные, политические и религиозные ценности - Шпрангер (E. Spranger);

– как поддержка, послушание, одобрение, независимость, доброжелательность и лидерство – ценности - Гордон (Gordon);

– как интеллектуализм, доброжелательность, социальные навыки, лояльность, академическая успеваемость, физическое развитие, статус, честность, религиозность, самоконтроль, инновационность и независимость - ценности - Скотт (Scott);

– как социальные ограничения и социальный контроль, удовольствие от действий и прогресса, замкнутость и самодостаточность, принятие и сострадание, а также самоиндульгенция – ценности – Морриса (Morris).

Обобщая, можно говорить, что существует два широких методических подхода к разработке инструментов исследования – анкет: подход «сверху вниз», который начинается с теории, определяет параметры анкеты, а затем дорабатывает их до конкретных; и подход «снизу вверх», который начинается с интервью с испытуемыми, анализирует собранные данные и выводит теорию. Оба подхода имеют свои ограничения, но если их объединить и использовать диалектически, они могут дать импульс для дальнейшего совершенствования теории ценностей и разработки инструментов их измерения.

В проведенном нами эмпирическом исследовании ценностей китайских студентов, обучающихся в России и Китае, была предпринята попытка развить восходящий подход к изучению ценностей, т. е. исследование ценностей на индивидуальной основе (от личности к социуму) и разработать сетевые методы социологического исследования ценностей [5]. В качестве основных выводов о достоинствах сетевых методов исследования ценностей можно отметить следующее [6], [7].

Во-первых, сетевые методы позволяют осуществлять сравнительный анализ ценностей различных групп респондентов, ценности которых измеряются на основе единой технологической процедуры.

Во-вторых, возможности количественной оценки разнообразных ценностей на основе анализа больших данных.

В-третьих, визуализация и образность представления результатов.

В целом, показанные достоинства сетевых методов раскрывают их перспективность и целесообразность в дальнейшем исследовании ценностей.

Источники:

1. Kluckhohn, Clyde. 2. Values and value-orientations in the theory of action: an exploration in definition and classification. Toward a General Theory of Action, edited by Talcott Parsons and Edward A. Shils, Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press, 2013, pp. 388–433. https://doi.org/10.4159/harvard.9780674863507.c8 (дата обращения: 14.01.2022)

2. XIN Zhi-yong~1, JIN Sheng-hua~2 Value Concept and Value Structure of College Students. https://r.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?filename=HIGH200602015&dbcode=&dbname=cfjd2006&pcode=CFED&v=MTQzMTJUZzJYMmhzeEZyQ1VSN3VlWmVkbkZpRG5XN3ZLTFNUTVpyRzRIdGZNclk5RVlZUitDMzg0emg0WG5EMEw=o (дата обращения: 14.01.2022)

3. Rokeach, M. (1973). The nature of human values. Free Press.

4. Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал ВШЭ. 2012. №2. URL: https://cyberleninka.ru/

article/n/utochnennaya-teoriya-bazovyh-individualnyh-tsennostey-primenenie-v-rossii (дата обращения: 16.01.2022).

5. Сушко В. А. Сетевой подход и социометрические исследования: методологические основания и практика использования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. №2 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/setevoy-podhod-i-sotsiometricheskie-issledovaniya-metodologicheskie-osnovaniya-i-praktika-ispolzovaniya (дата обращения: 16.01.2022).

6. Дерюгин П. П., Лебединцева, Л. А., Юй, Я., Ши, И. Гонашвили, А. С. Солидарности и противоречия ценностей молодежи по маршрутам «Шёлкового пути»: Россия-Узбекистан (некоторые итоги эмпирических исследований). Благовещенский ГПУ., Ежегодный сборник «Восток – Запад: история и современность» 2021 № 1.

7. Дерюгин П. П., Баруздин И. А., Цзинь Ц., Сивоконь М. В., Шиляева А. С. Сетевая диагностика ценностей предпринимательства (по материалам эмпирического социологического исследования российских и китайских предпринимателей). Дискурс. 2017. № 4. С. 68–89.

Yu Yang *(Saint Petersburg University);*

VALUE AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

The article presents the definition, importance, and necessity of value in sociology. The author reviews the key concepts of "definition of value," "types of value," "forms of value," and "methods of measuring value.

Value, interpretation of the concept of "value," system of value, methods of measuring value, Value Scale, value studies, research methodology, sociological research

УДК 940.55 (47=57)

Р. А. Ялышев (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: renyal@mail.ru)

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА ВО ВЗГЛЯДАХ И. Л. ГОРЕМЫКИНА

Рассматривается вопрос о пути реформирования аграрного вопроса в России в начале XX века. Ключевым в 1902–1905 гг. стал спор С. Ю. Витте с В. К. Плеве о необходимости роспуска общины, который завершился поражением Витте и гибелью Плеве от рук террористов. В результате аграрная политика была доверена И. Л. Горемыкину, который пытался консервативными методами решить крестьянский вопрос, но был сметен первой русской революцией, вознесшей вскоре на вершину П. А. Столыпина для реализации аграрной реформы.

Россия в начале XX века, аграрный вопрос, С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкин, русская революция, проекты аграрной реформы, крестьянская община, П. А. Столыпин

Иван Логгинович Горемыкин – фигура в российской политике начала XX века весьма заметная. Не взывает сомнений тот факт, что Горемыкин сыграл очень важную роль на политической арене, оказываясь на вершинах власти в самые переломные моменты. В то же время очевидно, что воспевать его талант и способности готовы не многие. Много лет работая в одну эпоху с громко заявившими о себе на русском политическом олимпе начала XX века С. Ю. Витте и П. А. Столыпиным, И. Л. Горемыкин не оставил после себя такой массы почитателей, врагов и исследователей, которые бы разродились массой отзывов и вопросов. Почему? Представляется, относился к несколько иному типу людей. Историческая значимость его выражается в другом ключе. Горемыкин для многих – фигура одиозная. Многие его современники видели в нем стопор прогрессивным начинаниям, но другие считали его охранителем вековых устоев и спасителем от различного рода беспорядков и хаоса.

Значение И. Л. Горемыкина в истории России начала XX века очень велико. Неоднократное пребывание на самых вершинах властной иерархии навсегда вписывает его имя в скрижали истории. В условиях политической и социально-экономической нестабильности огромное значение имел каждый шаг, предпринимаемый властями. Горемыкину пришлось сделать не один такой шаг. И уже только этот выделяет его среди массы чиновников разных уровней. Горемыкин дважды достигал вершины политической лестницы, становясь премьер-министром. И это не может не говорить о каких-то его силь-

ных сторонах. Другое дело, что пребывание его на этих должностях не приносило ему особого почета и уважения широких слоев населения. Со временем он все больше набирал «политический вес», но в то же время не мог заслужить авторитет и доверие со стороны общественности.

И. Л. Горемыкин не был блестящим публичным политиком, каким, например, являлся по всеобщему признанию П. А. Столыпин. Его, видимо, не сильно волновало ни мнение о нем общественности, ни политических противников, ни народа. Он служил для императора. Показательны в этом смысле следующие его слова: «Я счастлив отвлекать на себя от Государя общественное неудовольствие» [1, № 7, С. 186, № 5, С. 197]. Возможно, именно это и было козырной картой в политической карьере Горемыкина. И из-за этого он продержался так долго, призываемый императором в трудные минуты. Этим же утешал себя в 1906 году С. Ю. Витте, уходя с поста премьер-министра. Как пишет И. И. Тхоржеский, работавший в большинстве аграрных комиссий в начале XX века и дослужившийся до должности камергера при дворе: «Витте знал, что его преемником будет опять Горемыкин, старый его соперник, и это его успокаивало. Он считал Горемыкина бесцветно оловянным чиновником, знал, что тот – не оратор, по убеждениям близок к Победоносцеву, значит, с Думой поладить неспособен, значит, в трудную минуту Государь опять обратиться к нему» [1, № 7, С. 186], то есть к Витте. Отчасти Витте был прав; Горемыкин не долго удерживался, но на смену уже и Витте, и Горемыкину затем явился Столыпин.

Но обратимся теперь к мнению людей, работавших и живших в одной среде и в одну эпоху с Горемыкиным. Мало кто отзывался о нем в восторженных тонах. Большинство отзывов современников о Горемыкине нельзя назвать лестными или, хотя бы положительными. Приведем слова И. И. Тхоржевского, упоминавшегося выше. Он важен для нас тем, что находился в непосредственной близости как к событиям, нами рассматриваемым, так и к людям в них участвовавшим. Во-первых, он являлся близким другом сына И. Л. Горемыкина – Михаила, что означало его частое пребывание в доме Горемыкиных, а, как следствие, и знакомство с самим Иваном Логгиновичем. Помимо этого, Тхоржевский был дружен с А. В. Кривошеиным. Работал он главой канцелярии Главного управления землеустройства и земледелия и, таким образом, был знаком со многими деятелями, нас интересующими. О Горемыкине же находим у него следующие слова: «Лучшие воспоминания о семье Горемыкиных рисуют и мне привлекательный образ властного и умного старика, с большим достоинством, безупречною обходительностью и редкой внутренней твердостью». Обращаясь далее к нам, Тхоржевский пишет: «Историк воздаст должное и политической силе этого человека – силе сопротивления» [1, № 7, С. 186–187]. Именно за эти качества воздавал должное Горемыкину Николай II. По словам В. И. Гурко, император ценил его «едва ли не более всех остальных своих сотрудников» [2, С. 365]. Дань уважения к Горемыкину высказывает и В.Ф. Трепов, один из участников «Особого совещания о мерах к

укреплению крестьянского землевладения», организованного Горемыкиным после роспуска особого совещания под руководством С.Ю. Витте. Отметим, что отзыв был сделан в личной переписке с Горемыкиным, а, следовательно, расценивать его нужно с учетом жанра, не забывая про стремление войти в расположение к данному лицу. Говорит же Трепов следующее, обращаясь к Горемыкину: «Ваш широкий государственный взгляд на задачи управления, ваш всеми признанный авторитет великого знатока крестьянского дела, ваше всегда доброжелательное отношение к подчиненным дает мне полное основание полагать, что я у Вас многому еще научусь...» [3, Л. 1] Предположение не оправдалось, так как вскоре Горемыкин вновь был отставлен.

Среди других примеров мы можем отметить отклик известного юриста А. Ф. Кони. Говоря о Николае II, Кони дал оценку и Горемыкину: «Кровь массы невинных жертв не возопила перед ним (Николаем II – Р. Я.), и, освободившись от ненавистных ему Витте и Столыпина, он с особым тщанием стал выбирать руководителями внутренней политики таких ничтожных людей, как Горемыкин...» [4, С. 167] Более сдержанную и в то же время развернутую оценку дал ему член Государственного совета А. А. Половцев: «Горемыкин, человек неглупый, честный, но без особых выдающихся достоинств, несколько поверхностный, не особенно усидчивый в работе, почитающий специалистом крестьянского дела, потому что долго служил в крестьянских учреждениях Царства Польского, а затем обер-прокурором сенатского департамента, ведающего крестьянские дела» [5, С. 104]. Отметим, что большинство современников придерживаются мнения, что в своих взглядах И. Л. Горемыкин придерживался «настойчивого консерватизма», будучи противником серьезных преобразований. При этом многие из них проблему видели не в личности Горемыкина или его убеждениях. Гораздо более важным фактором, конечно, являлись взгляды императора, в соответствии с которыми он подбирал исполнителей. Наиболее характеризующим обстановку тогда можно считать высказывание в августе 1904 года княгини Е. Л. Святополк-Мирской в своем дневнике: «В существующем положении России, при таком Государе, мне кажется, никакой министр ничего не может сделать...» [6, С. 240]

С. Ю. Витте имел свой взгляд на ситуацию и не скрывал его, за что и поплатился отставкой. Горемыкин же был человеком другого склада – он не мог или не хотел открыто возражать императору, да к тому же придерживался иных взглядов, чем Витте. Однако это не помешало Горемыкину, если верить Святополк-Мирской, в беседе с министром внутренних дел (август 1904 – январь 1905 гг.) П.Д. Святополк-Мирским произнести фразу о Николае II, поражавшую своей открытостью: «Помните одно: никогда ему не верьте, это самый фальшивый человек, какой есть на свете» [6, С. 245]. Но эти слова нисколько не отвлекли Горемыкина от последовательного исполнения наказов Николая II, тем более, что они, в большинстве своем, не противоречили его собственным воззрениям.

Обращаясь к общинной форме землевладения, во многом являвшейся в начале XX века основным мерилом прогрессивности или, наоборот, реакционности того или иного государственного деятеля, в зависимости от его отношения к ней, И. Л. Горемыкин был весьма последователен во взглядах. Кажется, что он без сомнения подписался бы под словами К. П. Победоносцева, что «не настало еще время прямо или косвенно способствовать разложению общинного землевладения, а надлежит напротив до времени оберегать его...» [7, С. 556–558] Как на принципиальную основу пересмотра аграрной политики Горемыкин ссылался на Манифест 26 февраля 1903 года и указ 8 января 1904 года, вслед за В. К. Плеве, предлагая сохранить крестьянскую общину для основной массы сельского населения [8, С. 203]. Сам он так резюмировал свое отношение к этому вопросу: «Я ни сознательно, ни бессознательно не намерен содействовать расшатыванию сословно и земельно-бытового строя нашего крестьянства и не в этом смысле понимаю всю совокупность данных по крестьянскому делу Высочайших предуказаний» [9, С. Л. 18].

Судя по всему, набор тех качеств, которыми обладал И. Л. Горемыкин вполне устраивал Николая II. По крайней мере, его карьера, состоявшая из целого ряда падений и подъемов, все же находила свое применение. И если, например, С.Ю. Витте был вынужден оставить работу в правительстве из-за утраты доверия к нему со стороны Николая, то Горемыкин покидал занимаемые им должности, скорее, по иным причинам. Затем он всегда находил, чем угодить и быть полезным императору, не раз поднимаясь на самые высокие посты в правительстве, начиная с министерства внутренних дел в 1895 году и заканчивая его премьерством в тяжелые годы Первой мировой войны, когда он являлся председателем Совета министров в 1914–1916 годах.

В аграрном вопросе в 1904 – начале 1905 года еще доминировал консервативный подход. И Горемыкин являлся его проводником вслед за В. К. Плеве. Но полыхнувшая революция не оставила шансов на плавную модернизацию системы и заодно вновь отправила во второй эшелон чиновничества самого И. Л. Горемыкина на следующее десятилетие.

Источники:

1. Т хоржевский И. И. Последний Петербург // Нева. 1991. № 5, № 7.

2. Гурко И. В. Царь и царица / Николай II: Воспоминания и дневники. СПб., 1994.

3. Письмо В. Ф. Трепова – И. Л Горемыкину от 14 апреля 1905 года // РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.1270. Л.1(Об)-2.

4. Кони А. Ф. Николай II / Николай II: Воспоминания и дневники. СПб., 1994.

5. Половцев А. А. Дневник / Красный архив. М.; Л., 1928, Т.4.

6. Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. / Исторические записки. 1965. Т.77.

7. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. СПб., 1896. Т. 4.

8. Симонова М. С. Аграрная политика самодержавия в 1905 году / Исторические записки. М., 1968. Т.81.
9. Письма И. Л. Горемыкина // РГИА. Ф. 1212. Оп. XVI. Д. 1.
10. Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. Л., 1984.

R. A. Yalyshev *(Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*

THE AGRARIAN QUESTION IN RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY: VIEWS OF IVAN L. GOREMYKIN

Reforming the agrarian question in Russia at the beginning of the twentieth century is investigated. The key issue in 1902-1905 was the dispute between S. Yu. Witte and V. K. Pleve about the peasant community, which ended with the defeat of Witte and the death of Pleve who was killed by terrorists. As a result agrarian policy was entrusted to I.L. Goremykin who tried to solve the peasant question by conservative methods but was swept away by the first Russian revolution, which soon elevated P.A. Stolypin to the top for the implementation of agrarian reforms.

Russia in the beginning of the XX century, agrarian question, Sergey Witte, Ivan Goremykin, V.K. Pleve, Russian revolution, agrarian reform, peasant commune, P.A. Stolypin

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение Оргкомитета 3

Ананьева Е. М.
Энигма эстетического сознания у Гадамера 4

Атаманова О. В.
Обратная связь как залог успешного обучения в дистанционном формате 9

Баженов С. С.
Искусственный интеллект: от онтологических выводов к мировоззренческим установкам 14

Баннова О. С., Дерюгин П. П.
Социальный капитал специалистов ИТ индустрии: замысел эмпирического исследования 19

Белов В. А.
Ненормативные источники права 22

Бугазов А. Х.
Соотношение объективных и субъективных условий социальной революции: ленинское понимание и его современная интерпретация 25

Бутина Е. А.
Феномен «языковая культура личности» в научном дискурсе: лингвистический и лингвокультурологический аспекты 32

Валькова Т. А., Клюев Ю. В.
Продвижение некоммерческой организации инструментами стратегических коммуникаций 37

Волынцев М. С.
«Финляндский вопрос» в петроградской периодической печати 1917 г. 42

Гаркуша В. Н.
Цифровое мышление и цифровая культура в современном университете 48

Глухих В. А., Елисеев С. М.
Стратегии развития образования в условиях VUCA мира 53

Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б., Кузнецов А. А.
Гражданская война и современная Россия: восстановление общенационального согласия 58

Гончарова Д. Д.
Этика нативной рекламы в социальных сетях и ее регулирование 63

Гришина С. А.
Применение лингвистической экспертизы для установления наличия экстремизма в текстах музыкальных произведений современных исполнителей 70

Гуркин А. Б., Гуркин Я. А.
Становление системы идентификации и регистрации преступников в России XIX – начале XX вв. 77

Дёмин Г. А.
Научный дискурс: экстралингвистические и лингвистические факторы 83

Дерюгин П. П., Милецкий В. П., Баннова О. С., Камышина Е. А.
Социальный капитал в эпоху кризисов: системные основания сетевых измерений 88

Журавлева О. М.
Особенности отображения национального менталитета в мюзиклах 93

Замотин М. П.
Коллективное недоверие и теория «скрытых посланий» Дж. Скотта 99

Звонов В. С., Кисельников В. М.
Эвентуализм и реформа образования в России в XXI веке 104

Иванов А. Ф.
В поисках единства 111

Ивашковская Т. В., Павлов В. А.
Стратегия государства в медиа-пространстве современной России 115

Ильина А. В.
Этика прикладного искусственного интеллекта в социальном контексте: к постановке проблемы 120

Ильина И. А., Тэор Т. Р., Кулибанова В. В.
Digital-трансформация компаний в условиях VUCA-мира 125

Казаринова Н. В.
Кризисные ситуации как лаборатория межличностного анализа 131

Каткова Е. П.
Роль России в обеспечении региональной безопасности на Балканском полуострове 138

Кисельникова А. А., Пашковский Е. А.
Социальная поддержка в общении врача и пациента в условиях кризиса 143

Козлов А. К., Клюев Ю. В.
Графический дизайн в коммуникационной стратегии виртуальных сообществ (на примере музыкальных исполнителей) 147

Колянов А. Ю.
Искусственный интеллект и социальный капитал: семантика взаимодействия 152

Корчажкина О. М.
VUCA-мир – новая постнеклассическая рациональность: анализ результатов современных исследований 158

Кострицкая Т. А.
Андроцентризм антропологии И. Канта и легитимация патриархатного порядка 167

Кравченко К. А.
Репрезентация социальных проблем в кино 173

Кудрявцева М. Е.
Коммуникационные стратегии и практики VUCA-мира 177

Кузнецова М. В.
Иноязычное образование личности и социальный капитал 182

Куртов С. Ю.
Понятие устойчивости в философии и науке 187

Лобастова В. А.
Макс Вебер и конструирование социального знания 194

Луговая О. А., Луговой А. А.
Цифровые трансформации: образовательный трек 199

Максина С. В., Новикова И. Ф.
Актуальные вопросы правового регулирования алиментных обязательств по содержанию несовершеннолетних детей в Российской федерации 204

Мамина Р. И., Почебут С. Н.
Цифровой этикет в динамике Web 211

Маркова Т. Б.
Книга в цифровом пространстве 216

Михайлова В. М., Перов В. Ю.
Цифровая публичная сфера и этическая нормативность в социальных сетях 222

Московчук Л. С.
Человек и культура в парадигме диджимодернизма 229

Наумова Е. И.
Информационный капитализм, или философия кода 234

Нужнов И. Н.
Особенности правосознания военнослужащих вооруженных сил РФ в современных условиях 239

Перова Д. С.
Этическая оценка инфоцыганства 246

Петренко Г. К., Шумков А. А.
Системы музыки и языка: сходства и отличия 251

Пирайнен Е. В.
Цифровая самопрезентация как инструмент формирования социального капитала 260

Прокофьева Д. В.
Человек в период социальной турбулентности: экзистенциальные аспекты 264

Рамантова О. В.
Вариативность языкового выражения научного знания в научно-популярном англоязычном медиаконтенте 268

Рожков Г. А.
Применение подхода «интернационализация дома» в рамках модели VUCA PRIME как ответ на вызовы мультикультурного онлайн мира 274

Рубцов А. А.
Политический порядок, нигилисты и националистическая риторика в российской империи во второй половине 1860-х годов 279

Склярова А. М.
Философско-этическая эволюция понятия «бытия» – от онтологического нигилизма к релятивизму, гедонизму и обществу потребления 285

Стогов Д. И.
Деятельность московской городской думы, направленная на борьбу с пьянством (1914–1916 гг.) 292

Танич В. В., Дегтярёв К. Н.
Сущность дегуманизации в национал-социализме 297

Ташлинская Е. Ш. Особенности научно-технической коммуникации 301

Трубникова А. Г., Чугунова А. А.
Внутриуниверситетские исследования для разработки коммуникационных стратегий 309

Тузов В. В.
Роль нравственного аспекта в обеспечении устойчивости социальной системы в философии Августина Аврелия 315

Тульчинский Г. Л.
Цифровая наукометрия и научный этос: векторы расхождения и схождения 319

Удалов А. С.
К проблеме самоидентификации личности 324

Умова Е. В.
Особенности развития советской науки в годы Великой отечественной войны (1941–1945 гг.) 328

Филимонов А. Е.
Всемирная выставка 1876 года: связь американской национальной идентичности и экспозиции 333

Чиковани О. А.
Метаморфозы российской кинокритики и изменение позиции автора в текстах современных СМИ 339

Шарахина Л. В., Тиханкина К. А., Татаренко Т. В., Кузнецов А. А., Шепетова Л. Э. 344
Профессия коммуникатор: soft skills в жёсткой конкурентной борьбе

Шашкова Н. В.
Новая этика как идеология рекламных коммуникаций в условиях VUCA-мира 351

Шиляева А. С., Курапов С. В.
Диагностика социального капитала студенческой молодежи. Предпосылки к совершенствованию преподавательской деятельности (на примере студентов-вечерников технического факультета) 356

Щербина А. В.
Социальный капитал в историческом и геополитическом измерении 360

Юй Ян
Ценности как объект социологического исследования: перспективы сетевого подхода 365

Ялышев Р. А.
Аграрный вопрос в России начала XX века во взглядах и. Л. Горемыкина 369

Труды
XIX Всероссийской научной конференции
Информация – Коммуникация – Общество
(ИКО–2022)
Санкт-Петербург, 2 – 3 февраля 2022 г.

Оригинал-макет подготовлен в
Учебно-научном центре социальных исследований
Гуманитарного факультета СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Компьютерная верстка – Л. С. Московчук, Е. В. Пирайнен, С. Н. Почебут.

Материалы представлены в авторской редакции

WWW.ICS.RU